

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2008

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова, П.Г. Гайдуков,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва

Научно-производственное объединение
«Издательство “Наука”»

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2008

Микропластинчатый комплекс святилища на Камне Дыроватом <i>Сериков Ю. Б.</i>	5
Керамика типа Кукутени С на трипольских памятниках периода VII–CI <i>Старкова Е. Г.</i>	16
“Княжеская” мода эпохи Великого переселения народов и северокавказский женский костюм <i>Мастыкова А. В.</i>	26
О следах “косых острогов” X в. на городищах Курской области <i>Моргунов Ю. Ю.</i>	35
Пространственное моделирование археологических объектов по данным археогеофизики (городище Иднакар IX–XIII вв.) <i>Журбин И. В., Смурьгин А. В.</i>	45

Ближний Восток и Кавказ на заре бронзового века

К юбилею соратника и друга: Рауфу Магомедовичу Мунчаеву – 80 лет <i>Мерперт Н. Я.</i>	55
20 лет археологических исследований российской экспедиции в Сирии <i>Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н.</i>	63
Работы российской археологической экспедиции в Сирии под руководством Р.М. Мунчаева <i>Амиров Ш. Н.</i>	75
К истории археологического изучения Северо-Восточной Сирии (Телль Чагар Базар в свете новых открытий) <i>Абдельмасих Багду</i>	81
“Ярымская эпопея”: археологическая экспедиция в Ираке (1969–1980 гг.) <i>Гуляев В. И.</i>	87
Изучение майкопской культуры в трудах Р.М. Мунчаева <i>Корневский С. Н.</i>	93

Публикации

Стоянка Чернецкое 8 и некоторые вопросы изучения бутовской культуры в Волго-Клязьминском междуречье <i>Аверин В. А.</i>	98
Изображение лошади на роговых деталях конского снаряжения скифского времени юга Западной Сибири <i>Бородовский А. П.</i>	111
О находках штоков античных якорей у мыса Плака в Крыму <i>Лысенко А. В., Герасимов В. Е.</i>	120
Городище Новик XII–XIII вв. на Средней Вычегде (Республика Коми) <i>Королев К. С.</i>	125

Заметки

Наконечник копья эпохи бронзы из д. Рассвет <i>Горбунов Ю. В.</i>	133
К вопросу о памятниках вальдбургского типа <i>Зальцман Э. Б.</i>	134
К вопросу о северокавказской керамике с зооморфными ручками сарматского времени <i>Чишев Х. Т.</i>	140
Укрепления Можайска XIV в. <i>Янишевский Б. Е.</i>	143

Ко II (XVIII) Всероссийскому Археологическому съезду

Б.А. Рыбаков как археолог и историк культуры. К 100-летию со дня рождения <i>Медынцева А. А.</i>	147
Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859–1917): фотоматериалы Научного архива Института истории материальной культуры РАН <i>Длужневская Г. В.</i>	157

Рецензии

Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – первая четверть X в.). Харьков, 2006 <i>Афанасьев Г. Е.</i>	165
Anna Zariņa. Salaspils Laukskolas kapulauks 10.–13. gadsimts. Rīga, 2006 <i>Хвоцинская Н. В.</i>	171
О.М. Приходнюк. Пастирське городище. Київ; Чернівці, 2005 <i>Родинкова В. Е., Обломский А. М.</i>	175

Хроника

К 80-летию исследователя: вклад Р.М. Мунчаева в изучение древней истории и культуры Чечни <i>Багаев М. Х.</i>	181
Международный конгресс Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads in Eurasian Steppes. Барселона, 2007 <i>Коробов Д. С.</i>	182
Третья Международная научная конференция “Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне”, посвященная 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова <i>Авдусина С. А., Ахмедов И. Р., Глазунова Е. В., Демиденко Ю. В., Мурашева В. В., Рудаков В. Г., Фирсов К. Б.</i>	185
Петру Петровичу Толочко – 70 лет <i>Чернецов А. В.</i>	188
Памяти Владимира Ивановича Марковина (1922–2008) <i>Мунчаев Р. М., Корневский С. Н.</i>	190

Сдано в набор 09.04.2008 г.
Офсетная печать

Подписано к печати 24.06.2008 г.
Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 20.7 тыс.
Тираж 844 экз.

Формат бумаги 60 × 88¹/₈
Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Зак. 393

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 3, 2008

Microplates complex of the sanctuary at Kamen' Dyrovaty <i>Serikov Yu. B.</i>	5
Cucuteni C-type pottery in Tripolye BII–CI settlements <i>Starkova Ye. G.</i>	16
“Princely” fashions of the Great Migration period and woman’s costume in the Northern Caucasus <i>Mastykova A. V.</i>	26
On traces of 10 th – century “bevelled fortifications” at hillforts in the Kursk region <i>Morgunov Yu. Yu.</i>	35
Spatial modeling of archeological sites using archeogeophysical data (Idnakar settlement, 9 th – 13 th cc.) <i>Zhurbin I. V., Smurygin A. V.</i>	45

The Near East and the Caucasus at the dawn of the Bronze Age

To the jubilee of colleague and comrade: R.M. Munchaev’s 80 th anniversary <i>Merpert N. Ya.</i>	55
The Russian expedition in Syria: 20 years of investigations <i>Munchaev R. M., Merpert N. Ya., Amirov Sh. N.</i>	63
Works of the Russian archeological expedition in Syria headed by R.M. Munchaev <i>Amirov Sh. N.</i>	75
To the history of archeological research in Northeastern Syria (Tell Chagar Bazar in the light of new discoveries) <i>Abdelmasih Bagdu</i>	81
The “Yarym story”: archeological expedition in Iraq (1969–1980) <i>Guliaev V. I.</i>	87
Research of Maikop culture in the works of R.M. Munchaev <i>Korenevsky S. N.</i>	93

Publications

Chernetskoe 8 site and certain issues pertaining to the study of Butovo culture in the Volga-Klyazma interfluvium <i>Averin V. A.</i>	98
Images of horses on horn details of Scythian-time horse harness from the South of Western Siberia <i>Borodovsky A. P.</i>	111
Classical anchor stocks found off Plaka cape in the Crimea <i>Lysenko A. V., Gerasimov V. E.</i>	120
Novik 12 th –13 th cc. fortified settlement in Middle Vychegda river basin (Komi Republic) <i>Korolev K. S.</i>	125

Notes

Bronze Age spear-head from village Rassvet <i>Gorbunov Yu. V.</i>	133
Settlements of Waldburg type <i>Saltsmann E. B.</i>	134

Concerning Sarmatian-time North Causasian ceramics with zoomorphic handles <i>Chshiev Kh. T.</i>	140
Fourteenth-century fortifications in Mozhaisk <i>Yanishevsky B. E.</i>	143

To the II (XVIII) All-Russia Archeological congress

To commemorate Boris Aleksandrovich Rybakov's 100 th anniversary <i>Medyntseva A. A.</i>	147
Research at Central Asian sites at the time of work of the Imperial archeological commission (1859–1917): photo materials from the archive of the RAS Institute for the History of Material Culture <i>Dluzhnevskaya G. V.</i>	157

Critics and bibliography

Tortika A.A. Northwestern Khazaria in the context of East European history (second half of the 7 th – first quarter of the 10 th c.). Kharkov, 2006 <i>Afanasiev G. A.</i>	165
Anna Zariņa. Salaspils Laukskolas kapulauks 10.–13. gadsimts. Rīga, 2006 <i>Khvoschinskaya N. V.</i>	171
O.M. Prikhodniuk. Pastirske hillfort. Kiev, 2005 <i>Rodinkova V. E., Oblomsky A. M.</i>	175

Chronicle

To R.M. Munchaev's 80 th anniversary: the researcher's contribution to the studies of the ancient history and culture of Chechnya <i>Bagaev M. Kh.</i>	181
International Congress "Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads in Eurasian Steppes". Barcelona, 2007 <i>Korobov D.S.</i>	182
Third international scientific conference commemorating the 75 th anniversary of Professor G.A. Fyodorov-Davydov "Towns and steppe in the contact zone between Europe and Asia" <i>Avdusina S. A., Akhmedov I. R., Glazunova Ye. V., Demidenko Yu. V., Murasheva V. V., Rudakov V. G., Firsov K. B.</i>	185
Pyotr Petrovich Tolochko's 70 th anniversary <i>Chernetsov A. V.</i>	188
In memory of Vladimir Ivanovich Markovin (1922–2008) <i>Munchaev R. M., Korenevsky S. N.</i>	190

МИКРОПЛАСТИНЧАТЫЙ КОМПЛЕКС СВАТИЛИЩА НА КАМНЕ ДЫРОВАТОМ

© 2008 г. Ю. Б. Сериков

Государственная социально-педагогическая академия, Нижний Тагил

Святилище в одной из пещер Камня Дыровато-го описано еще в 1776 г. путешественником И.Г. Георги (1776). Первые археологические раскопки в пещере провел ленинградский археолог Н.А. Прокошев в 1932, 1933 и 1937 гг. (1934; 1935). В 1982 г. разведочные работы на святилище провел автор. Обследования памятника с целью выяснения степени его исследования, а также для отработки методики раскопок (пещера расположена на отвесной скале, на высоте 20 м) проводились автором и в 1983, 1988 гг. В 1991 г. начинаются широкие раскопочные работы, которые проводились (с перерывом в 4 года) в течение 7 лет до 2000 г. включительно. Раскопки в пещере проходили в 1991–1993 гг. Именно в эти годы была получена четырнадцатитысячная коллекция находок. В 1997 г. заканчиваются работы непосредственно в пещере и начинаются раскопки у подножья скалы под пещерой. Они продолжались в течение трех лет (1998–2000 гг.), в результате чего коллекция пополнилась еще 4200 находками. Если пещера исследована раскопками практически полностью, то под пещерой работы могут быть продолжены. В итоге за все годы исследований автором на Камне Дыроватом получена коллекция свыше 18700 находок, из них наконечников стрел – около 15000 экз. (Сериков, 1994а; 1996а; б; в; 2000; 2001а; б; 2004). С учетом коллекции, хранящейся в Эрмитаже (из раскопок Н.А. Прокошева), раскопки на Камне Дыроватом дали свыше 25 000 находок (наконечников стрел из них 21 700 экз.) (Калинина и др., 2000).

К эпохе мезолита относится около 3700 костяных наконечников стрел, из них почти половина – вкладышевые. Большая часть наконечников представлена обломками, целые обнаружены только в так называемых “карманах” – в пустотах между стеной пещеры и каменными глыбами, примыкающими к стене. Обычно эти пустоты заполнены продуктом выветривания стен пещеры – пещерной известью белого цвета. Пущенный издали в пещеру наконечник стрелы ударялся в стену и, скользя по ней, попадал в расселину у стены, заполненную известью. Наконечники стрел из таких “карманов” отличались прекрасной сохранностью: у них был поврежден только кончик острия, пострадавший от удара о стену пещеры (рис. 1, 1–4, 7).

Однако от долгого пребывания в слое извести наконечники становились мягкими и очень хрупкими. Вынутый из извести наконечник через какое-то время отвердевал и становился прочным. Следует также отметить, что под пещерой целых мезолитических наконечников стрел обнаружено не было, в лучшем случае – крупные обломки. Объясняется это, видимо, не только их долгим пребыванием на открытом воздухе, но и интенсивными камнепадами, которые дробили наконечники на куски (слой суглинка, в котором залегали мезолитические наконечники стрел, сильно насыщен мелкими, средними и крупными камнями). Мезолитические костяные наконечники, обнаруженные в пещере, имели цвет свежей кости, хорошую сохранность, ясно видимый орнамент и хорошо различимую втертую в орнамент красную охру. Наконечники, залегавшие под пещерой, приобретали светло-коричневую окраску, лишались прочности, орнамент на них из-за выветрившейся от долгого лежания на открытом воздухе поверхности – неразличим, охру в орнаменте увидеть можно было только в единичных случаях.

В процессе исследования святилища выявилось, что на памятнике практически отсутствуют вкладышевые наконечники стрел с сохранившимися в пазах вкладышами. В пещере был найден только один обломок вкладышевого наконечника – кончик острия – с сохранившимся в пазу вкладышем (рис. 1, б). Под пещерой также был обнаружен один крупный обломок вкладышевого наконечника, в пазу которого лежало сечение микропластинки длиной 2.8 см (рис. 1, 5). Несколько наконечников с сохранившимися в пазах вкладышами есть в коллекции Эрмитажа. Но общая коллекция вкладышевых наконечников стрел представлена не менее чем 5000 экз.! Почему же в них отсутствуют каменные вкладыши?

В глубине пещеры, на южной ее стенке на высоте около 3.5 м имеется карниз. Обследование карниза в 1992 г. привело к очень интересным результатам. Там было найдено два крупных (11 и 10.5 см длиной) обломка одного вкладышевого наконечника, почти целый (без острия) вкладышевый наконечник длиной 13.4 см, 8 мелких обломков от вкладышевых наконечников, а также 18 микропластинок-вкладышей (не считая шести целых и

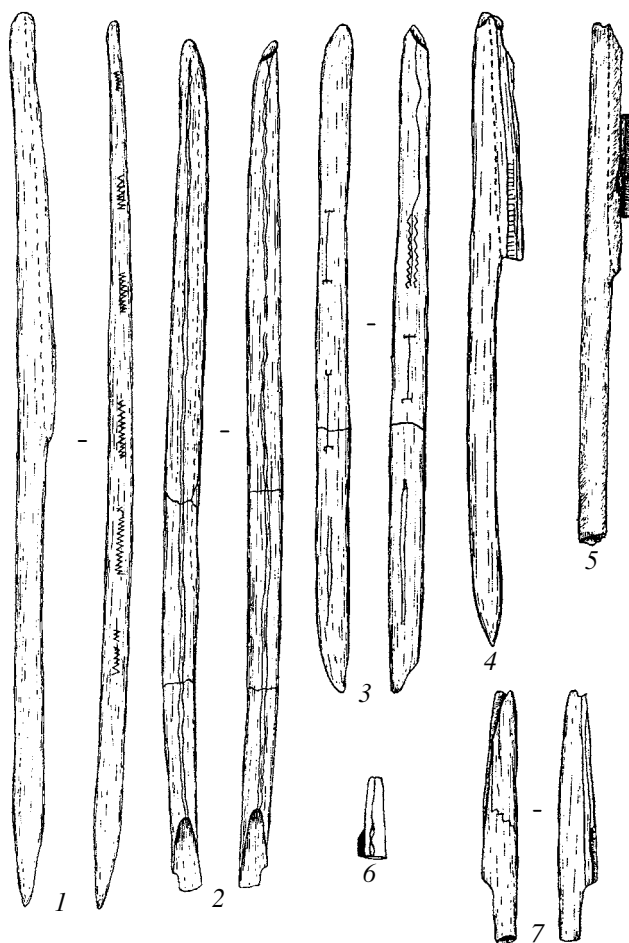

Рис. 1. Вкладышевые наконечники стрел (1–7).

19 обломков от поздних наконечников). Причем пластинки-вкладыши четко делятся по сырью: пять вкладышей из светло-серого кремнистого сланца, столько же из темно-серого кремнистого сланца, четыре – из черного кремнистого сланца, два – из мелового кремня и два – из других пород камня (случайные). Выложенные в линию микропластинки из одинакового сырья составляли каменные лезвия длиной 9–11 см. Стало ясно, что эти пластинки составляли оснащение вкладышевых наконечников стрел, найденных на карнизе, и при ударе о стену пещеры они вылетели из своих пазов. Очевидно, что крепление вкладышей в пазах было прочным. Это противоречит общепринятым представлениям о том, что вкладыши в пазах прочно крепились смолой, варом, асфальтом, животным клеем и т.п. Тщательное изучение пазов вкладышевых наконечников стрел позволило выявить восемь наконечников, в пазах которых сохранилось какое-то клеящее вещество. В двух случаях в этом веществе обнаружены отпечатки выпавших вкладышей. По сохранившимся в пазах вкладышам и их отпечаткам видно, что во всех

случаях вкладыши соприкасались с клеящим веществом лишь одной гранью спинки микропластинки. Проведенные анализы клеящего вещества показали, что для крепления вкладышей в пазу служил озерный ил. Озерный ил при высыхании превращается в плотно сцементированную массу. Это его свойство хорошо знали мезолитические охотники. Однако при сильном ударе, случавшемся обычно при попадании наконечника в цель, вкладыши вылетали из своих пазов. Это подтверждается тремя тысячами пластинок-вкладышей, найденных в пещере Камня Дыроватого. Вполне вероятно, что вылетание вкладышей из пазов замысливалось первобытным охотником еще при оснащении наконечников стрел. Выпадая из пазов наконечника при попадании в животное, вкладыши оставались в ране. Таким образом, вкладышевый наконечник стрелы, оснащенный острыми каменными лезвиями, становится грозным орудием убийства. Он же становится и более совершенным орудием охоты, поскольку полностью соответствует одному из признаков совершенствования наконечников стрел, выделенному С.А. Семеновым: продляет время заживления раны или даже исключает это заживление путем оставления наконечника в ране (Семенов, 1968. С. 324).

При раскопках святилища на Камне Дыроватом получено 3670 микропластинок-вкладышей (табл. 1). Причем непосредственно в пещере найдено 3073 микропластинки, а под пещерой – 597. Типологический анализ микрокомплекса привел к неожиданным результатам. Среди заведомых вкладышей оказались самые различные категории находок:

Микропластинки без ретуши	–	1249
Микропластинки с ретушью утилизации	–	688
Микропластинки с ретушью со спинки	–	413
Микропластинки с ретушью с брюшка	–	267
Микропластинки с ретушью со спинки и с брюшка	–	29
Микропластинки с обработанным ретушью концом	–	323
Микропластинки с отретушированными выемками	–	67
Микропластинки с зубчатой ретушью	–	23
Резцы	–	153
Резцы-резчики	–	24
Резчики	–	281
Острия	–	72
Геометрические микролиты	–	81

Микропластинки без ретуши составляют 34% всего пластинчатого комплекса. Практически все пластинки имеют правильное гранение. 97,4% пла-

стинок без ретуши представлено сечениями. Ширину до 0.8 см имеют 99.6% пластинок без ретуши. Наибольшее распространение имели пластинки шириной 0.4–0.5 см – 70.7%. Из кремнистых сланцев изготовлено 67.1% пластинок. Остальные пластинки без ретуши изготовлены из разнообразных халцедонов, коричневого и черного мелового кремня, разных видов яшмы (3.1%), голокаменского алевротуфа, кварцита и агатовидной породы. Из двух фрагментов склеилось 15 пластинок. Кроме этого две склеенных из двух фрагментов пластинки халцедона склеились внакладку. На пяти пластинках присутствуют следы клеящего вещества.

Пластинок с ретушью утилизации в коллекции 18.7% (рис. 2, 25–27, 32). Из них 98.7% представлено сечениями. Все пластинки с ретушью утилизации за исключением одной имеют ширину до 0.8 см (99.85%). Преобладают пластинки шириной 0.4–0.5 см – 71.5%. Из разнообразных кремнистых сланцев изготовлено 72.7% пластинок с ретушью утилизации. Имеются в коллекции пластинки из халцедонов, кремня, голокаменского алевротуфа, яшмы и агата. На некоторых пластинках прослеживаются четкие следы заполировки рабочего лезвия. На двух пластинках присутствуют следы клеящего вещества.

Из числа пластинок с вторичной обработкой преобладают пластинки с ретушью со спинки – 11.2%. Процент сечений среди них составляет 91.5%. Пластинок с отсеченной нижней частью здесь 3.1%, отсеченных верхних частей – 2.2%, отсеченных нижних частей – 2.4%. Одиннадцать пластинок с ретушью со спинки склеились между собой. Причем в одном случае к сечению пластинки приклеилась ее отсеченная верхняя часть, а в дру-

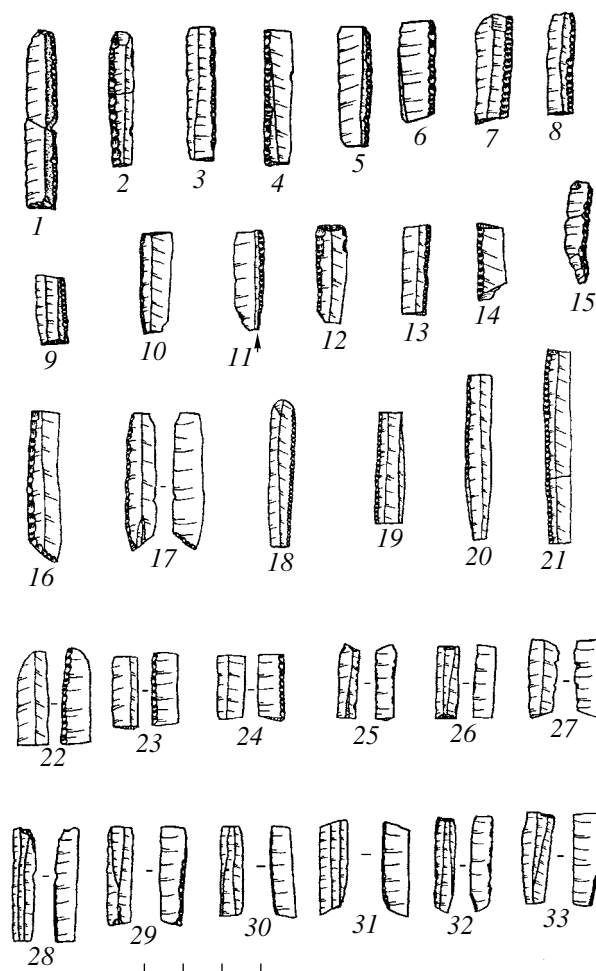

Рис. 2. Микропластинки с ретушью со спинки (1–21) и с брюшка (22, 33).

Таблица 1. Сводная коллекции пластинок (по годам)

Категории пластинок	1983	1988	1991	1992	1993	1997	1998	1999	2000	Всего	Проценты
Без ретуши	1	5	109	607	317	53	25	97	35	1249	34
С ретушью утилизации	1	1	68	406	84	19	3	82	24	688	18.7
С ретушью со спинки	–	3	54	221	72	12	5	36	10	413	11.2
С ретушью с брюшка	–	–	32	124	57	13	–	31	10	267	7.3
С ретушью со спинки и брюшка	–	–	–	19	4	–	–	5	1	29	0.8
С обработанным концом	–	1	26	168	64	8	–	39	7	323	8.8
С отретушированными выемками	–	1	2	40	10	1	–	11	2	67	1.8
С зубчатой ретушью	–	–	2	10	8	–	–	3	–	23	0.6
Резцы	–	–	5	91	29	4	2	19	3	153	4.2
Резцы-резчики	–	–	–	12	3	–	–	5	4	24	0.7
Резчики	1	1	4	157	64	3	–	45	6	281	7.7
Острия	–	–	7	38	9	2	2	10	4	72	2
Геометрические микролиты	–	–	8	44	16	1	–	12	–	81	2.2
Всего	3	12	327	1937	737	116	37	395	106	3670	100

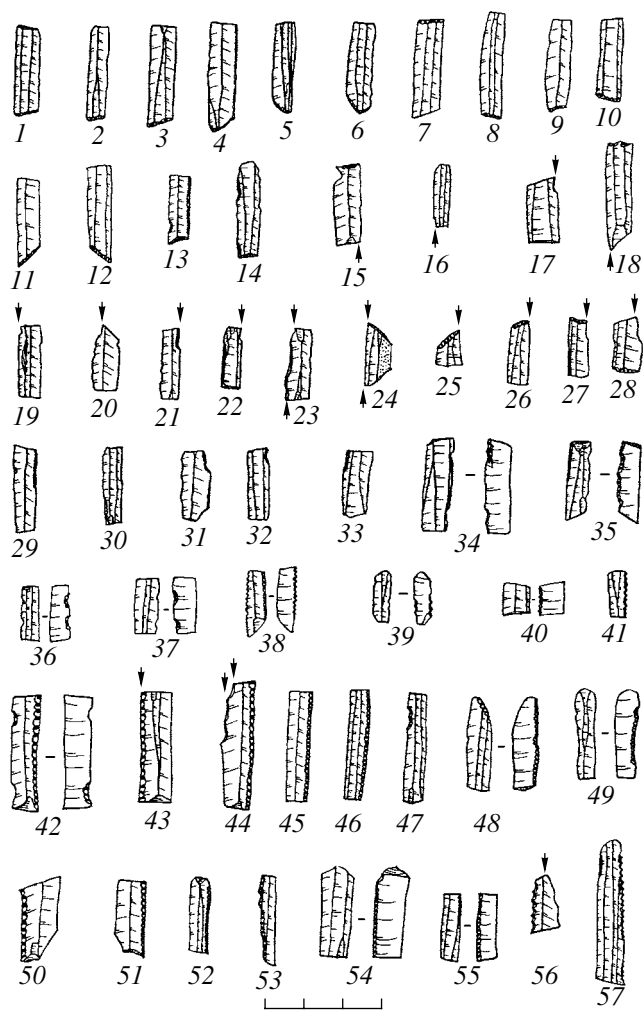

Рис. 3. Микропластинки с отретушированным концом (1–14), с отретушированными выемками (35–37, 47), с зубчатой ретушью (38–41, 56, 57), с ретушью со спинки (41–46, 50–53), с ретушью с брюшка (48, 49, 54, 55), резцы (15–28) и резчики (29–34).

гом – нижняя. В остальных случаях склеились сечения. Интересно отметить, что обычно все пластинки, служившие вкладышами, имеют прямой профиль. Но среди пластинок с ретушью со спинки имеются две, сильно изогнутые в профиле. В одном случае это отсеченная нижняя часть пластинки, в другом – отсеченная верхняя. Ширину до 0.8 см имеют 96.1% пластинок с ретушью со спинки. Среди них преобладают пластинки шириной 0.4–0.6 см – 70%. Пластинок шириной свыше 1 см в коллекции нет.

Среди пластинок с ретушью со спинки 115 имеют притупленную ретушью спинку (рис. 2, 2, 4–8, 11, 13–15). В 12 случаях эти пластинки скомбинированы со скошенными остриями. По всей видимости, они служили конечными вкладышами наконечников стрел. У 18 пластинок ретушь нанесена по двум краям, по всей их длине. Ретушь по всей

длине одного края имеют 241 пластинка (рис. 2, 1, 3, 9, 10, 16–21; 3, 42–46, 50–53). В 39 случаях пластинки имеют частично ретушированный край. У 21 пластинки край, противоположный отретушированному со стороны спинки, имеет ретушь утилизации. Две пластинки кроме ретуши со спинки имеют отретушированные выемки, еще у двух противоположный край обработан зубчатой ретушью (рис. 3, 38), у одной – ретушью со спинки и с брюшка. В трех случаях пластинки с ретушью со стороны спинки скомбинированы с резцами (рис. 2, 11; 3, 43, 44) и с резчиками (рис. 3, 42). 74.3% пластинок с ретушью со спинки изготовлены из разных видов кремнистого сланца. Оставшиеся изготовлены из кремня, халцедона, голокаменского алевротуфа и яшмы. Следует подчеркнуть довольно высокий процент пластинок из яшмы – 9.9%. Среди них присутствуют пластинки из яшмы зеленой, сургучной, полосчатой (красно-зеленой) и светло-серой.

Пластинки с ретушью с брюшка составляют 7.3% всех пластинок. Среди них 97.4% составляют сечения. Ширину до 0.8 см имеют 99.6% пластинок. Преобладают среди них пластинки шириной 0.4–0.5 см – 70%. По двум краям ретушировано 23 пластинки (по всей длине края), по одному – 180 (рис. 2, 22–24, 30, 31; 3, 48, 49, 54, 55). 64 пластинки имеют частично ретушированный край (рис. 2, 28, 29, 33). Иногда ретушью с одного или с двух концов пластинки образован незначительный скос. Скорее всего, – это технический прием подгонки вкладышей друг к другу по ширине. У 12 пластинок с ретушью с брюшка на противоположном краю присутствует ретушь утилизации. Еще две пластинки скомбинированы с отретушированными выемками. Одна пластинка с ретушью с брюшка склеилась из двух частей. На пластинке голокаменского сырья обнаружены следы клея. Среди пластинок с ретушью с брюшка 67.4% изготовлены из кремнистых сланцев, 18.4% – из халцедона, 9% – из мелового кремня, остальные – из голокаменского алевротуфа, яшмы и агата.

Микропластинок с ретушью со спинки и с брюшка в коллекции всего 0.8%. Из них 18 обработаны ретушью по разным краям, 11 – по одному краю; 89.7% пластинок представлены сечениями. Ширина всех пластинок с ретушью со спинки и с брюшка не превышает 0.9 см. Преобладают пластинки шириной 0.4–0.6 см – 82.8%. Изготовлены пластинки этой категории из кремнистых сланцев, кремня, халцедона и голокаменского алевротуфа. Ни одной пластинки с ретушью со спинки и с брюшка из яшмы в коллекции не имеется.

Пластинки с обработанным ретушью концом составляют в коллекции 8.8%. Они подразделяются: на пластинки с притупленной ретушью концом – 165 экз.; пластинки со скошенным ретушью концом – 118 экз.; пластинки с выемчатым концом –

40 экз. (рис. 3, 1–14; 4, 20–30). 299 пластинок обработано ретушью со стороны спинки, 24 – ретушью со стороны брюшка. Сечений среди них – 98.1%. Ширину до 0.8 см имеют 99.7% пластинок. Преобладают пластинки шириной 0.4–0.6 см – 90.1%. 83 пластинки с обработанным ретушью концом на одном из своих краев имеют ретушь утилизации. В 19 случаях на одном из краев пластинок с обработанным концом присутствует ретушь со стороны спинки, в 20 – ретушь со стороны брюшка, в четырех – ретушь со спинки и с брюшка, в семи – отретушированные выемки (рис. 3, 13, 14). Кроме этого 22 пластинки с обработанным концом скомбинированы с резчиками (рис. 3, 14), а три пластинки – с резцами (в двух случаях резцовый скол нанесен со стороны отретушированного конца). Из кремнистых сланцев изготовлены 64.4% пластинок с обработанным концом, 17.3% – из халцедона, остальные – из кремня, яшмы, голокаменского алевротуфа и агатовидной породы.

Микропластинки с отретушированными выемками представлены в коллекции 67 экз. (1.8%); 40 пластинок имеют на своих краях по одной выемке, 27 – по две и более (рис. 3, 35–37, 47). Ретушью со спинки образовано 29 выемок, ретушью с брюшка – 33, ретушью со спинки и с брюшка – пять. Кроме выемок на краях пластинок в одном случае есть ретушь со стороны спинки, ретушь со стороны брюшка, ретушь утилизации; в двух случаях пластинки имеют обработанный ретушью конец и резчики. Сечениями представлены 92.5% пластинок с отретушированными выемками. Ширина всех пластинок не превышает 0.7 см. Преобладают пластинки шириной 0.4–0.6 см (77.6%). Из кремнистых сланцев изготовлено 59.7% пластинок с отретушированными выемками, из кремня и голокаменского алевротуфа – по 11.9, из халцедона – 10.4%.

Впервые на материалах Камня Дыроватого выделена категория пластинок с зубчатой ретушью (рис. 3, 38–41, 56, 57), в поселенческих комплексах практически не встречающаяся. Таких пластинок в коллекции всего 23 экз. – 0.6%. На 10 пластинках ретушь нанесена со стороны спинки, на 11 – со стороны брюшка, на двух – со стороны спинки и брюшка. Все пластинки (за исключением одной) представлены сечениями. Ширина их не превышает 0.7 см. Преобладают пластинки шириной 0.4–0.6 см – 95.6%. Из кремнистого сланца изготовлено 87% пластинок с зубчатой ретушью.

Довольно широко в пластинчатом комплексе Камня Дыроватого представлены резцы – 153 экз. (4.2%). Среди них 143 на углу сломанной пластинки (рис. 3, 15–23) и 10 резцов боковых (рис. 3, 24–28). Боковые резцы представлены поперечно-ретушными (5 экз.), косо-ретушными (4 экз.) и вогнуто-ретушным (1 экз.). Из угловых резцов 6 двойных (рис. 3, 23). Микрорезцовый скол длиной не более

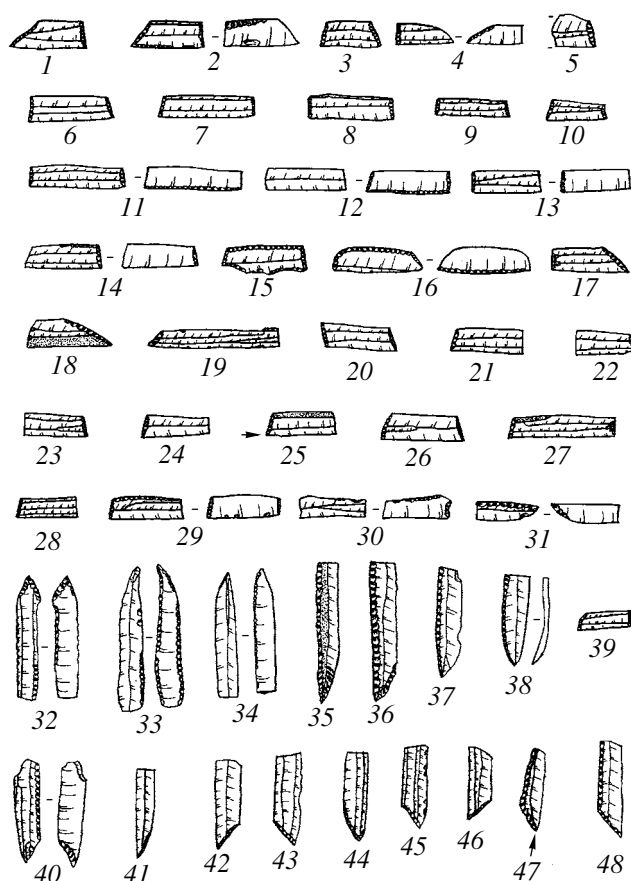

Рис. 4. Геометрические микролиты (1–16, 39), скошенные острия (17–19, 31, 35–38, 40–48), острия (32–34), микропластинки с отретушированным концом (20–30).

2 мм имеют 41 резец. Две пластинки с резцовым сколом склеились между собой. Кроме резцовых сколов пластинки имеют на краях ретушь утилизации – в 14 случаях, ретушь со стороны спинки – в трех случаях, ретушь со стороны брюшка – в четырех случаях, ретушь со спинки и брюшка – в двух случаях, отретушированные выемки – в двух случаях. Четыре пластинки имеют отретушированный конец. Сечениями представлены 98.7% пластинок с резцовыми сколами. Ширину до 0.8 см имеют все 100% резцов. Наибольшее распространение имели пластинки шириной 0.4–0.5 см – 68%. Из кремнистых сланцев изготовлено 77.1% резцов. Остальные изготовлены из кремня, халцедона, голокаменского алевротуфа и яшмы.

Резцов, скомбинированных с резчиками, в коллекции 24 экз. (0.7%). Все они изготовлены на углу сломанной пластинки. Резчики представлены орудиями с прямым рабочим краем – 13 экз., со скошенным рабочим краем – 10 экз. и с клювовидным рабочим краем – 1 экз. В двух случаях на пластинках представлено по два рабочих лезвия резчиков. Еще одно изделие имеет ретушь со стороны

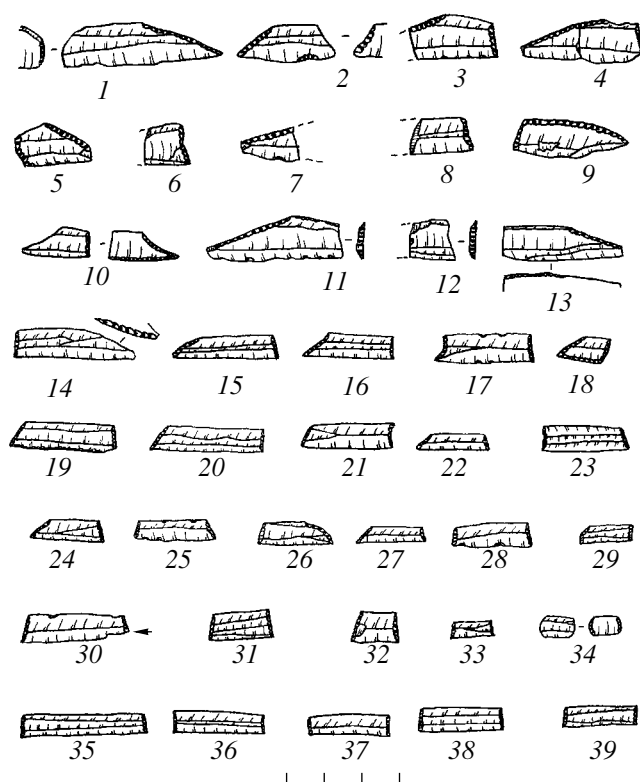

Рис. 5. Геометрические микролиты (1–39).

брюшка, а второе – притупленный ретушью конец. Все резцы-резчики изготовлены на сечениях пластинок. Их ширина не превышает 0.7 см. Преобладают изделия шириной 0.4–0.6 см (87.5%). Изготовлены резцы-резчики из кремнистых сланцев, халцедона, кремня и голокаменского алевротуфа. На одном изделии сохранились следы клея.

Резчики в коллекции составляют 7.7% (281 экз.) (рис. 3, 29–34). Среди них одинарных – 241, двойных – 37 и тройных – три. Среди одинарных резчиков 104 имеют прямой рабочий край, 62 – скошенный и 75 – клювовидный. Рабочие края оформлены ретушью со стороны спинки (156), ретушью со стороны брюшка (85). На одном резчике присутствуют следы клея. Некоторые пластинки на противоположных рабочих лезвиях резчиков края имеют ретушь утилизации (46 экз.), ретушь со стороны спинки (6 экз.), ретушь со стороны брюшка (1 экз.), отретушированные выемки (4 экз.).

Среди двойных резчиков прямой рабочий край у 40 экз., скошенный – у 22 экз. и клювовидный – у 12 экз. 41 рабочий край оформлен ретушью со стороны спинки, 33 – со стороны брюшка. Тройные резчики имеют только прямой (5 экз.) и скошенный (4 экз.) рабочие края. Ретушью с брюшка оформлен только один рабочий край, все остальные – обработаны со стороны спинки. 98.2% всех резчиков изготовлено на сечениях пластинок. Все резчики изготовлены на микропластинках шири-

ной 0.3–0.8 см. Преобладают пластинки шириной 0.4–0.5 см – 72.6%. Из кремнистых сланцев изготовлено 76.2% резчиков, из мелового кремня – 9.2%, из халцедона – 6%, из голокаменского алевротуфа – 7.5%, из яшмы – всего 3 экз.

Острий в коллекции всего 2%. Среди них преобладают острия скошенные – 50 экз. (рис. 4, 17–19, 31, 35–38, 40–48). Острий с заостренным концом – 23 экз. (рис. 4, 32–34). Острие с намеченными плечиками представлено всего 1 экз. У шести острий отсутствуют сломанные кончики. 45 острий оформлено ретушью со стороны спинки, 12 – со стороны брюшка и 15 – со стороны спинки и брюшка. На пластинках с притупленной спинкой изготовлено восемь скошенных острий. У пяти острий боковой край имеет ретушь со стороны брюшка, у шести – присутствует ретушь утилизации. Одно острие изготовлено на пластинке с резчиком. 91.7% острий изготовлено на сечениях пластинок. Ширина всех острий не превышает 0.9 см. Преобладают острия на пластинках шириной 0.4–0.6 см – 84.7%. Из кремнистых сланцев изготовлено 66.7% острий, из халцедона – 13.9%. Остальные острия изготовлены из мелового кремня, голокаменского алевротуфа, яшмы и агатовидной породы.

На Камне Дыроватом получена самая крупная коллекция геометрических микролитов – 81 экз. (2.2%). В настоящее время все геометрические микролиты Среднего Зауралья разделены на четыре типа (Сериков, 1998). Все они (за исключением II типа) представлены в коллекции Камня Дыроватого. К I типу относятся микролиты, изготовленные на мелких и узких (0.3–0.7 см) пластинках и имеющие форму симметричных или асимметричных трапеций, прямоугольников и параллелограммов. В коллекции Камня Дыроватого имеются 63 микролита I типа (рис. 4, 1–4, 6–15; 5, 10, 14–33, 35–39). Они подразделяются на пять подтипов. Функционально все эти подтипы геометрических микролитов являлись вкладышами для составных вкладышевых орудий. Самый распространенный подтип – Ia. Он представлен 29 симметричными или слегка асимметричными трапециями. К подтипу Ib относятся 17 асимметричных трапеций. Подтип Iv – это прямоугольники. Их в коллекции 15 экз. Подтип Ig – параллелограммы – представлен один экз. И, наконец, к подтипу Id отнесено изделие, которое встречено только на Камне Дыроватом в одном-единственном экземпляре. Это пластинка, оба конца которой закруглены ретушью со стороны брюшка. В результате получился геометрический микролит в виде средней части круга (рис. 5, 34).

Геометрические микролиты II типа – трапеции высокой симметричной или слегка асимметричной формы с двумя боковыми выемками – на Камне Дыроватом отсутствуют. На территории Прикамья такие трапеции известны в большом количе-

стве (свыше 80 экз.) (Галимова, 2001). В Среднем Зауралье они тоже известны, причем локализуются в верховьях р. Туры. Там известно 23 таких трапеции из 28 выявленных на территории Среднего Зауралья (Сериков, 2000. С. 110). Проникновение высоких трапеций с боковыми выемками на территорию Среднего Зауралья происходило с запада (Сериков, 1994б). Распространение высоких трапеций с западного на восточный склон Среднего Урала должно было бы происходить наиболее оптимальным путем – по Чусовой. Только Чусовая связывала западный и восточный склоны Урала и с раннего палеолита служила своеобразной трансуральской магистралью (Сериков, 1997). Именно в среднем течении Чусовой находится уникальное святилище на Камне Дыроватом, которое обслуживало обширную территорию от устья до истоков Чусовой. Однако ни одной трапеции высокой формы с двумя боковыми выемками на Камне Дыроватом не обнаружено. Для объяснения данного факта можно выдвинуть два предположения. Первое: распространение трапеций с запада на восток происходило не столько по р. Чусовой, сколько по ее правым притокам. Ведь Койва, Сылвица, Серебрянка, Межевая Утка очень близко подходят к верховьям р. Туры. Находка высокой трапеции с боковыми выемками известна в среднем течении Межевой Утки на стоянке Ашка I. Второе предположение состоит в том, что продвижение трапеций с боковыми выемками и функционирование святилища на Камне Дыроватом не совпадали во времени.

Тип III представлен низкими асимметричными трапециями с одной боковой выемкой. Их в коллекции 17 экз. (рис. 4, 5; 5, 1–8, 11–13). Одна трапеция из светло-серой яшмы склеилась из трех фрагментов. Именно эти трапеции выполнены на широких пластинах, обычно 0.9–1.4 см шириной, изготовленных из светло-серой яшмы (12 экз.).

К IV типу относится единственный не только в коллекции Камня Дыроватого, но и во всем Среднем Зауралье низкий асимметричный треугольник (рис. 5, 9). Изготовлен он из темно-серого кремнистого сланца.

Большая часть геометрических микролитов обработана ретушью со стороны спинки – 59 экз. Ретушью со стороны брюшка обработано шесть микролитов, а ретушью со спинки и с брюшка – восемь. На 30 трапециях, на их длинных сторонах присутствует ретушь утилизации. Также имеется ретушь со стороны спинки (на двух трапециях) и ретушь со стороны брюшка (также на двух трапециях). Кроме этого трапеции скомбинированы с двумя резцами и одним резчиком. На одной из трапеций I типа сохранились остатки клеящего вещества. Все трапеции изготовлены на сечениях пластин. Ширину до 0.8 см имеют 81.5% трапеций. Преобладают трапеции шириной 0.5–0.6 см –

51.8%. Трапеции на пластинах шириной свыше 1 см составляют 8.6%.

Любопытна сырьевая характеристика пластинчатого комплекса Камня Дыроватого. Почти 70% всех пластинок (69.9%) изготовлено из разных видов кремнистого сланца (табл. 2). На втором месте по численности идут пластинки из разных видов халцедона – 11.45%. Обращает на себя внимание тот факт, что в коллекции отсутствуют халцедоны ярких расцветок, которые наиболее характерны для территории Среднего Зауралья. На третьем месте стоят пластинки из коричневого и черного мелового кремня – 8.26%. Это сырье на территории Среднего Зауралья встречается редко и, скорее всего, имеет приуральское происхождение. Далее по численности идут голокаменные алевротуфы – 5.5%. Они происходят с мастерской по первичному расщеплению камня, которая находится на г. Голый Камень в черте Нижнего Тагила (Сериков, 1988). Пластинки из яшмы в коллекции составляют небольшой процент – 3.84%. По цвету они подразделяются на несколько видов: из яшмы сургучной – 1.47%, яшмы зеленой – 1.25%, яшмы полосчатой (красно-зеленой) – 0.38%, яшмы светло-серой – 0.74%. Если яшма сургучная, зеленая и полосчатая в небольшом количестве, но встречается как на восточном, так и на западном склонах Урала, то яшма светло-серая имеет южно-уральское происхождение. В коллекции присутствует около процента (0.95%) изделий из агатовидной породы (типа оникса). Изделия из кварцита представлены всего тремя пластинками (0.08%). Тщательная проработка сырьевой характеристики комплекса позволит в будущем выяснить происхождение каждого (или почти каждого) вида сырья.

Значительная часть пластинок из коллекции представлена сечениями – 97%. Целых пластин нет вообще. Пластинки с отсеченными верхними частями составляют 0.5%, с отсеченными нижними – 1%. Отсеченных верхних и нижних частей пластинок в коллекции соответственно 0.7 и 0.8% (табл. 3). Ширина всех пластин укладывается в размеры от 0.2 до 1.4 см. Ширину до 0.8 см имеют 98.88% пластинок, ширину до 1 см – 99.78%. Преобладают пластинки шириной 0.4–0.5 см – 65.56% (табл. 4). Таких показателей нет ни на одном мезолитическом памятнике Среднего Зауралья. Процент сечений на поселениях и стоянках не превышает 35% (Уральские Зори III – 23%; Уральские Зори XI – 32.2; Шайтанское озеро I – 34.7). Ширина пластинок до 0.8 см на поселениях и стоянках в среднем равняется 70% (III-я Береговая стоянка Горбуновского торфяника – 55.8; Крутяки I – 59; Юрьино VII – 64.5; Серый Камень – 66.5; Кокшаровско-Юрьинская – 68.6; Баранча II – 71.8; Уральские Зори III – 75.5; Выйка II – 82; Уральские Зори XI – 82.8; Уральские Зори V – 86.9%). Ширина пластинок до 1 см в среднем составляет около 90%

Таблица 2. Сырьевая характеристика пластинчатого комплекса

Виды сырья	Категории пластинок													Всего	Проценты
	Без ретуши	С ретушью утилизации	С ретушью со спинки	С ретушью с брюшка	С ретушью со спинки и с брюшка	С обработанным концом	С отретушированными выемками	С зубчатой ретушью	Резцы	Резцы-резчики	Резчики	Острия	Геометрические микролиты		
Черный кремнистый сланец	252	176	32	54	4	55	17	5	41	4	70	13	7	730	19.9
Темно-серый кремнистый сланец	269	158	69	46	5	63	13	7	30	7	62	17	12	758	20.7
Светло-серый кремнистый сланец	235	134	167	58	5	71	8	4	33	5	62	15	18	815	22.2
Зеленоватый кремнистый сланец	82	52	39	22	2	19	2	4	14	–	20	3	4	263	7.2
Коричневый и черный кремень	107	48	22	25	7	31	8	1	11	1	26	5	11	303	8.2
Халцедон разный	132	80	35	49	5	56	7	1	10	4	17	10	14	420	11.4
Голокаменский алевротуф	114	14	8	4	1	12	8	–	10	2	21	5	3	202	5.5
Сургучная яшма	15	6	19	4	–	3	1	1	2	–	3	–	–	54	1.5
Зеленая яшма	15	11	16	1	–	1	–	–	–	–	–	2	–	46	1.2
Полосчатая яшма	4	2	5	1	–	1	–	–	1	–	–	–	–	14	0.4
Светло-серая яшма	5	3	1	2	–	1	–	–	1	1	–	1	12	27	0.7
Кварцит	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	0.1
Агатовидная порода	16	4	–	1	–	10	3	–	–	–	–	1	–	35	1.0
Всего	1249	688	413	267	29	323	67	23	153	24	281	72	81	3670	100

(Крутяки I – 84.4%; III-я Береговая – 84.7; Баранча II – 87; Серый Камень – 87.8; Юрьино VII – 89.4; Уральские Зори III – 89.8; Кокшаровско-Юрьинская – 90.5; Выйка II – 92.7; Уральские Зори XI – 95.2; Уральские Зори V – 96.2). На мезолитических памятниках Среднего Зауралья обычно преобладают пластинки шириной 0.6–0.7 см (Уральские Зори I – 25.8%; Уральские Зори XI – 37.3%) и 0.7–0.8 см (Гаревая II – 29.6%; Крутяки I – 32.7%; Серый Камень – 33.9%). Имеются памятники, где преобладающую группу составляют пластинки шириной 0.5–0.6 см (Уральские Зори III – 32%; Выйка II – 35.7%; Уральские Зори V – 41.4%). На одном памятнике (III-я Береговая) преобладают пластинки шириной 0.8–0.9 см – 36.4% (Сериков, 2000. С. 100, 101; Табл. III). Ни один из этих показателей не дотягивается до 65% Камня Дыроватого. Если же проводить сравнения по группам, мы получим следующие результаты. Пластинок шириной 0.6–0.7 см на Камне Дыроватом 25.3%, шириной 0.7–0.8 см – 5.8%, шириной 0.5–0.6 см – 54.6%. В целом в коллекции преобладают пластинки шириной

0.4–0.6 см – 85.6%. Ближе всех к этому показателю стоит коллекция Уральских Зорей V, где пластинки шириной 0.4–0.7 см составляют 70.5% (0.4–0.6 см – 55.1%).

Таким образом, анализ статистических данных, отражающих соотношение изделий на пластинках и их частях, а также ширину пластинок, позволяет прийти к интересным выводам. Оказывается, пластинчатые комплексы, которые мы находим на мезолитических стоянках и поселениях и которые подвергаем тщательному статистико-типологическому анализу, не могут дать полноценную характеристику материальной культуры. Все пластинки на поселениях – целые (обычно изогнутые, неправильного гранения, с первичной коркой и т.п.), с отсеченными верхними или нижними частями, отсеченные верхние или нижние части являются отходами при производстве вкладышей и оснащении ими вкладышевых изделий. Это доказывается полным несоответствием показателей поселенческих комплексов и коллекции Камня Дыроватого, которая и содержит тот конечный результат (вкла-

Таблица 3. Изделия на пластинках и их частях

Пластинки и их части	Категории пластинок														
	Без ретуши	С ретушью утилизации	С ретушью со спинки	С ретушью с брющка	С ретушью со спинки и с брющка	С обработанным концом	С отретушированными выемками	С зубчатой ретушью	Резцы	Резцы-резчики	Резчики	Острия	Геометрические микролиты	Всего	Проценты
Целые пластинки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
С отсеченной нижней частью	11	1	13	2	1	2	1	1	1	-	2	2	-	37	1
С отсеченной верхней частью	7	1	3	1	1	3	2	-	-	-	-	1	-	19	0.5
Отсеченные верхние части	8	3	9	1	1	1	1	-	-	-	1	2	-	27	0.7
Отсеченные нижние части	6	4	10	3	-	-	1	-	1	-	2	1	-	28	0.8
Сечения	1217	679	378	260	26	317	62	22	151	24	276	66	81	3559	97
Всего	1249	688	413	267	29	323	67	23	153	24	281	72	81	3670	100

Таблица 4

Ширина пласти- нок, см	Категории пластинок														
	Без ретуши	С ретушью утилизации	С ретушью со спинки	С ретушью с брющка	С ретушью со спинки и с брющка	С обработанным концом	С отретушированными выемками	Пластинки с зубчатой ретушью	Резцы	Резцы-резчики	Резчики	Острия	Геометрические микролиты	Всего	Проценты
0.2	4	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	0.16
0.3	82	62	15	17	1	11	6	-	13	2	11	4	4	228	6.21
0.4	410	241	85	94	8	84	16	7	56	10	108	14	7	1140	31.06
0.5	473	251	100	93	9	117	18	8	48	6	96	28	19	1266	34.50
0.6	227	109	104	47	7	90	18	7	26	5	55	19	23	737	20.08
0.7	38	20	58	12	3	16	9	1	9	1	9	5	10	191	5.20
0.8	10	2	35	3	-	4	-	-	1	-	2	1	3	61	1.66
0.9	3	-	11	1	1	-	-	-	-	-	-	1	5	22	0.60
1.0	1	1	5	-	-	1	-	-	-	-	-	-	3	11	0.30
1.1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	5	0.14
1.2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	0.03
1.3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0.03
1.4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	0.03
Всего	1249	688	413	267	29	323	67	23	153	24	281	72	81	3670	100

дыши), отсутствующий на поселениях и стоянках. Анализ ширины пластин на этих двух категориях памятников свидетельствует о том, что пластинки с наиболее удобной для вкладышей шириной на поселениях отсутствуют.

Типологический анализ пластинчатого комплекса Камня Дыроватого совершенно неожиданно показал, что в нем присутствуют все основные категории изделий, характерные и для поселений. В этом списке не хватает только нуклеусов, скребков, рубящих орудий и отщепов. Чем же объяснить появление в комплексе Камня Дыроватого таких изделий, как резцы, резчики, остря, пластинки с отретушированными выемками? То есть изделий, которые трудно поместить в категорию вкладышей. Ответ удастся найти при помощи технологического анализа. Наличие среди вкладышей пластинок без ретуши, пластинок с ретушью утилизации, пластинок с ретушью со спинки, пластинок с ретушью с брюшка, пластинок с ретушью со спинки и брюшка, пластинок с обработанным ретушью концом, пластинок с зубчатой ретушью не вызывает никаких вопросов. Правда, среди пластинок с ретушью со спинки выделяется категория пластинок с притупленной спинкой. Обычно они имеют толщину 2–4 мм (чаще 3–4 мм). Поскольку ширина пазов у вкладышевых наконечников стрел составляет 1–2 мм (чаще 1–1.5 мм), пластинки с притупленной спинкой нельзя относить к вкладышам. Учитывая, что такие пластинки чаще всего изготовлены из светло-серой слабокремневой породы, которая широко использовалась в раннем и развитом неолите Среднего Зауралья, можно предположить, что пластинки с притупленной спинкой являются частью особого типа неолитических наконечников стрел.

Исследование серии резцов показало, что данные изделия в работе в качестве резца не участвовали. Скорее всего, резцовые сколы образовались при подгонке вкладышей друг к другу. Проведенный эксперимент показал, что получить резцовый скол при давлении друг о друга пластинок толщиной 1 мм очень просто. Наличие среди резцов изделий с микрорезцовым сколом длиной не более 2 мм (а их в коллекции 26.8%) также косвенно свидетельствует об их образовании при подгонке вкладышей друг к другу.

То же самое можно сказать и о резчиках. На поселениях преобладают резчики с клювовидным рабочим краем – около 55%. Рабочие края клювовидной формы могли получить только в результате намеренного оформления. В коллекции Камня Дыроватого клювовидных резчиков в 2 раза меньше – 26.8%. Заметно преобладают резчики с прямым или скошенным рабочим краем. Что такое резчик с прямым или скошенным рабочим краем типологически? Это пластинка, у которой на боковом краю у верхнего или нижнего конца присутствует ретушь. В результате этого ретуширования

боковой край пластинки остается прямым или становится слегка скошенным. Считается, что такая ретушь могла появиться в процессе работы углом пластинки. Теперь к этому предположению можно добавить еще одно. Если в паз вкладышевого наконечника вставить каменные микропластинки, то из-за их разницы в ширине лезвие орудия будет иметь ступенчатый характер. Чтобы сnivelировать эти ступеньки, выступающие пластинки нужно уменьшить путем ретуширования. Для этого не обязательно ретушировать пластинку по всей ее длине, достаточно сгладить ретушью ее выступающие углы. В результате мы будем иметь изделие, которое типологически определяется как резчик с прямым или скошенным рабочим краем.

Наличие среди вкладышей пластинок с отретушированными выемками можно объяснить желанием сделать режущий край наконечника стрелы зубчатым. Рана, нанесенная наконечником стрелы с таким зубчатым краем, будет более рваная, нежели рана, нанесенная стрелой с гладким режущим краем. Видимо, не зря 40.3% пластинок с выемками имели не по одной, а по две-три выемки. Лезвие наконечника стрелы, составленное из таких пластинок, являлось очень действенным оружием.

Остря, найденные в пещере, скорее всего, являлись конечными вкладышами составных наконечников стрел. Чаще всего, и это вполне объяснимо, такими конечными вкладышами служили скошенные остря, число которых в этой коллекции составляет 69.4%. Могли быть конечными вкладышами и остря с заостренным концом. Не совсем понятно наличие в этом ряду остря с наметенными плечиками.

Таковыми же вкладышами, как обычными, так и конечными, могли служить и геометрические микролиты. Из их числа нужно только исключить низкие асимметричные трапеции с боковой выемкой. Обычно они имеют длину 3.5–4 см, ширину 1–1.2 см и изготовлены чаще всего из светло-серой яшмы. Трапеции такого типа служили самостоятельными наконечниками стрел (Сериков, 1998. С. 122).

Полная публикация микропластинчатого комплекса Камня Дыроватого позволяет новыми глазами взглянуть на микролитическую индустрию мезолитических памятников Среднего Зауралья и понять их специфику в плане статистико-типологического анализа. Более перспективным для реконструкции производственной и хозяйственной жизни древнего населения представляется технологический подход в изучении каменных индустрий древности. Ни в коем случае не отрицая применение статистико-типологического метода, автор призывает к комплексному исследованию прежде всего археологических памятников, а не археологических культур. Всесторонняя реконструкция конкретной жизни конкретного памятника – актуальная задача каждого исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Галимова М.Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы. М.; Казань, 2001.
- Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 1. СПб., 1776.
- Калинина И.В., Ленц Г.Т., Сериков Ю.Б.* Дыроватый камень // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.
- Прокошев Н.А.* Разведки на Чусовой // ПИДО. 1934. № 2.
- Прокошев Н.А.* Район реки Чусовой // Извест. ГАИМК. 1935. Вып. 109.
- Семенов С.А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Сериков Ю.Б.* Голокаменная мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА. 1988. № 4.
- Сериков Ю.Б.* Микролитическая индустрия мезолита Среднего Зауралья в свете статистико-типологического анализа // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. Матер. Всерос. научно-практической конф. Березники, 1994а.
- Сериков Ю.Б.* Южные и западные связи мезолитического населения Среднего Зауралья // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Междун. науч. конф. Тез. докл. Сыктывкар, 1994б.
- Сериков Ю.Б.* Культурные комплексы р. Чусовой // Полевой симпозиум. "Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии". Пермь, 1996а.
- Сериков Ю.Б.* Особый культовый комплекс из пещерного святилища на Камне Дыроватом // Полевой симп. "Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии". Пермь, 1996б.
- Сериков Ю.Б.* Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований) // РА. 1996в. № 4.
- Сериков Ю.Б.* Река Чусовая – трансуральская магистраль древности // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии. Матер. Междунар. научно-практической конф. Березники, 1997.
- Сериков Ю.Б.* Геометрические микролиты Среднего Зауралья // РА. 1998. № 1.
- Сериков Ю.Б.* Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
- Сериков Ю.Б.* Культурные комплексы р. Чусовой // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001а.
- Сериков Ю.Б.* Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Матер. Междунар. конф. "Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры". Сергиев Посад, 2001б.
- Сериков Ю.Б.* Культурные пещеры р. Чусовой // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.

Microplates complex of the sanctuary at Kamen' Dyrovaty**Yu. B. Serikov**

Summary

Many years of investigations at the unique cave sanctuary at Kamen' Dyrovaty (Chusovaya river) yielded over 25000 finds, 21.700 of which are arrowheads. Detailed statistical and typological analysis of the microplates complex showed that all of the plates were inserts for Mesolithic bone arrowheads. It was also determined that the presence of all of the main types of plate artifacts is a peculiarity of the technology of manufacturing the inserts. The analysis showed that plate complexes in settlements are usually waste from manufacturing inserts, and hence can hardly be used as a characteristic of a certain archeological culture as a whole. The summarized statistical and typological characteristic which many archeologists use does not allow to identify the economic and industrial purpose of settlement complexes. Hence, the opinion of the author is that complex investigation of archeological sites and not archeological cultures should become a priority.

КЕРАМИКА ТИПА КУКУТЕНИ С НА ТРИПОЛЬСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПЕРИОДА VI–CI

© 2008 г. Е. Г. Старкова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

В 1932 г. при публикации материалов эпонимного памятника Кукутени, немецким исследователем Губертом Шмидтом была выделена группа керамики, существенно отличающаяся от основного керамического комплекса этой раннеземледельческой культуры. Эта группа посуды была названа им “типом Кукутени” С (Schmidt, 1932. P. 42–45). При дальнейшем исследовании памятников культуры Триполье-Кукутени выяснилось, что аналогичная посуда встречается на большинстве ее поселений с начала среднего периода (VI, по периодизации Т.С. Пассек, или Кукутени А, по периодизации Г. Шмидта). Данная категория керамики представлена преимущественно горшками с S-видным профилем, которые изготовлены из плохо промышленного грубого теста с обильной примесью толченой ракушки или известняка. Именно эта ракушечная примесь явилась первоначальным критерием для выделения ее в отдельную группу. Дальнейшие исследования показали, что она отличается от трипольской и по технике лепки. В частности, при формовке применялась выбивка (техника “наковальни и лопаточки”), что тоже не характерно для Триполья. Существенные отличия от собственно трипольского имеет и декор, который наносился различными видами штампа на верхнюю треть сосудов.

Проблема происхождения керамики с примесью толченой ракушки в трипольских комплексах до сих пор остается дискуссионной. К этой теме обращались многие исследователи. Наиболее устоявшаяся точка зрения сводится к объяснению ее появления в трипольских комплексах влиянием соседней степной среднестоговской культуры (Мовша, 1961. С. 186; 1985. С. 205; 1998. С. 111–153). В последующих работах, несколько конкретизируя уже сделанные выводы, некоторые исследователи связывают появление керамики типа Кукутени С в Триполье конкретно с памятниками скелянского этапа культуры Средний Стог II (Палагута, 1998. С. 5–14; Rassamakin, 1994)¹.

¹ Иные мнения относительно керамики типа Кукутени С, предполагавшие ее происхождение результатом развития раннетрипольской традиции (Dodd-Oprițescu, 1980. С. 555–557) или связывавшие ее с культурами неолита лесной зоны Европы (Cișmariu, 1977. С. 61–64), не подтверждаются достаточно вескими доказательствами.

Появившись в Триполье на этапе VI как инокультурный элемент, керамика с примесью ракушки сосуществует с традиционной трипольской посудой вплоть до исчезновения самой трипольской культуры. Если вначале она еще немногочисленна, то уже на этапе VII составляет до 20% от всего объема керамического комплекса, что говорит о том, что керамика типа С становится устойчивой категорией трипольской кухонной посуды, вытесняя постепенно традиционную местную кухонную посуду с примесью шамота в тесте (Мовша, 1961. С. 196–198).

В период Триполье VII ракушечная керамика представлена двумя основными формами: горшками с относительно высоким отогнутым наружу венчиком и глубокими мисками. Что касается декора, то в это время на этой посуде, с одной стороны, появляются зооморфные элементы (рельефные изображения рогов, столбикообразные ножки) и различные налепы, свидетельствующие о влиянии трипольских традиций. С другой – наблюдается распространение вертикальных расчетов по венчику, рядов “жемчужин”. Иногда встречаются так называемые трубчатые ручки или, чаще, их имитации. Все эти элементы декора с местной трипольской керамической традицией не связаны. Тем не менее они появляются на керамике с ракушкой, которая к этому времени прочно заняла место отдельной категории трипольской кухонной посуды.

Получается, что данная группа керамики, уже адаптированная к особенностям трипольского гончарного производства на этапе VII, испытывает на себе влияния не только трипольских традиций. Впервые на это явление обратила внимание Т.Г. Мовша (1961). Такое же отсутствие линейной трансформации в декоре керамики типа Кукутени С отметила и румынская исследовательница А. Додд-Оприцеску (Dodd-Oprițescu, 1982. С. 73). Таким образом, возникает вопрос о природе данных трансформаций: являются ли они следствием адаптации степной керамики в трипольской среде, или же отражают новые “волны” степных влияний, или испытывают на себе влияние каких-либо третьих культур?

Чтобы решить этот вопрос, рассмотрим новые элементы, появляющиеся на керамике типа Ку-

кутени С с этапа ВІІ по отдельности и попытаемся определить их происхождение, очертив круг окружающих Триполье-Кукутени культур, откуда они могли бы быть заимствованы, как уже было сказано это вертикальные расчески по венчику, “жемчужины” и трубчатые (“туннельные”) ручки или их имитации. Нужно отметить, что на большинстве рассмотренных трипольско-кукутенских памятников ракушечная керамика с новыми элементами в декоре встречается в незначительном количестве и не образует значительных по объему серий.

Вертикальные расчески по венчику встречаются на керамике степных памятников нижнемихайловского типа. Однако насколько они связаны именно со степной керамической традицией? В монографии, посвященной Михайловскому поселению, авторы считают эту деталь декора аналогичной расчесам на ракушечной керамике Триполья ВІІ–СІ, с которым и синхронизируют нижний слой Михайловки (Лагодовська и др., 1962. С. 36; Коробкова, Шапошникова, 2005. С. 52). Об одновременном существовании населения Триполья ВІІ–СІ, Средний Стог ІІ и нижнего слоя Михайловки свидетельствует нахождение материалов данных памятников в одном стратиграфическом горизонте на Новорозановском поселении (Шапошникова, Неприна, 1977. С. 61). Среди исследователей в целом преобладает мнение, что появление расчесов, “жемчужин” и их сочетания в декоре керамики как нижнего слоя Михайловки, так и в днепро-донецкой культуре (ІІ этап, тип Пустынка 5) свидетельствует о контактах с трипольцами, т.е. эти элементы пришли из Триполья (Збенович, 1976. С. 65; Телегин, 1968. С. 114–119, 168). Аналогий на скелянских и других степных памятниках, которые как раз синхронны началу ВІІ, такой керамике практически нет.

А. Додд-Оприцеску связывает появление вертикальных расчесов с контактами Триполья и Чернаводы І (Dodd-Oprițescu, 1982. P. 76, 79). И.В. Манзура отмечает широкое распространение этого элемента на керамике Чернаводы І, но считает, что данная культура, “зажатая” между мощными общностями Кукутени-Триполье и Криводол-Сэлкуца, имела подчиненный характер и была больше способна воспринимать, а не распространять культурные новации. В период Кукутени В на севере Мунтении появляется несколько поселений синкретичного характера со смешанными комплексами из материалов Чернаводы и Триполья, что свидетельствует о тесных контактах этих культур (Манзура, 2003. С. 466, 484, 485; Manzura, 1999. P. 100, 112, 121). Также следует учесть, что керамика, аналогичная типу Кукутени С, появляется в Чернаводе гораздо позднее, чем на трипольских памятниках. По И.В. Манзуре, по материалам восточно-европейских энеолитических общностей, в одном хронологическом горизонте

находятся Триполье ВІІ – Кукутени А–В – Чернавода І – Варна. Он также синхронизирует с Чернаводой І нижний слой Михайловки, дереивский период Среднего Стога и раннюю стадию репинской культуры (Манзура, 1992. С. 91)². Таким образом, появившиеся на трипольской керамике типа С вертикальные расчески по венчику нельзя определенно связывать ни с одной из окружающих ее культур.

Вопрос о появлении “жемчужин” в декоре керамики различных культур до сих пор окончательно не разработан. Это распространенный элемент, который встречается на обширной территории длительное время: от неолита лесной зоны до степных культур бронзового века. На ракушечной керамике они появляются в Триполье лишь в период ВІІ.

Н.С. Котова предполагает, что “жемчужины” этапа ВІІ происходят от налепов, распространенных на раннетрипольской керамике, а появление их на посуде из нижней Михайловки связано с гумельницкой традицией налепов по краю венчика³. По мнению Н.С. Котовой, обычное замазывание вдавлений от “жемчужин” изнутри было стремлением создать иллюзию налета (1994. С. 38). По другой версии того же автора появление “жемчужин” в Триполье связано с влиянием энеолитического населения Предкавказья, где также в традиции было размещение их по верхнему краю венчика, а также замазывание отверстий от вдавлений изнутри (2006. С. 134). Однако на керамике Предкавказья “жемчужины” располагаются не только в верхней части венчика, но и на тулове (например, в Мешоко). Следует также отметить, что в Триполье наряду с замазанными изнутри “жемчужинами” встречаются и незамазанные, причем оба варианта могут сосуществовать на одном и том же поселении (рис. 1, 3, 4).

Скорее всего данный элемент вообще не является индикатором какой-то определенной культуры. Наиболее логичной кажется версия о специальном технологическом приеме, применяемом при лепке на ранних этапах керамического

² Некоторые разночтения возникают при синхронизации трипольских и кукутенских памятников этих периодов. Имеется в виду соотношение этапов Кукутени А–В, В и Триполье ВІІ, СІ. В свое время Т.С. Пассек выделила временные горизонты Кукутени А–В – Триполье ВІІ и Кукутени В – Триполье СІ (Passek, 1962. P. 10). В дальнейшем этой схеме придерживалась и Е.К. Черныш (Черныш, 1982. С. 166–176). Н.М. Виноградова, Н.В. Рындина, а ранее В. Думитреску (Dumitrescu, 1963. P. 286), предполагают, что памятники Кукутени А–В соответствуют Триполью ВІ–ВІІ, а Кукутени В – Триполью ВІІ (Виноградова, 1983. С. 10–12; Рындина, 1998. С. 55). При сопоставлении стилей росписи на расписной керамике конкретных групп памятников соотношение Кукутени В = Триполье ВІІ представляется более коррективным.

³ Иногда исследователи называют “жемчужинами” и просто налепы, оговаривая лишь, что они выполнены в иной технике (Коробкова, Шапошникова, 2005. С. 53).

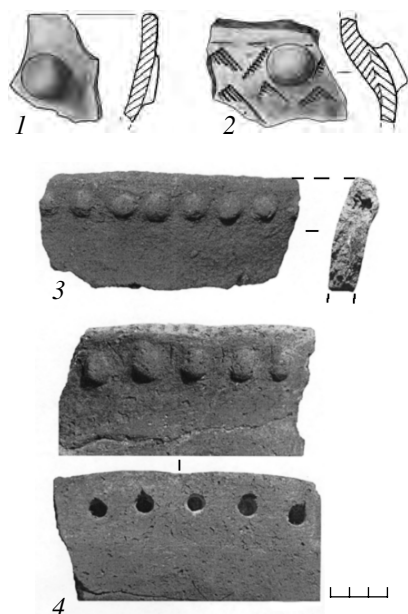

Рис. 1. Керамика Триполье VII: 1 – фрагмент сосуда с шайбовидным налепом с поселения Бодаки; 2 – фрагмент сосуда с шайбовидным налепом с поселения Поливанов Яр II; 3, 4 – фрагменты сосудов с “жемчужинами”, замаслированными (3) и незамаслированными (4) изнутри, с поселения Поливанов Яр II.

производства, когда мастер, укрепляя стыки между лентами, выколачивал их заостренным кольщиком, оставлявшим следы вдавлений. Вероятно, со временем такие “жемчужины” превратились в чисто декоративный элемент (Кожин, 1984. С. 207).

Вопрос о трубчатых ручках в трипольских комплексах этапа VII специально не разрабатывался. Е.К. Черныш отмечала наличие трубчатых ручек на усатовском поселении Маяки (Триполье СИ), что, по ее мнению, является доказательством связей позднетрипольских племен с балкано-дунайскими и западно-анатолийскими культурами (1982. С. 229). Их наличие вполне соответствует синхронизации позднейшего Триполья (Усатово) с раннебронзовыми культурами Балкан и Анатолии. Серии сосудов с трубчатыми или “туннельными” ручками есть на поселениях раннебронзового века Езеро, в слое Трои I, а также в Полиохни, Терми и памятниках Македонии, причем в данном случае параллели прослеживаются и среди бронзовых и костяных изделий (Vlegen et al., 1950. Fig. 239, 6–8, 12; 243, 18–33; 244, 1–10; 246, 12, 17; 249, 11–14, 20; 260, 8, 19; 261, 8–10, 12–14, 16–18; 264, 15, 19; Катинчаров, 1974. С. 7, 12; Черних, 1979. С. 306–316). В целом все перечисленные выше памятники расположены в ареале циркумпонтийской металлургической провинции, а приведенные параллели свидетельствуют о тесных контактах населения в его границах. Однако в более ранние периоды, которые должны синхронизироваться с Трипольем VII, серии

трубчатых ручек в памятниках Балкан и Анатолии не представлены.

Для того чтобы решить вопрос об означенных элементах в развитии трипольского керамического комплекса, необходимо рассмотреть их в контексте керамики конкретных памятников.

Среднебужское трипольское поселение Немиров относится к этапу Триполье VII–СI. К сожалению, коллекция данного памятника в фондах Государственного Эрмитажа неполная, и поэтому дать более-менее точное процентное соотношение основных групп керамики не представляется возможным. В то же время в публикации С.А. Гусева приведены некоторые статистические данные, по которым так называемая кухонная керамика в Немирове составляет 14%. Автор дает общее описание, не разделяя керамику на Кукутени С и традиционную трипольскую (1995. С. 74).

Если провести подсчеты по имеющейся выборке кухонной керамики, то на традиционную кухонную посуду, в тесто которой добавлены растительная примесь и шамот, приходится 40%. Посуда с примесью толченой ракушки составляет 22%. Оставшиеся 38% представлены горшками с обильной примесью крупного кварцевого песка. И “ракушечные” горшки, и горшки с примесью песка в подавляющем большинстве орнаментированы вертикальными расчесами по венчикам.

Поселение Кринички, по-видимому, как и Немиров, можно отнести к этапу VII–СI. Статистическая обработка имеющегося керамического материала показала, что расписная (столовая) посуда составляла 85%, кухонная – 15% от всего количества посуды. Причем более 50% кухонной керамики имеет обильную примесь ракушки. Это преимущественно широкогорлые горшки с однообразным декором в виде небрежных вертикальных расчесов по венчику и ряда насечек у его края. Оставшуюся часть кухонной посуды составляют горшки с аналогичным орнаментом, но с кварцевым песком в качестве примеси. В некоторых случаях у них на плечиках располагаются традиционные трипольские ручки с горизонтальным отверстием, а иногда парные или одинарные налепы в сочетании с вдавлением от пальца. Интерес представляет фрагмент кухонного горшка с примесью кварцевого песка, который помимо вертикальных расчесов имеет на переходе от венчика к тулову парный налеп, соединенный перемычкой.

По данным И.И. Заеца и С.Н. Рыжова, керамика с карбонатной или ракушечной примесью на южнобугском поселении Клищев составляет 20%. Помимо названной выше категории кухонной посуды, в Клищеве присутствуют горшки и крупные глубокие миски с обильной примесью шамота, крупнозернистого песка и дресвы (Заец, Рыжов, 1992. С. 86). Важно, что в данном случае, как и в Немирове, орнамент в виде вертикальных

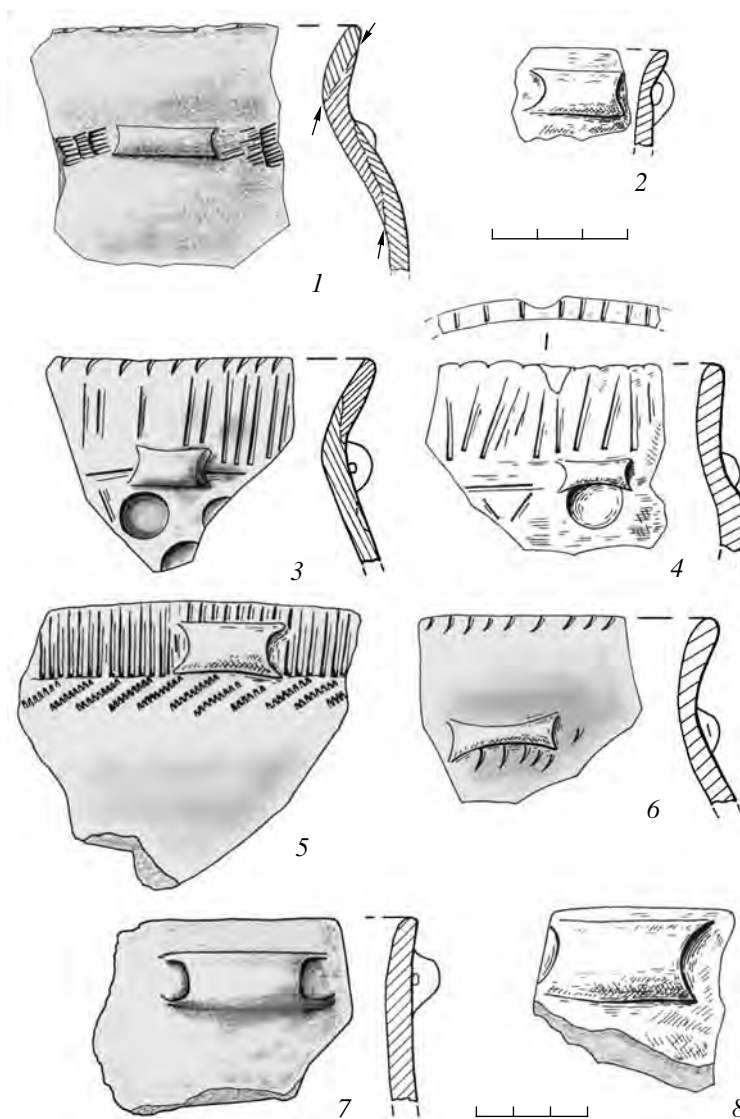

Рис. 2. Трубочатые ручки на керамике кукутениско-трипольских и тисаполгарских памятников: 1 – Кудринцы; 2, 5 – Кукутени-Четецця; 3 – Раковец; 4 – Поливанов Яр II; 6 – Незвиско; 7 – Херпай; 8 – Тибава; 2, 5 – Petrescu-Dîmbocîța, Văleanu, 2004; 7 – Kalicz; Raczky, 1984; 8 – Bogнар-Kutzián, 1963.

расчесов по венчку, “жемчужин” и фестонов встречается на горшках вне зависимости от состава теста, хотя Клищев – более ранний памятник и соответствует этапу VII.

Аналогичная ситуация наблюдается на поселении Бодаки (юго-запад Волынской возвышенности), которое датируется временным промежутком между Немировым и Клищевым (Скакун, Старкова, 2003. С. 148–160). Керамика с ракушкой составляет здесь 15–17% всей кухонной посуды. Декор же из “жемчужин”, вертикальных расчесов и фестонов распространен не только на горшках с толченой ракушкой, но и на посуде с шамотом и растительной примесью. В Бодаках также есть несколько образцов имитаций трубочатых ручек. Трубочатая ручка имеется также на фрагменте тонкостенного кубка, вылепленного

из плотного мелкоструктурного теста и орнаментированного белой краской. Тип росписи и качество глиняного теста свидетельствуют о принадлежности данного сосуда лендельско-полгарскому кругу культур (Скакун, Старкова, 2003. С. 136, 137. Рис. 4, 3).

По данным Е.К. Черныш, на одновременном с Бодаками поселении Незвиско в Среднем Приднестровье кухонная посуда (горшки и миски) составляет около 10% от общего количества керамики и практически вся имеет примесь ракушки, за исключением нескольких горшков, вылепленных из глины с добавлением шамота. Горшки с ракушкой всегда имеют гладкий венчик, орнаментированы они в основном отгисками ногтевого и зубчатого штампа (Черныш, 1962. С. 49). На одном из таких фрагментов есть налеп в виде трубочатой ручки, но без отверстия (рис. 2, 6).

Выборочные материалы среднеднепровского поселения Кудринцы из раскопок 1915 г. хранятся в фондах МАЭ РАН. В свое время Т.С. Пассек отнесла данный памятник к этапу VI (1949. С. 47). Т.Г. Мовша, в статье, посвященной связям Триполья со степными племенами (1961. С. 193), рассматривает два фрагмента кухонных горшков из Кудринца с “гусеничным” орнаментом, что, по ее мнению, свидетельствует о появлении этого вида декора на керамике типа Кукутени С на этапе VI. Вывод Т.Г. Мовши подвергаются сомнению Е.В. Цвек и Ю.Я. Рассмакин: основываясь на материалах Мирополья и Гарбузина, они соотносят появление “гусеничной” орнаментации с началом Триполья VII (2003. С. 242). На самом деле керамика из Кудринца (во всяком случае, расписная, которая служит более четким индикатором) принадлежит разным временным горизонтам: VI–VII и VII. Что касается так называемой кухонной посуды или керамики типа Кукутени С, то скорее всего она соответствует Триполью VII, о чем свидетельствуют преобладание в декоре вертикальных расчесов, а также наличие на одном из фрагментов имитации трубчатой ручки (рис. 2, 1). В качестве примеси использовалась только толченая ракушка.

Северомолдавское поселение Раковец несколько более раннее, чем Бодаки, Незвиско, и, по-видимому, синхронно Кудринцам. Анализируя керамический комплекс данного памятника, Т.А. Попова отмечает примесь мелкотолченой ракушки в трех группах нерасписной посуды. Первая: сосуды традиционных трипольских форм с углубленным орнаментом с небольшим содержанием мелкого песка и мелкотолченой ракушки. Вторая: широкоустные горшки с высоким отогнутым или прямым венчиком с обильной ракушечной примесью. Горшки орнаментированы накольчатым штампом, оттисками ногтя, очень редко “жемчужинами” или шнуром. Третья небольшая группа состоит из нескольких сосудов со смешанной примесью – толченой ракушки, растительности и шмота, – которые имеют у основания венчика так называемые трубчатые или, по определению автора, “седловидные” ручки (чаще – псевдоручки) (Попова, 2007. С. 16) (рис. 2, 3). Вертикальные расчески по венчику встречаются на различных кухонных горшках, независимо от состава теста.

К периоду Триполье VII относятся материалы среднего слоя среднеднепровского многослойного поселения Поливанов Яр (Поливанов Яр II), который в свою очередь делится на два горизонта: II/1 и II/2 (Попова, 2003. С. 86–133). Кухонная керамика обоих горизонтов, составляющая 14% от всей посуды, содержит исключительно ракушечную примесь и мало различается между собой. Декор состоит из расчесов, “жемчужин”, насечек, оттисков треугольного и зубчатого штампа, пальцевых вдавлений, причем сочетание

элементов не повторяется, и каждый сосуд “имеет свой индивидуальный облик”. Имеется также один экземпляр с трубчатой ручкой, расположенной на переходе от венчика к тулову сосуда (рис. 2, 4). Тем не менее в горизонте II/2 “жемчужины” и насечки по краю венчика встречаются гораздо реже, и в целом кухонная посуда отличается лучшим обжигом и большим разнообразием форм (Попова, 2003. С. 89, 121). Однако примесь толченой ракушки присутствует в горизонте II/1, иногда даже и в расписной столовой посуде из мелкоструктурной, хорошо отмученной глины (Попова, 2003. С. 89). Скорее всего, это случайное явление, поскольку включения ракушки очень редки и обнаружены в тексте лишь нескольких сосудов.

Примечательно, что на поселении Поливанов Яр в горизонте I/1, синхронном этапу Триполье CI(γ1), вся кухонная керамика (5% от общего числа) имеет вертикальные расчески на венчике и овальные оттиски штампа. На одном фрагменте имеется трубчатая ручка с отверстием (рис. 2, 4). В это же время зафиксировано появление гусеничного орнамента, ранее не встречавшегося (Попова, 2003. С. 143), а также таких элементов, как защипы в сочетании с дуговидными парными налепами на плечиках (рис. 3, 5, 7). Аналогичные парные налепы есть на южнобугском поселении этапа VII Вербовка из раскопок П.И. Хавлюка (рис. 3, 6) (Видейко, 2004. С. 586).

Аналогичный дуговидный парный налеп имеется на фрагменте горшка типа С из эпонимного поселения Кукутени, из слоя времени Кукутени B₂ (Petrescu-Dîmbovița, Văleanu, 2004. P. 231. Fig. 237, 10). Этот элемент, в отличие от Поливанова Яра, расположен под самым венчиком. Некоторую его трансформацию можно проследить по опубликованным материалам данного памятника. По-видимому, первоначальный вариант выглядел как трубчатая ручка, в большинстве случаев – без отверстия, т.е. представлял собой уже ее имитацию (Petrescu-Dîmbovița, Văleanu, 2004. P. 230. Fig. 236, 2–8, 11, 12; 231, 237, 3–5, 9). На одном фрагменте вместо ручки находился налеп в виде двух полумесяцев.

Аналогичный элемент встречен на позднетрипольских (этап γII) поселениях Костешты IV и Брынзены-Цыганка, причем в обоих случаях установлено, что сосуды по составу теста и характеру обработки поверхности не относятся к местной гончарной традиции (Титов, Маркевич, 1974. С. 158, 159). На фрагменте из Брынзен-Цыганки помимо полумесяца, расположенного под венчиком, имелись плоские шайбовидные налепы (рис. 3, 1). К сожалению, профиль на иллюстрации не показан. В Костештах IV полумесяц находился на плечике сосуда S-видной формы. Наиболее близкие аналогии этим сосудам найдены ав-

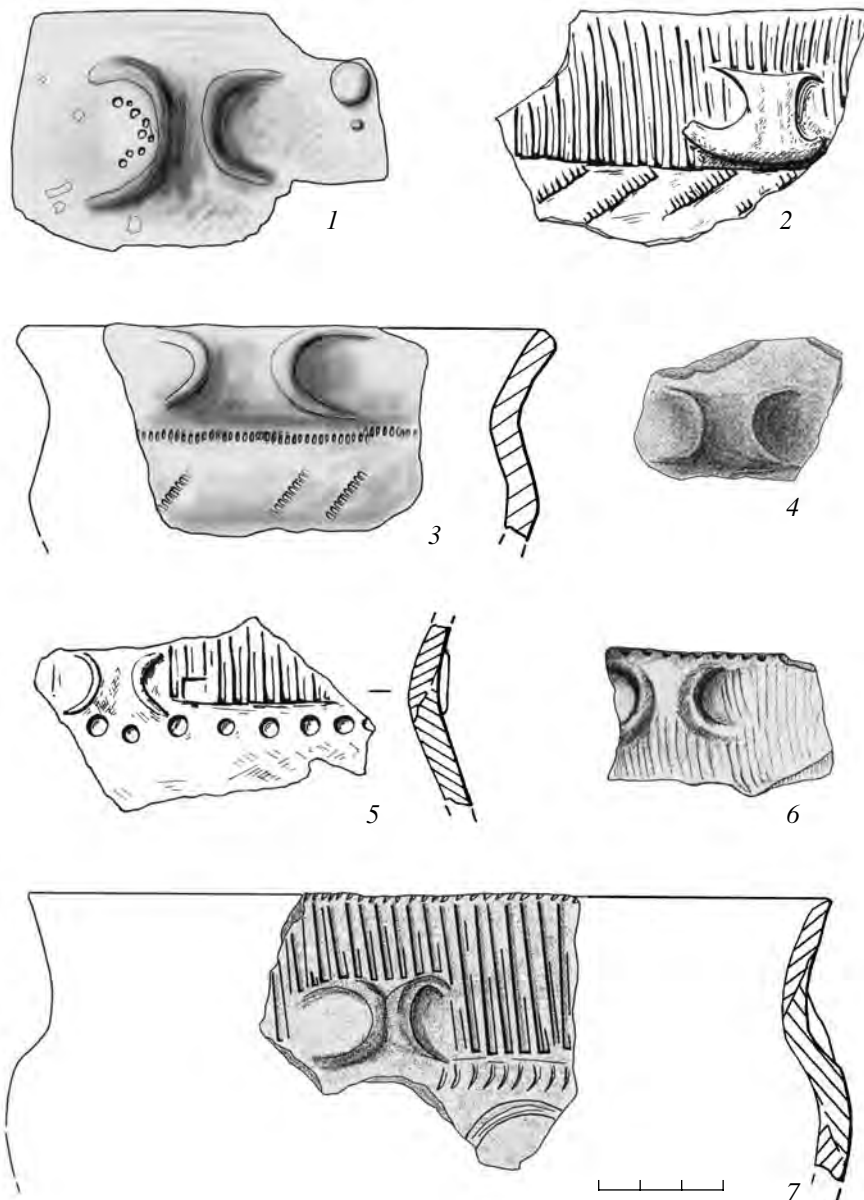

Рис. 3. Дуговидные налепы и имитации ручек: 1 – Брынзены-Цыганка (Титов, Маркевич, 1974); 2, 3 – Кукутени-Четечуя (Видейко, 2004); 4 – Троя I (Видейко, 2004); 5, 7 – Поливанов Яр II (Попова, 2003); 6 – Вербовка (Видейко, 2004); 2, 3 – Schmidt, 1932; Petrescu-Dîmbocîța, Văleanu, 2004; 4 – Blegen et al., 1950.

торами публикации на ряде памятников тисаполгарской культуры на территории Словакии и Венгрии (С. 159. Рис. 6, 1, 4). В частности они ссылаются на фрагмент из Тисавалк, который опубликован И. Богнар-Кутциан (Bognar-Kutzián, 1969. Abb. 9, 10). Нужно отметить, что, по публикации С. Шишки, фрагменты подобных сосудов встречены и в Тибаве (Šiška, 1968. Tab. VI, 21). Но в обоих случаях сохранилась лишь часть дуги, расположенная не вертикально, как в трипольских комплексах, а горизонтально, поэтому говорить об абсолютной идентичности, по-видимому, нельзя. К тому же из-за малых размеров фраг-

ментов мы не можем полностью реконструировать композицию. Тем не менее пока это единственные предположенные варианты аналогий.

Также на поселениях Брынзены-Цыганка и Костешты VI обнаружены так называемые клювовидные ручки, характерные также для культуры Тисаполгар. Подобные ручки встречаются и на памятниках, относящихся к прототисаполгарскому времени, в частности на поселении в Херпай, расположенном на территории восточной Венгрии (Титов, Маркевич, 1974. С. 158, 159; Kalicz, Raczky, 1984. P. 90. Fig. 36, 15; 37, 11, 12).

Гусеничный орнамент на керамике типа С также фиксируется со времени Кукутени В (Petrescu-Dîmbovița, Văleanu, 2004. P. 230. Fig. 236, 11; 235, 241, 6; 234, 240, 3; 239, 245, 1, 7). Что касается вертикальных расчесов, то в Кукутени-Четецуе они широко распространены как в слоях периода Кукутени В, так и в более ранних – периода Кукутени А–В. В комплексе этого памятника есть также трубчатые ручки и несколько их имитаций (рис. 2, 2, 5; 3, 2, 3). Жемчужный орнамент отсутствует вообще.

В сравнении с упомянутым выше памятником интересен материал многослойного трипольского поселения Мерешовка-Четецуе на правом берегу Днестра. По данным В.Я. Сорокина, кухонная керамика на этапе ВІІ составляет 26% от общего количества посуды, и вся содержит примесь толченой ракушки в тесте. Из форм преобладают горшки с прямым или отогнутым венчиком, по краю которого располагаются трубчатые ручки, преимущественно без отверстия (Сорокин, 1983. С. 108. Рис. III, 12). Так же, как и в Кукутени-Четецуе, имеются вертикальные расчески и полностью отсутствуют “жемчужины”.

Следовательно, керамика типа Кукутени С из Кукутени-Четецуе с дуговидными парными налестками, “гусеничным” штампом, трубчатыми ручками и их имитациями, отнесенная румынскими исследователями ко времени Кукутени В, соответствует этапу ВІІ Триполья.

Определенно говорить о происхождении трубчатых ручек и их имитаций в Триполье-Кукутени пока сложно. Можно лишь заметить, что аналогий в соседних степных культурах нет, но они встречаются на территории Карпато-Дунайского бассейна, в частности в культуре Тисаполгар (Bognar-Kutzián, 1972. Pl. XVII, 1; II, 7. Fig. 25, K13; Kalicz, Raczky, 1984. Fig. 37, 13; 38, 2, 3; 39, 10). Трубчатые ручки и их имитации существуют и на других памятниках в более позднее время, например в Трое I (рис. 3, 4).

Контакты населения Триполья-Кукутени с западными культурами Карпато-Дунайского бассейна достаточно отчетливо фиксируются еще в более раннее время: на уровне I-ой фазы развития Балкано-Карпатской металлургической провинции, включающей в себя материалы культур Варна, Гумельница, Тисаполгар, Сэлкуца I–III, Лендель III, Кукутени А, Триполье VI (Рындина, 1998. С. 205; Черных, 1978. С. 58). Упомянутые выше памятники времени Триполье ВІІ, по мнению большинства современных исследователей, синхронные генетически родственной Тисаполгар, но хронологически – более поздней культуре Бодроккерестур (Kalicz, 1991. Abb. 1, 1, 3; Raczky, 1991. Fig. 81; Mantu, 1995. Fig. 2). Таким образом, Триполье ВІІ и Бодроккерестру синхронны по времени и входят в круг культур, объединенных фазой II Балкано-Карпатской металлургической

провинции (рис. 4) (Рындина, 1998. С. 66). Именно в этот период активизируется торговля металлом, происходящим из тисско-трансильванского и среднедунайского регионов, к сырьевому обмену добавляется обмен как готовыми вещами, так и техническими достижениями. Например, в область распространения Триполья оттуда проникают топоры-тесла типа Ясладани (Рындина, 1998. С. 66, 211, 213, 214). Рассматриваемые трубчатые ручки на сосудах встречаются и в культуре Бодроккерестур (Tasić, 1995. Pl. VII, 1; Kalicz, 1991. Fig. 1, 1). Скорее всего аналогии им следует искать именно здесь, с учетом более вероятного хронологического соответствия Триполья ВІІ – Кукутени В и Бодроккерестур, хотя упомянутый выше элемент появляется уже на ранних стадиях тисаполгарской культуры (рис. 2, 7, 8), и существует на территории, примыкающей к западной и юго-западной границам Триполья, достаточно длительное время, вплоть до раннебронзового века.

Что же касается проблемы существования керамики типа Кукутени С в трипольских комплексах периода ВІІ в целом, то очевидно, что данная категория посуды так и не стала со временем восприниматься наравне с местной, и утрата устойчивых технологических приемов при ее изготовлении привела к достаточно свободному использованию на ней чужих элементов. В частности, примеры подобной “компоновки” разнокультурных элементов представляют миски поселения Кырничени-Холм II в Румынии. Это глубокие миски с гладкой поверхностью, которые по форме и орнаменту имеют полные аналогии в западных культурах лендельско-полгарского круга, но изготовлены из теста с обильной примесью ракушки в тесте (Alaiba, Grădinarî, 2001. P. 68. Fig. 3, 1, 5, 7). Конечно, есть доля вероятности, что в данном случае это может объясняться какими-то контактами и с синхронной культурой Чернавода I, керамика которой тоже имеет примесь мелкотолченой ракушки.

Подобные миски также есть на поселении Бодаки, расположенном на северо-западной границе трипольского ареала. Но там они изготовлены из мелкоструктурной глины без видимых примесей и входят в отдельную категорию так же, как и сосуды с лощеной поверхностью, имеющие шайбовидные налестки (рис. 1, 1) (Скакун, Старкова, 2003. С. 136). Инокультурное происхождение этой керамики подтверждено и петрографическим анализом (Ковнурко и др., 2005. С. 97–105). Наличие названной выше категории посуды на трипольских памятниках подтверждает устойчивые западные связи трипольцев с лендельско-полгарским населением, что, очевидно, объясняется не только близким соседством, налаженной системой товарообмена, но и сходством в системе хозяйства (Скакун, Старкова, 2003. С. 136–138; Цвек, 2000. С. 278).

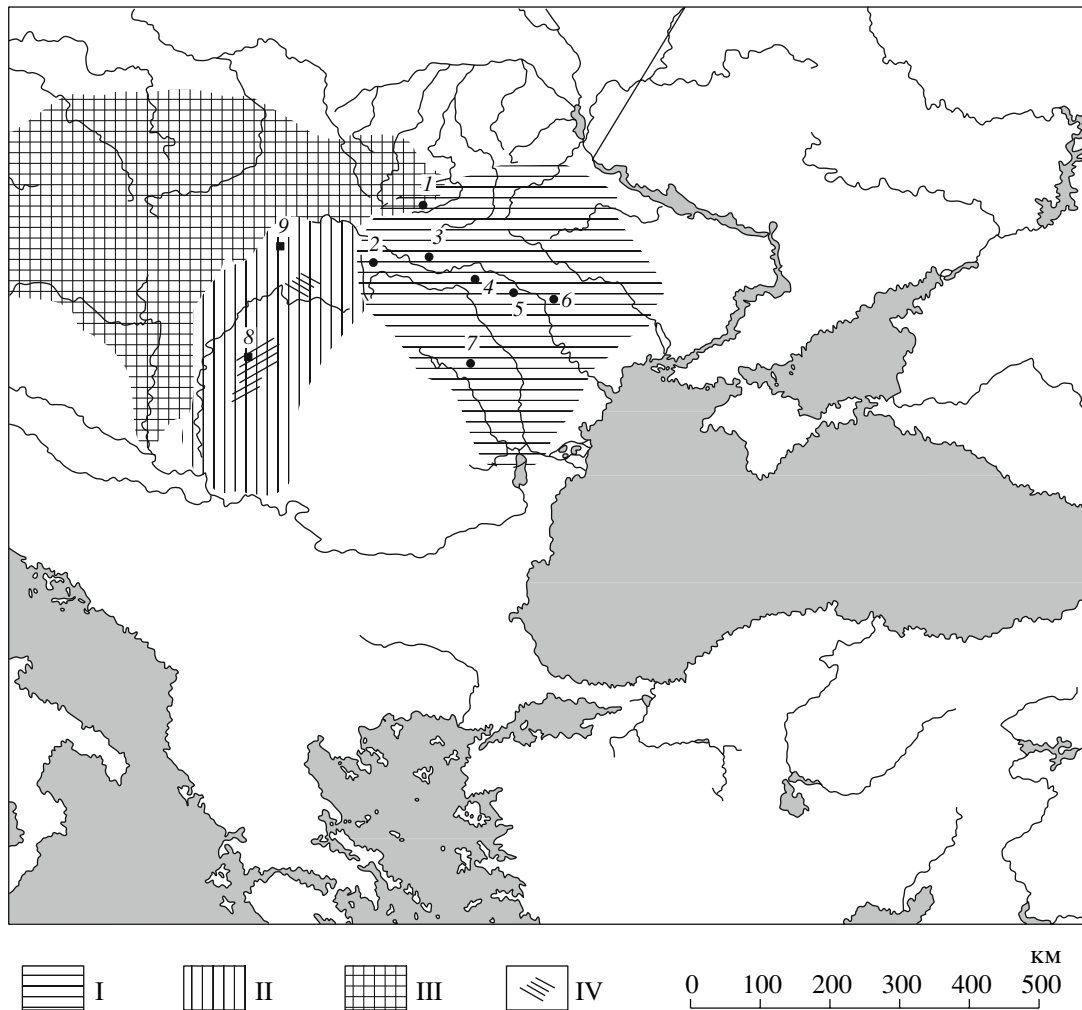

Рис. 4. Карта соотношения памятников Триполья ВП – Кукутени В и западных энеолитических культур. 1 – Бодаки; 2 – Незвиско; 3 – Кудринцы; 4 – Поливанов Яр II; 5 – Мерешковка-Четецуя; 6 – Раковец; 7 – Кукутени-Четецуя; 8 – Херпай (группа памятников); 9 – Тибава; I – памятники Кукутени В – Триполье ВП; II – памятники Тисаполгар-Бодрогерестур; III – Лендель; IV – энеолитические памятники Закарпатья (исследованные В.С. Титовым).

С другой стороны, аналогичные налеты в виде шайб встречаются и в Поливановом Яре II, но исключительно на горшках с примесью толченой ракушки (рис. 1, 2). В данном случае это объясняется лишь постепенной трансформацией давно осевшей в Триполье, но более восприимчивой к изменениям под влиянием извне, керамики типа Кукутени С.

На трипольских памятниках Буго-Днепровского междуречья этапа VI керамика типа Кукутени С появляется в виде степных импортов, а уже ко времени конца VII ракушечная примесь встречается в тесте традиционных трипольских форм посуды (Цвек, Рассамакин, 2003. С. 233). Этот факт свидетельствует о том, что в процессе длительного сосуществования двух керамических традиций происходит смешение технологий местного гончарного производства и пришлого степного.

Поскольку керамика является не только самым массовым, но и самым устойчивым индикатором культуры, любые изменения в этом техно-

логическом процессе могли быть связаны лишь с существенными изменениями в социально-экономической структуре общества. Например, мастера из поколения в поколение используют одну и ту же примесь для увеличения огнестойкости изделия, даже при возможности заменить ее другой равноценной (Актуальные проблемы изучения древнего гончарства, 1999. С. 48–50). По этнографическим данным, отношение к использованию инокультурной посуды сильно отличалось у разных народов и зависело от характера межэтнических контактов. Однако в большинстве случаев керамическое производство первобытных культур было локальным. Основные пути взаимопроникновения гончарных навыков и распространения керамических стилей были связаны с переселениями самих мастеров, межплеменными или межобщинными браками, и в меньшей степени

собственно межобщинным обменом керамикой или другими изделиями (Шнирельман, 1990. С. 51).

В целом основы первичной обработки глины (лепка, способы обжига) вполне могли быть освоены параллельно в различных культурах. Что касается технологических особенностей (в том числе и орнаментации), то рассматривать их как этнический показатель можно лишь на ранних этапах существования культур (Кожин, 1989. С. 54–70).

Получается, что примесь толченой ракушки как показатель непосредственной принадлежности определенной группе населения ограничивается довольно узкими временными рамками периода Триполье VI – Кукутени А. В дальнейшем, т.е. уже на этапе Триполье VII, наряду с этническим смешением происходит размытие границ между местными и пришлыми гончарными традициями. Тем не менее несмотря на то, что керамика типа С на этапе VII становится частью трипольского комплекса, она в большей мере испытывает на себе различные инокультурные влияния. Этим и объясняется так называемая нелинейная трансформация данной категории посуды за длительный период существования ее в трипольской среде, где она в первую очередь впитывала местные особенности гончарного производства, а также воспринимала новые элементы декора и технологические приемы из соседних культур, контактирующих с трипольцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Под ред. А.А. Бобринского. Самара, 1999.
- Видейко М.Ю. Хавлюк Павло Іванович // Енциклопедія трипільської цивілізації. Київ, 2004.
- Виноградова Н.М. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев, 1983.
- Заец И.И., Рыжов С.Н. Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге. Киев, 1992.
- Збенович В.Г. К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
- Гусев С.О. Трипільські поселення поблизу Немирова // Археологія. 1995. № 3.
- Катинчаров Р. Периодизация и характеристика на культурата през бронзовата епоха в Южна България // Археология. Год. XVI. Кн. 1. София, 1974.
- Ковнурко Г.М., Скакун Н.Н., Старкова Е.Г. Петрографический анализ керамического материала трипольского поселения Бодаки // Археологические исследования трипольского поселения Бодаки в 2005 г. Киев; СПб., 2005.
- Кожин П.М. Типология древней материальной культуры Евразии (неолит–железный век) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
- Кожин П.М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. М., 1989.
- Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры. СПб., 2005.
- Котова Н.С. К проблеме сложения памятников нижнемихайловского типа // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тирасполь, 1994.
- Котова Н.С. Ранний энеолит степенного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006.
- Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. Київ, 1962.
- Манзура И.В. Степные восточноевропейские общности энеолита – ранней бронзы в хронологической системе балкано-дунайских культур // Матер. и исследов. по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев, 1992.
- Манзура И.В. Проблема формирования культур раннего бронзового века на Северо-Восточных Балканах // Stratum plus. № 2. 2001, 2002. Кишинев, 2003.
- Мовша Т.Г. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА. 1961. № 2.
- Мовша Т.Г. Средний этап трипольской культуры // Археология Украинской ССР. Т. I. Киев, 1985.
- Мовша Т.Г. Зв'язки Трипільля-Кукутени зі степовими енеолітичними культурами (до проблеми індоєвропейської Європи) // Зап. Наукового Товариства ім. Шевченка. Праці Археологічної комісії ССХХХV. Львів, 1998.
- Палагута И.В. К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья // РА. 1998. № 1.
- Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений (III–I тыс. до н.э.) // МИА. 1949. № 10.
- Попова Т.А. Многослойное поселение Поливанов Яр. СПб., 2003.
- Попова Т.А. Керамика северомолдавского поселения Раковец // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 1. СПб., 2007.
- Рындина Н.В. О развитии металлообрабатывающего производства в системе Балкано-Карпатской металлургической провинции // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.
- Скакун Н.Н., Старкова Е.Г. К вопросу о межкультурных связях в эпоху развитого Триполья VII (по керамическим материалам поселения Бодаки) // Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003.
- Скакун Н.Н., Старкова Е.Г. Особенности керамического комплекса трипольского поселения Бодаки // Матер. міжнар. конф. “Трипільські поселення-гіганти”. Київ, 2003.
- Сорокин В.Я. Раскопки многослойного поселения Мерешовка-Четэцуе в 1980 г. // Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг. Кишинев, 1983.
- Телегин Д.Я. Дніпро-Донецька культура. Київ, 1968.
- Титов В.С., Маркевич В.И. Новые данные о западных связях позднего Триполья // СА. 1974. № 3.

- Цвек Е.В.* Восточнотрипольская культура и контакты ее носителей с энеолитическими племенами Европы // Археологические вести. № 7. СПб., 2000.
- Цвек Е.В., Рассамкин Ю.Я.* Поселение восточнотрипольской культуры Мирополье и проблема относительной хронологии памятников типа Средний Стог II // Stratum plus. № 2. 2001, 2002. Кишинев, 2003.
- Черных Е.Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.
- Черних Е.Н.* Езеро, Троя и Полиохни // Езеро ранно-бронзового селище. София, 1979.
- Черныш Е.К.* К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье. Неолит и энеолит юга европейской части СССР // МИА. 1962. № 102.
- Черныш Е.К.* Природная среда, история изучения, периодизация и хронология памятников // Энеолит СССР. М., 1982.
- Шапошников О.Г., Неприна В.И.* Новорозановское многослойное поселение // Древности Поингуля. Киев, 1977.
- Шницерльман В.А.* Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // КСИА. 1990. № 201.
- Alaiba R., Grădinari I.* Noi descoperiri de ceramică de tip Cucuteini C în Podișul Moldovei // Thraco-Dacica. T. XXII. № 1, 2. București, 2001.
- Blegen C.W., Caskey J.L., Rawson M., Sperling J.* Troy. General Introduction of the First and Second Settlements. V. I. P. 1, 2 (text, plates). Princeton, 1950.
- Bognar-Kutzián I.* The Copper Age Cemetery of Tiszapolgár – Basatanya. Budapest, 1963.
- Bognar-Kutzián I.* Probleme der Mittleren Kupferzeit im Karpatenbecken // ŠZAÜSAV. 1969. 17.
- Bognar-Kutzián I.* The Early Copper Age Tiszapolgár Culture in the Carpathian Basin. Budapest, 1972.
- Crîșmaru A.* Drăgușeni. Contribuții la o monografie arheologică. Botoșani, 1977.
- Dodd-Oprîtescu A.* Considerații asupra ceramicii Cucuteni C // SCIVA. T. 31. № 4. București, 1980.
- Dodd-Oprîtescu A.* La ceramice Cucuteni C son origine. Sa significatione historico-culturelle // Thracia Praehistorica. Supplementum Pulpudeva 3. Semeines Philippopolitaines de l'histoire et de la culture Thrace. Plovdiv, 1978. Sofia, 1982.
- Dumitrescu V.* Originea et evolutione de la civilizatiune de Cucuteni-Tripoliye (II) // Studii si cercetari de istorie veche. T. XIV. № 2. București, 1963.
- Kalicz N.* Beiträge zur Kenntnis der Kupferzeit im ungarischen Transdanubien // Die Kupferzeit als historische Epoche. Tell 1. Bonn, 1991.
- Kalicz N., Raczky P.* Preliminary Report on the 1977–1982 Excavations at the Neolithic and Bronze Age Tell Settlement of the Berettyóújfalu-Herpály. Part I: Neolithic // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1984.
- Mantu C.-M.* Câteva Consideratii privind cronologia absolută a neoneoliticului din România // Studii si cercetari de istorie veche. T. 46. № 3, 4. București, 1995.
- Manzura I.* Cernavoda I culture // The Balkans in Later Prehistory. Nikolova L. BAR. 1999. Intern. Ser. 791.
- Passek T.* Relations entre l'Europe occidentale et l'Europe orientale à l'époque néolithique // VI Congrès Intern. des sciences préhistoriques et protohistoriques. M., 1962.
- Petrescu-Dîmbovița M., Văleanu M.-C.* Cucuteni-Cetațuie. Piatra-Neamt, 2004.
- Raczky P.* New Datas on the Southern Connections and Relative Chronology of the "Bodrogkeresztúr-Hunyadi halom" // Die Kupferzeit als historische Epoche. Tell 1. Bonn, 1991.
- Rassamakin Yu.Ya.* The Main Directions of the Development of Early Pastoral Societies of Northern Pontic Zone: 4500–2450 BC (Preyamnaya cultures and Yamnaya culture) // BPS. 1994. V. 2.
- Schmidt H.* Cucuteni in der Oberen Moldau, Rumänien. Berlin; Leipzig, 1932.
- Šiška S.* Tiszapolgarska kultura na Slovensku // Slovenska Arheologia. Ročník XVI. Čis. 1. Nitra, 1968.
- Tasić N.* Eneolithic Cultures of Central and West Balkans. Belgrade, 1995.

Cucuteni C-type pottery in Tripolye BII–CI settlements

Ye. G. Starkova

Summary

Cucuteni C-type pottery was distinguished as a special group in 1932 by H. Schmidt. This ware is strikingly different from other Tripolye ceramics, both in shape and decoration of the vessels and in technical and technological parameters (shelltempering and the usage of "paddle-and-anvil" technique for vessel modeling that are not typical of Tripolye pottery. The closest analogies of this ware come from such steppe-zone sites as Srednij Stog II and Stril'cha Skelya (T. Movsha, I. Palaguta etc.). However, starting from Tripolye BII – Cucuteni A–B, some significant changes occur in the decorations of Cucuteni C ware, as vertical scratches on the rim, "pearl"-patterns. Some vessels of this group have so-called tubular handles or their imitation. There is no direct analogy for these new elements in either steppe-zone cultures or Tripolye pottery. Analogies of tubular handles have been found in ceramics assemblages of Tiszapolgar-Bodrogkeresztur cultures. This fact may indicate that Tripolye and Tiszapolgar-Bodrogkeresztur cultures were part of a common Balkan-Carpathian metallurgical province (phase II after E. Chernykh and N. Ryndina. "Pearl"-patterns cannot be a cultural indicator, since they may be connected with the manufacturing process, and appeared sporadically in different cultures. In Cucuteni B (Tripolye BII–CI) period the clam-shell admixture ceases to be compulsory, e.g., similar pots with admixture of sand, grass or chamotte. Thus, the "C-type" pottery in Tripolye BII–CI period cannot reflect the intercultural relations between steppe-zone cultures and Tripolye-Cucuteni.

“КНЯЖЕСКАЯ” МОДА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ

© 2008 г. А. В. Мاستыкова

Институт археологии РАН, Москва

Среди древностей эпохи Великого переселения народов (конец IV – первая половина VI в.) северокавказские находки являются одними из наиболее ярких и по праву привлекают особое внимание исследователей. Предметы женского убора хорошо представлены в погребениях и являются богатным материалом для изучения. В данной работе будет рассмотрена степень влияния международной “княжеской” моды на женский костюм¹ населения Центрального и Западного Предкавказья в конце античности и раннего средневековья.

Роль костюма как одного из важнейших элементов материальной культуры традиционных обществ хорошо показана в современной культурологии. Подчеркивается, что костюм выполняет ряд значимых функций: социальные, биологические, сакральные, эстетические и пр. (Яценко, 2006. С. 5, 6). В архаических коллективах женский убор сакрализован, его компоненты играют роль оберегов, поэтому он является одним из наиболее устойчивых и консервативных элементов материальной культуры. Все это в полной мере относится и к костюму населения Северного Кавказа (Карпов, 2001. С. 15, 16). Поэтому в традиционных социумах женский костюм в целом не мог являться предметом торговли. Конечно, какими-то отдельными элементами убора, например бусами, торговали или обменивались. Но металлические украшения скорее всего производились мастерами не “для рынка”, а “на заказ”, для конкретных людей и согласно определенной моде.

Составляющие традиционного убора также вряд ли являлись предметами дарений, если, конечно, речь не идет о престижных “княжеских” украшениях и одеждах (см. ниже). Показательно, например, что для эпохи викингов в Северной Европе известно около 4000 славянских женских украшений, однако из них лишь 3% найдены в погребениях в составе костюма, остальные происходят из кладов. Эти чужеродные изделия здесь явно служили сырьем для изготовления местных украшений (Капелле, 1989. С. 136, 137).

Женский убор, как правило, распространяется за пределами ареала конкретной цивилизации вместе с его носительницами, например вследствие межэтнических браков или в результате каких-то экстраординарных событий, нарушавших ход жизни древних коллективов (захват воинской добычи, кража, угон пленниц, депортация отдельных групп населения и т.д.) (Werner, 1970; Петрухин, 1983; Стальсберг, 1994. С. 194). При этом не надо упускать из виду, что такого рода контакты могли связывать общины, территориально удаленные друг от друга. Именно перекрестными браками объясняется появление в V в. на Эланде и в Борнхольме восточнопрусских фибул со звездчатым окончанием ножки (Bitner-Wróblewska, 2001. P. 124, 125).

Не исключено, что подобную ситуацию фиксирует и материал некоторых северокавказских погребений эпохи переселения народов. Например, в погребении 13 могильника Лермонтовская Скала 2 в Пятигорье (Рунич, 1973. С. 3, 4. Рис. 8) отмечен убор с дуговидной фибулой, который в равной степени обычен как для Западного, так и для Центрального Предкавказья. Но все остальные предметы этого женского костюма имеют больше всего аналогий не в Пятигорье, а в Западном Предкавказье. Именно там распространены цепочки для подвешивания, использование малой пряжки для застегивания одежды в верхней части туловища и браслеты с расширенными концами и гравированным декором на концах. Судя по характерному убору, погребенная женщина скорее всего была по происхождению связана с Западным Предкавказьем.

Можно процитировать еще один пример. Так, особенностью женского костюма в Западном

¹ При изучении металлических и других предметов, некогда составлявших убор погребенной, я использую термины “костюм” и “убор” как синонимы. При этом, на мой взгляд, не следует путать понятия “костюм” и “одежда”. Костюм – это свойственная различным историческим эпохам, странам и социальным группам единая система, включающая в себя одежду со всеми особенностями фасона, покроя, цвета и рода материи; обувь; головными уборами; аксессуарами (например бытовые предметы или даже оружие, носимые на поясе); украшениями; прической; гримировкой; манерой носить бороду и усы и т.д. (ср.: Терешкович, 1999. С. 118). Понятие “одежда” для меня связано, в первую очередь, с органической базой (текстиль, кожа, войлок, мех и т.д.), укрывающей человеческое тело, на основе которой “строится” комплекс костюма. Этимологи считают, что слово “одежда” относится к праславянским языкам – “одедь”, т.е. то, чем покрывают, одевают тело (Фасмер, 1964–1973).

Предкавказье является наличием гривен. Видимо, готы-тетракситы, поселившиеся на Черноморском побережье Кавказа, “принесли” этот обычай носить гривны из Крыма (влияние греко-сарматской аристократии Боспора), и этот элемент становится частым в женском костюме Западного Предкавказья. В Центральном Предкавказье известен только один случай появления гривны в женском уборе – в погребении 62 могильника Клин-Яр 3 (Флеров, 2000. С. 50, 51. Рис. 44). Вполне возможно, что и эта женщина происходит из Западного Предкавказья.

Для хорошо изученной территории Западной и Центральной Европы конца античности и раннего средневековья этнографичность традиционного костюма легко проверяется на археологическом материале. Здесь зоны массового распространения определенных типов фибул, пряжек и других элементов женского убора хорошо соотносятся с географией варварских королевств, известной по письменным источникам. В качестве примера можно назвать характерные гепидские орлиноголовые пряжки (Wona, 1976. Fig. 1), тюрингские (Böhme, 1988. Fig. 6, 8, 10–12; Koch, 1998. S. 15, 24–27), аламанинские (Koch, 1998. Karte 3, 4) или меровингские фибулы (Vallet, 1997. Fig. 20–23; Koch, 1998. Karte 1, 2, 4–8, 10). Их “выброс” за пределы основной территории представляет редкое явление и связан, как правило, с определенными событиями (Werner, 1970). Поэтому данные украшения справедливо рассматриваются западными археологами как “этнографические”.

“Автохтонные” элементы в женском уборе населения Северного Кавказа эпохи переселения народов, имеющие корни в костюме предыдущего времени (дуговидные фибулы, металлические зеркала с центральной петлей, амулеты, различные типы браслетов, гривен и т.д.), являются интереснейшим материалом для культурной и этнической истории региона, поскольку они отражают наиболее устойчивые и типичные элементы женского традиционного костюма. Именно они должны привлекаться в первую очередь для изучения вопросов этнокультурной принадлежности той или иной группы северокавказского населения.

В то же время в древностях варваров эпохи переселения народов нашел отражение и феномен женской интернациональной моды, рапространявшейся прежде всего в “княжеских” погребениях и кладах (Мастыкова, Казанский, 2005. С. 253–268; Mastykova, Kazanski, 2006). Феномен моды², известный во все исторические эпохи, открывает в костюме широкие возможности для выражения индивидуальности человека, позволяющие кор-

ректировать свой внешний вид, демонстрировать или скрывать определенные черты характера. Распространение моды в конкретном контексте вызвано процессом подражания престижным группам. Интенсификация общения между правящими домами, их соперничество в могуществе и влиятельности, частота и продолжительность пребывания иностранцев в других государствах – все это было благодатной почвой для появления интернационального костюма и развития моды (Килошенко, 2001. С. 6–8).

Для Западного и Центрального Предкавказья в эпоху Великого переселения народов хорошо фиксируются два типа женского костюма, отражающие престижную европейскую моду: “средиземноморский” и “восточногерманский” (Казанский, Мастыкова, 1998; Мастыкова, 2005; Quast, 2006).

Средиземноморская мода выражается прежде всего в распространении костюма с фибулами-брошами и их имитациями (Мастыкова, 2005; Quast, 2006). Костюм с брошами известен в первую очередь на Верхней Кубани и в Пятигорье (рис. 1). В то же время он, несомненно, распространялся по всему Центральному Предкавказью (т.е. в зоне формирования раннесредневековой Алании, ориентированной в VI в. на Византию), поскольку броши и имитирующие их бляхи хорошо представлены на памятниках Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Но в Западном Предкавказье они крайне редки, можно назвать лишь находки в Прочноокопском и Пашковском 1 могильниках (рис. 2). Округлая бляха, возможно, имитирующая брошь, была найдена также в женском погребении у с. Татарка под Ставрополем (Засецкая, 1994. Табл. 17, 3). Датировка большей части рассматриваемых могил устанавливается в пределах от рубежа IV–V вв. до середины VI в. (Kazanski, Mastykova, 1999). Параллели северокавказскому костюму с фибулами-брошами хорошо известны в средиземноморском регионе и на меровингском Западе. Впрочем западные исследователи считают, что в “варварской” Западной Европе этот костюм распространяется в результате средиземноморского влияния (Martin, 1991. S. 646–652; 1994. S. 567–574). Действительно, такой убор с брошами хорошо представлен в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке уже в римское время. Византия наследовала эту восточно-эллинистическую моду (Беляев, 1929. С. 66). Женский костюм с фибулами-брошами, как уже отмечалось исследователями, явно считался престижным в Византии. Например, в более позднее время при венчании византийской императрицы на царство император лично закалывал фибулой хламиду, одеваемую на царицу (Беляев, 1929. С. 60, 61).

² Насколько мне известно, в раннесредневековой археологии Восточной Европы этот термин первым стал широко применять А.К. Амброз.

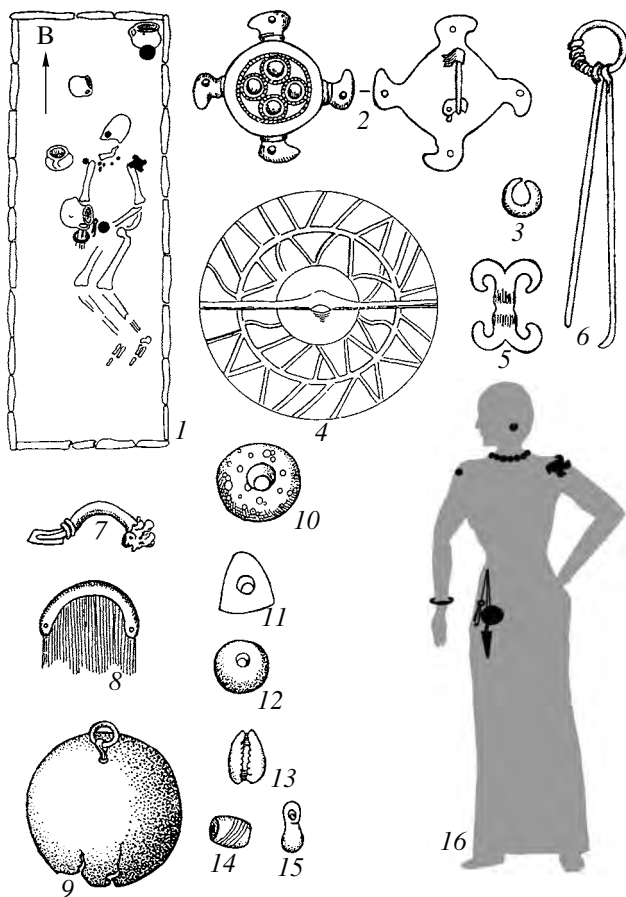

Рис. 1. Погребение 3 некрополя Гиляч. 1 – план погребения; 2–15 – погребальный инвентарь; 16 – предлагаемая реконструкция костюма (1–15: Минаева, 1951; 16: Мастыкова, 2005). Без масштаба.

Из Средиземноморья этот “фибульный” престижный костюм с брошами распространяется на Северном Кавказе (Kazanski, Mastykova, 1999; Мастыкова, 2000; Прокопенко, 2001; 2001a). И с появлением этого убора Северный Кавказ тоже оказывается в зоне влияния общеевропейского феномена *imitatio imperii*, который охватил практически весь Барбарикум вплоть до самой Скандинавии (Vierck, 1981).

Средиземноморский престижный убор мог попасть на Северный Кавказ различными путями, например в виде дипломатических даров. Из рассказа Менандра о византийском посольстве Земарха к тюркам в 568 г. известно, что через Северо-Западный Кавказ проходило два ответвления Великого Шелкового пути – Мисимианская и Даринская дороги (Менандр Византиец, 2003. Отр. 22. Ibid. 109, 110. С. 275). Судя по этому сообщению Менандра, это были коммуникации, хорошо известные аланам, византийцам и персам, видимо, возникшие задолго до середины VI в. Они соединяли степи Северного Кавказа с восточным берегом Черного моря, который находился под

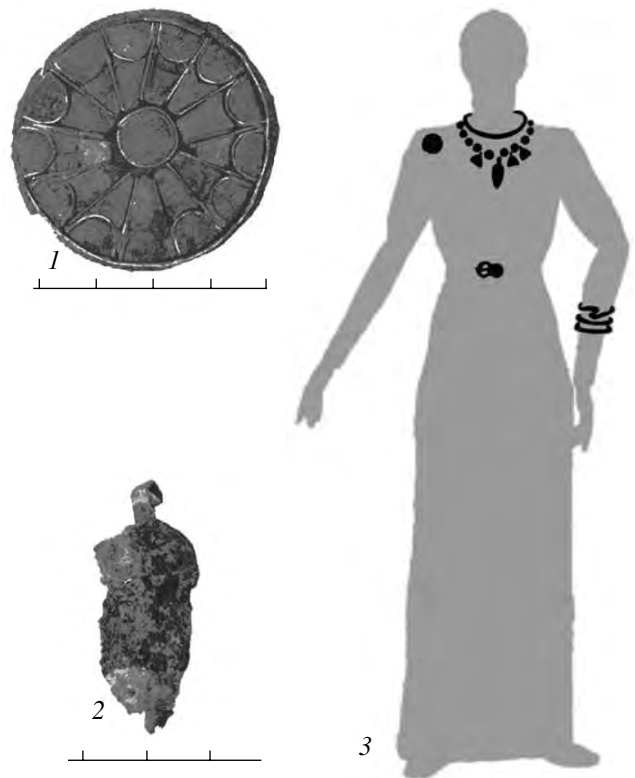

Рис. 2. Погребение 2, 1936 г., могильника Пашковский 1. 1, 2 – погребальный инвентарь; 3 – предлагаемая реконструкция костюма (1, 2: Анфимов, 1936).

военным контролем Восточно-Римской империи. Военные, политические, экономические и культурные контакты Византии с аланами осуществлялись именно по этим путям. Как свидетельствует Агафий, византийские послы, выплачивающие ежегодные субсидии аланам с “древних времен”, проезжали по территории закавказских мисимиан, т.е. по Мисимианской дороге (Агафий о царствовании Юстиниана, 1953. Кн. III. 15. С. 86, 87).

Императорские пожалования, безусловно, способствовали распространению у варваров престижной византийской моды. Например, Юстиниан подарил предводительнице союзных северокавказских савир царице Воа “много царской одежды, различной серебряной посуды и немало денег” (Иоанн Малала, 2001. Кн. XVIII. С. 469). Скорее всего под одеждой здесь имеется в виду “статусный” костюм, вроде того, что получали от императора цари лазов в виде инсигний власти: “Этими инсигниями являлись золотая корона, усеянная драгоценными камнями, и хитон, шитый золотом, опускающийся до пят, пурпуровые сапоги и митра, равным образом украшенная золотом и ценными камнями. Пурпуровую же хламиду носить царям лазов не положено. Но разрешена только белая, однако не обычная. Посредине с обеих сторон отсвечивает она золотым шитьем, с императорской фибулой на хламиде, украшенной

драгоценными камнями и другими свешивающимися вниз украшениями” (Агафий о царствовании Юстиниана, 1953. Кн. III. 15. С. 86).

Наверное, правители лазов и савир были не единственными персонами на Кавказе, получавшими такого рода подарки из Византии.

В качестве примеров можно привести еще и другие случаи дарений одежды и убора, получаемых варварами из Константинополя. Авары получали в подарок от Юстиниана цепочки, украшенные золотом шелковые одежды и множество других вещей (Менандр Византиец, 2003. Отр. 5. Ibid. 100. С. 236). Позднее, при Юстине II авары также получают “обычные” подарки, по установленному Юстинианом обычаю, в состав которых входят золотые цепи и “другие предметы неги” (Менандр Византиец, 2003. Отр. 14. Exс. De leg. gent. 101–103. С. 258). Император Ираклий у стен осажденного Тбилиси дарит предводителю тюркских союзников свой венец, императорские одежды и украшенные жемчугом серьги. Подобные серьги получает и окружение тюркского предводителя (Патриарх Никифор, 1980. 622. С. 159, 160; см. подробнее: Засецкая и др., 2007. С. 93, 94). Вне всякого сомнения константинопольские подарки очень скоро стали имитироваться в убранстве ближайшего окружения местных правителей, а затем и остального населения.

Рассмотрим восточногерманский престижный костюм. Определяющим для этого убора является наличие одной или двух двупластинчатых фибул восточногерманской традиции на плечах или пары таких фибул на грудной клетке погребенных. Такой убор на Северном Кавказе представлен почти исключительно на готском могильнике Дюрсо под Новороссийском (погребения 292, 408, 410, 420, 483, 490, 500, 516, 517; см.: Дмитриев, 1982) (рис. 3–5).

Костюм с большими двупластинчатыми фибулами на груди или на плечах признается всеми исследователями восточногерманским по происхождению. Его прототип существует в черняховской культуре. Так, например, для черняховской культуры парные двупластинчатые фибулы известны на могильниках Михалашени, Изворул, Сумы-Сад, Сынтана-де-Муреш, Александру Одобеску, Могошани, Черняхов, Николаевка и т.д. Женский костюм у черняховцев включал в себя пару фибул, ожерелье из бус, часто (но далеко не всегда) сопровождаемые поясной пряжкой, к поясу иногда привешены гребень и/или набор туалетных принадлежностей. В костюм также входили подвески из ракушек и костяные пирамидальные подвески (Mastykova, 2007).

Вне черняховской зоны погребения с парами малых и средних двупластинчатых фибул восточногерманской традиции известны в Крыму (Скалистое, Керчь, Илурат, Заморское), Галлии

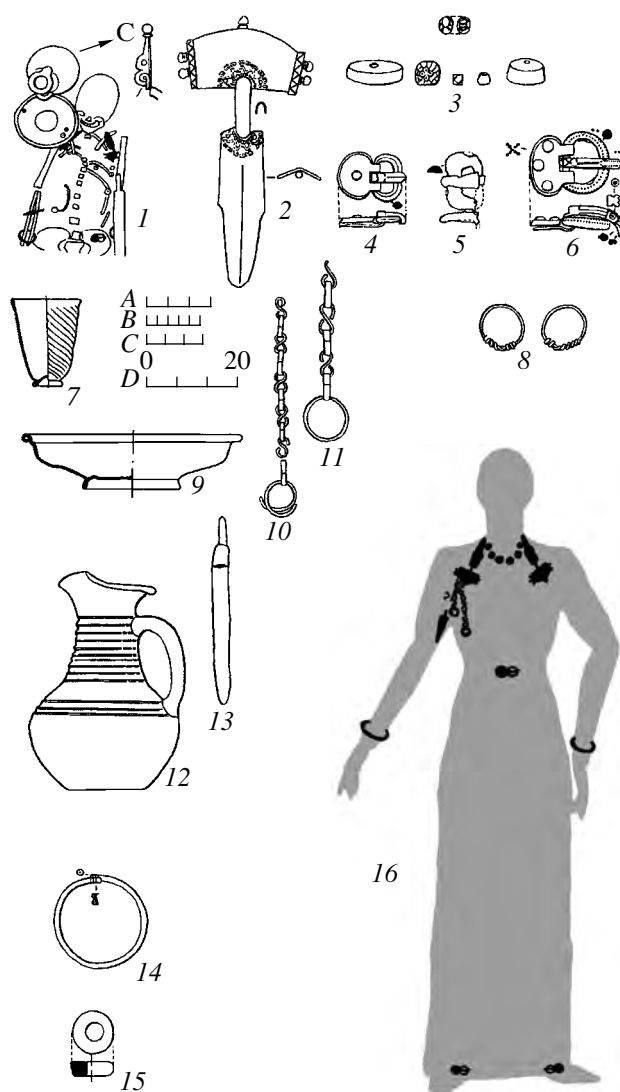

Рис. 3. Погребение 408 некрополя Дюрсо. 1 – план погребения; 2–15 – погребальный инвентарь; 16 – предлагаемая реконструкция костюма (1–15: Дмитриев, 1982). Масштабы: А – 2; В – 7, 9, 12; С – 3–6, 8, 10, 11, 14, 15; Д – 13.

(Реймс, Труа, долина Соны), Италии (Виллафонтана, оз. Варезе), Северной Африке (Кудиат-Затер около Карфагена), Испании (находка где-то в юго-западной части страны), в карпатском бассейне (Геленч, Чаня, Чонград, Роман, Печ-Басхалом, Чонград-Кетгесхалом) (Mastykova, 2007).

Костюм с большими фибулами возникает на Дунае около 400 г. в аристократической среде под влиянием черняховского и “понтийского” костюмов и отсюда распространяется от Пиренеев до Кавказа (Амброз, 1966. С. 86–91; Kazanski, Périn, 1997). Наиболее близкой от Северного Кавказа точкой его распространения является, пожалуй, Боспор Киммерийский (Damm, 1999. Abb. 57). Во второй половине V в. формируется его “демократическая”, более “дешевая” версия, хорошо пред-

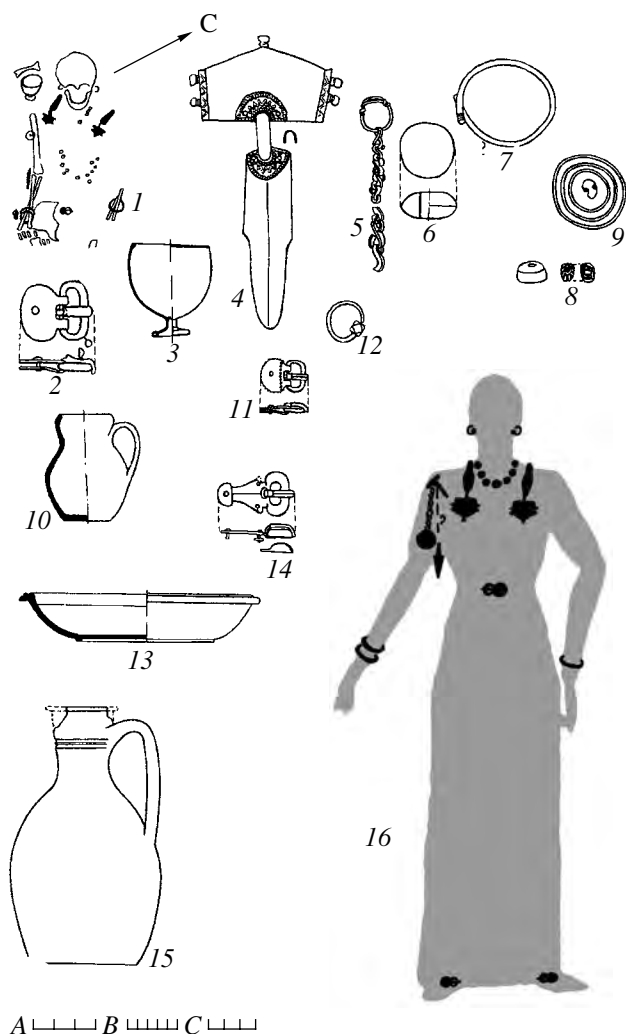

Рис. 4. Погребение 410 некрополя Дюрсо. 1 – план погребения; 2–15 – погребальный инвентарь; 16 – предлагаемая реконструкция костюма (1–15: Дмитриев, 1982). Масштабы: А – 4; В – 3, 10, 13, 15; С – 2, 5–9, 11, 12, 14.

ставленная у испанских визиготов, у восточногерманских выходцев в Северной Галлии, а затем у крымских готов страны Дори (Pégin, 1993; Kazanski, 1996), в то время как у балкано-дунайских германцев и италийских остроготов их вытесняют модные пальчатые фибулы.

За пределами восточногерманского мира, как например в Северной Галлии или степной Украине, такой костюм (именно костюм, а не отдельные фибулы) появляется в исключительных случаях, всегда свидетельствующих о физическом присутствии каких-то групп или отдельных лиц восточногерманского происхождения (Kazanski, 1996; Mastykova, 2007).

На Северный Кавказ, как уже говорилось, восточногерманский убор с двупластинчатыми фибулами был “занесен” готами-тетракситами, при-

шедшими из Крыма. На материалах готского могильника Дюрсо можно заметить начало трансформации этого костюма. Так, готы включают в свой убор с двупластинчатыми фибулами гривны, что необычно для германцев (погребения 292, 483, 500, 516 некрополя Дюрсо) (рис. 5). Парность фибул, доминирующая в дунайском костюме, на могильнике Дюрсо отмечена только лишь в четырех случаях (погребения 408, 410, 420, 483) (рис. 3–5).

Подобная адаптация некогда престижного германского костюма с двупластинчатыми фибулами хорошо известна у негерманских народов в V–VI вв. Двупластинчатые фибулы местных форм распространяются у балтов Восточной Пруссии (Кулаков, 1990. Табл. 2, 1, 2; 6, 7, 10; 9, 13; 10, 17, 23; 12, 3, 8, 14 и т.д.), прибалтийских финнов на территории современной Финляндии (Kivikoski, 1973. Taf. 12, 94; 13, 98; 26, 213 и т.д.), финно-угорского населения лесной зоны в бассейне Оки и Волги (Краснов, 1980. Рис. 34, 2, 3; Гришаков, Зеленева, 1990. Рис. 8, 5), на Южном Урале (Амброз, 1980. Рис. 3) и даже на Аральском море у населения джеты-асарской культуры (Левина, 1996. Рис. 140)³. Очевидно, что в ряде случаев, например на Урале или в Средней Азии, реальное германское присутствие маловероятно, речь скорее идет именно о моде.

Постепенная трансформация германского женского убора хорошо прослеживается не только в Восточной Европе, но и на западноевропейском материале. Для Северной Галлии М.М. Казанским и П. Переном выделена группа чужеродных могил раннемеровингского времени (450/480–510/530 гг.), принадлежавших восточным германцам (визиготам, остроготам и выходцам с Дуная), аламаннам, тюрингам, лангобардам, англо-саксам и пр. (Kazanski, Pégin, 2006). Среди них выделяются могилы с типичным восточногерманским убором, где двупластинчатые фибулы располагаются на плечах погребенных, как это принято у восточных германцев (например погребение 359 некрополя Сен-Мартен-де-Фонтенэ в Нормандии).

Однако в ряде других могил четко прослеживаются изменения в уборе. В восточногерманский костюм начинают включать различные местные элементы, такие как дополнительные броши (погребение 756 некрополя Вик, погребение 19 не-

³ В то же время интересно отметить практически полное отсутствие германского костюма, за очень редкими исключениями, у некоторых восточноевропейских этносов, явно находившихся в контакте с восточными германцами, например, у славян, балтов или прибалтийских финнов на территории современной Эстонии, а также у населения лесной зоны Белоруссии и России к западу от Оки, хотя другие германские элементы (в частности фибулы) в их костюме известны. Это скорее всего сознательное отторжение чужой моды, возможно связанное с военно-политической ситуацией.

крополя Гриньи в парижском регионе; погребение 270 Сен-Мартен-де-Фонтенэ в Нормандии). Отмечены случаи, когда восточногерманские фибулы заменяются на местные пальчатые меровингские типы, но при этом носят их на “готский” манер, т.е. на плечах (например погребение 741 Сен-Мартен-де-Фонтенэ), или, что отмечается наиболее часто, восточногерманские фибулы (доставшиеся по наследству?) помещают на поясе или в нижней части костяка, как это принято у франков (погребение 859 некрополя Кютри в Лотарингии, погребение 300 Сен-Мартен-де-Фонтенэ в Нормандии, погребение 140 некрополя Нувион-ан-Понтье в Пикардии; см.: Kazanski, Périn, 2006). При этом в некоторых случаях можно достоверно утверждать, что речь идет не о франках, позаимствовавших чуждые им вещи, а именно о потомках выходцев из Восточной или Центральной Европы. Так, в погребении 300 Сен-Мартен-де-Фонтенэ, где пара двупластинчатых фибул находилась на тазе погребенной, т.е. по “меровингской моде”, череп носит следы искусственной деформации – явно “восточный” обычай, крайне редкий в Северной Галлии. Французские исследователи вполне обоснованно предполагают, что такие погребения отражают постепенную интеграцию восточногерманских выходцев (“второе поколение”?) в романо-франкскую среду (Kazanski, Périn, 2006).

Существование международной моды на Северном Кавказе нисколько не противоречит сказанному выше о традиционности женского “варварского” костюма. Мода интернационального характера была изначально аристократической, т.е. отражала культуру наиболее мобильной, полиэтничной и подверженной внешним влияниям социальной группы. В этом социальном стратуме мода играла престижную роль маркера правящей группы, она подчеркивала особое положение ее носителей, их политическую и культурную ориентацию, их связи с другими престижными кланами и правящими фамилиями Европы и Азии. Аристократическая или “княжеская” мода рано или поздно начинает копироваться другими слоями населения. При этом инородное происхождение тех или иных элементов в костюме как правило уже не осознается⁴.

⁴ Приведу подобный пример распространения моды, хотя уже и из другой эпохи: “В 1192 году султан Саладин преподнес и послал графу Генриху де Шампань великолепную тунику и тюрбан. Граф ответил, что обязательно будет носить его подарки, тем более что император Бодуэн I уже подал пример и при въезде в Иерусалим (1100) был одет в тканый золотой бурнус. Франкские женщины, обосновавшиеся на востоке, не замедлили последовать этим примерам и восприняли барберийские моды. Они носили длинные платья с расширенными рукавами из муслима (расшитый золотом шелк из Мосула), из газа и крепа местной выработки индийской работы, а также китайские платки” (Boucher, 1965).

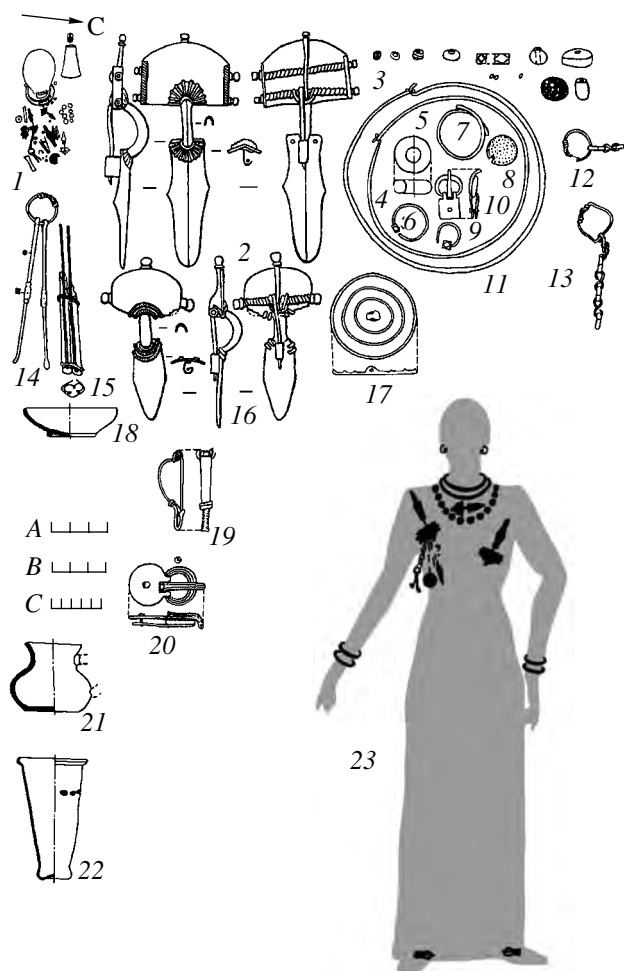

Рис. 5. Погребение 483 некрополя Дюрсо. 1 – план погребения; 2–22 – погребальный инвентарь; 23 – предлагаемая реконструкция костюма (1–22: Дмитриев, 1982). Масштабы: А – 2, 16, 19, В – 3–15, 17, 20; С – 8, 21, 22.

Эта “демократизированная” мода хорошо представлена в археологическом материале эпохи Великого переселения народов. Не стоит забывать, что погребальные памятники на сегодняшний день – это основной источник наших знаний о варварском костюме, которые отражают прежде всего культуру “среднего класса”. Основная масса известных датированных могил, содержащих типичные предметы женского убора (как правило крупные, но из недорогих металлов), принадлежит именно рядовым, но достаточно состоятельным членам слабо дифференцированного социума варваров эпохи переселения народов (Амброз, 1968. С. 22; Christlein, 1973). Могилы аристократии все-таки редки или отсутствуют вовсе, а погребения “низших” слоев населения с трудом подвергаются надежной датировке из-за бедности погребального инвентаря.

Возникновение и быстрое распространение “княжеской” интернациональной моды в эпоху

Великого переселения народов обуславливалось конкретной исторической ситуацией того времени. Воины самого различного происхождения бок о бок сражались в рядах позднееримской/ранневизантйской армии или противостоящих ей варварских дружин. Разноплеменные князья и вожди составляли двор престижных варварских предводителей (например таких, как Атила или Теодорих), они входили также и в состав военной знати поздней Римской империи. Представители знати легко перемещались от одного королевского двора к другому, часто на очень большие расстояния. Так, скандинавский король Родвulf прибыл ко двору итало-острэготского короля Теодериха (Иордан, 2001. 24. С. 65), лангобардский принц Ризнульф с Дуная уехал в изгнание к североморским варнам (Прокопий из Кесарии, 1950. Кн. III. 35.15. С. 357), а острэготский принц Видимер Амал переселился со своим двором и дружиной со Среднего Дуная в визиготское королевство в Южной Галлии (Иордан, 2001. 284. С. 116).

Хорошо известны многочисленные междинастические браки европейских королевских домов (например скандальный брак Хильдерика и Базини; Grégoire de Tours, 1975. Т. I. V. 27. L. II, XII. P. 102, 103), а также межэтнические браки в среде варварской аристократии (главнокомандующий армией Западной Римской империи Стилихон был наполовину вандалом, наполовину свевом). Биографии таких персонажей, как Аэций, Орест, Хильдерик, Одоакр, Теодорих, Мунд служат прекрасной иллюстрацией мобильности варваризованной знати конца Римской империи (Ellegård, 1986. P. 53).

Особое внимание, как мне кажется, следует уделить роли отдельных престижных кланов в формировании моды. Известно, например, из "Истории августов", апокрифического сочинения конца IV – начала V в., что отдельные знатные римские *familia* имели отличительные черты в декоре их костюма: женщины из фамилии *Macriani* носили вуали для прически, браслеты, перстни, пояса, украшенные изображением Александра Македонского, и это изображение имелось также на туниках или плащах (Histoire auguste, 1994. XXIV. Les trente tyrans. Quiétus. XIV. 4. P. 885). Вполне допустимо, что подобное явление существовало и у варваров. Поэтому исследователи связывают, например, те или иные характерные элементы североевропейского звериного стиля VI–VII вв. с отдельными элитными кланами (Høilund Nielsen, 1998; 1999; 2000. P. 167, 168). Возвышение и падение этих правящих кланов, их политическая история должны были влиять на развитие и распространение моды среди их сторонников.

Анализ французской придворной моды XVII в. позволил М.И. Килошенко исследовать ее психо-

логические механизмы. Так, например, следование королевской моде этого периода определялось, по ее мнению, прежде всего осознанным стремлением представителей высших сословий подчеркнуть свое расположение к автору новшества, признанием его вкуса и, как следствие, желанием вызвать его расположение к себе. Помимо этого, следование королевской моде мотивировалось также стремлением показать свою принадлежность к знатному сословию, продемонстрировать свой образ жизни, приближенный хотя бы внешне, посредством костюма, к королевскому (Килошенко, 2001. С. 7–11). Все эти процессы развития интернациональной моды позднего средневековья очень напоминают процессы формирования международной моды в эпоху Великого переселения народов, о которой я говорила выше. В этих процессах задействованы те же психологические механизмы и факторы, учитываются социальные установки. мода, и особенно интернациональная, рассматривается как знаковая система. Появление интернациональной моды, как уже указывалось, несколько не противоречит существованию "традиционного костюма" или "национального костюма". Наоборот, это закономерный процесс, поскольку мода – многофункциональное социально-психологическое явление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агафий о царствовании Юстиниана / Пер., статья и прим. М.В. Левченко. М.; Л., 1953.
- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д 1–30.
- Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. 1968. Вып. 113.
- Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
- Анфимов Н.В. Отчеты Н.В. Анфимова о раскопках Краснодарского городища на Дубинке о исследовании погребений на могильнике № 4 ст. Пашковской и на Краснодарском могильнике за кожзаводами (бл. Афонского перекопа) за 1936 г. Отчет о раскопках могильника № 1 ст. Пашковской в 1936 г. // Архив ИИМК РАН. 1936. Ф. 2. № 236.
- Беляев Н.М. Очерки по византийской археологии. I. Фибула в Византии // Seminarium Kondakovianum. III. Prague, 1929.
- Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола, 1990.
- Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.
- Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из

- Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.
- Иоанн Малала. Хронография // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. и ком. А.А. Чекаловой. СПб., 2001.
- Иордан. О происхождении и деяниях готы “*Getica*” / Лат. текст, пер. и ком. Е.Ч. Скржинской. СПб., 2001.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // ИАА. Вып. 4. Армавир; М., 1998.
- Капелле Т. Славяно-скандинавское художественное ремесло эпохи викингов // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989.
- Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.
- Килошенко М.И. Психология моды. СПб., 2001.
- Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. М., 1980.
- Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. // САИ. 1990. Вып. Г1–9.
- Левина Л.М. Этнокультурная история восточного Приаралья. М., 1996.
- Мастыкова А.В. Средиземноморские элементы в женском костюме у населения Северного Кавказа (V–VI вв.) // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000.
- Мастыкова А.В. Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами на Северном Кавказе в V–VI вв. // РА. 2005. № 1.
- Мастыкова А.В., Казанский М.М. О происхождении “княжеского” женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // Городцовские чтения. Материалы науч. конф., посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003. П. Тр. ГИМ. Вып. 145. М., 2005.
- Менандр Византиец. Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. С.Ю. Дестуниса. Рязань, 2003.
- Минаева Т.М. Археологические памятники на р. Гиляч в Верховьях Кубани // МИА. 1951. № 23.
- Патриарх Никифор. “Бревиарий” // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора / Греч. текст, пер., ком. И.С. Чичурова. М., 1980.
- Петрухин В.Я. Об особенностях славяно-скандинавских отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1981 г. М., 1983.
- Прокопенко Ю.А. Многолепестковые инкрустированные фибулы из памятников Северного Кавказа // ИАА. Вып. 7. Армавир; М., 2001.
- Прокопенко Ю.А. О многолепестковых инкрустированных фибулах как элементе средиземноморской моды у населения Северного Кавказа в V–VI вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001а.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950.
- Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1973 г. // Архив ИА РАН. 1973. Р-1. № 5009.
- Стальсберг А. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. (по археологическим собраниям СНГ) // Археологические вести. № 3. СПб., 1994.
- Терешикович Т.А. Словарь моды. Терминология, история, аксессуары. Минск, 1999.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000.
- Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.
- Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa, 2001.
- Böhme H.W. Les Thuringiens dans le Nord du royaume franc // Revue Archeologique de Picardie. № 3, 4. Amiens, 1988.
- Bona I. A l’aube du Moyen Age. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates. Budapest, 1976.
- Boucher F. Histoire du costume en Occident de l’antiquité à nos jours. P., 1965.
- Christlein R. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 20. Mainz, 1973.
- Damm I.G. Völkerwanderungszeitliche Frauentracht // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999.
- Ellegård A. The ancient Goths and the concepts of tribe and migration // Vetenskap och Omvärdering. Till Curt Weibull på hundraårsdagen. Göteborg, 1986.
- Grégoire de Tours. Histoire des Francs. T. I. V. 27 (traduite du latin par P. Latouche). P., 1975.
- Histoire auguste (texte latin et traduction en français d’A. Chastagnol). P., 1994.
- Højilund Nielsen K. Animal style. A symbol of might and myth. Salin’s Style II in a European context // Acta Archaeologica. № 69. Kobenhavn, 1998.
- Højilund Nielsen K. Style II and the Anglo-Saxon Elite // Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History. 1999. № 10.
- Højilund Nielsen K. The Political Geography of Sixth- and Seventh-Century Southern and Eastern Scandinavia on the Basis of Material Culture // Archaeologia Baltica. № 4. Vilnius, 2000.
- Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve et au VIe ss. // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
- Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la region mediterraneenne aux V–VI siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. Bd. 5. Mainz, 1999.
- Kazanski M., Périn P. Les Barbares “orientaux” dans l’armée romaine en Gaule // Antiquités Nationales. № 29. Saint-Germain-en-Laye, 1997.
- Kazanski M., Périn P. Les tombes féminines a costume “étranger” dans les nécropoles mérovingiennes de Gaule // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia “germanica” (ss. V–VII). Balance y Perspectivas // BAR. 2006. Intern. Ser. 1534.

- Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
- Koch A.* Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich. Mainz, 1998.
- Martin M.* Zur frühmittelalterlichen Gürteltracht der Frau in der Burgundia, Francia und Aquitania // L'art des invasions en Hongrie et en Wallonie. Mariemont, 1991.
- Martin M.* Fibel und Fibeltracht. Späte Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit auf dem Kontinent // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8. Lieferung. 5/6. Berlin; N.Y., 1994.
- Mastykova A.* Le costume féminin de la civilisation de Černjahov avec des fibules en tôle métallique // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Brno, 2007.
- Mastykova A., Kazanski M.* A propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia "germánica" (ss. V–VII). Balance y Perspectivas // BAR. 2006. Intern. Ser. 1534.
- Périn P.* L'armée de Vidimer et la question des dépôts funéraires chez les Wisigoths en Gaule et en Espagne (V–VI ss.) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye, 1993.
- Quast D.* Mediterrane Scheibfibeln der Völkerwanderungszeit mit Cloisonnéverzierung typologische und chronologische Übersicht // Archäologisches Korrespondenzblatt. Jahrgang 36. 2006. H. 2.
- Vallet F.* Regards critiques sur les témoins archéologiques des Francs en Gaule du Nord à l'époque de Childéric et de Clovis // Antiquités Nationales. № 29. Saint-Germain-en-Laye, 1997.
- Vierck H.* Imitatio imperii und Interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit // Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981.
- Werner J.* Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wanderhandwerk-Handel-Familienverbindung) // Early Medieval Studies 1 (Antikvariskt Arkiv 38). Stockholm, 1970.

“Princely” fashions of the Great Migration period and woman’s costume in the Northern Caucasus

A. V. Mastykova

Summary

The article considers the influence of international “princely” fashions on woman’s costume in Central and Western Ciscaucasia at the time of the Great Migration period (end of the 4th – first half of the 6th c.). In traditional societies, woman’s costume is generally not an object of trade and spreads outside the area of a certain civilization only together with its bearers, for instance, in the event of interethnic marriages or some extraordinary events. At the same time, the phenomenon of international woman’s fashions found its reflection in barbarian antiquities of the Great Migration period. At the time in question, two distinct types of woman’s costume can be recorded in Central and Western Ciscaucasia, – the Mediterranean type and the East Germanic type.

О СЛЕДАХ “КОСЫХ ОСТРОГОВ” X В. НА ГОРОДИЩАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2008 г. Ю. Ю. Моргунов

Институт археологии РАН, Москва

Основной признак остатков древних укреплений – земляные валы, на склонах которых встречаются разнородные обкладки, а в недрах прослеживаются следы бревенчатых конструкций. Они до сих пор вызывают пристальный интерес и нестихающую полемику об их первоначальном виде и оборонительном назначении. Так, одни исследователи находили в этих якобы намеренно создававшихся насыпях самостоятельную оборонительную нагрузку. Другие вкладывали в возведение валов увеличение защитного преимущества крепостных стен, приподнятых над уровнем окружающей местности, а третьи принимали их за остатки крепостных преград, руины которых под воздействием времени приняли валообразные очертания. Известны и соображения, сглаживавшие остроту противоположных взглядов.

В публикации материалов северянского городища Рать на Сейме появилась новая гипотеза о применении северянами в X в. однорядных укреплений – наклонных частоколов из расколотых вдоль бревен, опирающихся на специально насыпанные земляные валы. Прочность конструкции обеспечивалась устроенным на гребне вала и жестко скрепленным с частоколом настилом боевого хода (Енуков, Енукова, 1993. С. 47–50), рис. 1, 1. В общих чертах это сооружение напоминает “косые остроги” позднего средневековья и нового времени, снабженные амбразурами для ведения ружейного обстрела. Усложненный вариант такого защитного устройства, дополненный помостом для двухуровневой стрельбы, в свое время был реконструирован М. Красовским (1916. С. 95. Рис. 100а), рис. 1, 2.

Наклонные частоколы обнаружили также среди древнейших укреплений летописного Курска (Енуков, 1998. С. 86, 89) и на городище X–XIII вв. у с. Капыстичи (Зорин, 2003. С. 374, 375). Постепенно эти сооружения стали восприниматься в качестве фортификационной новации древних обитателей курского Посеймья (Енуков, 1995. С. 31). А в итоге идея северянского приоритета в изобретении “косых острогов” вылилась в заключение о том, что их массовое применение в XVII–XVIII вв. было своеобразным фортификационным “ренессансом” укреплений X в. (Енуков, 2005. С. 81, 82).

Оригинальность идеи побудила вновь изучить известные материалы.

Для этого вернемся к ее истокам – к разрезу напольного вала Большого городища у с. Горналь: именно он подвинул В.В. Енукова на новое истолкование защитной роли наклонных оборонительных устройств. Впервые анализ строительных периодов этого вала (последовательных циклов воссоздания разрушенных укреплений) был сделан А.В. Кузой (1974; 1981. С. 31, 37). Эти выкладки не вызвали сомнений, и Горналь стал эталоном крепостной защиты летописных северян. Но с появлением новой модели прежние выводы, видимо, требуют некоторого уточнения.

Для наглядности неоднократно публиковавшийся профиль я графически “очистил” от дернового слоя, перекопов и более поздних осей (рис. 2). Черной заливкой помечены остатки сохранившихся *in situ* горевших и истлевших бревен и плах: это реальные остатки бревенчатых конструкций. Серой заливкой выделены прослойки, включающие значительное количество древесного тлена, угля и золы, представляющие собой руинированные остатки древо-земляных укреплений (рис. 2, I). Затем, для наглядности и в соответствии с заключением автора исследований, монолит чертежа был условно разделен на строительные периоды.

Известно, что первоначальная преграда строилась поверх скифского культурного слоя, а ее руины сложились в невысокий краевой вал (рис. 2, II, 1). По первому описанию, в валу были прослежены “продольные деревянные конструкции в два венца (Вознесенская и др., 1972. С. 96). А в полевом отчете они зафиксированы как бревна, уложенные параллельно и перпендикулярно продольной оси вала (Куза, 1974. С. 37). Несомненно, это остатки крепостной стены из забутованных грунтом срубных городней, но никак не увиденный В.В. Енуковым настил боевого хода (2005. С. 79, 80).

Следует уточнить, что в 70-е годы прошлого века доминировало мнение о примитивных частокольных укреплениях северян, поэтому в публикации 1981 г. этот спорный момент был опущен. Но итоги массового изучения городищ всей территории Руси, опубликованные только после смерти автора (Куза, 1996), подтвердили существование срубных укреплений этого времени, поэтому да-

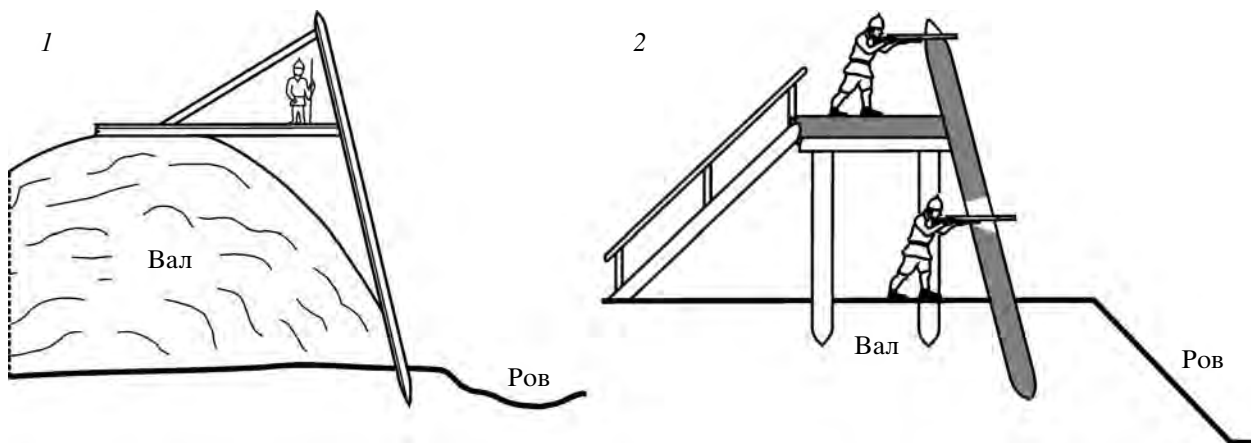

Рис. 1. Реконструкции первоначального облика «косых острогов». 1 – защитная система городища Рать (по В.В. Енукову); 2 – двухъярусное позднесредневековое сооружение (по М. Красовскому).

лее исследователь смог уверенно заявить, что северяне строили «не только частоколы, но и деревянные стены (как в Титчихе и Горнале)» (Куза, 1985. С. 168). Ныне срубные укрепления носителей роменской культуры летописных северян изучены значительно шире, и вывод А.В. Кузы сомнений не вызывает (Григорьев, 2000. С. 65).

Городищенский останец был отрезан от плато оврагом, поэтому с внешней стороны стен его склон был круто подрезан эскарпом, в основании которого был вырыт неглубокий ров¹ (Куза, 1974. С. 38). При разрушении первоначальных укреплений часть их обгоревших остатков осыпалась на ступеньку эскарпа, и склон вновь стал пологим (рис. 2, II, 2).

Как известно, площадь внутренней крепостной застройки ограничена пределами останца, поэтому создание укреплений второго строительного периода требовало расширения их основания в сторону оврага: ленты подсыпок как из обгоревших, так и из нетронутых огнем руин хорошо прослеживаются на профиле разреза (рис. 2, II, 3).

Но рыхлые осыпи могли не выдержать тяжесть новых стен, поэтому с полуметровым отступом от них была изготовлена наклонная крепь из разреженного частокола. Его бревна устанавливались цепочкой в 20 см друг от друга, а промежуток между ним и осыпью плотно забивался материковым мелом, глиной и остатками пожарища (Куза, 1974. С. 38). Снаружи от облицовки в склоне оврага была вырезана вторая ступенька (рис. 2, I).

¹ В фортификации подрезку пологого склона принято называть «эскарпом», у подножия которого остается горизонтальная или несколько углубленная полоса-ступенька. В 70-е годы XX в. этот термин еще не вошел в широкий археологический обиход, поэтому А.В. Куза применил общепринятое определение «ров», тем более что функционально эскарпы Горналя действительно играли роль внутренних склонов рвов.

В итоге верхний край забутовки принял очертания крепостной бермы: отступя от нее поверх осыпей была построена забитая материковым мелом более высокая стена (она разрушена позднейшими перекопами). В современном виде остатки частокола второго строительного периода, естественно, возвышались над основанием первоначального сруба, и в предварительной публикации он был ошибочно увязан с наиболее ранней стеной (Вознесенская и др., 1972. С. 96).

Сходные реконструктивные мероприятия применялись после пожара в процессе следующего, третьего, строительного периода создания укреплений. Склон нового эскарпа теперь закрепляли сплошной облицовкой из дубовых плах шириной до 60 см, перед которой оставлена широкая берма (рис. 2, 4). Основание новой крепостной преграды, для создания которой использовались остатки предшествующего пожарища и культурный слой городища, вновь расширилось в сторону оврага и стало более мощным, но следы самой стены не сохранились.

И, наконец, в процессе четвертого строительного периода осыпи разрушенной преграды и склон останца вновь были подрезаны эскарпом и закреплены новым частоколом: его бревна крепились продольными жердями толщиной 10 см (Куза, 1974. С. 38, 39) (рис. 2, 5).

Схожий взгляд на облицовки описанных выше эскарпов публиковались А.В. Григорьевым (2000. С. 71, 72), но и он не обнаружил в Горнале специально насыпанного вала или остатков настила боевой площадки. Однако каскад частоколов им был почему-то изображен одновременным сооружением, что вызвало справедливые возражения (Енуков, 2005. С. 78, 79).

Таким образом, из ключевых посылок сторонников новейшей гипотезы на этом памятнике мы располагаем лишь разнотипными наклонными ча-

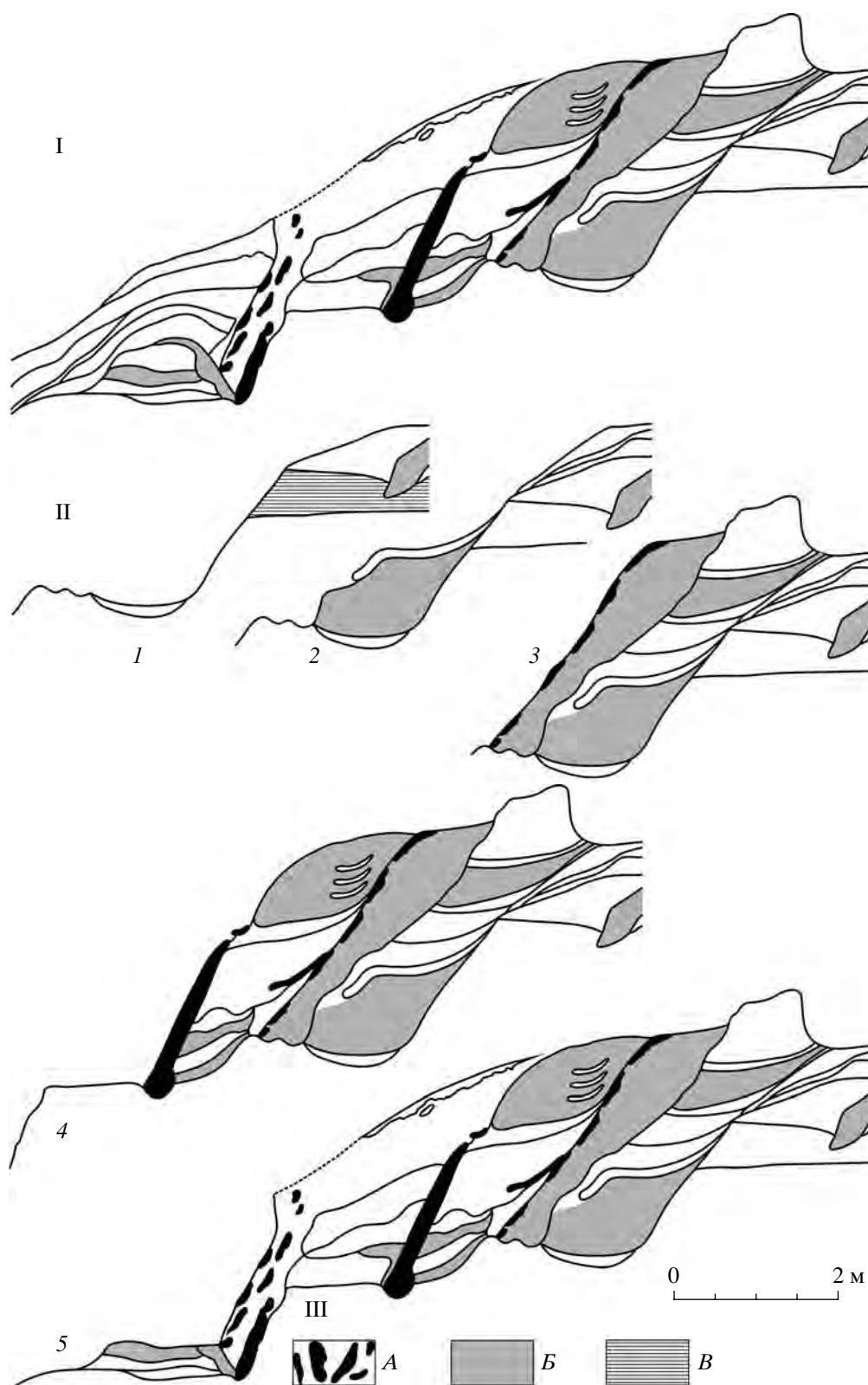

Рис. 2. Разрез вала Большого горнальского городища (по А.В. Кузе). I – профиль вала, графически “очищенный” от современного дерна, перекопов и позднейших разрушений; II – реконструкции этапов возобновления наиболее ранних укреплений (1 – остатки сооружения первого строительного периода; 2 – осыпь руин первоначальных укреплений; 3 – следы защитной преграды второго строительного периода); III – Горналь: остатки оборонительных сооружений третьего (4) и четвертого (5) строительных периодов. А – реальные остатки обгоревших или истлевших бревенчатых частоколов; Б – субструкции, содержащие переотложенные следы древних пожарниц; В – культурный слой скифского времени.

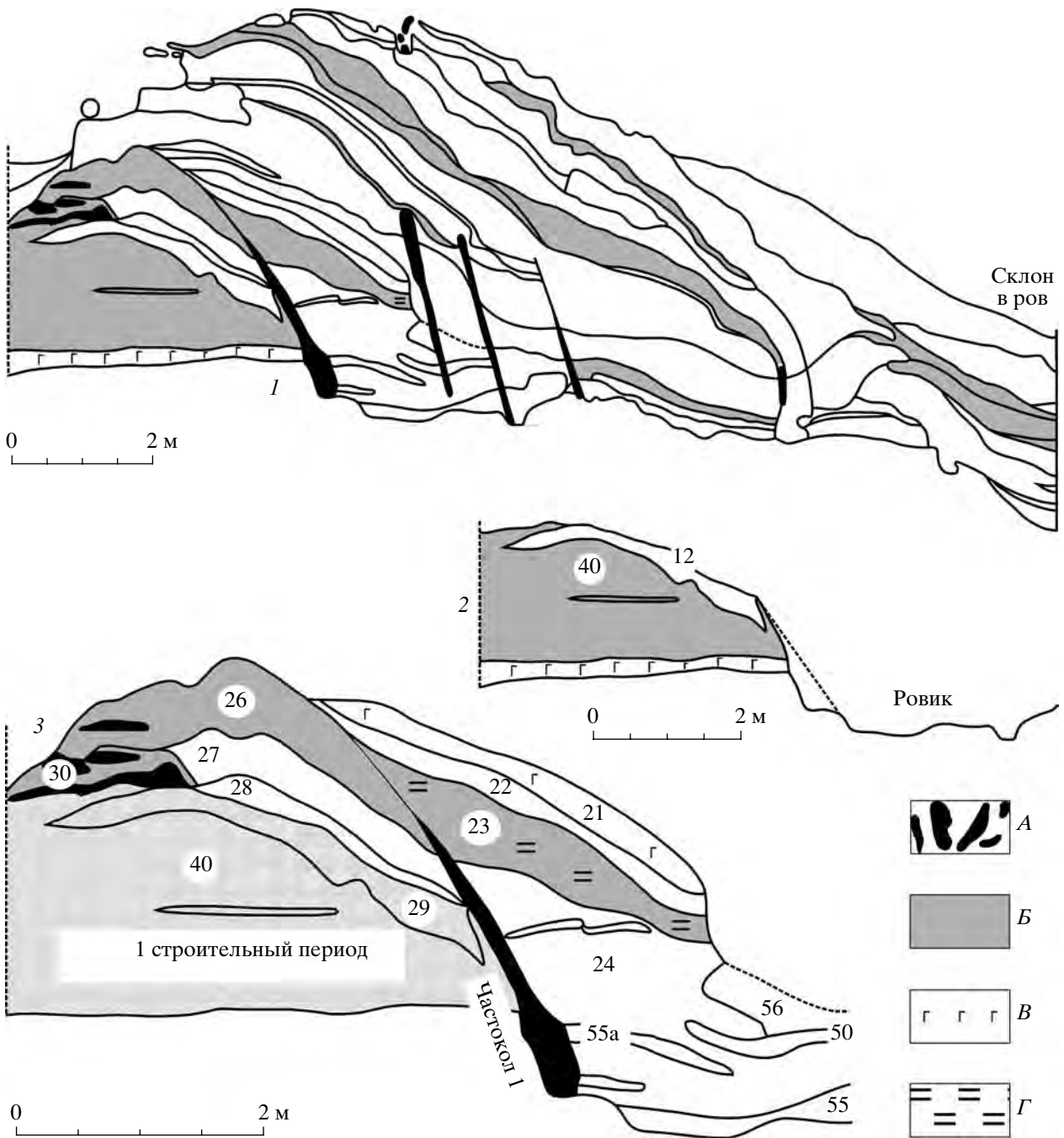

Рис. 3. Разрез вала городища Рать (по В.В. Енукову). 1 – профиль вала, графически “очищенный” от поздних осыпей и снабженный заливками по образцу Горналя; 2 – руины первого строительного периода оборонительных сооружений; 3 – второй строительный период. А – реальные остатки обгоревших или истлевших бревенчатых частоколов; Б – субструкции, содержащие переотложенные следы древних пожаров; В – гумус; Г – обгоревшая глина.

стоколами, закреплявшими осыпи предшествующих укреплений.

Сверим полученные наблюдения с разрезом вала городища Рать: его публикация, наконец, позволяет сравнить вербальное описание сооружения с конкретикой реального авторского чертежа (Енуков, 2005. С. 70–78).

Для наглядности по горнальскому образцу графически “очистим” профиль от дернового слоя, перекопов и позднейших осыпей. Плотная и разреженная заливки позволят отличить сгоревшие конструкции *in situ* от содержавших дерево руинированных осыпей древних сооружений (рис. 3, 1). Менее интересующие нас остатки сооружений скифского времени оставим за пределами рисунка,

но для соответствия приведенных наблюдений сохраним авторскую нумерацию слоев.

За осыпь укреплений первого строительного периода я принимаю суглинистую насыпь высотой 2 м² с внутренними следами продуктов горения (слой 40), перекрытую узким глинистым языком слоя 12 (рис. 3, 2). Это руины сгоревшей преграды неясной (но не столбовой) конструкции, установленной поверх погребенного дерна. Внешний край осыпи, вероятно, сначала был более пологим и подрезался в процессе последующей реконструкции. На это указывают абрисы внутреннего края эскарпа и неглубокого ровика, вырытого на его горизонтальной плоскости.

В процессе эксплуатации первоначальных укреплений ровик неизбежно заполнялся затеками, возможно, до уровня прослоек 50 и 55а (рис. 3, 3). При возобновлении укреплений (второй строительный период) в затеки ровика была врыта соответствующая горнальскому аналогу наклонная облицовка насыпи вала. Это частокол 1 из расколотых бревен, высотой около 2.3 м, возвышавшийся над откосом вала приблизительно на 70–80 см.

Затем гребень вала (слои 40 и 29) выравнивался и пополнялся подсыпкой 28 – это рабочая площадка для установки новой стены, сгоревшие бревенчатые остатки которой прослеживаются как стопка из трех углистых линз в слоях 30 и 26. По В.В. Енукову, это остатки настила боевой площадки, опиравшегося на уложенную вдоль гребня вала массивную лагу с двумя параллельными пазами (?). Внешний край настила должен был закрепляться на внутренней плоской стороне частокола, якобы достигавшего высоты 4.5 м (Енуков, Енукова, 1993. С. 48, 49; Енуков, 2005. С. 70, 75, 76).

Теоретически настил должен выдерживать вес заготовленных на случай осады камней, обрезков бревен, котлов для согревания воды; по нему, наконец, перемещались защитники крепости. Таким образом, после сгорания этого весьма прочного сооружения должно сохраниться значительное скопление углей. Но на профиле разреза их немного, а описание остатков этого ключевого для гипотезы устройства неубедительно. И, поскольку следов столбовых ям здесь нет, “стопку” из трех углистых линз в слоях 30 и 26 остается принять за развал срубной городни второго строительного периода.

В процессе пожара менее затронутая огнем забутовка этой стены рассыпалась вниз по склону и уложилась в слои 27, 24 и 56. Верхняя сильнее обгоревшая часть забутовки и каркаса уложилась в слои 26 и 23. Таким образом, руины этих укреплений (вал) достигли высоты около 3 м. Очевидно, после гибели укреплений второго строительного

периода прошел значительный промежуток времени: в слое 21 видны следы дерна.

При подготовке строительной площадки для последующего возобновления укреплений (третий строительный период) осыпи внешнего склона вала (21–24) были подрезаны, и в слои 24, 50 и 56 на глубину 1 м была вбита наклонная частокольная обкладка 2 высотой 2.7 м (рис. 4, 1). Затем подсыпками 19 и 20 был расширен гребень вала.

Здесь возникают некоторые неясности.

Во-первых, непонятна конструктивная роль возвышающейся над выровненным гребнем насыпи мощной подушки из светло-бурого суглинка (17). Ее почти горизонтальный верхний абрис и близкий к вертикали внутренний край живо напоминают очертания часто встречающейся в валах осыпи забутовки негоревшей стеновой городни. В таком случае, ее руины (слои 15 и 17) пересыпались через частокол 2, а это вызвало необходимость создания еще одной обкладки – частокола 3 (высотой 2.7 м), врезанного в слои 19, 50 и 55. В обоих случаях следов “настила” боевого хода я не обнаружил, а стратиграфическая высота частоколов, сверху ограниченных соответственно осыпями 15 и 18, не позволяет связывать их с гипотетической горизонталью настила. В зафиксированном на разрезе виде они могли служить только обкладками грунтовых осыпей.

Во-вторых, непонятно, откуда добывались использованные для строительства виды грунтов при явном отсутствии рва (ср.: рис. 3, 1). На практике известны многочисленные примеры, когда при возобновлении укреплений использовался грунт, счищенный с площадки. И тогда в валу обнаруживается множество находок, ранее выпавших в культурный слой. Но о них в тексте почти не упоминается. Возможно, отсюда происходит и некоторая обобщенность хронологических выкладок автора.

Возвращаясь к анализу разреза, подчеркну, что не менее очевидными следами стены третьего строительного периода является полуметровой высоты подушка из бурого суглинка (16), имеющая подпрямоугольное сечение³. Ее очертания обычны для забутовки срубной городни шириной 1.5 м, установленной на укрепленные глинистыми подсыпками и бревенчатыми обкладками руины предшествующих укреплений (вал) высотой 3.5 м. Разрушение этой стены зафиксировано осыпями 13, 15 и 18.

Поскольку автор только однажды упомянул о следах “настила” боевой площадки, на этом изучение профиля можно было бы и завершить. Но большой интерес представляют и следы древне-

² Ниже все размеры даются по авторским масштабам профилей валов.

³ Не исключено, что суглинистые “подушки” 16 и 17 – это следы близких по времени реконструкций обветшавших укреплений.

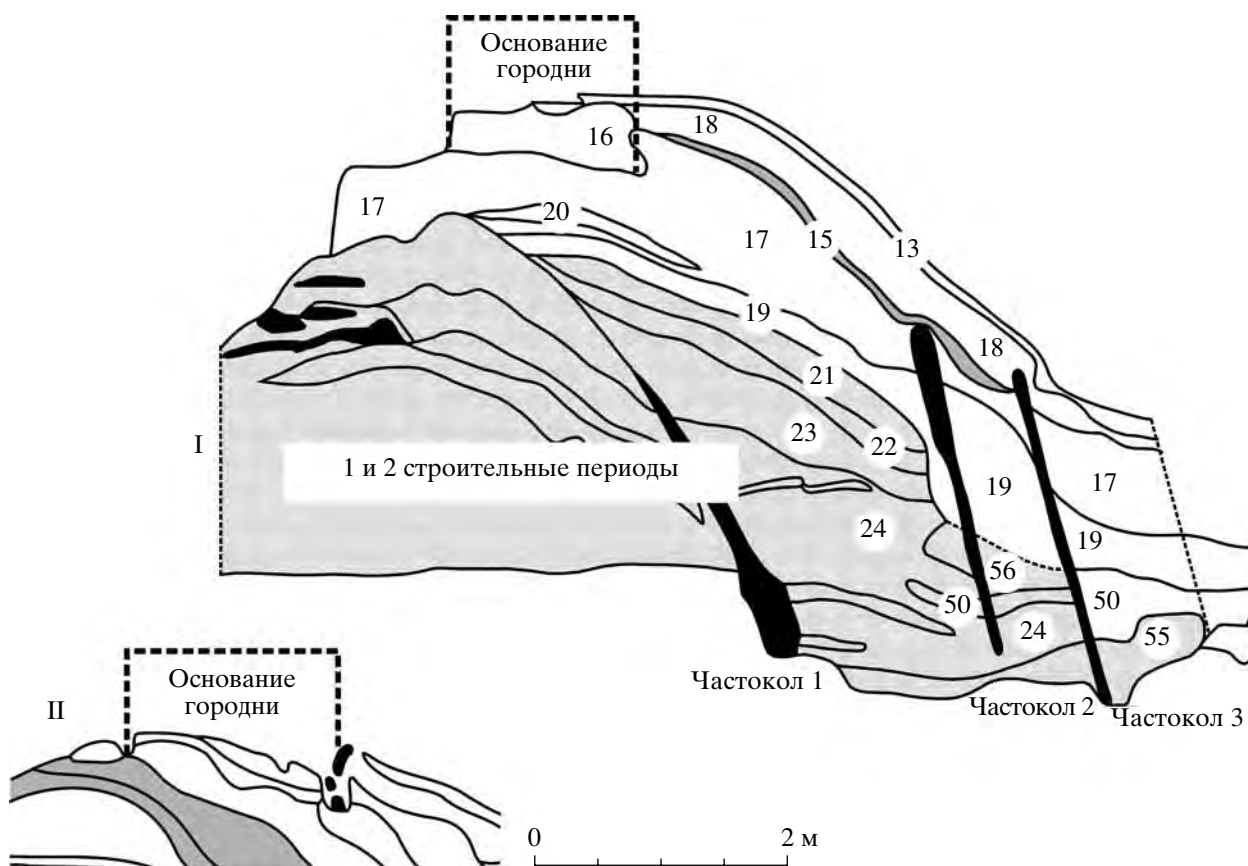

Рис. 4. Рать: осыпи укреплений третьего (I) и фрагмент остатков заключительного (II) строительных периодов возобновления крепостных стен.

русского оборонительного сооружения, датированного XII в. По первоначальной версии, это был установленный на гребне вала частокол: авторы следовали мнению О.В. Сухобокова, считавшего, что северяне строили только примитивные укрепления (Енуков, Енукова, 1993. С. 48). Но позже конструкция укреплений была охарактеризована как “неопределенная” (Енуков, 2005. С. 71). На самом деле вырезанные в плотном суглинке выемки, одна из которых содержит обгоревшие торцы четырех нижних бревен, на других памятниках уверенно интерпретируются как следы сгоревших оснований стеновых городней шириной 1,7 м (рис. 4, II).

Об остатках северянского “косого острога” на городище Капыстичи можно узнать из полевого отчета и публикации А.В. Зорина (2002. С. 90–95; 2003. С. 374–376). Графическая “расчистка” профиля этого вала от позднейших следов хозяйственной деятельности и осыпей указывает на значительное разрушение центральной части насыпи, поэтому имеет смысл рассмотреть конструкцию лишь первоначальной защитной преграды (рис. 5, I).

По мнению автора, укрепление первого строительного периода погибло в огне, уничтожившем и “подпрямоугольную постройку”, со стороны пло-

щадки врезанную в не затронутый пожаром вал. Снаружи за следы пожара принята тонкая углистая линза, найденная среди затеков ровика эскарпа. Но наклонный частокол из расколотых бревен высотой 1,7 м не горел: его остатки сохранились в виде древесного тлена (Зорин, 2003. С. 373–375).

Таким образом, эти полустолбы не возвышались над насыпью вала, иначе огонь добрался бы и до них. Напомню, что значительная высота частокола была принята авторами гипотезы за один из важнейших признаков “косых острогов”. Столь же туманны сведения и о сопряженном с частоколом “настиле”. В текстах указано лишь о досыпке на гребень вала суглинистых слоев, которые “могли составлять опору для боевого настила” (Зорин, 2002. С. 90, 91, 93; 2003. С. 374–376).

Логичнее принять частокол за наклонную облицовку стенки эскарпа – этим Капыстичи сближаются с горнальским образцом. А “врезанная” в ядро вала подпрямоугольная постройка – это хрестоматийный пример археологических следов двухсрубной крепостной стены из забутованных грунтом городней, к которым изнутри пристраивали пустотелые клетки.

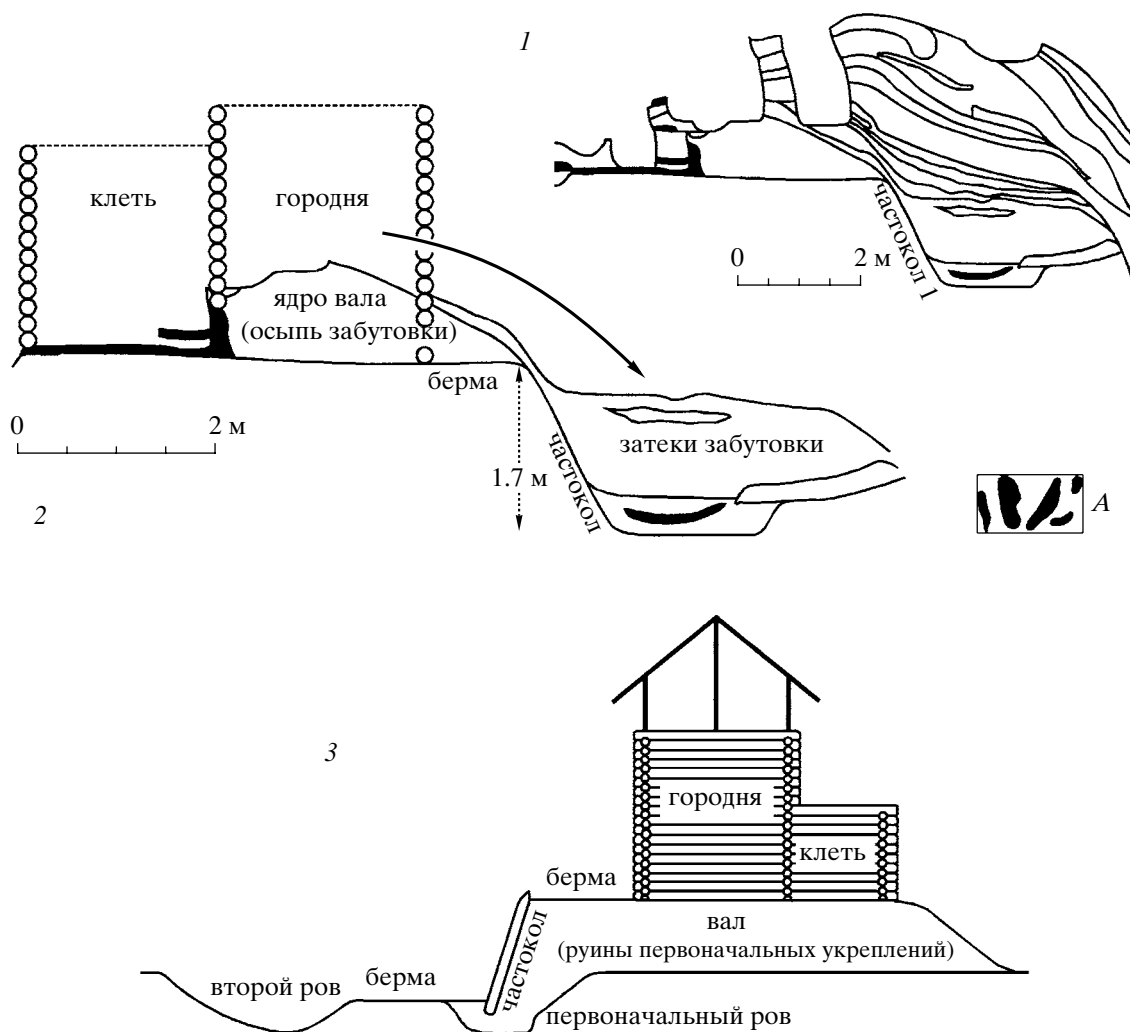

Рис. 5. Защитные сооружения Капыстичей и Титчихи. 1 – фрагмент профиля вала Капыстичей; 2 – реконструкция первоначальных укреплений Капыстичей; 3 – вариант реконструкции древнего облика крепостной стены второго строительного периода Титчихи. А – древесный уголь.

В таком случае древний облик укреплений реконструируется следующим образом: клеть могла иметь высоту до 2 м; этого достаточно для хозяйственного или временно жилого использования подобного помещения.

Для вычисления размеров городни принято сопоставлять поперечное сечение осей ее заполнения с внутренней шириной сруба (Моргунов, 2003. С. 57, 58). Руины забутовки городни на профиле представлены суглинистым “ядром вала” и осью, которая перекрыла берму и сползла на облицовку эскарпа и его углубленное ложе. Бревенчатый каркас городни не сохранился, поэтому на ее первоначальную ширину (от стенки клетки в сторону эскарпа) я произвольно отложил 2 м (срубы такой ширины встречаются часто), осталось место и для метровой бермы. В итоге суммарная площадь поперечного сечения осей, поделенная на ширину основания городни, дает высоту город-

ни, приближающуюся к 2.2–2.5 м (рис. 5, 2). Конечно, это приблизительный результат, поскольку часть рассыпавшейся забутовки позже выравнивалась или подсыпалась при возобновлении укреплений. Тем не менее, если добавить к полученному срубу парапет заборол метровой высоты, перед нами предстанет крепостная стена солидной мощности.

Отдельное замечание касается хронологии древнерусского строительного периода этого городища: автором он датирован по найденной в насыпи гончарной керамике (Зорин, 2003. С. 376). Столь прямая датировка некорректна, поскольку вал не использовался для постоянного проживания: нельзя забывать, что керамика сначала выпадала в культурный слой площадки, который позже укладывался в забутовку городней.

Приведенный анализ вальных разрезов не убедил меня в применении посейскими северянами “косых острогов”.

Согласно наиболее ранним сведениям, вышедшим из-под пера военного инженера, поздние “косые остроги” устанавливали на горизонтальной поверхности или на специально насыпанном валу: их не прислоняли к насыпям (Ласковский, 1858. С. 101). Защитный смысл этих весьма прочных преград заключался в том, что угол наклона бревен способствовал рикошетированию пушечных ядер.

Поэтому вероятность насыпки северянами мощного вала для опоры на него непрочной однорядной преграды из расколотых бревен представляется неубедительной. В отчетах и публикациях нет сведений, откуда на Рати брался грунт для создания мощного вала: из обозначенной в чертеже выемки можно добыть едва ли сотую часть необходимого грунта. Следовательно, этот вал – результат одновременного каскада последовательных строительных работ. Да и сама практика намеренного возведения по крайней мере ранних домонгольских валов не подтверждается летописными сведениями. Археологический пример этого (киевский вал Ярослава) единичен и относится к XI в. Полевые чертежи не подтверждают и заключения авторов раскопок о том, что высота частоколов могла достигать высоты 8.7 м (Енуков, Енукова, 1993. С. 49; Енуков, 2005. С. 76). Еще хуже обстоит дело с обоснованием существования в Горнале, Рати и в Капыстичах остатков настилов боевого хода – неперемного атрибута поздних “косых острогов”.

Но, пожалуй, наибольшие сомнения в стройности новой гипотезы вызывает ее общеисторический аспект. Так, если принять зону распространения анализируемых укреплений как прообразов “косых острогов”, можно заметить, что это незначительный по площади уголок обширного северянского расселения. Еще меньшую долю занимает эта зона в составе простирающейся от Дона до Днестра и Сана лесостепной полосы, где с IX в. прослеживается непрерывное и синхронное развитие оборонительного строительства. В курской зоне прообразы “косых острогов” после рубежа X–XI вв. не встречаются, а традиции общерусской фортификации были утрачены в середине XIII в. Авторам гипотезы еще предстоит показать, из какой каким-то образом сохранившейся нити древней строительной традиции в XVII в. было “реанимировано” северянское изобретение. Более того, оно оказалось настолько удачно приспособленным к новой тактике обороны эпохи огнестрельного оружия, что широко распространилось на громадной территории Московского государства вплоть до ее сибирских окраин.

Своеобразным противовесом основного элемента гипотетических северянских преград могут служить хорошо известные в археологической литературе закрепляющие однорядные обкладки.

Если оставить за скобками сооружения из камня, то применительно к эскарпам, пожалуй, наиболее красноречив пример Горналя: во всех случаях наклонными облицовками закреплялись исключительно осыпи разрушенных укреплений. Среди них есть плотно установленные и разреженные частоколы из бревен разной толщины и вертикально установленных плах. Схожими крепями снабжались эскарпы приднестровских городищ Галича, Ревного, Большого Карабчеева, а также раннего укрепления Старокиевской горы (Тимошук, 1982. С. 44; Килиевич, 1982. С. 141). На Монастырище, Горбове и Донецком городище такие панцири устраивали из горизонтально уложенных бревен (Комар, Сухобоков, 2004. С. 161–164; Григорьев, 2000. С. 69; Сухобоков, 1975. С. 35).

Такими облицовками снабжали и склоны валов: это Титчиха, Давид-Городок и Ленковцы (Раппопорт, 1967. С. 122; Тимошук, 1982. С. 68, 69). Внутренние склоны рвов обкладывались на посульских Клещницах, а в летописном Сутейске разреженный частокол аналогичен горнальской крепости (Кучера, 1999. С. 84; Wartofłowska, 1958. Tab. I).

В большинстве приведенных случаев для обкладки применялись нетолстые бревна и лес, в публикациях и отчетах именуемый “плахами”, “колодами” и “расколотыми вдоль бревнами”. По высоте они близки к обозначенным на чертежах частоколам Рати и Капыстичей.

На этом фоне резко выделяются содержащиеся в городищенских валах остатки вертикальных преград. Это однорядные частоколы и хорошо известные по жилому домостроительству каркасно-столбовые стены: горизонтально уложенные друг на друга бревна, закрепленные между вертикальными стояками. Они строились только из цельных бревен, поскольку от прочности преград зависела жизнь их защитников и их семей.

В южнорусской лесостепи такие укрепления известны со скифского времени (Моруженко, 1985. С. 169). В период сложения роменской культуры летописных северян однорядные столбовые преграды, похоже, выходят из фортификационного оборота (их остатки более часты на многослойных и недостаточно четко стратифицированных памятниках, в иных случаях они являются составной частью конструктивно более сложных укреплений).

Для раннесеверянской фортификации более типичны двухрядные столбовые преграды, сопровождавшиеся рвами, откуда добывался грунт для забутовки межпанцирного пространства. Они изучены в Ницахе, Путивле, Опошне, Каменном и Донецком городищах (Сухобоков, 1992. С. 134–137, 155; Григорьев, 2000. С. 64, 65). Их возводили и на противоположной окраине восточнославянского юга: в Буковине они изучены на большинстве го-

родищ IX–X вв. (Тимошук, 1975. С. 65, 67, 72; 1982. С. 44).

В X в. земледельцы широкой полосы южного предстепья от хазарской окраины Подонья до Сана практически синхронно начали осваивать защитные сооружения из цепочек забутованных бревенчатых срубов (Кучера, 1999. С. 83). На северянском Левобережье срубные крепостные стены известны в Горнале, Рати и Капыстичах, они встречены в Горбове на Десне и посольских Хитцах (Григорьев, 2000. С. 65–70). Очевидно, их появление было обусловлено сложением местных домостроительных навыков использования древесины как наиболее доступного строительного материала. Отсюда выглядит неслучайным синхронное с такими стенами распространение жилых срубных построек на обоих берегах Днепра (Раппопорт, 1975. С. 119–121; Смиленко, Юренко, 1990. С. 269–274; Григорьев, 2000. С. 88).

Более развитое фортификационное сооружение представлено единственным образцом усложненной двухсрубной стены второго строительного периода Титчихи (Москаленко, 1965. С. 131, 132). Она состояла из внешнего пояса – цепочки забутованных грунтом срубов-городней, с которым была конструктивно взаимосвязана внутренняя линия из пустотелых клеток, использовавшихся в жилых или хозяйственных целях.

Пользуясь случаем, можно продолжить уточнение известной реконструкции первоначального облика этих укреплений (Москаленко, 1965. С. 49), и в первую очередь согласиться с поправками А.В. Григорьева. В полевых фотографиях он заметил наклон частокольной облицовки первоначальной насыпи, конструктивно предназначенной для предотвращения деформации вала под тяжестью срубно-засыпной стены. Это наблюдение позволило увидеть у подножия стены столь необходимую в крепостном строительстве и на практике часто прослеживаемую горизонтальную берму (Григорьев, 2000. С. 69, 70), рис. 5, 3.

На необходимость этой обкладки указывают и полевые чертежи, и реконструкция А.Н. Москаленко и П.А. Раппопорта: последующие осыпи вала все же перекрыли эту облицовку и отложились на поверхности нижней бермы. Таким образом, второй ров так и не был засыпан грунтовыми оплывами.

Следующее уточнение касается конструкции городней, которые в недавнем прошлом принимали за трехстенные (в плане П-образные) срубы, не содержавшие грунтовой засыпки. Это заблуждение было опровергнуто М.П. Кучерой на обширном материале (1969. С. 186, 187). Справедливость этого корректива в данном примере подтверждается наличием во внешнем валу Титчихи остатков четырехстенных срубов (Москаленко, 1965. С. 136). Это уточнение могло бы показаться излишним, но,

к сожалению, устаревшее представление о трехстенных срубах в литературе встречается до сих пор (Конецкий, 2005. С. 68).

Возвращаясь к основной теме, необходимо отметить, что в предгосударственный период однорядные срубные укрепления не получили широкого распространения. Есть основания полагать, что они окончательно вытеснили менее сложные преграды только в процессе “освоения” государством племенных окраин. Так, в летописном Перемышле на р. Сан уничтожение частокольных преград связывается с нападением войск Владимира Святославича в 981 г., – на их месте были возведены стены из городней (Терский-Шеломенцев, 1990. С. 103). Сходным образом на рубеже X–XI вв. зафиксирована реконструкция укреплений в Путивле, Каменном и на юго-западном краю Донецкого городища (Шрамко, 1962. С. 334, 335).

В общерусской фортификации на первых порах применялись однорядные крепостные стены, а увеличение их мощности достигалось наращиванием количества параллельных рядов городней. Но постепенно распространялись подобные Титчихе двухсрубные конструкции. Они стали ведущим типом оборонительного строительства с появлением в конце XI в. в значительной степени стандартизированных крепостей округлых очертаний.

Что же касается столбовых укреплений, то они вновь стали популярны в эпоху огнестрельного оружия. Это явление можно связать с изменением тактических принципов: быстро возводимые укрепления стали широко применять в полевом бою (чего не было в домонгольскую эпоху).

Таким образом, проблема поисков северянских корней позднесредневековых “косых острогов”, очевидно, связана с неточной идентификацией разновременных фортификационных реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вознесенская Г.А., Куза А.В., Соловьева Г.Ф.* Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО-1971. 1972.
- Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – нач. XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.
- Енуков В.В.* Курск и с Посемьем // Слов’яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Матер. історико-археол. семінару, присвяч. 60-річчю від дня народження О.В. Шекуна. Чернівці, 1995
- Енуков В.В.* О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы. М., 1998
- Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.
- Енуков В.В., Енукова О.Н.* Оборонительные сооружения славян Посемья // Археология и история юго-востока Древней Руси. Матер. науч. конф. Воронеж, 1993.
- Зорин А.В.* Отчет об охранных раскопках городища у с. Капыстичи Рыльского района Курской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. 2002. Р-1. № 24421.

- Зорин А.В.* Укрепления северян и осадная тактика киевских дружин в X – нач. XI в. (По материалам городища Капыстичи) // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. Т. 1. Тула, 2003.
- Килиевич С.Р.* Детинец Киева IX–первой полов. XIII в. Киев, 1982.
- Комар А.В., Сухобоков О.В.* Городище “Монастырище” и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов’янські гради VIII–X ст. Київ, 2004
- Конечкий В.Я.* Укрепления Мальшевского городища в контексте культурных связей Юга и Севера Руси // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.
- Красовский М.* Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Пг., 1916.
- Куза А.В.* Отчет о работах суджанского отряда на Большом Горнальском городище в 1972–1973 гг. // Архив ИА РАН. 1974. Р-1, № 7362, 7362а.
- Куза А.В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981.
- Куза А.В.* Фортификация // Древняя Русь: город, замок, село. Археология СССР. М., 1985.
- Куза А.В.* Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников). М., 1996.
- Кучера М.П.* Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров’ї // Археологія. 1969. Т. XXII.
- Кучера М.П.* Слов’яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. Київ, 1999.
- Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII в. СПб., 1858.
- Моргунов Ю.Ю.* Сампсониев Остров: пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М., 2003.
- Моруженко А.А.* Городища лесостепных племен Днепро-донского междуречья VII–III вв. до н. э. // СА. № 1. 1985.
- Москаленко А.Н.* Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965.
- Раппопорт П.А.* Военное зодчество западнорусских земель // МИА. 1967. № 140.
- Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище // САИ. 1975. Вып. Е1-32.
- Смиленко А.Т., Юренко С.П.* Типы жилищ и хозяйственных построек // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.
- Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975.
- Сухобоков О.В.* Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). Київ, 1992.
- Терский-Шеломенцев В.С.* Перемышль // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Киев, 1990.
- Тимощук Б.О.* Слов’янські гради Північної Буковини. Ужгород, 1975.
- Тимощук Б.О.* Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Київ, 1982.
- Шрамко Б.А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Wartołowska Z.* Gród czerwieński Sutiejsk na pograniczu polsko-ruskim // Światowit. Т. XXII. Warszawa, 1958.

On traces of 10th – century “bevelled fortifications” at hillforts in the Kursk region

Yu. Yu. Morgunov

Summary

Within the latest years, a hypothesis appeared that the northerners mentioned in chronicles built fortresses with single-row inclined stockades which served as prototype of Late Medieval fortifications called “bevelled fortifications”. Analysis of the defense structures at hillforts crucial for the hypothesis, and a widened area of analogies, showed the error of the new interpretation. What was identified as stockades had in fact been inclined lining of logs split lengthwise to reinforce escarps, earth ramparts and dikes. Initially, defense stockades were built with thick vertical poles, yet those were soon replaced by double-row pole defense structures with earth filling between the rows, and by the 10th c. filled-in log fortifications also appeared. The final transition to log frame fortifications took place at the time when tribal lands were integrated within Rus, where they became the main fortification principle. “Bevelled fortifications” differed in construction from pre-Mongol siding. They became necessary due to radical changes in defense tactics in the era of firearms, and due to active use of field fortifications.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ПО ДАННЫМ АРХЕОГЕОФИЗИКИ (ГОРОДИЩЕ ИДНАКАР IX–XIII вв.)

© 2008 г. И. В. Журбин, А. В. Смурыгин

Физико-технический институт УрО РАН, Ижевск

При полевых археологических исследованиях методы археогеофизики позволяют решать различные по сложности исследовательские задачи, начиная от поиска памятника, заканчивая пространственной реконструкцией археологических объектов по геофизическим данным. С точки зрения методики измерений, перечисленные задачи различаются по количеству и взаимному расположению точек измерений. При этом детальность планиграфического и пространственного описания объектов поиска на каждом этапе исследований определяется не только выбранной методикой измерений, но и методами математической обработки данных, а также способами их графического представления. Наиболее сложная задача – восстановление пространственных характеристик археологических объектов и построение их трехмерных моделей. Такая реконструкция подразумевает максимально точное воспроизведение формы и геометрических параметров, конструктивных особенностей и структуры археологического объекта поиска, а также оценку его пространственного положения в культурном слое. Обычно этот этап является заключительной стадией археогеофизических измерений.

Необходимость таких исследований возникает, если при геофизическом картировании археологических памятников выявлены объекты, однозначная интерпретация которых не представляется возможной и в дальнейшем не предполагаются их раскопки. Кроме того, проведение археогеофизических измерений, ориентированных на пространственную реконструкцию, актуально на территории историко-архитектурных и археологических музеев-заповедников. В данном случае на основании предварительной информации о планировке возможен выбор ключевых, наиболее характерных археологических объектов для их детального изучения. Таким образом, на основании применения геофизических методов обеспечивается сохранение археологического объекта, появляется дополнительная информация для его научного анализа и интерпретации.

Основные элементы методики измерений

В общем случае технология археогеофизических исследований предполагает проведение измерений в два этапа (Журбин и др., 2006). Первоначально осуществляется площадное картирование территории археологического памятника с использованием поисковой методики. При этом задача состоит в оперативном поиске и территориальной локализации археологических объектов. По результатам электрометрических исследований в общих чертах определяется планировка памятника. После чего проводится более подробное изучение выделенных ранее археологических объектов с использованием уточняющей методики. На этом этапе задачей электрометрических исследований являются детализация границ отдельных археологических объектов и восстановление их пространственных характеристик.

При измерениях, ориентированных на поиск археологических объектов, может быть использована методика площадного электропрофилирования (Zhurbin, Malyugin, 1998). Предполагается, что массив данных, полученный при фиксированной глубине измерений, будет отражать планиграфию культурного слоя. Результаты исследований доказали, что такая методика является высокоскоростным и эффективным способом картирования территории археологических памятников (Иванова, Журбин, 2006). Полученная информация обеспечивает достоверную качественную интерпретацию – выявление местоположения археологических объектов различных типов и грубую оценку глубины их залегания. С другой стороны, за счет обобщенной оценки распределения сопротивлений конфигурация геофизических аномалий “усредняет” форму реального археологического объекта. Кроме того, эта методика не позволяет проводить количественную интерпретацию данных, т.е. моделировать геометрические параметры объектов и детализировать их расположение в культурном слое.

Для уточнения пространственных характеристик археологических объектов, выявленных на предыдущем этапе измерений, может быть использована электротомография – методика, поз-

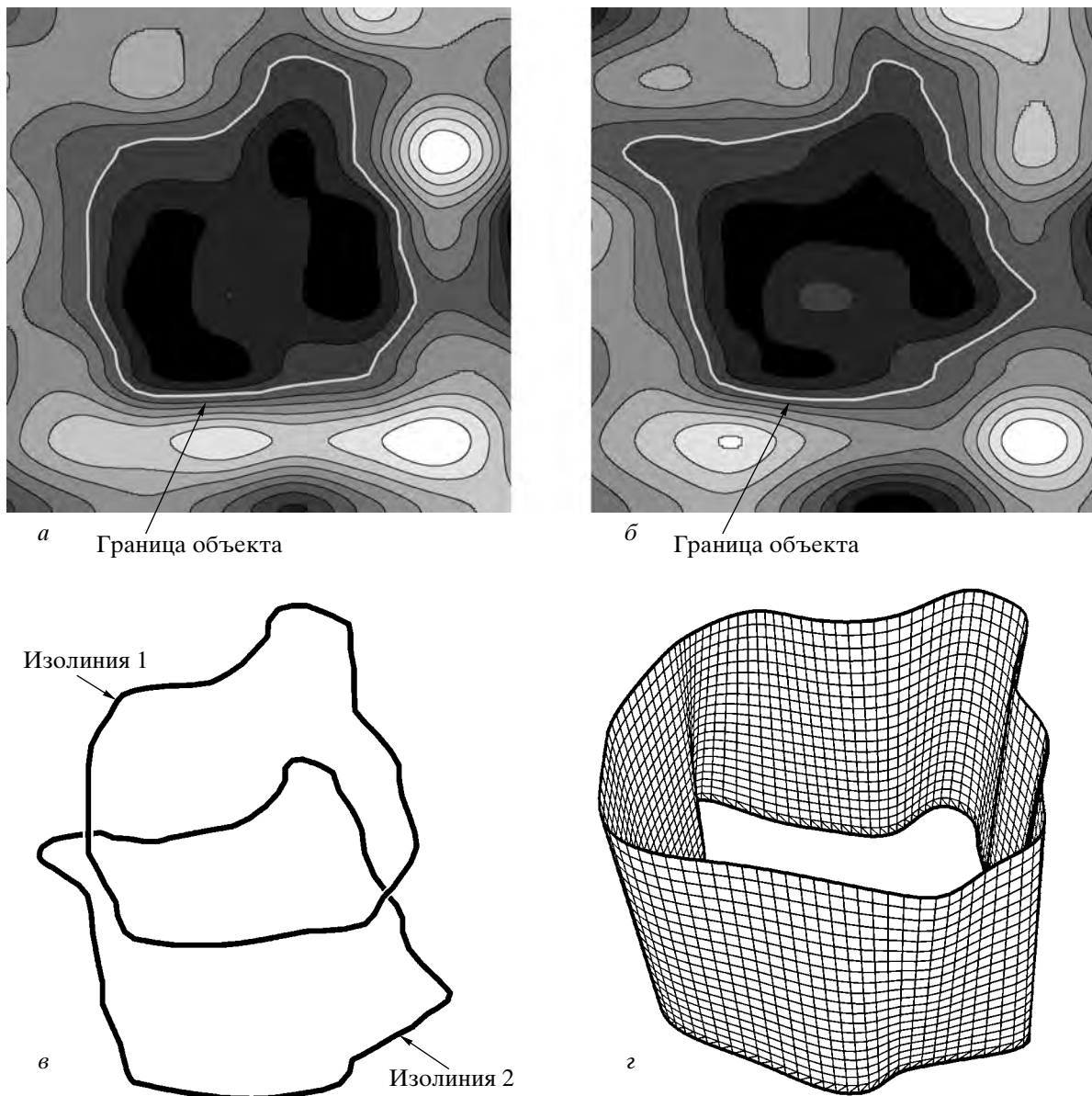

Рис. 1. Способ построения трехмерной модели археологических объектов по геофизическим данным: *а* – карта распределения сопротивления на глубине 0.35 м; *б* – карта распределения сопротивления на глубине 0.50 м; *в* – контуры объекта поиска на глубинах 0.35 м и 0.50 м; *г* – поверхность модели объекта поиска.

воляющая изучать стратиграфию культурного слоя. Эта технология полевых наблюдений, обработки и интерпретации, нацеленная на количественную двухмерную интерпретацию геофизических данных (Бобачев и др., 1996; Dahlin, 2001; Griffiths, Barker, 1993). Результатом обработки является геоэлектрический разрез – карта возможного распределения удельного сопротивления в вертикальной плоскости, расположенной вдоль выбранного профиля. Очевидно, что с точки зрения представления информации, наблюдается прямая аналогия со стратиграфическим разрезом вдоль бровки археологического раскопа. Необходи-

можно отметить, что из-за принципиальной неоднозначности геофизической интерпретации полученные разрезы следует оценивать как вероятный вариант. Сравнительно высокая трудоемкость при реализации данной методики и значительные временные затраты определяют тщательный отбор объектов для уточняющих измерений (Журбин и др., 2006).

Таким образом, приведенные методики археогеофизических измерений взаимно дополняют друг друга. Их комплексное применение позволяет существенно уточнить геометрические параметры объектов и повысить достоверность ар-

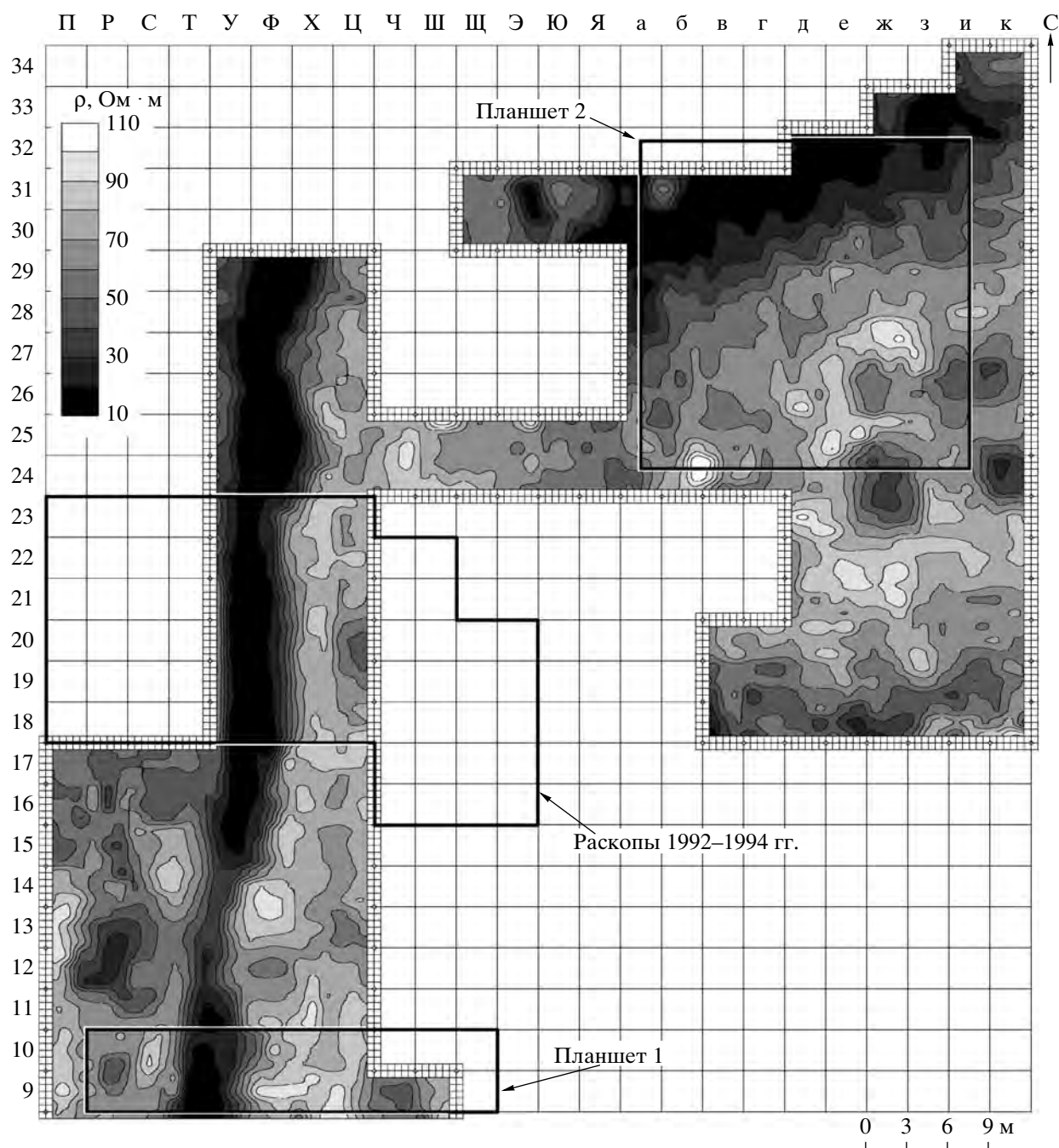

Рис. 2. Карта распределения кажущегося сопротивления на территории центральной части городища Иднакар (фрагмент).

хеологической интерпретации результатов геофизических исследований.

Визуализация результатов измерений

Результаты интерпретации поисковых и уточняющих археогеофизических измерений обычно отображаются в виде двухмерных карт распределения сопротивления. «Планиграфические» геофизические разрезы представляют собой карты распределения сопротивления в горизонтальной

плоскости, параллельной поверхности участка измерений, а «стратиграфические» – в вертикальной. При этом на наборе «планиграфических» геофизических разрезов фиксируется изменение контура археологического объекта в плане на различных глубинах. На «стратиграфических» разрезах – вариация его формы при различных вертикальных сечениях. Следовательно, принципиальная возможность создания пространственной реконструкции культурного слоя определяется

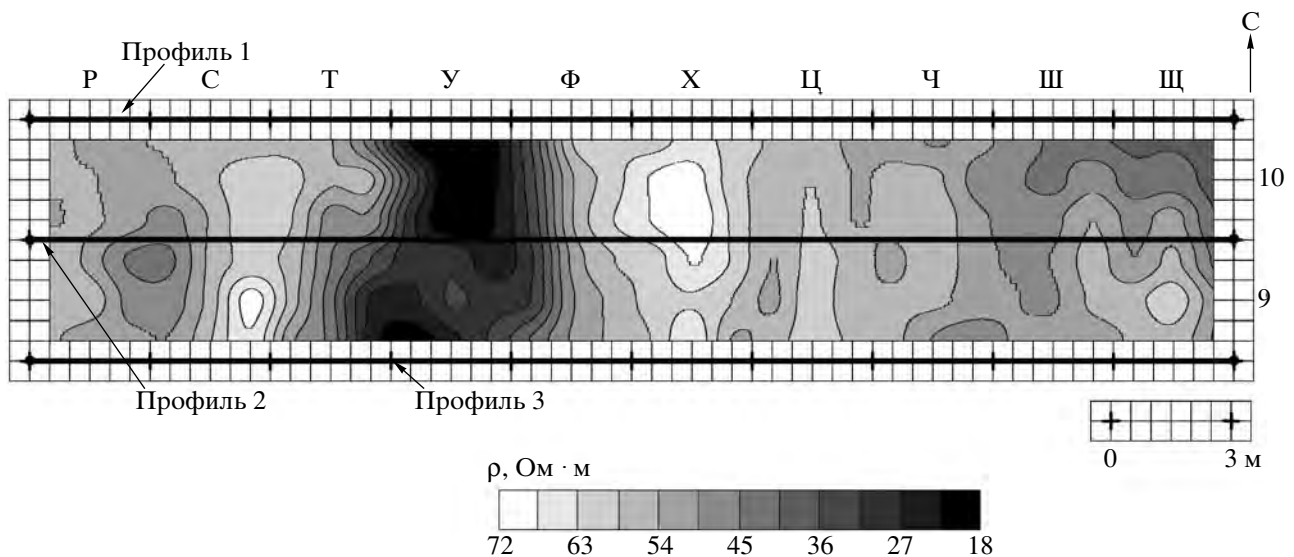

Рис. 3. Геофизическая “планиграфия” на планшете 1, диапазон глубин 0–0.35 м. Расположение профилей 1–3.

“трехмерностью” исходных геофизических данных. Для обеспечения более адекватной формы их представления необходима разработка специализированных математических методов, которые позволяют сформировать модель культурного слоя за счет преобразования набора разнонаправленных плоскостных срезов в трехмерный образ.

Способ построения трехмерной модели культурного слоя может быть основан на конструировании изоповерхностей аномалии. На первом этапе формирования пространственной модели создается набор двумерных карт “планиграфических” и “стратиграфических” геофизических разрезов. Анализ карт позволяет выявить границы археологических объектов и регулярных слоев культурных напластований. На основании этого определяется диапазон изменения сопротивления, соответствующий каждому из выделенных объектов и слоев, – “шкала сопротивления” (Журбин, 2004). Соответственно границы диапазонов созданной “шкалы” позволяют оценить уровень сопротивления, маркирующий границы различных составляющих культурного слоя (рис. 1а, б). На основании этого осуществляется построение изолиний – на двумерной карте соединяются линией все точки с одинаковым значением сопротивления, равным принятому уровню значения сопротивления на границе искомого археологического объекта. Таким образом создается контур объекта поиска (рис. 1в). Необходимо подчеркнуть, что выбор “граничного” значения сопротивления возможен только на основе количественной интерпретации археогеофизических данных. Следующий этап связан с построением изоповерхностей – трехмерных моделей отдельных археологических объектов и слоев (рис. 1з). Изоповерхность является пространственным аналогом изолинии. В резуль-

тате этой процедуры формируется поверхность, объединяющая и связывающая изолинии, соответствующие границе искомого объекта на наборе геофизических разрезов (Смурыгин, 2006).

Эффективность пространственной визуализации геофизических данных была показана при исследованиях средневекового городища Иднакар, расположенного в Удмуртии (Иванова, 1998). Электрометрические измерения проводились на базе археологической экспедиции Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (начальник экспедиции д.и.н., профессор М.Г. Иванова). Городище было основано во второй половине IX в. На заключительном этапе его функционирования, в XIII в., общая площадь поселения составляла 40 тыс. м². Структуру и планировку Иднакара в значительной степени определяют три линии разновременных оборонительных сооружений – внутренняя, средняя и внешняя. Средний и внешний валы отличаются от внутреннего отсутствием срубных конструкций и значительной мощностью в результате многократных расширений. Анализ стратиграфии оборонительных сооружений показывает, что не позднее XI в. внутренний вал утратил свое значение, верхняя часть его была скрыта. В заполнении рва разместились производственные сооружения. В настоящее время внутренний оборонительный вал визуально не фиксируется, контур сохранившегося основания вала восстановлен по результатам геофизических исследований (Иванова и др., 1998).

В данной статье представлены результаты трехмерного моделирования протяженных и локальных объектов городища Иднакар, выявленных при геофизических исследованиях – фрагмента внутренней линии оборонительных сооружений и участка культурного слоя в центральной

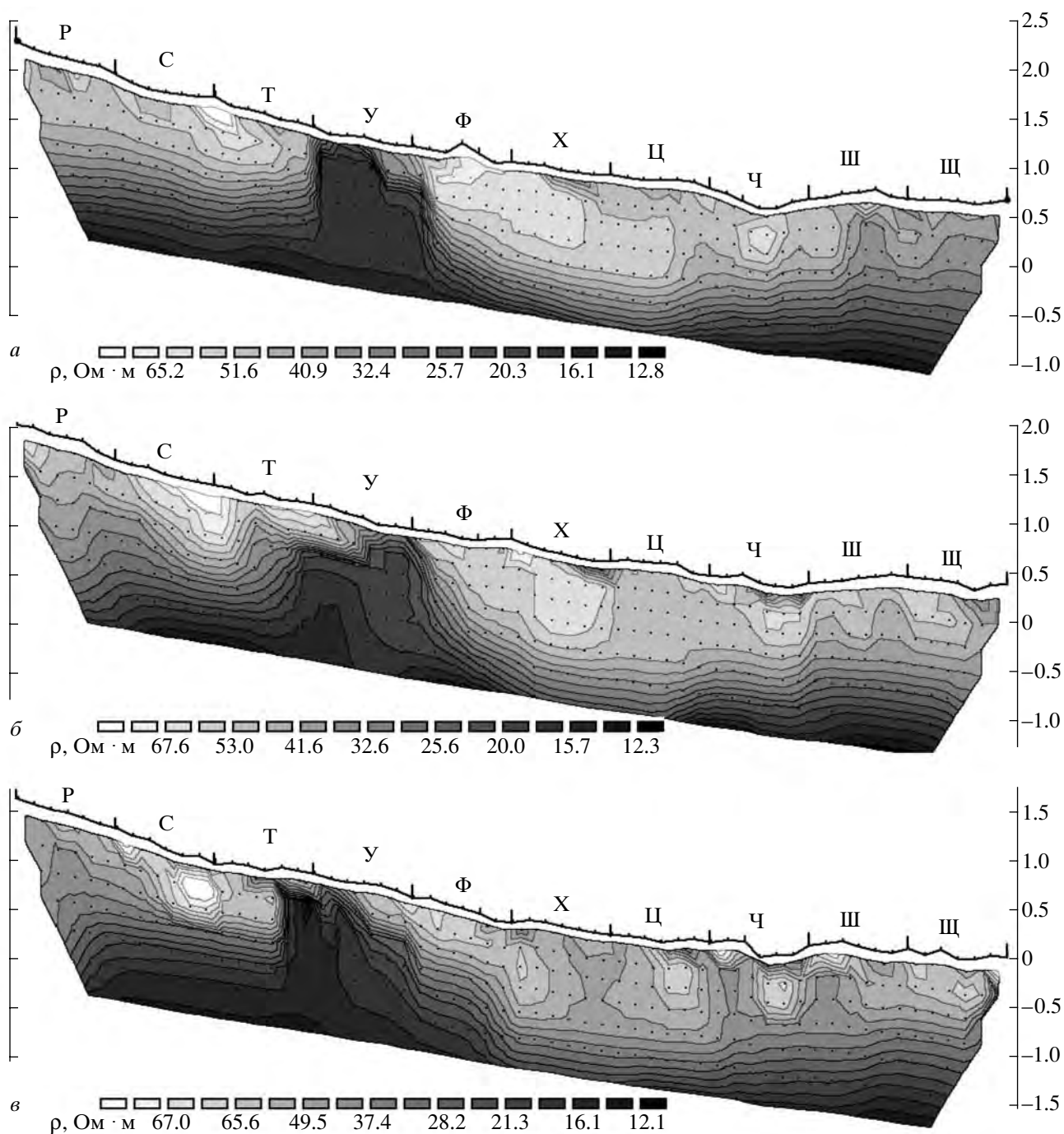

Рис. 4. “Стратиграфические” разрезы на территории планшета 1: а – профиль 1; б – профиль 2; в – профиль 3.

части городища. В данном случае под протяженными объектами понимаются элементы культурного слоя, выходящие за рамки моделируемого пространства, по какой-либо координате. Примером таких объектов могут служить различные регулярные слои и напластования (дерн, основной культурный слой), а также оборонительные сооружения (вал, ров). Локальными объектами являются хозяйственные ямы, очаги, основания

сооружений и другие подобные по пространственной организации элементы культурного слоя памятника.

Пространственное моделирование внутренней линии оборонительных сооружений

Выбор участка экспериментальных исследований (рис. 2, планшет 1) определялся следующими обстоятельствами. Во-первых, по результатам

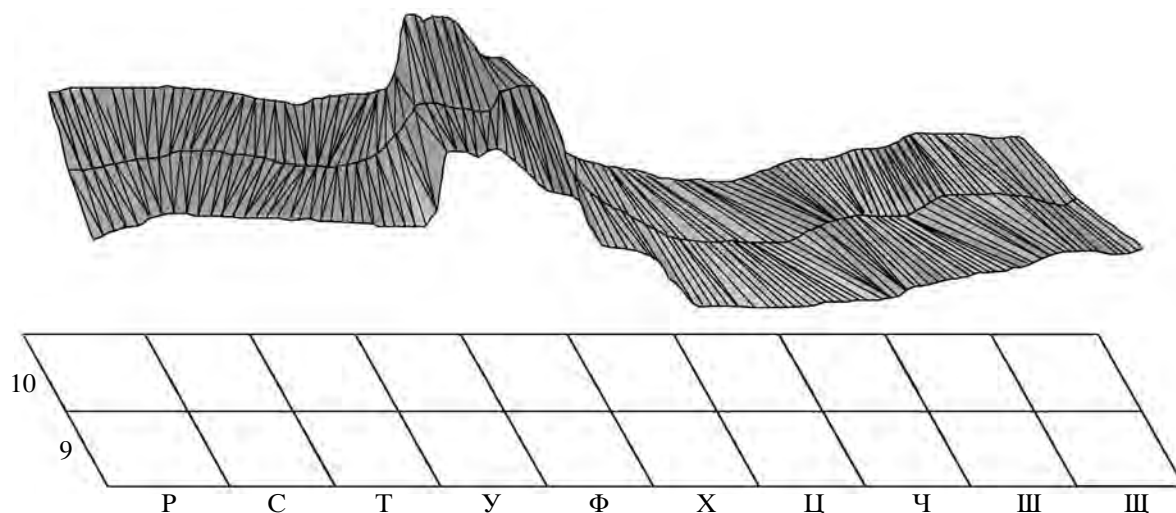

Рис. 5. Пространственная модель культурного слоя на планшете 1 по геофизическим данным.

предварительных геофизических измерений на планшете зафиксирован фрагмент внутренней линии оборонительных сооружений – вал и ров. Кроме того, вблизи экспериментального участка в 1992–1994 гг. проводились раскопки (рис. 2). Информация о составе, геометрических характеристиках и структуре культурного слоя, полученная в ходе этих раскопок, необходима для оценки достоверности интерпретации геофизических данных и пространственной реконструкции оборонительных сооружений.

По результатам “планиграфических” измерений (рис. 3) однозначно выделяется местоположение и контуры внутреннего оборонительного вала – область низкого сопротивления в западной части участка (квадраты У9–10). Дальнейшие “стратиграфические” измерения выявили разнообразные нарушения монолитного массива вала: близкая к вертикальной граница внутренней стороны вала, ступенчатообразная форма его вершины и внешней стороны (рис. 4). Очевидно, что такие существенные изменения конфигурации массива вала и определяют “разрыв” в аномалии на “планиграфической” геофизической карте.

Специфическая форма основания вала может быть связана с особенностями его формирования и функционирования. Археологические исследования показали, что основу вала составляла бревенчатая конструкция из срубов, заполненных плотной красной глиной. С внутренней стороны, благодаря стенкам срубов, вал оставался практически вертикальным, наружный склон его был достаточно пологим. При раскопках фиксировались разнообразные поздние врезки в массиве вала, возникшие после выравнивания его верхней части (Иванова, 1998. С. 20–22). Вероятно, именно этими обстоятельствами определяется специ-

фическая форма вала, зафиксированная при комплексных геофизических исследованиях.

Геометрические параметры сохранившегося основания внутреннего вала и рва, определенные по результатам геофизических измерений и пространственного моделирования, хорошо согласуются с результатами археологических раскопок. По археологическим данным, ширина сохранившейся части массива вала составляет 4.0–4.5 м, а высота сохранившейся насыпи 1.0–1.3 м. Ширина рва 7–8 м, ров углублен в материк на 1.5–1.6 м (Иванова, 1998. С. 22). Пространственная модель фрагмента оборонительных сооружений, построенная на основе геофизических данных, наглядно демонстрирует все перечисленные особенности (рис. 5).

Пространственное моделирование участка в центральной части городища

Дальнейшие исследования проводились на участке в центральной части городища, примыкающем к среднему оборонительному валу и к северному склону холма (рис. 2, планшет 2). Детальное изучение этого планшета интересно как с точки зрения отработки методики пространственного моделирования, так и для реконструкции планировки Иднакара. В частности, требовалась уточненная качественная интерпретация протяженной аномалии, расположенной вдоль склона на участке между внутренним и средним оборонительными валами (линия между квадратами а29–и33), а также четырех компактно расположенных локальных аномалий подпрямоугольной формы (е26–ж26; и26–27, к26–27; к24; е24–23, ж24–23). Несмотря на наличие прямых аналогий с аномалиями, вызванными внутренним оборонительным валом и глинобитными площадками (основаниям

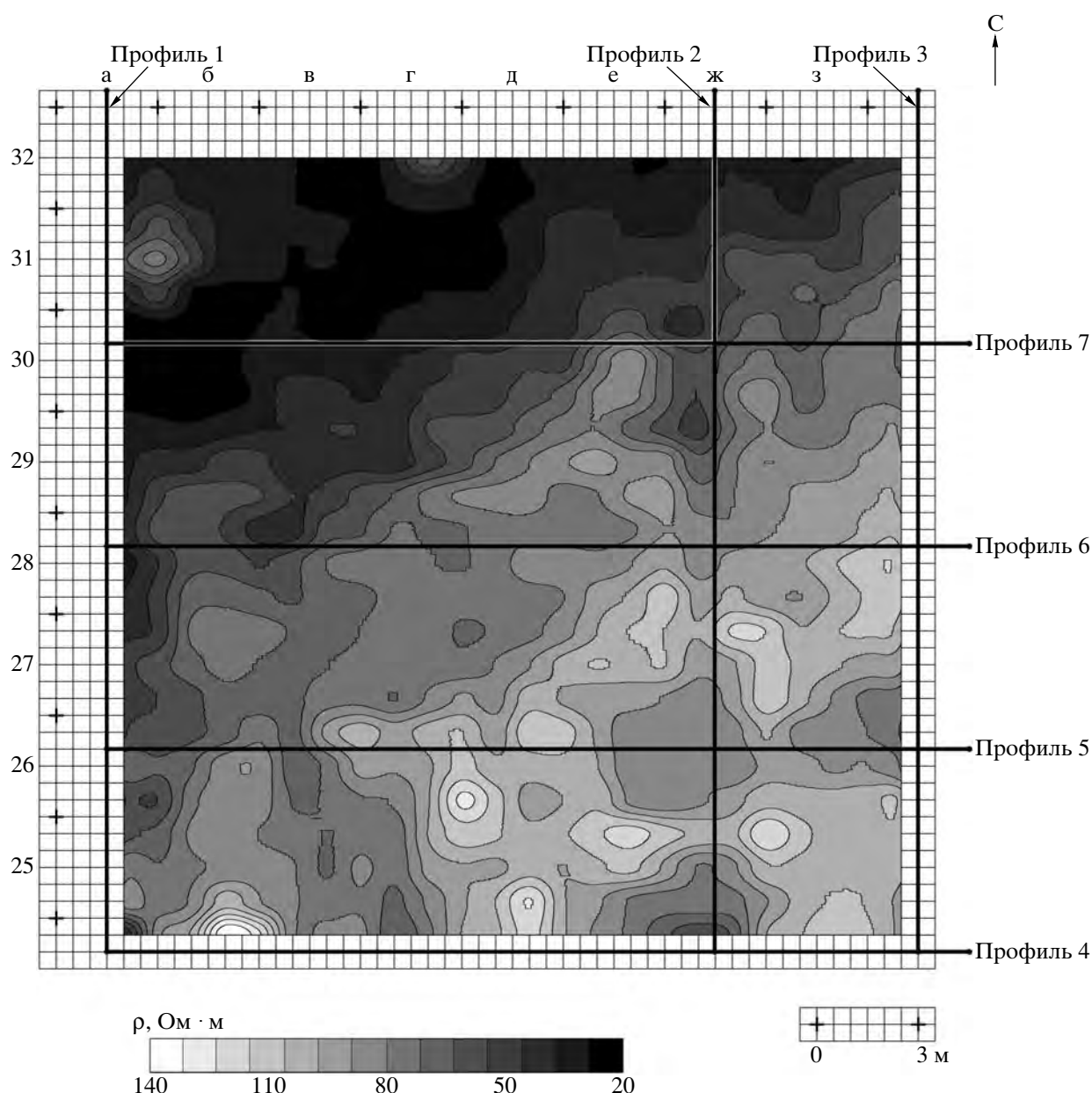

Рис. 6. Карта распределения кажущегося сопротивления на территории планшета 2, диапазон глубин 0–0.35 м. Расположение профилей 1–7.

жилых и производственных сооружений Иднакара), однозначная археологическая интерпретация геофизических данных не представлялась возможной.

Профили, по которым проводились “стратиграфические” измерения, были расположены таким образом, чтобы каждая из аномалий, выявленная на “планиграфической” карте, пересекалась двумя линиями во взаимно перпендикулярных направлениях (рис. 6). Профили 1–3 ориентированы по линии север–юг, начальная точка каждого из профилей расположена на южной границе участка исследований. Профили 4–7 ориентированы по линии запад–восток, начальная точка – на западной границе участка исследований.

По данным геофизических исследований, локальные аномалии (квадраты е26–ж26; и26–27 и е24–ж24) выявляются как однородные по структуре и составу области грунта (рис. 7б, в; рис. 8в, з). Результаты многолетних раскопок показали, что основания сооружений на городище Иднакар представляют собой плотно утрамбованные площадки из ярко-оранжевой глины. Обычно первые очертания площадок выявляются непосредственно под слоем дерна и фиксируются вплоть до материкового слоя. В большинстве случаев перед формированием глинобитной площадки снимался дерновый слой, при этом основание сооружения располагалось непосредственно на матери-

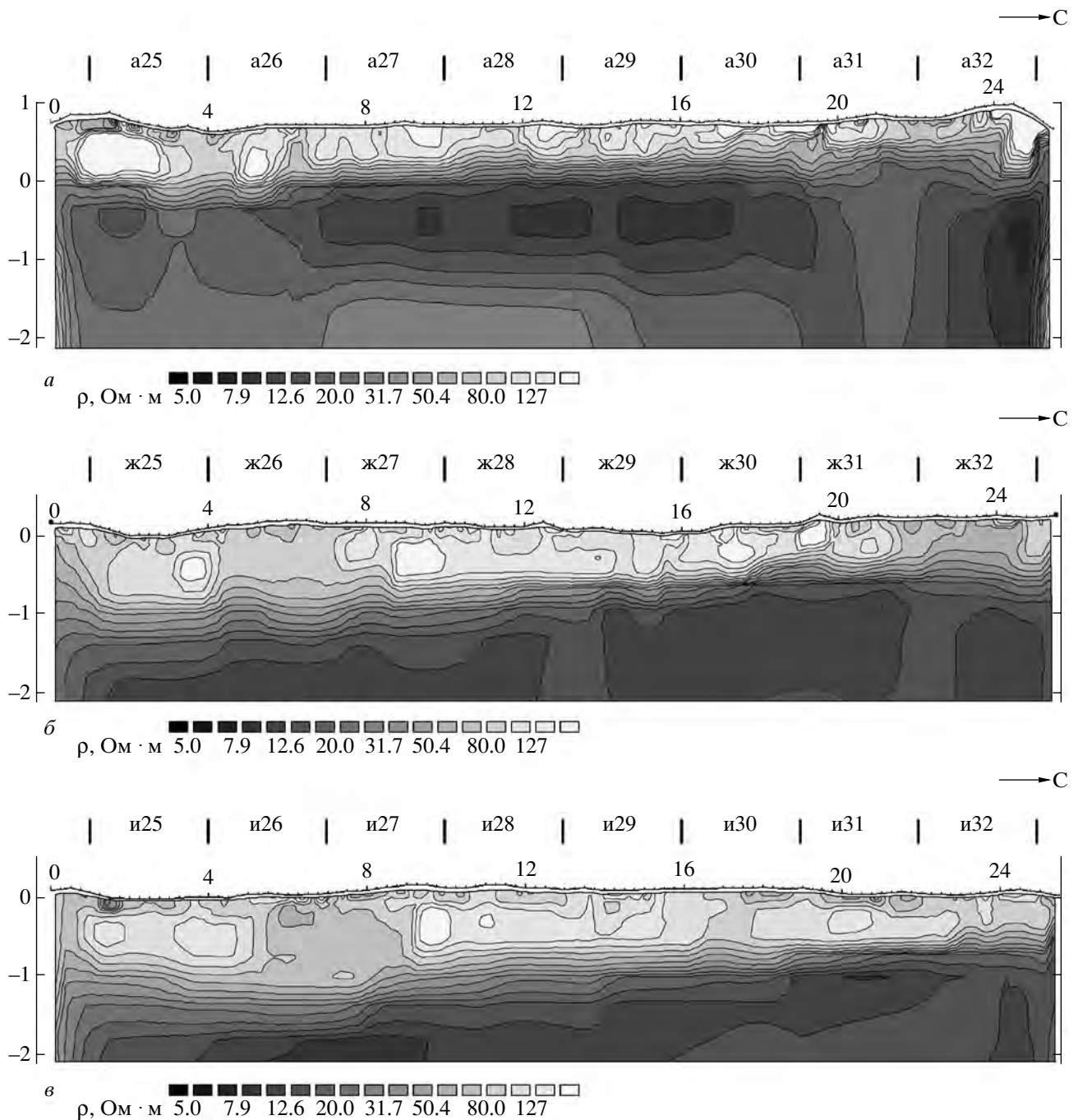

Рис. 7. Геоэлектрические разрезы на территории планшета 2: а – профиль 1; б – профиль 2; в – профиль 3.

ковом слое (Иванова, 1998. С. 30–70). Отмеченные особенности, выявленные при археологических раскопках, позволили предположить, что указанные локальные геофизические аномалии вызваны остатками сооружений.

Не менее интересные результаты получены при исследованиях протяженной аномалии в северо-западной части планшета (рис. 6). На основании геофизических данных можно утверждать, что аномалия вызвана небольшим повышением

уровня материкового слоя. Эта особенность фиксируется в северной части геоэлектрических разрезов культурного слоя по профилям 1–3, а также в западной части профиля 7 (рис. 7, 8а). Геоэлектрический разрез не позволяет интерпретировать данное повышение как основание оборонительного вала. Необходимо отметить, что культурный слой на этом участке достаточно мощный, но при этом существенно более однородный по структуре в сравнении с межжилищным пространством. С

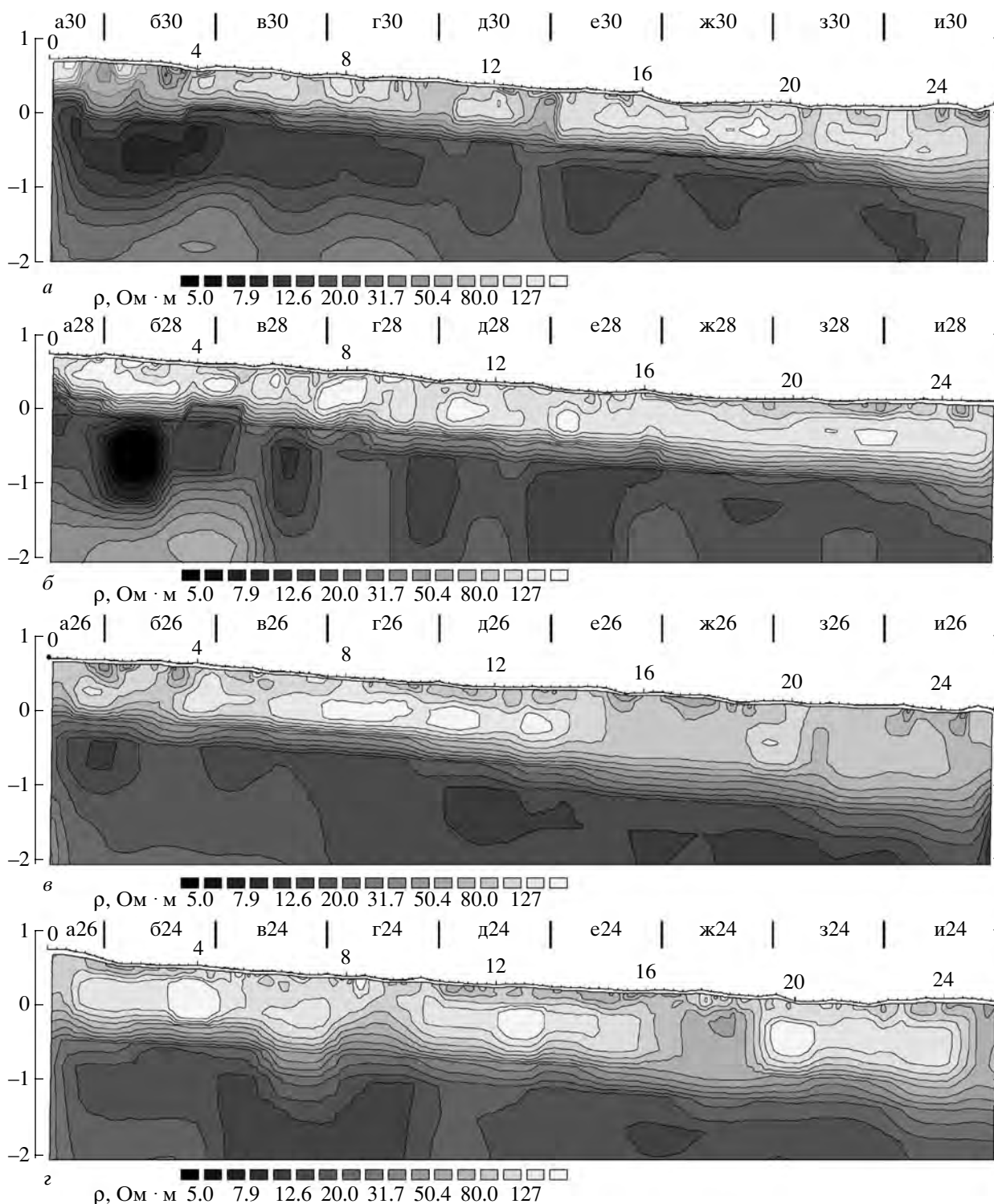

Рис. 8. Геоэлектрические разрезы на территории планшета 2: *a* – профиль 7; *б* – профиль 6; *в* – профиль 5; *г* – профиль 4.

точки зрения реконструкции системы оборонительных сооружений городища, наибольший интерес представляет специфические изменения рельефа материкового слоя в северной части планшета – вблизи склона холма. На всех профилях, ориентированных по линии север–юг (рис. 7), фиксиру-

ется невысокая глиняная насыпь высотой до 0.5 м (например, диапазон 22.0–24.5 м на профиле 2, рис. 7б). Ввиду того что насыпь расположена непосредственно вдоль склона холма и выявляется на всех поперечных профилях на участке длиной 24 м, можно предположить, что она была создана

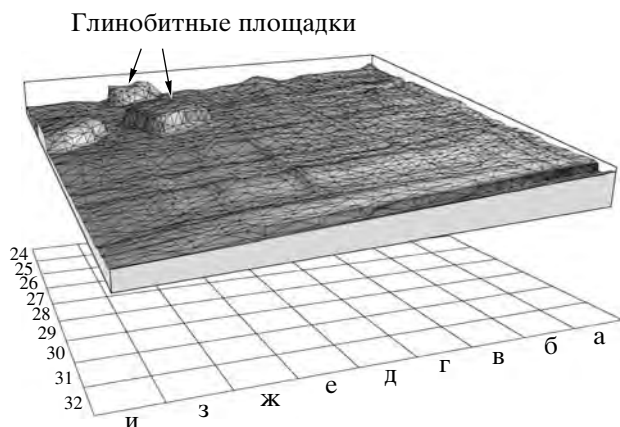

Рис. 9. Пространственная модель культурного слоя на планшете 2 по геофизическим данным.

жителями городища. К сожалению, ввиду отсутствия аналогий на городище Иднакар определить назначение этого сооружения только по геофизическим данным не представляется возможным. Пространственная модель изученного участка наглядно демонстрирует все перечисленные особенности культурного слоя городища: мощные глинобитные площадки, изменение уровня материкового слоя и глиняную насыпь, расположенную вдоль северного склона мыса коренной береговой террасы (рис. 9).

Таким образом, использование специализированной методики измерений, количественной интерпретации геофизических данных и разработанных оригинальных методов пространственного моделирования позволяет наглядно представить археологические объекты, выявленные при геофизических изысканиях. Результаты комплексного изучения городища Иднакар доказали, что данное направление исследований эффективно при анализе как мощных, структурообразующих объектов (оборонительные сооружения), так и локальных объектов планировки (глинобитные площадки сооружений). Следовательно, трехмерное представление геофизических данных может быть использовано для уточнения археологической реконструкции структуры культурного слоя в целом. Применение комплексного анализа особенно актуально на участках, на которых невоз-

можна однозначная археологическая интерпретация результатов геофизических измерений.

Исследования выполняются при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект «Моделирование структуры и этапов формирования городища Иднакар по результатам междисциплинарных исследований».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобачев А.А., Модин И.Н., Перваго Е.В., Шевнин В.А. Многоэлектродные электрические зондирования в условиях горизонтально-неоднородных сред // Разведочная геофизика. Вып. 2. М., 1996.
- Журбин И.В. Электрометрические исследования 2002 года. Прил. 3 // Каргалы. Т. III. Селище Горный. Археологические материалы. М., 2004.
- Журбин И.В., Бобачев А.А., Зверев В.П. Пространственная реконструкция структуры культурного слоя археологических памятников на основе геофизических измерений (городище Иднакар, IX–XIII вв.) // Круглый стол «Археология и геоинформатика». Вып. 3 (CD-ROM). М., 2006.
- Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.
- Иванова М.Г., Журбин И.В. Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26).
- Иванова М.Г., Журбин И.В., Зелинский А.В. Исследование планировки городища Иднакар методом электротомии (1991–1997 гг.) // Естественно-научные методы в полевой археологии. Вып. 2. М., 1998.
- Смурыгин А.В. Реконструкция пространственных объектов по некорректно заданным плоскопараллельным срезам // Изв. ин-та математики и информатики. Вып. 2 (36). Ижевск, 2006.
- Dahlin T. The development of DC resistivity imaging techniques // Computers & Geosciences. 2001. V. 27.
- Griffiths D.H., Barker R.D. Two-dimensional resistivity imaging and modelling in areas of complex geology // J. Apply Geophysics. 1993. V. 29.
- Zhurbin I.V., Malyugin D.V. On the method of visualization of electrometric data // Archaeological Prospection. 1998. V. 5. № 2.

Spatial modeling of archeological sites using archeogeophysical data (Idnakar settlement, 9th–13th cc.)

I. V. Zhurbin, A. V. Smurygin

Summary

The article considers the basic elements of the specialized measurement geophysical technique, and original methods of creating three-dimensional models of archeological sites. It demonstrates that a spatial representation is essential for rectifying archeological reconstruction of cultural layers. The efficiency of the approach is illustrated with the results of research at Idnakar.

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК И КАВКАЗ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО
ВЕКА**

**К ЮБИЛЕЮ СОРАТНИКА И ДРУГА:
РАУФУ МАГОМЕДОВИЧУ МУНЧАЕВУ – 80 ЛЕТ**

© 2008 г. Н. Я. Мерперт

Институт археологии РАН, Москва

Рауфу Магомедовичу Мунчаеву исполнилось 80 лет. Возраст подведения итогов, особенно когда речь идет о жизни, предельно насыщенной постоянными свершениями. Возраст, когда человек вправе гордиться этими свершениями, благотворной отдачей своей активности, сил, таланта, отношения к делу и, главное, отношения к людям. Часто в связи с этим можно слышать слова о праве на “заслуженный отдых”, о передаче эстафеты новому поколению, о сохранении традиций и т.п. Что же, по отношению ко многим это определенным образом справедливо. Но никоим образом не касается Рауфа Магомедовича.

Нас связывает с ним без малого шестьдесят лет жизни в самых различных ее проявлениях: дружбы, единомыслия, сотрудничества, разработки общих научных проблем, оценки людей, стран и событий. Мы радовались быстро достигаемому согласию, что отнюдь не исключало достаточно острых, но всегда плодотворных дискуссий.

И я считаю себя в праве уверенно утверждать, что во всех своих проявлениях – научных, общественных, организаторских, исследовательских – от интерпретации отдельных, не расшифрованных ранее феноменов, до создания широких исторических полотен общеисторического значения, наконец, во взаимоотношениях с людьми следует говорить о непрестанном подъеме, непрестанном совершенствовании юбиляра. Каждый год ознаменован все новыми его свершениями, все большей перспективой его деятельности. Что же касается “заслуженного отдыха” (пусть стократно заслуженного), то о нем и говорить еще не приходится. И возраст оказывается здесь решительно побежденным. Говорить можно лишь о безусловном творческом прогрессе, все более ярком и охватывающем все более значительные проблемы древнейшей истории человечества.

Не впервые доводится мне отмечать юбилей моего друга и соратника. И я счастлив повторить слова, сказанные 10 лет тому назад о том, что Р.М. Мунчаев встречает новое свое десятилетие “не только сохранившим, но и продолжающим наращивать свои трудоспособность, упорство в преодолении трудностей, поразительную научную организованность, умение увидеть главное в каждом начинании и довести его до конца” (Мерперт, 1998. С. 5).

Прошедшие десять лет все эти качества Рауфа Магомедовича проявились еще более ярко и плодотворно, определяя год от года дальнейшие достижения в его многогранной деятельности. И нынешний свой юбилей он встречает одним из лидеров российской науки, членом–корреспондентом заложенной Петром Великим Академии наук России, прославленной общепризнанными и непрестанно возрастающими достижениями во всех областях человеческого знания. Последние в полной мере охватывают и гуманитарные науки – фактически постоянное и всестороннее обогащение познания человека, его развития, совершенствования, достижений, судеб в бесконечном их многообразии.

И здесь роль Рауфа Магомедовича в постижении бескрайней проблематики “человековедения”, в физиологическом, духовном, материальном, культурном и социальном аспектах трудно

переоценить. Достаточно краткого обзора состояния упомянутого комплекса наук во второй половине XX и первом десятилетии XXI в., т.е. в сравнительно короткий срок, связанный с деятельностью Р.М. Мунчаева, чтобы убедиться в этом. Археология – основное дело его жизни – одно из стержневых направлений этого комплекса. Ход и направление ее развития – достаточно благодарный материал для такого обзора. И сопоставление всех соответствующих параметров – масштабного, хронологического, проблемного, методического, кооперирования с прочими комплексами наук – как гуманитарных, так и естественных, т.е. соответствия общему уровню современного научного развития, безусловно, свидетельствует о выходе отечественной археологии в указанный период на абсолютно новый качественный уровень

И фактически все упомянутые основные параметры общего ее прогресса неразрывно связаны с многогранной деятельностью Р.М. Мунчаева – инициатора, исследователя, методиста, координатора. В целом же автора многочисленных открытий принципиального значения, резко обогативших представления о факторах, обусловивших сложение древнейших для всего Старого Света экономических и культурных очагов и их развития вплоть до преддверия первых цивилизаций.

Столь широкий целенаправленный и плодотворный характер научной деятельности был выработан юбиляром в результате упорного, самоотверженного труда в ходе многих десятилетий, предельного внимания к каждой практической и теоретической инновации как в самой археологии, так и в целом ряде контактирующих с ней наук, критического пересмотра ряда укоренившихся ранее заключений. Корни же специфического “мунчаевского” почерка восходят к самому началу трудового его воспитания, а далее и самостоятельной выработке принципов трудовой деятельности.

Полагаю оправданным обратиться к этим корням.

Специфична уже сама семья юбиляра, ее принципы и каноны. Родился Рауф Магомедович в городе Закаталы (Республика Азербайджан) 23 сентября 1928 г. в лакской семье Магомеда Гусейновича и Айшат Муртузалиевны Мунчаевых. Отец его был искусным ремесленником-ювелиром, достойно унаследовавшим традиционную для дагестанцев, и особенно для лакцев, профессию, достигшую у них поразительного развития. Многие годы старший Мунчаев плодотворно трудился в Тбилиси. Перипетии 20-х годов прошлого века побудили его вернуться в Дагестан, но по дороге в родной аул Кумух он задержался, а далее и обосновался в Закаталах. Мунчаевы снискали в городе известность и уважение. Через много десятилетий мне довелось побывать в родном горо-

де моего друга, попросившего меня поклониться дому, в котором прошли его детство и юность. Я с удовольствием это выполнил, хорошо запомнив и сам дом, и немецкую кирху на углу короткого уютного переулка, и старую русскую крепость, почти отвесно нависшую над домом. Город был интернациональным: в нем в согласии и сотрудничестве жили, трудились и учились азербайджанцы, дагестанцы, русские, армяне, евреи, немцы. И на сей раз собрались люди, узнав, что спрашивают о доме Мунчаевых, многие помнили эту семью и говорили о ней очень тепло.

Семья Мунчаевых и впрямь была уникальной. Было в ней пятеро детей, и все они с самого начала воспитывались в традициях трудолюбия, глубокого уважения к старшим, постоянного совершенствования в любом деле, стремления к знаниям и активному их использованию. Забегая далеко вперед, отмечу плоды такого воспитания: трое братьев Мунчаевых стали профессорами в различных областях науки (один из них – нынешний юбиляр – членом-корреспондентом Российской академии наук), сестра – доцентом, специалистом по русской литературе. Много ли можно назвать семей, воспитавших такое потомство?

А время было очень нелегким и Мунчаевы познали это в полной мере. Дважды Магомед Гусейнович подвергался царившему тогда произволу и был незаконно репрессирован (к счастью, явная абсурдность предъявленных ему претензий обусловила относительно скорое освобождение, полную реабилитацию и многолетнюю работу в системе органов заготовок). Но до этого на Рауфа Магомедовича, как на старшего из детей, легла ответственность за семью. Началась активная трудовая жизнь, сочетавшаяся с чрезвычайно успешной учебой в русской школе. Там у него очень рано пробудился интерес к истории и русской литературе, прежде всего к поэзии, которую он мог часами цитировать. Дар этот не утерян им и поныне: более чем через полвека, в легендарных первичных центрах человеческой цивилизации – Месопотамии и Сирии в часы дневной суеты руководимой им экспедиции Рауф Магомедович (в очередь с автором этих строк) с упоением читал гениальные строки Пушкина, Лермонтова, Блока. По сей день с глубокой благодарностью вспоминает он открывшую ему эти сокровища учительницу русского языка и литературы его школы Н.Н. Харикову – выпускницу Московской женской гимназии. И наряду с этим – труд, труд и труд. Всегда безотказный, самоотверженный, а то и отважный. Помню его рассказ о том, как отец, прискакав домой глухой ночью, поручил ему – еще подростку – вернуть коня на пастбище, находившееся достаточно далеко от города. В абсолютной тьме, по бездорожью, в полном смысле слова по далеко не безопасным тропам доставлял он коня по назначению. И вспоминал об этом без

тени страха или драматизма, как о рядовом бытовом эпизоде, даже несколько романтическом. И такие воспоминания могли бы составить содержательный и многообразный сборник, освещающий становление характера юбиляра.

После школы – учеба в Дагестанском государственном пединституте. И здесь – уже студент Мунчаев стремится взять максимум от занятий, с особым вниманием относясь к лекциям и семинарам высококвалифицированных специалистов, как дагестанских, так и представителей русской научной школы. Здесь следует назвать крупнейшего историка Дагестана профессора Расула Магомедовича Магомедова и преподавателя истории Древнего мира Веру Павловну Дзагурову, ученицу замечательного московского профессора Владимира Николаевича Дьякова, создавшего целую школу преподавателей и исследователей древней истории. В значительной мере влияние именно этих учителей оказало в первую очередь плодотворное воздействие на конкретизацию особой заинтересованности Рауфа Магомедовича указанными дисциплинами, а внутри них – первобытной археологией (энеолитом и бронзовым веком) его родного Кавказа.

Мы проработали совместно с Рауфом Магомедовичем 34 полевых сезона. И я не помню ни одного из них, когда бы не упоминались имена этих людей. А столь прочная память об учителях и их роли в становлении и дальнейших судьбах человека – замечательная черта, вызывающая самое глубокое уважение.

Несколько слов об избранной юбиларом научной проблематике. Безусловная перспективность археологического изучения Северного Кавказа была четко определена уже в XIX в., на заре отечественной археологии. Замечательные открытия как отдельных феноменов, так и целых ярчайших культур этого удивительного региона привлекали к себе особое внимание российских и зарубежных исследователей, справедливо предвосхищая определение здесь одного из древнейших культурных очагов юга евразийского пограничья. Были охарактеризованы отдельные компоненты этого очага, а некоторые из них подверглись и анализу с определением их специфики и взаимодействия. Но целостная картина энеолита и бронзового века Северного Кавказа (да и Кавказа в целом) с обоснованием роли в ней каждого из компонентов и места их в общем развитии как самого указанного региона, так и обширных сопредельных ему территорий от Восточной Европы до Ближнего Востока создана не была. Эта важнейшая работа выпала на долю Р.М. Мунчаева.

И начало ей положила аспирантура Института археологии АН СССР, в которую он был принят в 1949 г. и проходил под руководством Е.И. Крупнова, строгого и требовательного исследователя, вся научная жизнь которого была посвящена изу-

чению археологии и древней истории Северного Кавказа. Его благотворное воздействие сыграло решающую роль в профессиональной подготовке аспиранта Мунчаева. Но Рауф Магомедович стремился к максимальному расширению и углублению последней, к полноценному использованию возможностей, которые предоставляли ему московские научные учреждения. Он, аспирант академического института, два года вместе со студентами занимается на кафедре археологии Исторического факультета МГУ, где слушает полные курсы таких выдающихся ученых, как С.В. Киселев и Б.Н. Граков, принимает активное участие в работе сектора неолита и бронзового века нашего Института, слушает наиболее важные доклады на заседаниях и других секторов. И кандидатских экзаменов по специальности сдавал он не один, как практикуется ныне, а пять, причем по резко различным темам – от энеолита до Хазарского каганата.

Совершенно закономерно, что его полевая практика началась в Дагестане, в составе экспедиции К.Ф. Смирнова (1950 г.). Но уже в следующем, 1951 г. он активно участвует в раскопках в зоне затопления строящейся Куйбышевской ГЭС на Средней Волге, где исследовались классические памятники лесостепного бронзового века – курганы и поселения срубной культуры. Работы эти были весьма напряженными и результативными, в их ходе прекрасно проявились и оперативность постижения Р.М. Мунчаевым новой проблематики и соответствующей методики, и организационные его способности, и умение быстро адаптироваться среди местного населения, неизменно завоевывая его симпатии. Три сезона проработал он на Волге, совмещая эти работы с раскопками на Кавказе. И помню такой случай. В деревне Русско-Татарские Выселки в районе г. Ставрополя (ныне г. Тольятти) Рауф Магомедович сумел заинтересовать раскопками курганов местных крестьянок. Заинтересовались они и его народностью. Спорили-гадали, пока одна из них не резюмировала: “Да что вы, бабоньки! Все они русские! Это только нация у них другая”.

Что же касается Кавказа, то с поразительной оперативностью Р.М. Мунчаев умножил число исследованных там памятников, проанализировал материалы всех основных коллекций, добытых ранее, архивные материалы, соответствующую литературу. И уже в 1953 г., т.е. в установленный срок, завершил диссертационное исследование “Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III–II тысячелетия до н.э.)”. Защита его собрала значительную аудиторию, прошла очень темпераментно и завершилась единогласным присуждением соискателю научной степени кандидата исторических наук. Глубоко справедливо, что первый его оппонент, Б.Б. Пиотровский, про-

славленный своими уникальными открытиями на Кавказе и не менее значительными синтетическими исследованиями по основным вехам кавказской археологии, в своем отзыве особо подчеркнул, что именно Дагестан являлся подлинной лакуной в этой важнейшей проблематике, исследование же Р.М. Мунчаева положило начало успешному заполнению данного пробела. Это касалось и определения основных этапов культурного развития региона, и документирующих их конкретных культурных общностей, соотношения между ними, периодизации и хронологии, наконец, общей их роли в древней истории как самого Кавказа, так и обширных смежных областей. Были заметно конкретизированы определения энеолита и бронзового века Дагестана, хотя оба эти понятия, как и отнесение к ним определенных культур, оставались в те годы остро дискуссионными для Кавказа в целом, и предложенные Р.М. Мунчаевым опыты периодизации и хронологии обоих этих периодов Северо-Восточного Кавказа получили в дальнейшем значительное развитие, превратившись в известный эталон для соответствующих разработок в ряде других областей многообразного кавказского региона.

Все это полностью оправдывало определение Б.Б. Пиотровским кандидатской диссертации Рауфа Магомедовича как новаторского исследования. Полностью подтверждалось это и первыми после защиты экспедициями Р.М. Мунчаева (очень краткий период после защиты он проработал в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР) в Горный Дагестан. Они привели к открытию и введению к научный оборот группы памятников III–II тыс. до н.э., а некоторых и значительно более раннего времени (начиная с каменного века). Особенно важно, что открытия эти сделаны именно в горных районах, т.е. на территории, где проживает большинство коренных народностей многоязычного Дагестана и которая вместе с тем оставалась белым пятном на археологической карте Кавказа.

Среди важнейших открытых здесь памятников оказалось и получившее мировую известность Чохское поселение, блестяще исследованное позднее Х.А. Амирхановым. Материалы его имеют принципиальное значение для разработки ключевой проблемы появления на Кавказе и, более того, на юге России в целом древнейших земледелия и животноводства (Амирханов, 1987).

Вновь открытые памятники позволили Рауфу Магомедовичу приступить к определению локальных особенностей развития ряда культур и рассмотреть достаточно важные проблемы, включая и проблему самого заселения Горного Дагестана. Таким образом, за предельно короткий срок работы в упомянутом Институте Р.М. Мунчаев сумел как заметно умножить число принципиально важных памятников этой территории, так и опре-

делить дальнейшие перспективы систематического ее изучения.

Особо отмечу разработку общей проблемы кавказского энеолита и соотношения его со следующим этапом развития – ранним бронзовым веком этого важнейшего культурного очага. Как известно, до конца 50-х – начала 60-х годов XX в. куро-аракскую и майкопскую культуры Кавказа относили к энеолиту. Новые открытия заставили, однако, пересмотреть периодизацию культурно-исторического развития древнейшего Кавказа. В частности, в Закавказье был открыт мощный культурный пласт, предшествующий куро-аракской культуре и относящийся к подлинному энеолиту. Куро-аракская, как и майкопская культуры были отнесены к эпохе ранней бронзы. Р.М. Мунчаев внес заметный вклад и в эту важную работу.

Исследования Каякентского поселения в Дагестане, а далее Лугового поселения в Чечне, широко вскрытого за три полевых сезона, позволили Рауфу Магомедовичу убедительно показать определенную преемственность в развитии культуры обоих названных периодов и выявить конкретные формы связи их с синхронными культурами прочих областей Северного, а также и Южного Кавказа. Впервые был поставлен вопрос о сочетании в едином слое Лугового поселения элементов классических культур раннего бронзового века – южной куро-аракской и северной – майкопской, а следовательно, и о взаимодействии между ними. Являясь как бы северной границей распространения культуры куро-аракского энеолита, пишет Р.М. Мунчаев, Луговое поселение вместе с тем служит связующим звеном между древнейшими культурами Закавказья и Северного Кавказа. Этим определяется значение данного памятника (Мунчаев, 1961. С. 29). Столь же значительны целенаправленные исследования Северо-Западного Прикаспия, документирующие двусторонние контакты с восточноевропейской степной полосой. Новые материалы подтвердили постулированный еще ранее Р.М. Мунчаевым тезис о проникновении во II тыс. до н.э. степных племен – носителей катакомбной культуры вглубь Кавказа (Мунчаев, 1965).

Особо необходимо подчеркнуть роль юбиляра в начале широкого и систематического исследования археологии Чечни, оставшейся одной из наименее изученных областей Северного Кавказа. Здесь, прежде всего, требовались систематические, охватывающие все ландшафтные зоны области, разведки. Они были возложены на специальный отряд, возглавляемый Р.М. Мунчаевым. И за несколько последовательных сезонов такими разведками была охвачена вся Чечня. Их результатом явилось открытие серии весьма информативных памятников различных периодов, вошедших в золотой фонд кавказской первобыт-

ной археологии (Мунчаев, 1966; Марковин, Мунчаев, 1967). Особое место среди них принадлежит I и II Сержень-Юртским поселениям и могильнику. Раскопки их были начаты Рауфом Магомедовичем в 1958 г. Он определил огромное значение этих памятников для исследования ярчайшего феномена раннего железного века Северного Кавказа – кобанской культуры (I тыс. до н.э.), под предельно насыщенным культурным слоем которой открыт весьма своеобразный комплекс раннего бронзового века (III тыс. до н.э.), что резко повысило общую информативность памятника. Дальнейшие раскопки Р.М. Мунчаева (1962; 1975), автора этих строк и прежде всего многолетние ширококомасштабные исследования В.И. Козенковой (2001) превратили Сержень-Юрт в подлинно эталонный памятник и по ценности полученных материалов, и по исторической их интерпретации. И начало этому положено юбилеем.

В той же Чечне и на смежных территориях Р.М. Мунчаев открыл и провел масштабные раскопки целого ряда курганных могильников, заметно изменивших представления о распространении, уровне развития и взаимодействии с прочими культурными образованиями знаменитой майкопской культуры. Достаточно назвать здесь исследовавшиеся 10 лет Бамутские курганы (Мунчаев, 1964; 1965), Усть-Джегутинский могильник в Карачаево-Черкессии (Нечитайло, Мунчаев, 1966) и многие другие. Все эти важные памятники с завидной оперативностью вводились в научный оборот. Вслед за серией статей в 1961 г. Рауф Магомедович опубликовал большую монографию “Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа”, где наряду с уже отмеченными данными Лугового поселения привлечены и систематизированы материалы древнейших (III тыс. до н.э.) памятников всего Кавказа, как Северного, так и Южного. В результате были обоснованы не только тесные связи между ними, но и поразительное их единство, особо подчеркнутое приветствовавшим эти исследования Е.И. Крупновым, справедливо предположившим определенную роль его как подосновы кавказского этнического субстрата. Монография конкретизировала характер этого единства и представила определенную систему его доказательств. Заметно были уточнены общие представления о кавказском энеолите, о принадлежности к нему конкретных памятников и, главное, о месте этого феномена в системе ближневосточного очага складывающихся древнейших цивилизаций, важнейшим форпостом которого на евразийском пограничье по праву может считаться Кавказ. В этом плане Р.М. Мунчаев явился достойным продолжателем исследовательских направлений, заложенных такими крупными представителями отечественного кавказоведения, как Б.А. Куфтин и А.А. Иессен. Именно эти ученые положили

начало рассмотрению древнейших культурных феноменов Кавказа в общей системе развития Ближнего и Среднего Востока (Месопотамии, Ирана, Анатолии, Восточного Средиземноморья) и Восточной Европы (балкано-эгейского региона). Р.М. Мунчаев продолжил и развил это направление.

Дальнейшая последовательная и целенаправленная разработка кавказской проблематики юбилеем привела к значительному ее расширению – и территориальному, и хронологическому, и тематическому. Активные полевые исследования резко расширили источниковедческий фонд во всех областях Кавказа, обогащенный также систематизацией многочисленных музейных коллекций, архивных материалов и публикаций.

Это заметно расширило хронологические рамки исследований Рауфа Магомедовича, включавшие теперь не только энеолит, но и наследовавший ему ранний бронзовый век, ярчайшим проявлением которого была на Северном Кавказе знаменитая майкопская культура, соответствовавшая не менее известной куро-араксской культуре Южного Кавказа. Юбилей поставил перед собой задачу создания исследования территориально охватывавшего фактически весь Кавказ, а хронологически – огромный период от ранее почти не освещенного неолита до развитого бронзового. Речь, таким образом, шла о реконструкции исторического процесса, протекавшего в обширном и многообразном регионе на протяжении трех тысячелетий, – т.е. создании древнейшей истории Кавказа. И уже к 1970 г. эта далеко не легкая задача была выполнена в полной мере и на неизменном для автора высоком научном уровне. Обширное исследование “Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы” было представлено Р.М. Мунчаевым в качестве докторской диссертации, блестяще защищенной в Тбилисском университете и вызвавшей значительный резонанс среди археологической общественности. Мне уже приходилось цитировать неофициальный отзыв об этой выдающейся работе, написанный А.В. Арциховским. Повторю лишь одно из его положений, касающееся обоснования Р.М. Мунчаевым происшедших на Кавказе в рассматриваемый период двух важнейших исторических сдвигов, сыгравших огромную роль в исторических судьбах не только его самого, но и обширных территорий Восточной Европы и Передней Азии. “Первый из таких сдвигов, – пишет А.В. Арциховский, – становление производящих форм экономики. Для территории нашей страны Кавказ явился одним из основных очагов этого процесса, что с предельной четкостью доказано в рецензируемой работе. Второй сдвиг – появление и развитие металлургии и формирование мощного кавказского металлургического очага. Роль этого очага в экономике Восточной Европы и Перед-

ней Азии в период раннего бронзового века невозможно переоценить. Однако, во всех своих исторических проявлениях он впервые представлен лишь в настоящей работе” (Мерперт, 1998. С. 10).

В 1975 г. это исследование, пополненное новейшими материалами, было опубликовано под названием “Кавказ на заре бронзового века”, и с тех пор является настольной книгой всех кавказоведов, да и не только их, но и основной массы специалистов по первобытной археологии Восточной Европы и Передней Азии в целом.

И в дальнейшем кавказская проблематика продолжала оставаться одним из основных направлений в исследовательской деятельности Р.М. Мунчаева. Три новых его монографии – “Энеолит Кавказа” (1982), “Куро-араксская культура” и “Майкопская культура” (1994) опубликованы в соответствующих томах издаваемой Институтом археологии РАН обобщающей серии “Археология”. Специальная монография, написанная юбилеем совместно со вторым корифеем российского кавказоведения В.И. Марковиным, посвящена Северному Кавказу и охватывает основные этапы его развития в древности и средневековье на протяжении сотен тысяч лет, начиная с появления здесь древнейших предков человека и вплоть до многообразных культур позднего средневековья (Марковин, Мунчаев, 2003).

Начиная с 1969 г. исследовательская деятельность Рауфа Магомедовича была вновь резко расширена. От кавказского форпоста древневосточного культурного очага она распространилась на основной массив последнего – на легендарные центры древнейших мировых цивилизаций Месопотамии и Сирии. К тому времени уже более 150 лет отделяли российскую полевую археологию от начала исследования этой “археологической Мекки” экспедициями западных стран. На Р.М. Мунчаева была возложена труднейшая задача создания первой российской археологической экспедиции на этой священной земле, с которой неразрывно связаны важнейшие переломные моменты в древней истории Старого Света, да и человечества в целом. Такие, как ряд ступеней антропогенеза, а далее и всестороннего развития наших древнейших предков и их деятельности, переход от присваивающей к производящей экономике, становление земледелия и скотоводства, появление керамики и металлопроизводства, резкое усложнение социальных структур, возникновение городов, письменности, государственных структур, высокоразвитого искусства, древнейшей в мире цивилизации. Междуречье Тигра и Евфрата – родина этих судьбоносных свершений. Памятники его предельно информативны, но исследование их чрезвычайно сложно. И никогда еще российские археологи не участвовали непосредственно в полевых исследованиях в Месопотамии, во всестороннем изучении ее замечатель-

ных памятников на месте. Не было опыта, не было традиции, не было методического задела. И все это – от определения наиболее целесообразной проблематики до выбора конкретных объектов и решения методических и очень нелегких организационных вопросов, легло на плечи Рауфа Магомедовича. Фактически предстояло максимально сократить, а в определенной мере и ликвидировать упомянутый разрыв между освоением специфики месопотамской археологии и разработкой коренных ее проблем западными и российской экспедициями.

Минуло чуть более 30 лет и за это время 14 напряженных полевых сезонов нашей экспедиции в Северо-западном Ираке и 19 – в Северо-восточной Сирии. И сложнейшая задача, сформулированная выше руководимой Р.М. Мунчаевым экспедицией, успешно выполняется, а в ряде аспектов уже выполнена. Деятельность ее четко подчинена разработке двух ключевых проблем древнейшей Месопотамии, определивших возникновение самого ее феномена, переходу к первым фазам производящей экономики и сложению древнейшей в мире цивилизации. Экспедиция с каждым сезоном совершенствовалась, познавая сложную специфику месопотамской полевой археологии, осваивая известные и вырабатывая новые ее приемы и все более решительно включаясь в разработку указанных важнейших проблем. Отсутствовавший ранее опыт накоплен. Традиция российских полевых исследований древнейшей Месопотамии создана. И безусловная заслуга в этом юбилея совершенно очевидна. Все годы он непосредственно корректировал выработку основных направлений исследований, не брезгуя самой черновой работой, участвовал в их осуществлении, интерпретации, введении в научный оборот, наконец, единолично нес бремя организационного, административного и “дипломатического” укрепления экспедиции.

Результаты же последней в полном смысле слова получили международное признание. Здесь достаточно привести слова видного английского специалиста по археологии древнейшей Месопотамии Джоан Отс: “Британская археология играла лидирующую роль в исследовании севера (Месопотамии. – *Н.М.*), но она перешла к Советской экспедиции, исследования которой существенно изменили представления о неолите Месопотамии” (Oates, 1994).

Здесь не место для подробной характеристики этих исследований. Поэтому ограничусь лишь самой краткой конкретизацией приведенной оценки Дж. Отс. Разработка проблемы освоения и развития производящей экономики в Северо-западном Ираке (Синджарская долина) основывалась на масштабных и чрезвычайно результативных раскопках нашей экспедицией серии последовательных памятников, начиная с докерамического нео-

Рис. 1. Р.М. Мунчаев на раскопках памятника Телль Хазна 1 в Сирии.

Рис. 2. Участок обводной стены культового комплекса на поселении Телль Хазна 1.

лита и вплоть до раннеэнеолитической убейдской культуры. Общий хронологический охват этих объектов превышает четыре тысячелетия. Большая их часть относится к керамическому неолиту. В их числе поселения хассунской и халафской культур, известных ранее, но представленные более полными стратиграфическими колонками и более многообразными материалами. Последнее касается развития архитектуры и керамики, зачатков металлообработки, многообразной антропоморфной и зооморфной пластики, украшений, печатей, а также остатков domesticiрованных растений и животных. Все это позволило рассматривать исследованные российской экспедицией памятники как эталонные для отмеченных культур. Но, кроме того, открыты и более ранние фазы последних, отмеченные определенным своеобразием и заметно пополняющие представления об этапах неолитического развития Северного Двуречья. Ныне можно говорить, по меньшей мере, о пяти таких этапах, о гомогенности их развития, о корнях таких значительных феноменов, как Хассуна и Халаф.

Таким образом, полевые исследования руководимой Р.М. Мунчаевым российской экспедиции, материалы которой легли в основу разработки первой из названных выше основных ее проблем, были достаточно результативны. И благодаря четкому планированию научной обработки этих материалов они после каждого сезона оперативно вводились в научный оборот, а далее клались в основу многих десятков статей (изданных в ряде стран), а достаточно скоро и обобщающих монографий (Мунчаев, Мерперт, 1981; Бадер, 1989). Большая сводная монография тех же авторов, охватившая всю иракскую часть исследований российской экспедиции, была издана на английском языке в 1993 университетом штата Аризона под редакцией Н. Йоффе и Д.Д. Кларка (Munchaev et al., 1993).

Не менее результативной явилась разработка нашей экспедицией второй из поставленных перед ней проблем – проблемы сложения древней-

шей в мире месопотамской цивилизации. Базовым памятником явился здесь Телль Хазна 1 – холм высотой 17 и диаметром около 200 м. в Северо-восточной Сирии (рис. 1). Нижний – метровый его слой принадлежит убейдской культуре (конец V тыс. до н.э.), второй – трехметровый – урукской культуре (с появившейся уже фортификацией) основной части IV тыс. до н.э. Третий – основной, 12-метровый слой принадлежал первому – началу второго периода раннединастической эпохи (конец IV – первой трети III тыс. до н.э.) И именно последний слой оказался наиболее информативным для разработки проблемы сложения цивилизации. Он содержал необычно хорошо сохранившиеся руины крайне неординарного объекта – культово-административного центра целой округи. Его ограждала мощная система фортификационных сооружений, включавшая две концентрических обводных стены толщиной от двух до трех с половиной метров и сохранившейся высотой от 3.25 до 6 м (рис. 2).

Кроме того, специальные внутренние укрепления защищали ряд особо важных комплексов сакрально-складского характера. Жилые и хозяйственные сооружения занимали лишь ограниченные участки, число их возрастает лишь в верхних горизонтах. Основные же постройки, прежде всего храмовые, включавшие культовую башню (“протозиггурат”), алтарные помещения, жертвенники и пр., а также достигавшие почти девятиметровой высоты башни-зернохранилища располагались на последовательных платформах-террасах, на каждой из которых определено по несколько строительных уровней, документирующих стратиграфию каждого конкретного участка и эволюцию объекта в целом с возможным изменением функционального его характера на позднем этапе существования и даже частичной смены культовых и жилых участков некрополем.

Общая площадь, вскрытая на памятнике, превышает 4000 м².

Еще раз подчеркну поразительную сохранность сооружений памятника: некоторые из массивных башен, стен и контрфорсов сохраняют первоначальную свою высоту. И необходимо особо отметить, что ни по сложности своей, ни по хронологической принадлежности он не уступает немногочисленным своим аналогам в Южной и Средней Месопотамии начала Раннединастической эпохи, а по конструктивной насыщенности и общей информативности даже превосходит их. Это, наряду с прочими показателями, позволяет уравнивать роль Сирии с этими регионами в процессе сложения древнейшей месопотамской цивилизации. То же следует сказать и о первой рассмотренной проблеме – раннеземледельческом неолите. Стратиграфический раскоп, заложенный экспедицией на соседнем памятнике Телль Хазна II, показал наличие там тех же слоев и той же их культурной специфики, что и в упомянутых соответствующих памятниках Ирака.

Продолжается с нарастающей результативностью и организационная и общественная деятельность Рауфа Магомедовича, идущая нога в ногу с деятельностью исследовательской. Мне довелось уже писать о ней десять лет назад, когда близилось семидесятилетие видного ученого (Мерперт, 1998. С. 13). И последнее десятилетие блестяще подтвердило поразительную многогранность его деятельности. Он с подлинным талантом продолжал руководить Институтом археологии РАН вплоть до 2003 г., несмотря на отнюдь не легкие времена и все возрастные лимиты. И руководил по-молодому, постоянно держа руку на пульсе мировой археологии, внимательно следя за ее методическим совершенствованием, за соответствующими инновациями, тщательно их оценивая и внедряя в практику Института. Это решительно способствовало неуклонному повышению результативности деятельности последнего, укреплению престижа российской археологии в целом. Особо хотел бы отметить, что руководство Р.М. Мунчаева в не меньшей мере способствовало здоровой, деловой “бесконфликтной” атмосфере в жизни нашего Института.

И глубоко закономерным явилось последовавшее в 2000 г. избрание Р.М. Мунчаева членом-корреспондентом Российской академии наук. Избран он и в целый ряд авторитетных международных археологических организаций, таких как Германский Центральный Археологический Институт, Итальянский Институт Африки и Востока, Постоянный совет Международного Союза до и протоисторических наук и пр. Деятельность его получила широкое признание международной археологической общественности, а сам он по праву признан одним из наиболее известных российских археологов.

И при всем этом Рауф Магомедович неизменно остается скромным, глубоко благожелательным, заботливым к людям, всегда готовым прийти на помощь человеком, подлинным интернационалистом. Отсюда и упомянутая выше атмосфера в нашем Институте, Рауф Магомедович – гарант ее. Многая же лета ему!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А.* Чохское поселение (Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана). М., 1987.
- Бадер Н.О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.
- Козенкова В.И.* Поселение-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Население Чечено-Ингушетии при первобытно-общинном строе. Древнейшие времена // Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т. 1. Грозный, 1967.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой культуры. М., 2003.
- Мерперт Н.Я.* К семидесятилетию Р.М. Мунчаева // РА. 1998. № 3.
- Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 1961. № 100.
- Мунчаев Р.М.* Памятники Майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. 1962. № 3.
- Мунчаев Р.М.* Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98.
- Мунчаев Р.М.* Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в Советской археологии. М., 1965.
- Мунчаев Р.М.* Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сб. Грозный, 1966.
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мунчаев Р.М.* Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982.
- Мунчаев Р.М.* Куро-араксская культура // Ранняя и средняя бронза Кавказа. Археология. М., 1994.
- Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Ранняя и средняя бронза Кавказа. Археология. М., 1994.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в северо-восточной Сирии. М., 2004.
- Нечитайло А.Л., Мунчаев Р.М.* Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА. 1966. № 3.
- Munchaev R.M., Merpert N.Ya., Bader N.O.* Evolution of the Mesopotamian Civilization / Eds Yoffe N., Clark J.J. Tucson; L., 1993.
- Oates J.* An “extraordinarily ungrateful conceit”: a western publication of important Soviet field studies // Antiquities. 1994. V. 68. № 26.

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК И КАВКАЗ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО
ВЕКА**

**20 ЛЕТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ В СИРИИ**

© 2008 г. Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт, Ш. Н. Амиров

Институт археологии РАН, Москва

Как известно, российские ученые с опозданием более чем на 100 лет от западной науки приступили к полевым археологическим исследованиям в Месопотамии – древнейшем в истории очаге возникновения цивилизации. Первая российская (тогда еще советская) экспедиция в Месопотамию была организована Институтом археологии АН СССР лишь в 1969 г. Перед ней была поставлена задача разработки проблемы становления и развития раннеземледельческих культур в их первичном – ближневосточном центре и формирования цивилизации. Экспедиция провела 14 полевых сезонов в северо-западном Ираке, в слабо исследованной до этого Синджарской долине. Она выявила и широко исследовала там целую группу раннеземледельческих памятников, относящихся к VIII–IV тыс. до н.э. и отражающих развитие основных культур дописьменной Месопотамии. В результате была не только принципиально обогащена источниковедческая база этих культур, но и выявлены новые раннеземледельческие культуры, позволившие заполнить ряд лакун и осветить последовательные этапы сложения производящих форм экономики и сопутствовавшего им развития как материальной, так и духовной культуры. Впервые в Северной Месопотамии был открыт важнейший памятник иерихонского типа (PPNB) – поселение докерамического неолита Телль Магзалия, определены корни и этапы формирования древнейших раннеземледельческих керамических культур, в том числе исходная для Хассуны культура Телль Сотто, получены полные колонки этапов развития таких культур Месопотамии, как хассунская и халафская, и установлено их соотношение с самаррской и убейдской культурами. Для всех этих культур документально засвидетельствовано сравнительно быстрое и выразительное совершенствование строительной деятельности, формирование фундаментальных ее форм, зарождение традиции храмовой и фортификационной архитектуры. К этому следует добавить заметный рост числа находок самых различных категорий – от значительных и многообразных коллекций до превосходной пластики, включающей уникальные фигурные расписные сосуды, и, наконец, медные и свинцовые украшения и большой набор разнообраз-

разных орудий, а также куски медной руды – маляхита. Таким образом, было доказано, в частности, что зарождение металлургии и металлообработки началось в Месопотамии столь же рано (VIII тыс. до н.э.), как и в смежных регионах Ближнего Востока – Ирана и Анатолии.

Результаты кратко отмеченных исследований Месопотамской экспедиции Института археологии АН СССР в Ираке получили широкое освещение в многочисленных трудах, в том числе в серии монографий и научно-популярных работ, опубликованных как в нашей стране (Бадер, 1989; Мунчаев, Мерперт, 1981; Гуляев, 2006; и др.), так и за ее пределами (Bader et al., 1993; и др.). Эти исследования вызвали заслуженный интерес в самых широких научных кругах, в том числе в странах, занимавших до этого ведущее и даже монопольное место в изучении Месопотамии. В данной связи весьма характерно высказывание крупнейшего английского специалиста по археологии Ближнего Востока, проф. Дж. Отс. В рецензии на американскую публикацию наших исследований она подчеркнула, что если до недавнего времени британская археология доминировала в исследовании Северной Месопотамии, то отныне эта роль перешла к Советской экспедиции, итоги работ которой заметно изменили представления о неолите верхнего Двуречья (Oates, 1994. P. 882–885). В нашей же стране результаты работ экспедиции в Ираке удостоены Государственной премии РФ в области науки и техники.

Уже в процессе работ российской экспедиции в долине Синджара в Ираке встал вопрос расширения их хронологически и особенно территориально на смежные области и прежде всего на территорию Северо-Восточной Сирии. Такое расширение во времени и пространстве наших исследований было обусловлено, в частности, необходимостью пересмотра самых первоначальных границ ближневосточного раннеземледельческого ареала. В данном аспекте именно сопредельная территория Сирии, представляющая составную часть Северной Месопотамии и отличающаяся исключительной насыщенностью разновременными археологическими памятниками, вызывала особый интерес (рис. 1). Многочисленная система сухопутных и водных связей этой области Сирии, име-

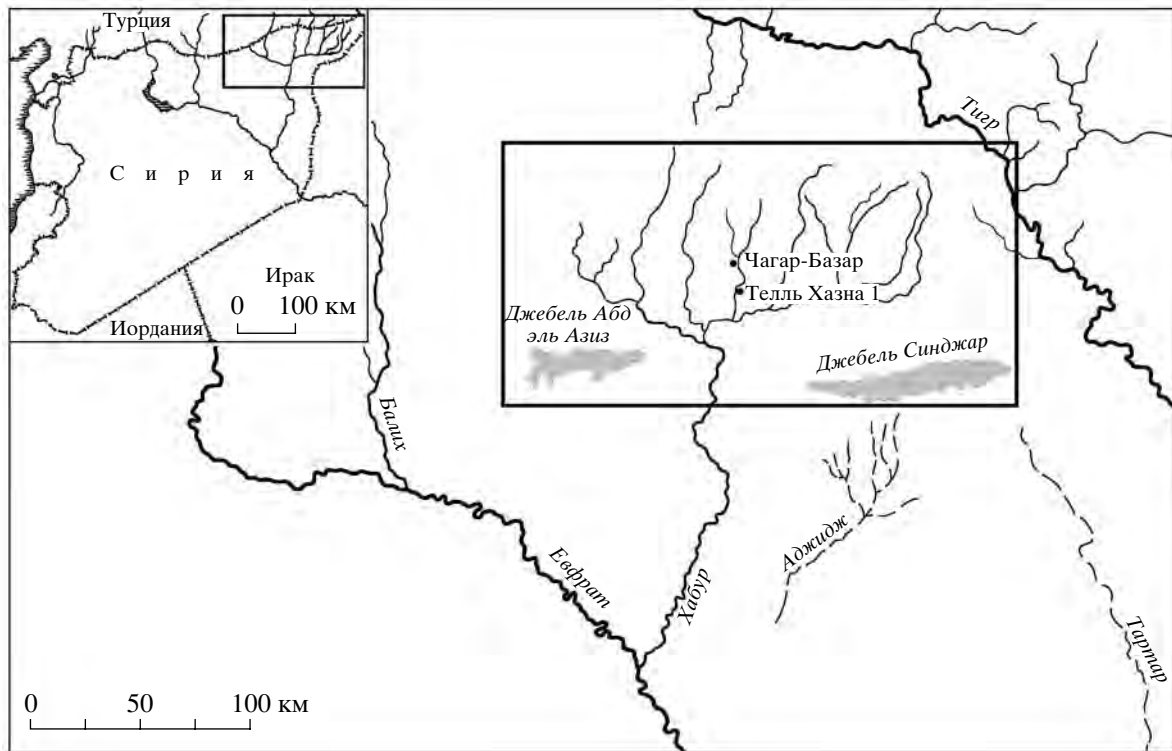

Рис. 1. Хабурская степь Северной Месопотамии.

нуемой обычно долиной Хабур – главного притока Евфрата – или нередко хабурским треугольником, способствовала распространению достижений ряда древних экономических и культурных центров и прежде всего месопотамского, органичной частью которого являлась она сама, что получает все больше обоснований в археологических открытиях последних десятилетий. Именно поэтому мы избрали для продолжения исследований нашей месопотамской экспедиции данный регион Сирии и весной 1987 г. предприняли там разведки, с целью выбора памятника для своих дальнейших стационарных работ в Месопотамии. Таким памятником оказался Телль Хазна I, расположенный в 25 км на С–СВ от города Хассаке (центра одноименной провинции Сирийской Арабской Республики), близ деревень Хазна и Аляви, в нижней части аллювиального бассейна водостока Вади Ханзир (или Вади Риджла) – притока Джаг-Джага, впадающего в Хабур. Это крупнейший из трех находящихся здесь, вдоль по течению вади Ханзир, теллей. Он стал основным объектом исследований российской экспедиции в Сирии (рис. 2). В 1988 г. мы начали его планомерные раскопки, которые с небольшим перерывом (1991–1992 гг.) продолжаются до настоящего времени. Двухлетний же перерыв, вызванный тяжелым положением, в котором оказалась Российская академия наук, как впрочем, и вся

наша страна, мы использовали для обследования находящегося в км к югу от Телль Хазны I другого многослойного поселения – Телль Хазны II. Проведенные здесь на ограниченной площади зондажные раскопки показали, что в данном памятнике представлены слои дописьменной раннеземледельческой Месопотамии, начиная от культуры Телль Сотто и Хассуны, Халафа, Урука, раннединастической эпохи до исламского периода. Наличие такой культурной последовательности в долине Хабур – составной части сирийской Дезиры – при единой последовательности ее развития убедительно подтверждает принадлежность избранного российской экспедицией региона Сирии к месопотамскому культурному очагу (Мунчаев и др., 1993; Munchaev, Merpert, 1992).

И еще одно существенное и весьма конкретное свидетельство отмеченного единства, но уже духовного характера, это открытие в древнейшем горизонте (XII) Ярымтепе I (Ирак) и наиболее раннем слое Телль Хазны II (Сирия) абсолютно аналогичных по многим признакам и деталям скорченных на боку детских погребений. В обоих случаях захоронения были совершены в крупных глиняных сосудах довольно архаичной формы, принадлежащих “прахасунской” керамике. Оба погребения сопровождалось одинаковым инвентарем, в частности набором совершенно идентичных по материалу, формам и цвету бус. Столь по-

Рис. 2. Телль Хазна I. Общий вид (а); фото с аэростата общего вида раскопок (б).

разительное сходство в обряде захоронения и инвентаре этих погребений могло быть обусловлено, вероятно, единым ритуалом (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 44). Укажем здесь, что подобные архаичные слои с той же системой северомесопотамских аналогий исследованы еще в долине Хабуре на Телль Кашкашок II (Matsutani, 1991), находящемся в 30–40 км к северо-западу от Телль Хазны II.

Следует подчеркнуть, что древнейшие (“пра-хассунские”) слои Телль Хазны II достигают здесь вместе с ранним, собственно хассунским слоем почти трехметровой толщины, что свидетельствует о длительности их существования. Вместе с тем отсутствие на Телль Хазне II позднего хассунского слоя (так называемой “стандартной Хассуны”) позволяет предположить перерыв в заселении холма, вызванный, видимо, климатическими изменениями, прежде всего водного режима. Во всяком случае, слой Телль Согто и архаической Хассуны непосредственно перекрыт здесь отдельными скоплениями типичной халафской керамики, включая значительное количество образцов высококачественной расписной посуды. Тонкий (около м) слой халафской культуры позволяет предполагать наличие поселения сезонного характера, например, такого же как поселение Умм Ксейр на Хабуре (Hole, Johnson, 1986, 1987. P. 36, 37).

Следующий культурный пласт на поселении Телль Хазна II представлен отложениями урукского времени. В ходе исследований этого горизонта, возможно, был затронут своеобразный некрополь. В частности, было исследовано погребение, совершенное на тростниковых носилках, собранных из длинных шестов, соединенных перемычками. Погребение сопровождали три сосуда, характерных для периода позднего Урука.

После прекращения функционирования некрополя урукского периода здесь в раннединасти-

ческую эпоху возникло поселение, остатки которого составляют слой мощностью до трех метров. Поселение раннединастического времени не содержало следов фортификации, равно как и других массивных сооружений. Здесь раскопаны остатки ординарных и маловыразительных построек. По всей вероятности, в III тыс. до н.э. здесь был небольшой поселок, занимавший скромное место в иерархии существовавших в это время поселений и заметно отличавшийся по многим параметрам от находящегося рядом поселения Телль Хазна I. Хотя керамика раннединастических слоев обоих памятников абсолютно идентична, они различаются между собой и размерами, и особенностями структуры и планировки, и массивностью и архитектурной спецификой сооружений и многими другими показателями.

Телль Хазна I, как историко-археологический объект, отличается не только от соседнего поселения Телль Хазны II, но и от почти всех исследованных до сего времени памятников долины Хабуре III тыс. до н.э.

Итоги многолетних раскопок Телль Хазны I, являющегося основным объектом исследований российской экспедиции в Сирии, убедительно свидетельствуют об уникальности этого памятника в системе древностей Северной Месопотамии раннединастического I периода (первая треть III тыс. до н.э.). Телль Хазна I расположен на левом берегу Вади Ханзир и представляет собой довольно крупный холм высотой около 17 м над уровнем поля и диаметром около 150–200 м (рис. 2, 3, а, б). Южный склон телля значительно более пологий, чем северный, что обусловило средоточие на нем основной и довольно плотной застройки. На северном, крутом склоне холма, как удалось установить с помощью специальной траншеи, спущенной от его вершины и до основания, постройки единичны и не носят регулярного характера.

Общая мощность культурного слоя от 16 м ниже нулевой отметки на востоке и юге и до 16.5 м на западе. Это объясняется некоторым спадом поверхности поля к ложу Вади Ханзир (Мунчаев и др., 2004. С. 21).

Начатые в 1988 г., раскопки Телль Хазны 1 охватили к настоящему времени площадь свыше 4100 м² в южной половине холма и около 250 м² в северной. По сути, исследованиями охвачена в разной степени почти вся внутренняя площадь памятника, огражденная массивной фортификационной стеной (рис. 3, б). Остается не раскопанным на вершине телля лишь один участок – квадрат XVI/12, на котором стоит триангуляционный знак. Кстати, центральная и северо-восточная части памятника были исследованы в последние годы. Результаты их раскопок поэтому не отражены в наших новейших публикациях и прежде всего в фундаментальном издании “Телль Хазна 1. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в северо-восточной Сирии”. В этом труде, на который мы будем ниже ссылаться, подведены итоги раскопок архитектуры, керамики и погребальных комплексов Телль Хазны 1 до 2000 г. В настоящей же статье речь пойдет кратко о результатах исследования данного памятника вплоть до 2007 г. включительно.

К настоящему времени вскрыта не только значительная площадь Телль Хазны 1, но на четырех участках достигнут уровень материка. В результате удалось определить три основных периода существования памятника.

Наиболее ранний из них, достигнутый в нижней части южного склона памятника, имеет мощность слоя, не превышающую метровой толщины. На основании керамики эта часть культурного слоя была датирована позднеубейдским или переходным убейдско-урукским временем. Особо отметим, что здесь на глубине 16.06 м, в незначительном углублении стоял сосуд с остатками костяка младенца (погребение № 30). Фрагменты подобных сосудов убейдского типа, в том числе с зеленовато-коричневой росписью по зеленовато-розовому фону составляют среди достаточно немногочисленной пока керамики древнейших слоев поселения более 30% от общего числа фрагментов. На уровне 14.75–15.30 ниже нулевой точки были зафиксированы две сырцовые стены, уходящие в северном направлении. Эти стены принадлежат остаткам древнейших кирпичных сооружений памятника.

Следующий культурно-хронологический пласт поселения связывается с расцветом позднехалколитической культуры Северной Месопотамии урукского времени. Следует отметить, что в соответствии с доступными нам в настоящее время данными перерыва в жизни поселения на этом этапе не отмечено. Культурный слой документи-

рует поступательное развитие материальной культуры. Для слоев поселения этого периода характерно падение количества расписной керамики убейдского типа. Культурные отложения этого периода у южной полы телля составляют не менее трех метров. У южной полы поселения отмечено наличие рва, впущенного в нижележащий слой, что может свидетельствовать в пользу наличия какого-то рода оборонительных сооружений этого периода.

Следующий период жизни поселения связан с возведением экстраординарного монументального архитектурного комплекса, не имеющего благодаря своей сохранности аналогов среди хронологически близких памятников как северной, так и южной Месопотамии. Построенный в самом конце IV тыс. до н.э., он функционировал около 250 лет, прежде чем на самом позднем этапе жизни поселения был перекрыт сооружениями бытового характера. Таким образом, большая часть слоя памятника связана с монументальными конструкциями комплекса, служившими “скелетом” для аккумуляции культурных отложений этого периода. Перепад между крайними высотными отметками, связанными с сооружениями храмового комплекса, составляет до 12 м.

Спецификой общей структуры памятника является наличие террасообразных поверхностей–платформ, представляющих нивелировки культурных отложений предшествующего периода. С этими “террасами” связаны группы построек (Мунчаев и др., 2004. Табл. 2, 3). При этом они подчинены единым принципам планировки всего архитектурного комплекса. Согласно этим принципам, здания, составлявшие архитектурный ансамбль, возводились одновременно, но на разных уровнях. Этой спецификой обусловлена идентичность материала, прежде всего керамического, на ряде участков, резко различающихся по глубинам залегания внутри культурного слоя.

Предлагается выделение до четырех нивелировочных дневных поверхностей – платформ времени существования храмового комплекса, в соответствии с которыми распределены многочисленные сооружения. Нижняя из них прослежена на отметке около –12 м от репера. Сооружения этого уровня соотносятся со сложным из ломтей глины и покрытым обмазкой валом шириной около 4 м, возможно, оборонительного назначения, который был прослежен на протяжении 30 м. Он шел в широтном направлении по самому краю полы холма и был поврежден позднейшей хозяйственной деятельностью.

Лучше сохранились сооружения второго уровня, представленные, в частности, концентрической кирпичной стеной, охватывающей южную, восточную и частично западную часть поселения.

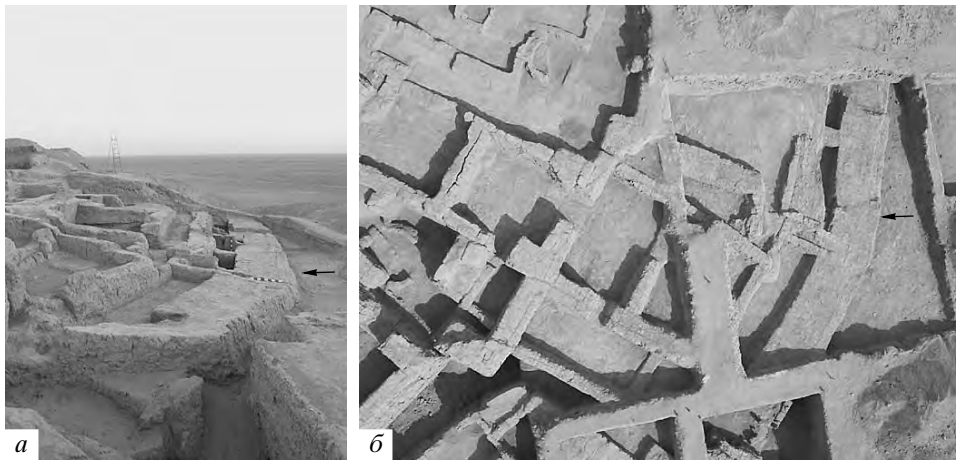

Рис. 3. Телль Хазна 1. Остатки оборонительной стены в восточной части Телля (а, б).

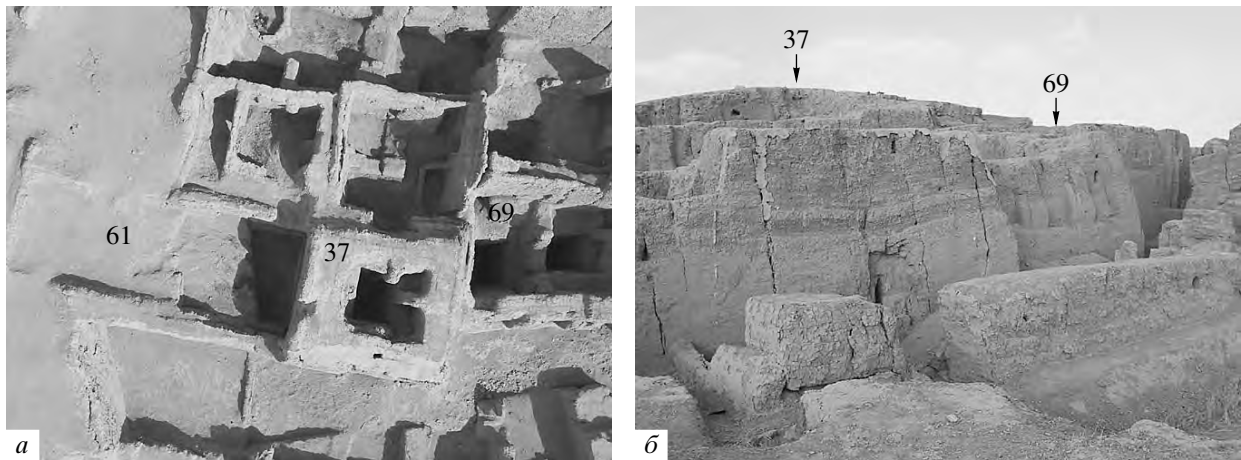

Рис. 4. Телль Хазна 1. Массивные общественные сооружения № 37, 69 на нижней платформе (а, б).

Она прослежена на протяжении до 90 м. Ее ширина около 2 м, высота близка к 6 м (рис. 3, а, б).

Также к этому уровню относится замкнутый комплекс, представленный сооружениями так называемого “теменоса” храмового архитектурного ансамбля. Сооружения этой части архитектурного ансамбля Телль Хазны 1 сохранились, как правило, почти на полную высоту.

Одно из наиболее массивных зданий этой части комплекса представляет собой башнеобразное сооружение (№ 37) высотой от основания фундамента до верха сооружения около восьми метров (рис. 4, а, б). (Мунчаев и др., 2004. Табл. 3, 37, 61, 69; 14, 19). Фундамент этой конструкции был заглублен на 1.50 м в нижележащий слой, его подстилал слой чистой глины толщиной 90 см. Ниже этого слоя была обнаружена закладная жертва, состоявшая по меньшей мере из двух мелких копытных животных. Она знаменовала начало строительства башни. Еще один заклад был обнаружен в верхней части сооружения, в одном

из трех щелевидных окон. В состав заклада входили 17 кремневых вкладышей со следами битума для составных лезвий серпов и печать-штамп из белого камня с изображением льва, терзающего лежащее на спине копытное животное (Мунчаев и др., 2004. Табл. 21, 4. Рис. 2, 3). Конструктивные особенности этого сооружения и характер его заполнения (здесь было отмечено минимальное количество находок) позволили предположить его культовое использование, в качестве моленного помещения, аналогичного зиккуратам южной Месопотамии.

В северной и южной стенах этого здания открыты дверные проемы. В интерьере помещения зафиксированы два уровня полов вымощенных камнем. Надо отметить, что следы вымостки прослежены также как с южной стороны этой конструкции, так и к северу от нее. С северной стороны вымостка представляет собой каменную дорожку, которая, поднимаясь от уровня 11.0 м до уровня около 8.50 м от репера, ведет к так называ-

емому “верхнему храму” (постройка № 151/154), расположенному на следующей, вышележащей “террасе”.

С востока к башне (№ 37) примыкает сооружение № 69, а с запада сооружение № 61 (рис. 4, а). Оба эти здания отличаются массивностью и тщательностью кладки, их внешние стены, равно как самой башни № 37, имели обмазку глиной зеленоватого оттенка. Южная стена конструкции № 69 имеет в верхней части характерные для культовых зданий Месопотамии четыре выступа-пилястра метровой ширины. Внутри этого помещения был открыт подиум – “алтарный стол” (Мунчаев и др., 2004. Табл. 26, 1; 27, 2; 32, 2). Также оформлена пятью выступами-пилястрами южная стена (стена № 60) упомянутого “верхнего храма”, расположенного на вышележащей “террасе”. Южный фас этого сооружения был покрыт обмазкой зеленоватой штукатуркой, как и постройки нижнего уровня. Помещение “верхнего храма”, состоящего из двух смежных комнат, использовалось длительное время, хотя в результате ряда перестроек культурный слой в интерьере значительно вырос, а его полезная площадь сократилась. К наиболее позднему периоду в жизни “верхнего храма”, когда он продолжал служить в качестве помещения, относятся дверь, куда вели ступени, сложенные из нескольких крупных камней. На самом позднем его этапе помещение продолжало использоваться для сбора жертвоприношений. Для этого были сделаны глубокие шахтообразные, выложенные кирпичом камеры, заполненные в ходе использования золой, костями, керамикой и многочисленными статуэтками мелкого рогатого скота. Однако доступ к ним в это время был уже, судя по всему, сверху.

С востока к этому зданию примыкает небольшое башнеобразное сооружение № 24. Ниже его были обнаружены остатки упомянутой выше каменной дорожки, поднимавшейся от конструкции № 37 и связывавшей культовые постройки “нижнего” и “верхнего храмов” (Мунчаев и др., 2004. Табл. 8). Севернее конструкции № 24 был зафиксирован очаг. Участок вокруг него был исключительно насыщен золой, многочисленными костями животных и керамикой, в частности парадной разновидности Ниневиа 5 (причем, некоторые из этих сосудов собирались целиком). Особенности этого участка заставляют предположить его использование в качестве жертвенного места.

В начальный период функционирования сооружения № 24 внутри конструкции существовала и использовалась разделительная стена, возведенная от основания и до середины максимальной его высоты и протянувшаяся от северной к южной его стене. Разделительная стена была разрезана и в верхней ее части был обнаружен канал, соединяющий отверстия в южной и северной сте-

не конструкции. Надо отметить, что максимальное расширение этот канал имеет в южной стене, а минимальное сечение – в северной. Упомянутый выше очаг находился в непосредственной близости у северной стены. Очевидно, разделительная стена с каналом-воздуховодом каким-то образом связана с функционированием этого очага. Возможно, эта конструкция могла служить нагнетанию воздуха в очаг для лучшего горения.

Разделительная стена делила конструкцию на две камеры, заполненные золой, мелкими фрагментами костей, и незначительным количеством керамических фрагментов. Следов открытого воздействия огня внутри конструкции № 24 не отмечено. Вероятнее всего, обнаруженная в интерьере сооружения № 24 зола связана с отмеченной очажной конструкцией. Судя по всему, собранная зола представляла определенную ценность и хранилась в специальном помещении, которое могло служить жертвенным депозитарием (Амиров, 2006. С. 17–30).

Башня № 24 была непосредственно возведена на частично сохранившейся галечной вымостке. Эта вымостка является частью мощеной дороги, существовавшей во время первоначального функционирования сооружений кольца теменоса, ведущей от зиккурата к “верхнему храму”. Вероятно, башня № 24 была построена позднее основных, массивных сооружений теменоса. Ее возведение планиграфически организует пространство построек, принадлежащих вышележащему строительному горизонту. С этим периодом связаны значительные изменения принципов первоначальной планировки основных сооружений внутри “теменоса”. Прежде всего это выразилось в изменении направления движения по линии запад-восток, в отличие от линии юг-север в предшествующее время. Это должно было привести к определенным изменениям в организации ритуала.

С востока к башне № 24 примыкает массивное сооружение (№ 80/81). Далее на восток исследованы еще несколько сооружений, продолжающих эту линию. Помещение № 204 – одна из важных конструкций, формирующих внутренний, центральный овал замкнутого участка Телля Хазна 1. Оно представляет собой длинное здание, разделенное узкой “прихожей” на две комнаты, которые на позднем этапе вторично использовались как жилые помещения. О первоначальном назначении здания № 204 мы пока не можем судить. Восточнее помещения № 204 располагалась хозяйственная печь. На этом участке сохранилось довольно много свидетельств хозяйственной активности позднего периода жизни поселения.

Следует отметить, что несмотря на очевидное единство планировки участка внутреннего овала “теменоса”, между сооружением № 80/81 и смеж-

ным с ним сооружением № 204 был прослежен первоначально не очень понятный разрыв. Впоследствии он был определен как фрагмент одной из улиц, пересекавших замкнутое пространство поселения с запада на восток и с севера на юг.

Таким образом, перечисленные плотно прилегающие друг к другу конструкции формируют часть комплекса, округлого в плане, расположенного внутри овала “теменоса”. Дневная поверхность, на которой возведены эти сооружения, примерно соответствует глубине от 9 до 8 м от репера. Таким образом, комплекс этих сооружений образует уровень третьей платформы, возвышающейся над нижележащей “террасой” примерно на 2–3 м. Здания этого комплекса были возведены одновременно с массивными сооружениями внешнего овала “теменоса” в конце IV тыс. до н.э. Во вторичном использовании они функционировали до конца жизни поселения.

Прослеженные в этой части памятника мощные галечником поверхности свидетельствуют, что уровень сооружений времени строительства храмового комплекса, расположенных в самом центре поселения, находится выше дневной поверхности третьей “террасы”.

Благодаря прослеженному расположению культовых сооружений Телль Хазны 1 на разных уровнях, комплекс может быть отнесен к числу так называемых высоких храмов Месопотамии, расположенных на платформах. Первые “высокие храмы” появились еще в позднеубейдское время и сформировались как особый тип культового здания, иногда поднятый на несколько последовательных террас к рубежу урукской и раннединастической эпох. Ряд ученых связывают этот процесс с выработкой идеи и форм зиккуратов и связанных с ними конструкций (Lenzen, 1941; 1974).

В целом же застройка “теменоса” Телль Хазны 1 в значительной мере соответствует классическому определению И.М. Дьяконовым основных индикаторов строительных принципов и признаков культовых зданий, которые с конца “убейдского периода становятся традиционными для месопотамской архитектуры”. Среди них он отметил многократную перестройку культовых зданий на одном месте и наличие высокой искусственной платформы, на которой стоит храм. Он подчеркнул также трехчастную планировку храма с центральным помещением, представляющим собой открытый сверху внутренний дворик, вокруг которого группируются боковые пристройки. Кроме того, им отмечено “членение наружных стен храма контрфорсами или пилястрами, выступающими на равном расстоянии друг от друга и образующими правильное чередование ниш и выступов” (Дьяконов, 1983. С. 150, 151). Применительно к архитектурному комплексу Телль

Хазны 1 могут быть отмечены все признаки, характерные для храмовых зданий Месопотамии, (Амиров, 2006. С. 17–30), за исключением одного. До настоящего времени на Телль Хазна 1 не обнаружено ни одного здания с характерной трехчастной планировкой. Возможно, такое здание может находиться непосредственно в центральной части памятника, которая пока не исследована.

Как бы там ни было, уже в настоящее время есть все основания утверждать, что основной задачей комплекса Телль Хазны 1 были функции культового центра определенной округи, выполнявшего и административные задачи организации производственного процесса, равно как и хранения и перераспределения общественного продукта.

Материалы, собранные на Телль Хазне 1, демонстрируют наличие как централизованного, так и домашнего (индивидуального) хранения зерна. Самым массивным из монументальных сооружений храмового комплекса, составляющих внешний овал огороженного участка, является “башня” № 110. Эта конструкция, как и все остальные “башни”, представляет собой усеченную пирамиду неправильной формы. Она была разделена внутренней перегородкой на два помещения, в верхней части каждой из двух камер были зафиксированы остатки ложных сводов. Вероятно, конструкция имела либо два полуцилиндрических, либо два купольных перекрытия. Такого рода перекрытия характерны для зернохранилищ и известны на ряде изображений на оттисках печатей этого времени. Дверные проемы не были обнаружены, доступ внутрь помещения осуществлялся через отверстия в верхней, сводчатой части конструкции. В верхней части южной стены конструкции обнаружены узкие вентиляционные “окна” (Мунчаев и др., 2004. Табл. 3, 6, 7; 46, 47). С внешней стороны южной стены конструкция № 110 исследована до основания на глубину 8 м. При сооружении конструкции был вырыт котлован, в который был заглублен массивный фундамент, сложенный из кирпичей более крупного размера, чем те, из которых возведены стены. Котлован был заполнен балластом. На глубине 13.40 м на уровне дневной поверхности в верхней части цоколя балласт был перекрыт вымосткой из сырцового кирпича.

Вскрытые южная и часть западной стены сооружения выше фундамента были обмазаны глиной зеленоватого цвета. Северную стену внешнего периметра башни не позволила оконтурить примыкающая к конструкции массивная платформа, сложенная из нескольких венцов сырцового кирпича.

Судя по стратиграфии, конструкция № 110 относится к числу древнейших сооружений, формирующих овал монументальных сооружений “теменоса” Телль Хазны 1. Она была построена в

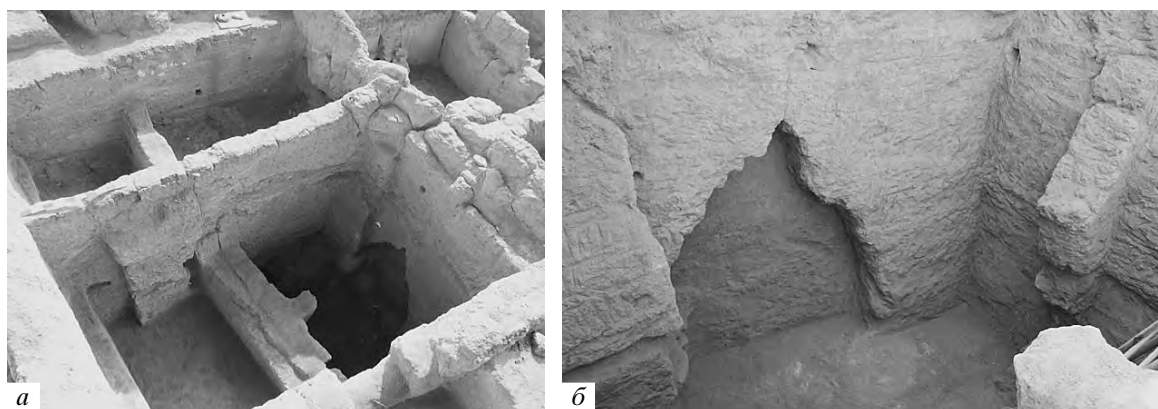

Рис. 5. Телль Хазна 1. Сооружение № 132 (а, б).

конце IV тыс. до н.э. (первая половина периода Джемдет Наср по южномесопотамской периодизации). В течение почти 250-летнего использования этого сооружения накопление отложений у его южной стены привело к тому, что тело “башни” погружалось в культурный слой и его камеры в интерьере оказывались значительно ниже уровня дневной поверхности с южной внешней стороны конструкции. Уровень дневной поверхности с северной стороны конструкции, видимо, всегда примерно совпадал (или незначительно возрастал при реставрациях примыкающей платформы) с обрезом северной стены.

Западная шахтообразная камера конструкции № 110а была исследована на глубину 6.5 м до отметки 12 м от вершины телля. В интерьере прослежена обмазка стен зеленоватой глиной между отметками 6.00–8.20 м от вершины, ниже обмазка не зафиксирована. На глубине 11.5 м и ниже были отмечены золыстые прослойки. Учитывая, что среди собранных палеоботанических материалов Телль Хазны 1 до 74% составляли зерна ячменя (Лебедева, 2004. С. 426), логично предположить, что основным объектом хранения в конструкции № 110 был именно ячмень.

Как отмечено выше, башня № 110 имела две камеры, площадью примерно 5.3 м² каждая, и высоту заполнения (ниже вентиляционных отверстий) около 7 м. Общий объем хранилища составляет около 74 м³. Соответственно, исходя из того, что одна тонна зерна занимает 2.25 м³, в конструкции № 110 могло храниться около 30.5 т зерна.

Это монументальное сооружение для хранения зерна, расположенное в закрытом пространстве, свидетельствует о наличии в общине поселения Телль Хазна 1 определенной системы перераспределения коллективного продукта, свойственного обществам, стоящим на уровне раннегосударственной консолидации.

В настоящее время в центральной части поселения остается полностью не вскрытым только один квадрат – XVI-12, где расположен геодезический знак. Центральная часть поселения на позднем этапе жизни представляла собой участок, плотно застроенный жилыми и хозяйственными конструкциями. Причем на самом позднем этапе жизни в качестве жилых помещений использовалось даже пространство между домами, представлявшее собой на предшествующем этапе проходы. На этом участке прежде всего следует отметить конструкции № 132, 426, 462, на позднем этапе жизни поселения они, очевидно имели, жилое и хозяйственное назначение.

Сооружение № 132 прямоугольного плана имело размеры 5 × 6 м. На позднем этапе оно было разделено на две камеры. Стены сложены кладкой в один кирпич. Помещение было исследовано до глубины 4.50 м от 0. В рамках одного плана были зафиксированы несколько уровней полов и два строительных периода, т.е. значительная перестройка сооружения повторила план предшествующего периода. Причем сооружение, подстилавшее, самое позднее, имеет очень хорошую сохранность стен вплоть до консолей, поддерживавших крышу (рис. 5, а, б).

Это помещение имело в южной стене две двери (рис. 5, б), представляют интерес также элементы интерьера – например скамья для сидения. На скамье было зафиксировано скопление битума. Судя по стратиграфическим наблюдениям раннее из этих зданий должно датироваться началом периода РД 1, а позднее финалом этого периода.

Южнее помещения № 132 расположена смежная с ним конструкция № 426. Размеры конструкции 3 на 5 м. Стены сложены кладкой в один кирпич. На позднем этапе сооружение, вероятно, представляло собой разновидность двора с очажной конструкцией в центре. По мере углубления были выявлены консоли, на которые опирались балки, поддерживавшие крышу. То есть сооруже-

Рис. 6. Телль Хазна 1. Обводная стена и проход в ней.

ние предшествующего периода сохранилось на полную высоту. Соответственно здание разделено на две комнаты. Западная комната была исследована до глубины 4.50–4.70 м от вершины, восточная комната была исследована до глубины 3.20 м от вершины. В интерьере были зафиксированы два дверных проема. Одна из дверей (западная) вела на улочку, другая (восточная) – в смежную комнату, которая в свою очередь была связана дверным проходом с помещением № 132.

Продолжающиеся раскопки в северо-восточном секторе телля позволили, прежде всего, наметить направление внешней обводной стены на северном участке. Северный склон телля, в отличие от пологого южного, очень крутой. Это навредило на мысль, что обводная стена резко поворачивает в западном направлении и образует в плане овал неправильной формы. Однако исследования полевого сезона 2007 г. наметили направление обводной стены в северном направлении. Другими словами, обводная стена поселения может быть прослежена ниже современного уровня поля телля. В этом случае план поселения, очерчиваемый обводной стеной, будет ближе к кругу, нежели к овалу.

Если не считать доступ внутрь поселения из-за его пределов через помещение башни № 37, который мы склонны связывать с религиозной практикой, то единственный, известный до настоящего времени вход на территорию поселения открыт с восточной стороны (рис. 6). Восточная часть поселения, в отличие от западной, судя по имеющимся у нас данным, была резидентной (застроенной жилыми зданиями) не только на позднем этапе жизни поселения, но и во времена функционирования храмового комплекса.

Проход, зафиксированный с восточной стороны поселения, разрезает обводную стену и служит началом улицы, пересекающей поселение по линии восток–запад. С внешней стороны прохода зафиксированы три ступени из массивных камней

Рис. 7. Телль Хазна 1. Проход в обводной стене и улочка, ведущая от нее на запад (а); привратное помещение у прохода в поселение (б).

и вымостки из гальки. С внутренней стороны подпюточные камни наглядно демонстрируют, что проем в обводной стене был закрыт дверью (рис. 6, 7). С внутренней стороны также отмечена разновидность привратничкой. На одной из уровней она была вымощена галькой (рис. 7, б). Самой интересной деталью был сводчатый характер трех обрамлявших ее стен, непосредственно примыкавших к обводной стене поселения. Наличие сооружения такого рода скорее всего говорит в пользу существования службы, осуществлявшей контроль над входом на территорию поселения.

В восточной части, непосредственно южнее входа, ведущего внутрь поселения, к обводной стене примыкает исключительно массивное башнеобразное сооружение № 452, имеющее стены толщиной 1.25 м и сохранившееся высотой около 3 м. Помещение разделено на две относительно небольшие камеры казематного типа размерами

Рис. 8. Телль Хазна 1. Сооружение № 450.

4 × 2 м. Вход в это помещение пока не обнаружен. Его функциональное назначение остается неопределенным. Судя по глубинам залегания, оно использовалось одновременно с отмеченным проходом, ведущим на территорию поселения. Возможно, оно также было связано с его охраной.

На восточном участке выявлено самое большое помещение, построенное в течение первой трети III тыс. до н.э. Это помещение № 450. Его западная стена была уничтожена при сооружении ямы № 445 (рис. 8). Эта яма имеет яйцеобразную форму, ее свод отчетливо читается в западной части. Диаметр ямы около 7 м, а глубина – более 4 м. Это, вероятно, самая большая яма из трех подобных сооружений, открытых до сих пор на Телль Хазне 1. Она, как и две другие, относится к числу наиболее поздних сооружений на телле. Заполнение ее не содержало материалов более поздних, чем культурный слой памятника. Такие ямы использовались до последнего времени в Дездевире для хранения силоса.

Что касается здания № 450, то его размеры и расположение в северо-восточном секторе поселения могут быть аргументами в пользу его использования в качестве святилища на позднем этапе жизни поселения, в то время когда храмовый комплекс Телль Хазна 1 уже перестал функционировать. Культурные здания этого периода в отличие от религиозной архитектуры предшествующего времени имели значительно более скромные размеры и архитектурное оформление.

Одной из важных особенностей централизованной планировки архитектурного комплекса Телль Хазна 1 является частично прослеженная система улиц, которая позволяла связывать все участки внутреннего пространства поселения. Средняя ширина улиц около одного метра. Улицы сформированы стенами плотно расположенных друг к другу зданий. В некоторых случаях за-

фиксированы двери, связывающие улицу и помещения.

Упомянутая выше улица, начало которой было отмечено у восточного прохода, прослежена по линии восток–запад на протяжении около 60 м. В центральной части поселения от нее отходит улочка, идущая в южном направлении. Она пересекала внутреннее кольцо сооружений “теменоса” между помещениями № 81/82 и 204, что было отмечено выше. Ее дальнейшее направление пока не открыто, но логика подсказывает, что она с одной стороны могла очерчивать периметр сооружений внутреннего кольца “теменоса” и следовать в восточном направлении, а с другой – выходить к расположенному неподалеку району башни № 110. Еще одна, возможно самая длинная улица следовала от восточного прохода (рис. 9, а) вдоль внутреннего фаса обводной стены и в дальнейшем она выводила к сооружениям внешнего кольца теменоса и обегая их выходила на открытое пространство в районе конструкций № 69 и 37.

Важной особенностью архитектуры Хазны 1 и улиц, в частности, является отмеченное выше воспроизведение планов предшествующих строительных горизонтов. Мы неоднократно отмечали, что планировка вышележащих архитектурных конструкций буквально повторяла нижележащие, используя их стены в качестве фундамента. Это, вероятно, объясняется тем, что поселение эпохи существования храмового комплекса имело центральную планировку и было структурировано системой обводных стен, что не позволяло жилой части поселения свободно перестраивать свою площадь. Во всяком случае направления улиц сохранялись достаточно длительный отрезок времени. Как бы там ни было, на некоторых участках (в центральной части поселения) улицы прослеживаются на глубину нескольких метров (рис. 9, б).

Стратиграфическая непрерывность слоев Телль Хазны 1, а также количественный анализ массового керамического материала (Мунчаев и др., 2004. С. 149–192) обусловили датировку храмового комплекса Телль Хазны 1 временем конца IV – начала III тыс. до н.э. (т.е. от финала урукского периода) до конца I раннединастического периода (первая треть III тыс. до н.э.) по южнмесопотамской периодизации. Это позволяет синхронизировать его с рядом памятников Южной Месопотамии, в частности с храмом Нинхурсаг в Телль эль-Убейде, перестроенном в середине III тыс. до н.э. правителем I династии Ура Ааннепадой (Ллойд, 1984. С. 119; Delougaz, 1938). Аналоги ему представлены также в Средней Месопотамии на поселении Телль Укайр, южнее Багдада (Lloyd, Safar, 1943), датируемом периодом Джемдет Наср (рубеж IV–III тыс. до н.э.). Другой же ближайший аналог комплексу Телль Хазны 1 в

Рис. 9. Телль Хазна 1. Улица кв. XVIII-16 (а); кв. XII-11 (б).

средней Месопотамии это Овальный храм в Хафадже (древнем Тутубе), расположенном на р. Диале (Delougaz, 1939). Его датировку У. Сивертсен с достаточным основанием предлагает в настоящее время отнести ко II раннединастическому периоду (Sievertsen, 1998). Таким образом, имеются все основания рассматривать храмовый комплекс Телль Хазны 1 как один из наиболее ранних культовых памятников Месопотамии, относящийся к периоду становления ранней государственности.

Мы рассмотрели в самой обобщенной форме некоторые результаты многолетних исследований Телль Хазны 1 в Северо-Восточной Сирии, в частности раскопанных на этом памятнике многочисленных строительных комплексов в виде остатков храмовых и других монументальных общественных сооружений, а также жилых помещений и капитальной системы фортификации. Ввиду ограниченности объема журнальной статьи мы не имеем возможности дать хотя бы краткую характеристику того огромного археологического материала, который добыт на Телль Хазне 1. Наиболее значительная часть его – керамика, включающая в себя более 100 тыс. фрагментов и большую серию разнообразных целых сосудов, уже изучена и издана. Однако еще не стала предметом специального исследования многочисленная коллекция пластики – антропоморфной и особенно зооморфной скульптуры. Но проанализирован и введен в научный оборот палеоботанический и археозоологический материал (Мунчаев и др., 2004). Опубликованы также почти все металлические (бронзовые) изделия, обнаруженные главным образом в погребениях, раскопанных на Телль Хазне 1 и датируемых серединой – второй

Рис. 10. Телль Хазна 1. Клад бронзовых изделий.

половиной III тыс. до н.э. Среди металла из Телль Хазны 1 обращает на себя внимание прежде всего обнаруженный вместе комплекс – клад бронзовых орудий, чрезвычайно характерный для Месопотамии, Кавказа и всей циркумпонтийской металлургической провинции раннебронзового века (Мунчаев, 2005а. С. 33–40; б. С. 13–21. Рис. 1, 4; 4, 1–5) Он включает в себя довольно большой кинжал-пилу, два плоских тесловидных топора, долото с желобчатым рабочим краем, узкое удлиненное орудие в виде стамески и долотце (рис. 10).

Впечатляет коллекция находок каменных орудий, связанных с земледельческим процессом. Среди них несколько сотен зернотерок и более тысячи кремневых вкладышей для составных серпов. Из других категорий отметим здесь еще находки печатей (около 20) в виде прямоугольных штампов, в отдельных случаях с изображениями животных, и цилиндрической формы с геометрическим орнаментом.

Весь накопленный материал свидетельствует об уникальности Телль Хазны 1 как самого широко исследованного в Северной Месопотамии памятника начала III тыс. до н.э. Вместе с некоторыми другими памятниками долины Хабура он позволяет по-новому осветить проблему становления цивилизации в данном регионе Месопотамии. Поэтому максимально полное исследование Телль Хазны 1 является нашей приоритетной задачей.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 07-06-00041а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амиров Ш.Н.* К интерпретации одного из сооружений поселения Телль Хазна 1 в Северо-Восточной Сирии // РА. 2006. № 1.
- Бадер Н.О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.
- Гуляев В.И.* В стране первых цивилизаций. М., 2006.
- Дьяконов И.М.* История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческих цивилизаций. М., 1983.
- Лебедева Л.Ю.* Палеоэтноботанические материалы из Телль Хазны 1: новые данные по истории земледелия в Северной Сирии // Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в северо-восточной Сирии / Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. М., 2004.
- Ллойд С.* Археология Месопотамии. М., 1984.
- Мунчаев Р.М.* Клад бронзовых изделий III тыс. до н.э. из Телль Хазны 1 в Северной Месопотамии // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005а.
- Мунчаев Р.М.* Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // РА. 2005б. № 4.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна II: раннеземледельческое поселение в северо-восточной Сирии // РА. 1993. № 4.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в северо-восточной Сирии. М., 2004.
- Bader N.O., Merpert N.Ya., Munchaev R.M.* Evolution of the Mesopotamian Civilization / Eds Yoffe N., Clark J.J. Tucson; L., 1993.
- Delougaz P.A.* Short investigation of the Temple at al 'Ubad // Iraq. 1938. № 5.
- Delougaz P.A.* The Temple Oval at Khafajah // OIP. 1939. № 53.
- Lenzen H.J.* Entwicklung der zikkurat von ihren Anfängen bis zum Zeit der III Dinastie. Leipzig, 1941.
- Lenzen H.J.* Die Architektuur in Eanna in der Uruk IV Period // Iraq. 1974. № 36.
- Lloyd S., Safar F.* Tell Uqair. Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1940, 1941 // JNES. 1942. № 2.
- Matsutani T.* Tell Kashkashok. The excavations. Tell. 2. Tokyo, 1991.
- Munchaev R.M., Merpert N.Ya.* The excavations of settlement Tell Hazna II // Chronique archeologique en Syrie. V. I. Damas, 1992.
- Hole F., Johnson G.* Umm Qseir in the Khabur. Preliminary Report on the 1986 Excavations // AAAS. Damas, 1986, 1987.
- Oates J.* An "extraordinarily ungrateful conceit": a western publication of important Soviet field studies // Antiquity. 1994. V. 68. № 26.
- Sievertsen U.* Untersuchungen zur Pfeiler-Nischen Architectur in Mesopotamien und Syrien von ihren Anfängen im 6. Jahrtausend bis zum Ende der frudinastischen Zeit. T. I, II // BAR. 1998. Intern. Ser.

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК И КАВКАЗ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО
ВЕКА**

**РАБОТЫ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В СИРИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ Р.М. МУНЧАЕВА**

© 2008 г. Ш. Н. Амиров

Институт археологии РАН, Москва

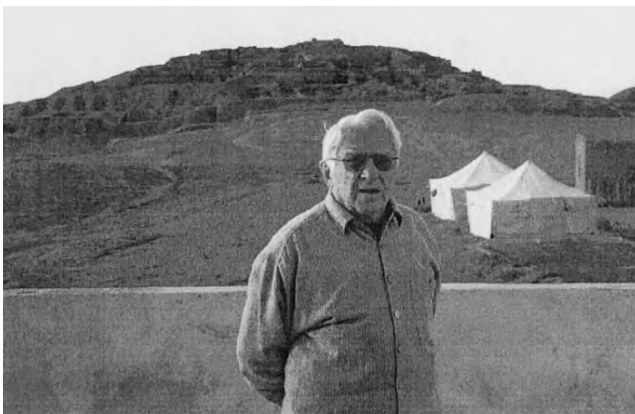
В начале 1980-х годов в силу начавшейся войны с Ираном политическая ситуация в Ираке стала неблагоприятной для дальнейшего проведения археологических работ. Поэтому, несмотря на выдающиеся результаты, полученные в течение 15 полевых сезонов проведенных в северном Ираке (1969–1984 гг.), руководитель Месопотамской экспедиции ИА АН СССР Рауф Магомедович Мунчаев принимает решение переместить полевые исследования на сопредельную территорию Сирии, пограничную с Синджарским районом Ирака. В плане физической географии район Хабурской степи, где предстояло продолжить работы российской археологической экспедиции, является частью северомесопотамской равнины, называемой аль-Джазира, очень близкий территориально и по природным условиям к подгорной равнине Синджарского хребта, где экспедиция работала ранее. Также были все основания считать, что и в историко-культурном отношении эти районы представляли в прошлом единый регион, где можно продолжить исследования памятников VII–V тыс. до н.э., которые представляли основные объекты исследований нашей экспедиции в Ираке.

С этой целью после заключения соответствующего соглашения между АН СССР и Министерством культуры Сирии, весной 1987 г. была совершена поездка на территорию предполагаемых работ, для определения объекта будущих исследований. В ходе этой поездки для раскопок был выбран телль, с которым и связаны работы экс-

педиции с 1988 г. по настоящее время. Телль имел название Телль Аляуи, однако в научной литературе он стал известен по имени близлежащего хутора как Телль Хазна 1. Телль представлял собой холм площадью около 2 га и высотой около 16 м над окружающей равниной. Он имел покатый южный и очень крутой северный склоны. Хотя размеры телля были довольно небольшими по сравнению с городскими поселениями Хабурской степи III–II тыс. до н.э., иногда достигающими площади 100 га, но, безусловно, Телль Хазна 1 превосходил размерами раннеземледельческие поселения, которые экспедиция исследовала в Ираке. Однако собранная на поверхности расписная керамика давала надежду на то, что на поселении имеются слои V тыс. до н.э. Телль Хазна 1 расположен на левом берегу сухого русла вадии Ханзир, которое в весенний период превращается нередко в бурную реку. Русло вадии Ханзир связано с Джаг-джагом, который является самым крупным притоком главной реки региона – Хабуром, впадающей в Евфрат. На выбор памятника, безусловно, также оказало влияние его очень удобное расположение недалеко от трассы, в 25 км северо-восточнее столицы провинции города аль-Хасеке, наличие источника воды и электрического освещения.

К тому времени перемещаться в Сирию начали и другие археологические миссии, работавшие в иракской части Месопотамии. Здесь можно упомянуть экспедиции Дэвида и Джоан Отс, возобновивших раскопки М. Маллована на Телль Браке; Харви Вейсса, начавшего исследования Телль Лейлана; Джорджио Бучеллати, который после работы на ряде памятников Сирии остановил свой выбор на Телль Мозане; Петра Белинского, который, проведя ряд охранных работ в зоне затопления хабурского водохранилища, продолжил работы на Телле Арбиде, и многих других, кто сделали Хабурскую степь основным центром современных месопотамских исследований.

Надо отметить, что задача возобновления отечественных археологических исследований в Месопотамии облегчалась тем, что основу вновь созданной экспедиции составляли замечательные археологи, уже прошедшие через иракскую эпопею и заслужившие своими работами широкое

международное признание. Здесь, помимо руководителя экспедиции Р.М. Мунчаева, следует упомянуть патриарха экспедиции – Н.Я. Мерперта, блестящего полевого исследователя Н.О. Бадера, нашего выдающегося востоковеда-арабиста и археолога О.Г. Большакова. Также нельзя не вспомнить Н.К. Ревенкова, который, будучи формально механиком-водителем экспедиции, по сути был душой экспедиции и сделал очень многое для успешной реализации стоявших перед ней задач.

В 1988 г. состоялся первый полевой сезон раскопок Телль Хазны 1. В соответствии с латинской поговоркой *Omnia initium difficile est*, этот сезон был, вероятно, самым трудным в летописи исследований памятника. Это было связано как с различными бюрократическими препятствиями (оформлением багажа экспедиции, отправленного морем из Одессы в сирийский порт Тартус, расположенный в 500 км западнее места работы экспедиции), так и неожиданными осложнениями, в частности тяжелой болезнью одного из сотрудников экспедиции и смертью матери Рауфа Магомедовича, в связи с чем он был вынужден покинуть Телль Хазну до окончания полевого сезона.

Несмотря на все сложности, полевые исследования нового памятника были начаты и со временем составили яркую страницу в истории месопотамских исследований.

В настоящее время, за редким исключением, экспедиция предпочитает работать в осенние месяцы (сентябрь–октябрь), которые хотя и несут в начале полноценный жар ближневосточного лета, но в целом, климатически более комфортны, чем весенние месяцы. Однако, первые полевые сезоны (1988–1991 гг.) были проведены весной и в начале лета.

В силу сложившейся традиции экспедиция исповедует спартанские принципы организации жизни. Экспедиция арендует небольшой сырцовый дом, расположенный непосредственно у основания телля. В нескольких помещениях этого дома размещаются лаборатория, склад оборудования, кухня и столовая. Повседневная жизнь сотрудников экспедиции в течение в среднем двух месяцев протекает в хорошо знакомых всем отечественным археологам армейских палатках. Но с поправкой на условия Северной Месопотамии. Если в начале сезона весной обычно ночная температура была отрицательной, что приводило к необходимости использовать помимо спальников несколько одеял и утром неизбежно обнаруживать в рукомойнике лед вместо воды, то в конце сезона она часто достигала 50°C в тени, а агрессивная весенняя солнечная радиация совершенно изматывала людей. Вдобавок надо вспомнить неизбежные (в апреле–мае) дожди, град и ураганы которые сносили наши палатки и заставляли ле-

тать довольно крупные предметы нашего быта, например раскладушки и деревянные настилы.

Для Рауфа Магомедовича, как руководителя экспедиции, характерно установление постоянного взаимопонимания с населением исследуемого района Джебзире. Я могу с уверенностью сказать, что такого количества искренних друзей, как у российской экспедиции, не имеет ни одна из иностранных археологических миссий в Сирии, причем среди друзей экспедиции люди разных национальностей, конфессий и самого разного общественного положения, от простых феллахов до племенных вождей и высших государственных чиновников. Среди местной интеллигенции хочется особенно отметить наших бескорыстных друзей – выпускников российских ВУЗов, работающих ныне в различных госструктурах Сирии и неизменно поддерживающих экспедицию при возникновении различных сложностей. Здесь отметим прежде всего выпускника Ленинградского университета, доктора философии, в настоящее время главного редактора правительственной газеты “аль-Тишрин” Халафа аль-Джаррада, выпускника Ленинградской сельскохозяйственной академии, ныне декана сельскохозяйственного факультета хасекского отделения университета города Дейр эз-Зор профессора Джамала Абдалла, а также инженеров Фархада Мухаммада и Хассуна Салеха и многих других.

Безусловно, причина такого взаимопонимания и доброго отношения сирийских друзей к нам кроется в той системе ценностей, которая свойственна лично Рауфу Магомедовичу и через него культивируется экспедицией в целом.

Когда экспедиция приезжает на Хазну, все жители окрестных хуторов считают своим долгом прийти поприветствовать мудира (начальника) и остальных членов экспедиции и предложить помощь, если в ней есть необходимость. Иногда внимание жителей округа Хазны может быть назойливым и даже приходиться в противоречие с планами экспедиции, но не было случая, чтобы Рауф Магомедович дал собеседнику понять нежелательность его визита, хотя, безусловно, главный “удар” общения он всегда принимал на себя. Я много раз имел возможность наблюдать как, общаясь с людьми разного уровня образования и общественного положения, наш руководитель всегда находил ту единственную тональность, когда собеседник чувствует уважительное внимание к себе, но при этом никогда не позволял собеседнику, кто бы он ни был, перейти невидимую грань, отделяющую доброжелательность от фамильярных отношений. И в этом, безусловно, залог того уважения, которым пользуется наша экспедиция со стороны местного населения.

Что касается многочисленных зарубежных коллег, а в течение полевого сезона только в Ха-

бурской степи в среднем работает около 20 археологических миссий, то для них приоритетный интерес представляют выдающиеся профессиональные результаты, полученные нашей экспедицией. И здесь надо подчеркнуть, что благодаря полевой концепции раскопок, предложенной руководителем экспедиции Р.М. Мунчаевым, Телль Хазна 1 является на сегодняшний день в Хабурской степи наиболее широко исследованным поселением среди памятников начала III тыс. до н.э. Атмосфера гостеприимства, искренней расположенности и взаимопонимания, неизменно свойственная коллективу нашей экспедиции, делает общение с иностранными коллегами плодотворными и приятными.

Значительная роль принадлежит Рауфу Магомедовичу и в решении такой важной проблемы, как подготовка национальных кадров сирийских археологов. Это, несомненно, является задачей государственного значения и значительно укрепляет позиции как Института археологии РАН, так и Российской академии наук в целом. Среди подготовленных специалистов высокой квалификации следует прежде всего отметить ближайшего друга нашей экспедиции, одного из ведущих археологов Сирии доктора Антуана Сулеймана. Антуан почти всю свою жизнь очень тесно связан с нашей страной. Он выпускник кафедры археологии исторического факультета МГУ, в дальнейшем аспирант Института археологии РАН. В 1980 г. он защитил диссертацию по теме «Культура кубков Северной Сирии». Хотя Рауф Магомедович не был непосредственным руководителем Антуана, он всегда оказывал содействие его работе и являлся его оппонентом на защите диссертации. Поэтому Антуан относит Рауфа Магомедовича к своим учителям. Именно в годы его учебы в Москве сложились тесные дружеские отношения, которые в дальнейшем получили развитие в ходе раскопок Телль Хазны 1. В течение первых самых сложных полевых сезонов исследования Хазны Антуан Сулейман был официальным представителем сирийской стороны при нашей экспедиции. Поистине его исключительные знания месопотамской археологии эпохи становления цивилизации и энергия, с которой он делает все, за что берется, от полевых исследований до организации бытовой стороны жизни экспедиции, имели важное значение для успешных исследований Телль Хазны. В последние годы, будучи содиректором больших международных археологических проектов на территории Сирии, он частый гость на Телль Хазне, его поддержка и советы, как и ранее, имеют большую ценность для нас.

Надо сказать, что все сирийские аспиранты Рауфа Магомедовича происходят родом из Джебел-Хазны, и более точно из провинции Хасеке, поэтому понятно их желание специализироваться у одного из наиболее авторитетных ученых, сделавших так

много для археологического исследования Хабурской степи.

Первым сирийским аспирантом Рауфа Магомедовича был выпускник Дамасского университета Баки аль Малля, человек большого достоинства и благородства. В качестве диссертационного исследования он выбрал тему «Материальная культура Митанни», которую защитил в ИА РАН в 1995 г. Он участвовал в раскопках Телль Хазны и подавал большие надежды как исследователь истории Месопотамии II тыс. до н.э. К глубокому сожалению, он ушел из жизни в 1997 г. не реализовав значительной части своих идей.

Еще одним из сирийских учеников Рауфа Магомедовича является выпускник исторического факультета Краснодарского государственного университета Сулейман Элиас. Он поступил в аспирантуру Института археологии РАН в 1999 г. и специализировался по первобытной археологии Северной Месопотамии. Темой его исследования была хассунская культура. Сравнительный анализ культуры из поселения Ярым-Тепе 1, раскопанного нашей экспедицией в Ираке, и материалов из раскопок хассунского слоя поселения Телль Хазна 2 в Сирии, в которых он сам непосредственно принимал участие, позволил ему сделать ряд интересных выводов по относительной датировке слоев раннехассунских поселений Северной Месопотамии. Он защитил диссертацию в ИА РАН в 2003 г. (Элиас, 2003). В настоящее время он работает в городе Камышлы, в отделении департамента древностей провинции Хасеке, и является бессменным представителем сирийской стороны при нашей экспедиции. Полевая практика, полученная им на раскопках Теллей Хазна 1 и 2, позволила ему возглавить самостоятельные работы на большом памятнике, который носит название Телль Шаир и находится близ Камышлы, у сирийско-турецкой границы.

Наконец, в настоящее время сирийским аспирантом Рауфа Магомедовича является Абдельмасих Багду – выпускник Дамасского университета. В течение последних десяти лет он возглавляет отделение департамента древностей провинции аль-Хасеке (Багду, 2007. С. 22, 23) и ведет самостоятельные раскопки на ряде памятников. В частности, он исследует в черте города Хасеке Телль Гуэйран – сложный памятник, имеющий отложения от IV тыс. до н.э. до средневековья. Кроме этого, совместно с Антуаном Сулейманом он исследует исключительно интересный памятник второй половины III тыс. до н.э. Телль Мабтух, и является содиректором совместных Сирийско-европейских миссий в Телль Бейдаре и Чагар-базаре. Тема диссертационного исследования Абдельмасиха – «История археологического изучения Хабурской степи» представляет большой интерес в связи с тем, что результаты значительных архео-

логических исследований сирийской Джезиры позволяют воссоздать сводную историю многотысячелетней месопотамской цивилизации на примере отдельного ее региона.

Как я уже отмечал, начиная раскопки на новом памятнике в Сирии планировалось исследование прежде всего культур дописьменной Месопотамии (хассунского, халафского и убейдского времени), синхронных поселениям, раскопанным нашей экспедицией в Синджарской долине Ирака (Мунчаев, Мерперт, 1981). Однако вскрытие слоя Телль Хазны 1 показало, что если керамика, подобная убейдской, sporadически встречается в культурных отложениях памятника, то следы хассунской и халафской культур на поселении полностью отсутствуют. Забегая вперед, отмечу, что поселения этого времени были впоследствии обнаружены на соседнем телле, расположенном примерно в 800 м южнее по течению вади Ханзир, получившем в научной литературе наименование Телль Хазна 2 (Мунчаев и др., 1993. С. 25–42).

Начиная с 1989 г. я принимаю участие в раскопках Телль Хазны 1 – со второго года полевых работ на памятнике и поэтому хорошо помню, с одной стороны, все этапы коллективного осмысления культурного и хронологического положения исследуемого памятника, а с другой – и то, как раскрывалось поселение, превращаясь в жемчужину ближневосточной археологии.

С начала работ на поселении было ясно, что верхние слои памятника датируются в широком смысле в рамках III тыс. до н.э. Первоначально предполагалось, что их датировка ближе к аккадскому периоду – ко второй половине III тыс. до н.э. Однако в дальнейшем культурно-хронологические рамки верхних слоев были сжаты до первой половины III тыс., а в последствии еще более уточнены в пределах начального этапа периода Ниневия 5. Это позволило говорить о прекращении жизни на поселении между 2700 и 2600 гг. до н.э.

Поселение Телль Хазна 1 расположено в полосе южной границы так называемого “плодородного полумесяца”, т.е. территории неполивной культивации растений, где гарантировано получение регулярного урожая за счет естественного дождевания. Безусловно, эта граница никогда не была стабильной, напротив, в максимально увлажненные периоды она отодвигалась значительно южнее округа Хазны, а в экстремально засушливые периоды поселение оказывалось за пределами зоны гарантированной урожайности. Таким образом поселения, лежащие южнее Хазны, отражали только периоды максимального климатического благополучия, а в северных районах увлажненность всегда была более благоприятной, чем в округе Хазны. Поэтому культурный слой Телль Хазны 1 наиболее адекватно отражает изменения климата в регионе в течение соот-

ветствующего периода. Они выражены, в частности, в изменении материального благосостояния общины поселения, от периода строительства грандиозных общественных сооружений конца IV тыс. до н.э. до периода деградации и запустения поселения в конце первой трети III тыс. до н.э. (Амиров, 2000а. С. 5–17)

Разведки, проведенные вдоль вади Ханзир в районе Телль Хазны, позволили выявить для начала III тыс. до н.э. наличие достаточно сложно организованной поселенческой системы с элементами трехступенчатой иерархической соподчиненности (Амиров, 2000б. С. 30–46). Они также позволили определить место самой Хазны в рамках этой системы, как храмового поселения.

Анализ организации системы расселения вдоль русла Вади Ханзир подтолкнул нас к пересмотру времени становления цивилизации в этой части Северной Месопотамии. Вопреки распространенной точке зрения о становлении цивилизации в регионе Хабурской степи лишь во второй половине III тыс. до н.э., на наш взгляд, начало формационного процесса, имевшего результатом появление городских поселений, институтов государственной власти и других признаков цивилизации, может быть прослежено ныне с начала III тыс. до н.э.

Надо сказать, что подтверждения этим наблюдениям были обнаружены в ходе археологического исследования на самом Телле Хазна 1. В частности, свидетельства высокого уровня организации общественных работ представлены сооружением архитектурного ансамбля храмового комплекса, занимающего основную часть поселения.

Как было выяснено в ходе раскопок, центральную часть поселения Телль Хазна 1 составляет комплекс массивных, плотно примыкающих друг к другу сооружений, которые образуют в плане овал. По длинной оси (запад–восток) овал достигает примерно 80 м. Внутри внешнего кольца сооружений отмечен внутренний овал меньшего размера, образованный массивными сооружениями менее регулярной застройки. На поселении выявлены остатки монументальной обводной стены, протяженностью около 80 м. Мощность последней достигает 2 м, а высота более 4 м. Ее сооружение сопоставимо со временем возведения комплекса монументальных зданий памятника. Стены сооружений внешнего кольца вместе с фундаментом сохранились на высоту до 8 м. В ряде помещений сохранились консоли, поддерживавшие перекрытия крыши. Почти все сооружения сохранились на первоначальную высоту.

Характер планировки экстраординарного, монументального комплекса Телля Хазна 1 заставил предположить его сакральное назначение. Овальная планировка центральной части поселения аналогична овалу (священному участку) Ха-

фадже и других памятников Месопотамии. На их культовый характер указывают такие признаки, как массивные платформы и неоднократное использование в качестве декоративного приема стен с пилястрами. Отметим и несколько помещений с глиняными столами-алтарями. В центральной части “теменоса” был обнаружен жертвенный участок, где мощность слоя золы, насыщенного костями животных, составила более 2 м.

В ходе исследований определено функциональное назначение ряда помещений. Одно из самых массивных сооружений комплекса – это башнеобразная конструкция № 37 (Мунчаев и др., 2001. С. 92–113). При ее строительстве исключительное внимание было уделено сооружению фундамента. Фундамент (цоколь) представляет собой платформу, сложенную из сырцового кирпича, на которой были воздвигнуты стены башни, обмазанные глиной зеленоватого цвета. При закладке фундамента был вырыт котлован, на дне которого совершена посвятельная жертва двух мелких копытных животных, что подчеркивает исключительную значимость этого сооружения. Над ней был насыпан балласт (глинистая порода серого цвета) и возведена цокольная платформа, которая находилась ниже уровня дневной поверхности – времени первичного функционирования сооружения. Верхняя часть котлована до уровня дневной поверхности была засыпана грунтом светло-коричневого цвета, отличающегося от грунта, подстилающего цоколь. “Башня” имела плоское перекрытие, опиравшееся на консоли. В южной и северной стенах были сквозные дверные проемы небольших размеров. Вход в башню с юга представлял собой пандус, вымощенный камнем. Через северную дверь вела мощеная дорожка, которая шла с внешней стороны огороженного участка через внутреннее помещение башни № 37 к открытому пространству (площади) в центральной части комплекса. Особенности и характер заполнения позволяют интерпретировать это сооружение как одно из молельных помещений храмового персонала, функционально аналогичное зиккуратам Южной Месопотамии.

Также следует отметить помещение с пилястрами, так называемый “верхний храм”, у стен которого было зафиксировано жертвенное место, представленное зольными накоплениями, насыщенными костями животных. Среди находок в нем много парадной тонкостенной керамики и десятки зооморфных статуэток мелких копытных животных.

Упомянутая выше вымощенная дорожка прослежена на протяжении около 30 м, максимальная ее ширина составляет около 2,5 м. Ее магистральное направление с ЮЗ на СВ: из-за пределов массивных сооружений огороженного участка – к центральной и самой высокой части поселения.

В центральной части, севернее “башни” № 37, дорожка имела линзовидное ложе, сформированное из чистой, специально принесенной глины, заполненное в несколько слоев мелкой галькой. Около внутреннего кольца сооружений, в центральной части огороженного участка поселения, дорожка упиралась в глухую стену “башни” № 24, ее максимальная высота 5,5 м. Южная и северная стены конструкции № 24 были соединены массивной стеной, разделяющей конструкцию на два узких отсека шириной менее 1 м каждый. Разделительная стена была целиком погружена в зольное заполнение. Это сложное архитектурное сооружение было специально построено и предназначалось непосредственно для сбора и хранения золы, полученной в результате жертвенных церемоний (Амиров, 2006. С. 17–30)

Если завершение оформления архитектуры огороженного участка относится к рубежу IV–III тыс. до н.э., то начало разрушения этой единой системы может относиться к началу раннединастического I-го периода. В целом, храмовый комплекс Телль Хазны 1 функционировал около 250–300 лет.

Важным результатом последних сезонов исследования Телль Хазны 1 было открытие “улиц” поселения. Они представляют собой достаточно узкие проходы, иногда немногим более метра шириной. В настоящее время они прослежены на длину до 60 м. Особенность этих улочек в долговременности их использования. Местами стены, обрамляющие эти проходы, прослежены на высоту до 6 м. В результате исследования системы коммуникаций Телль Хазны 1 стало очевидно, что в период высшего благополучия поселения (т.е. во время сооружения архитектурного ансамбля храмового комплекса) поселение имело централизованную планировку и практически все службы комплекса находились под контролем и управлением единой властной структуры.

Одним из ключевых вопросов для характеристики уровня развития общества является организация хранения продуктов жизнеобеспечения. Самое массивное архитектурное сооружение Телль Хазны 1 представляет башнеобразная конструкция № 110, разделенная на два помещения со сводчатыми перекрытиями. Ряд признаков позволил интерпретировать это здание как зернохранилище (Амиров, 2005. С. 41–51).

В отличие от всех синхронных поселений Джезиры зернохранилище на Телль Хазне 1 является составной частью многофункционального комплекса, отделенного от бытовой жизни общины. Помимо хранения и распределения продуктов земледелия, этот комплекс служил для отправления религиозных функций. Труднодоступность зернохранилища должна указывать на наличие контролирующих служб, что может свидетельствовать в

пользу перераспределительного характера хранения общественного зерна на Хазне 1, что является одним из признаков, свойственных обществам уровня раннегосударственной консолидации.

Основной датирующий материал в исследованиях Телль Хазны 1 – это массовая керамика. Относительная датировка материалов поселения базируется на процентном распределении в слое памятника морфологических групп массовой керамики, доказательно выделенных при помощи количественного анализа на основе формализованного описания (Мунчаев и др., 2004. С. 149–333).

Анализ распределения керамики позволил построить периодизацию культурного слоя памятника, состоящую из шести этапов. Четыре верхних связаны со временем функционирования храмового комплекса и вторичного использования помещений, а нижние два – со временем, предшествующим его сооружению. Нижние слои поселения могут быть датированы убейдско-раннеурукским временем.

Исследования Телль Хазны 1 позволили проследить длительный формационный процесс, непосредственно предшествующий становлению государственности в Северной Месопотамии, и его динамику.

Процессы экономического и общественного развития во второй половине IV тыс. до н. э. в Хабурской степи проходили, как уже упоминалось, на фоне исключительно благоприятных климатических условий. Это позволяло общинам поселений южной части “Хабурского треугольника” и Хазны в частности, использовать значительную часть общественного труда на непроизводительные цели. Уровень социальной организации общины Хазны 1, равно как и других поселений юго-восточной части Хабурской степи, достигнутый к началу III тыс. до н. э., был выше, чем в других частях этого региона. Однако, несмотря на отмеченные признаки общественной консолидации, процесс государственного строительства не имел здесь своего продолжения из-за наступления очередного цикла аридизации климата. Результатом этого было уменьшение материальных возможностей общины и разрушение ее социальной организации.

Применительно к раскопкам Телль Мардиха (древней Эблы) в научно-популярных публикациях иногда применяется эпитет “научный подвиг”. Имеется в виду, что экспедиция Паоло Маттиэ, несколько долгих сезонов исследовала памятник,

прежде чем там была сделана фантастическая находка – клинописный архив, ставший мировой сенсацией, и значительно обогативший наши представления о древней истории. Экспедиция на Телль Хазне 1 работает уже 20 лет. Мы сознаем, что никакой надежды найти следы письменности на Телль Хазне 1 у нас нет. Несмотря на то, что на юге Двуречья письменность уже существовала в это время, на севере Месопотамии первые следы письменности, правда уже довольно развитой формы, появляются примерно через 200 лет после того, как жители покинули поселение Телль Хазна 1. Максимум, на что мы можем рассчитывать, это найти архив счетных табличек, где сохранился хозяйственный учет и распределение общественного продукта, хранимого в общественных зернохранилищах Телль Хазны 1. Если бы не излишняя патетика, то эпитет “подвиг” больше бы подходил для работ археологических миссий, выполняющих научный долг без надежды на сенсационный характер результатов своих трудов, что вполне применимо к характеристике исследований Телль Хазны 1.

Работа выполнена при поддержке фонда РФФИ № 07-06-00041а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амиров Ш.Н.* Природная среда верховьев Хабура // РА. 2000а. № 3.
- Амиров Ш.Н.* Топография археологических памятников Хабурских степей Северной Месопотамии V–II тыс. до н.э. // ВДИ. 2000б. № 2.
- Амиров Ш.Н.* К организации зернохранения на поселении Телль Хазна 1 // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005.
- Амиров Ш.Н.* К интерпретации одного из сооружений “теменоса” Телля Хазна 1 // РА. 2006. № 1.
- Багду А.* Археология и охрана историко-культурного наследия в Сирии // Достояние поколений. 2007. № 1.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. 1993. № 4.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I: итоги новейших исследований (1997–2000 гг.) // РА. 2001. № 4.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М., 2004.
- Элиас С.* Хассунская культура Северной Месопотамии // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И КАВКАЗ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРО- ВОСТОЧНОЙ СИРИИ (ТЕЛЬ ЧАГАР БАЗАР В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ)

© 2008 г. Абдельмасих Багду

Департамент древностей, г. Хасаке, Сирийская Арабская Республика

Телль Чагар Базар наряду с Телль Халафом и Телль Браком относится к числу наиболее известных археологических памятников в долине Хабур, главного притока Ефрата, в Северо-Восточной Сирии. Раскопки этих памятников, особенно Чагар Базара и Брака, знаменовали начало подлинно научного и широкого изучения археологии данного региона Месопотамии. Исследование их было предпринято в 30-х годах XX в. выдающимся британским ученым сэром М. Маллованом. Активным участником экспедиции М. Маллована в Сирии в те годы являлась его супруга – знаменитая Агата Кристи, полюбившая Чагар Базар и так тепло и трогательно описавшая в своей книге “Расскажи мне, как ты живешь” открытие и первые раскопки Чагар Базара, экспедиционные будни и т.д.

После раскопок М. Маллована Чагар Базар в течение продолжительного времени не исследовался. Его раскопки были возобновлены сравнительно недавно, примерно десять лет тому назад. Учитывая важное значение этого крупного многослойного памятника Северной Месопотамии, желательно ознакомить коллег хотя бы в самой краткой форме с результатами его новейших исследований.

Поселение Чагар Базар находится в 46 км к северу от г. Хасаке, центра одноименной провинции Сирии. Поселение расположено в 25 км севернее поселения Телль Хазна¹, которое с 1988 г. исследуется экспедицией Института археологии РАН под руководством Р.М. Мунчаева. Оба памятника расположены непосредственно у сухого, большую часть года, русла реки, которая носит название вадии Ханзир. В конце IV – начале III тыс. до н.э. оба поселения синхронно функционировали. В связи с географической и культурной близостью упомянутых поселений, я посчитал большой честью для себя представить результаты последних исследований поселения Чагар Базар в номер “Российской археологии”, посвященный юбилею моего учителя Рауфа Магомедовича Мунчаева.

¹ См. рис. 1 в статье Мунчаева, Мерперта, Амирова в этом номере журнала.

Площадь поселения Чагар Базар составляет около 12 га, его высота 21 м. Памятник имеет две основные и две менее выраженные вершины (рис. 1, а). С северо-восточной стороны телля находится русло вадии Ханзир. С западной стороны проходит трасса, соединяющая г. Хасаке с г. Аму-да. С южной стороны находится современный поселок Чагар Базар. Памятник имел важное значение, ибо находился на пересечении торговых путей, идущих с востока на запад, от Тигра через верховья Хабур в западную часть Джебзир, и с севера на юг, от Анатолии до нижнего течения Хабур и Евфрата.

Первые раскопки, как сказано выше, были проведены на памятнике в 1935–1937 гг. английским археологом Максом Маллованом (Mallowan, 1936; 1937; 1947). Он заложил восемь раскопов и большой шурф глубиной 17 м на северо-западном склоне телля. В результате его раскопок была установлена многослойность памятника, отражающая ряд историко-археологических периодов. М. Маллован датировал их в интервале от V до II тыс. до н.э. В ходе раскопок Маллована были открыты несколько помещений, сложенных из сырцового кирпича и датированные XVIII в. до н.э. Внутри них было найдено 140 клинописных табличек, часть из которых находится в музее г. Алеппо в Сирии, а остальные хранятся в Британском музее в Лондоне.

После завершения работы М. Маллована на памятнике они не проводились вплоть до 1998 г., когда официальное разрешение на раскопки получила совместная сирийско-бельгийско-английская экспедиция (McMahon et al., 2001; Tunca et al., 2000). Английская часть экспедиции завершила свои работы в 2002 г., а сирийско-бельгийская экспедиция продолжает работу до настоящего времени. В результате возобновленных исследований культурный слой поселения разделен ныне на следующие этапы:

1. Преисторический этап, куда вошли слои докерамического неолита (вторая половина VIII тыс. до н.э.), хассунский и самаррский (конец VII – первая половина VI тыс. до н.э.), халафский (вторая половина VI – первая половина V тыс. до

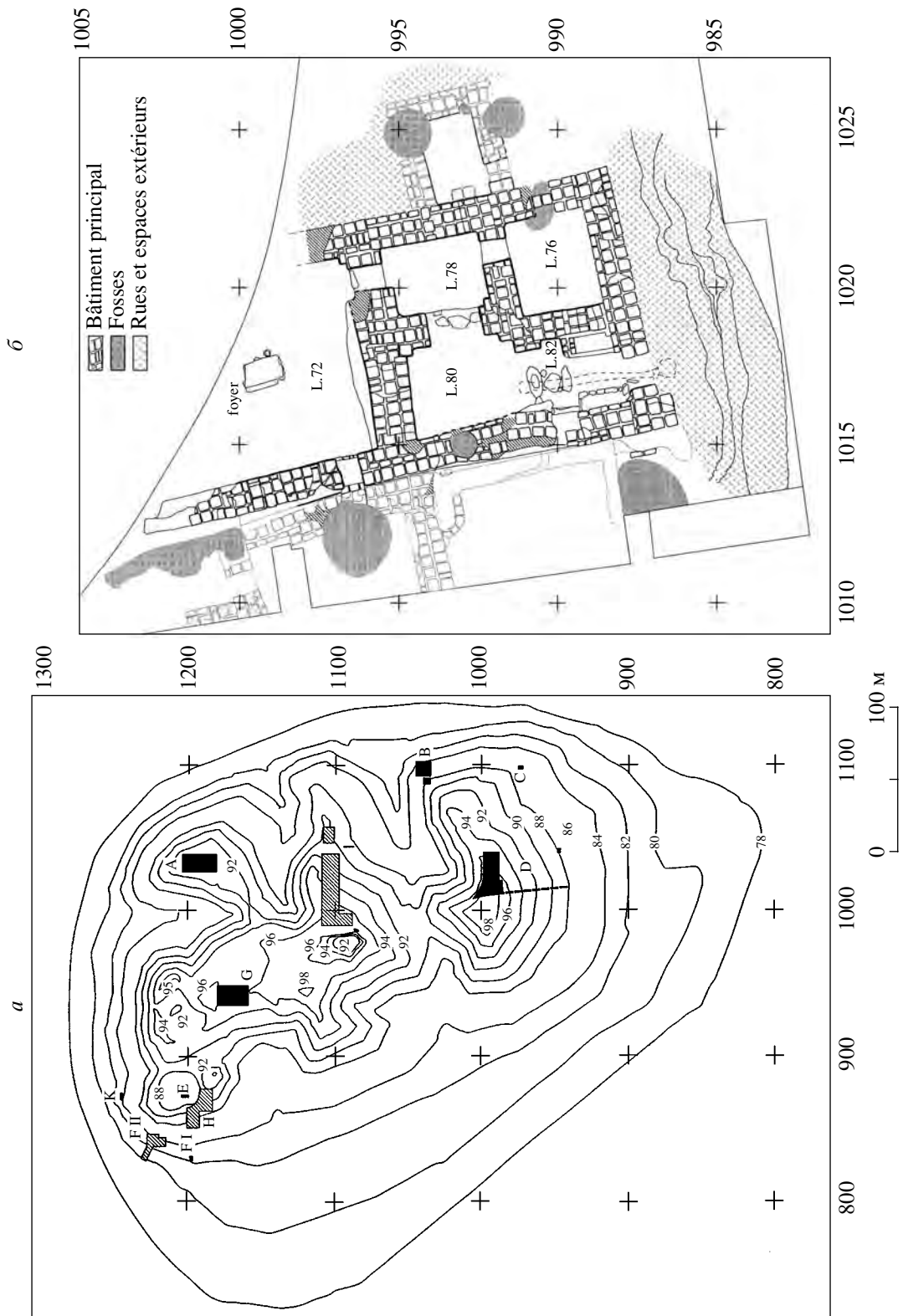

Рис. 1. Чагар-Базар. План поселения (а); раскоп "D". Конструкция конца III тыс. до н.э. (б).

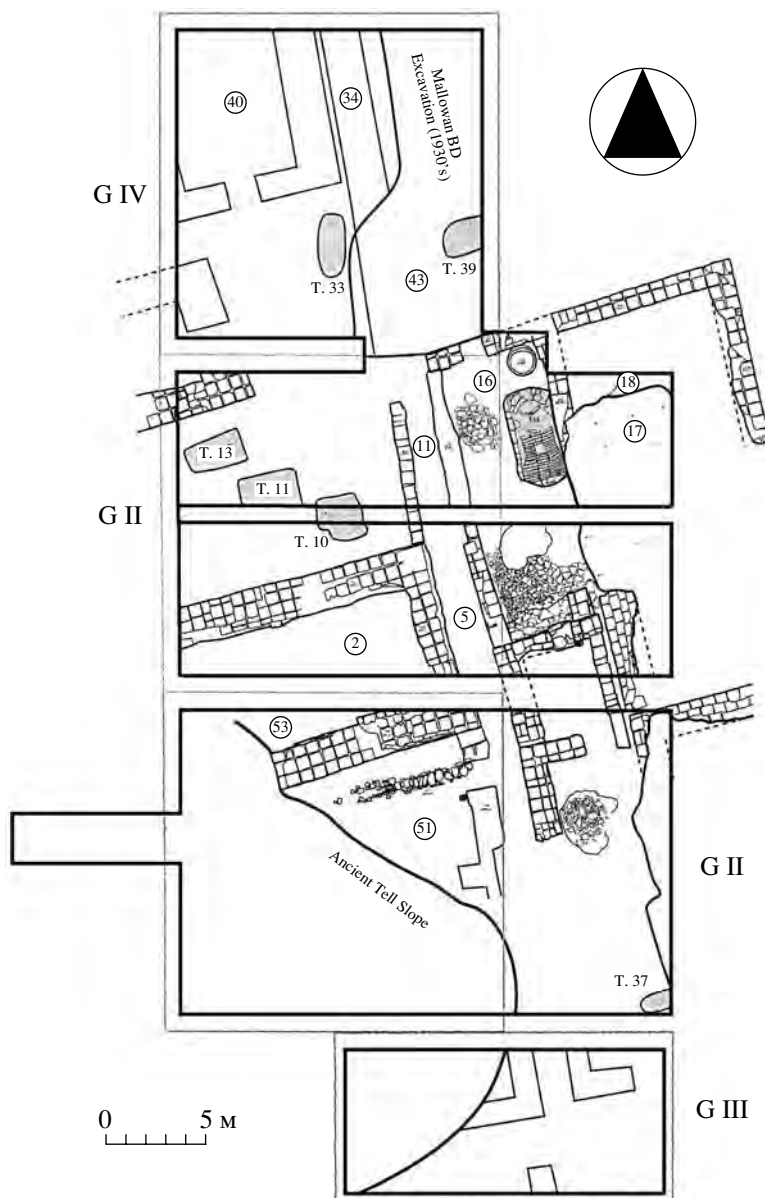

Рис. 2. Чагар-Базар. Раскоп “G”. Жилые конструкции старовавилонского периода.

н.э.), убейдский (вторая половина V – начало IV тыс. до н.э.), урукский (IV тыс. до н.э.).

2. Этап ранней бронзы (слои раннединастического III – постакадского периодов).

3. Этап средней бронзы (старо-вавилонский период).

В раскопе “F”, в северо-западной части телля была исследована площадь в 120 м². В верхней части раскопа было открыто несколько помещений начала II тыс. до н.э. и несколько погребений, относящихся ко второй половине III тыс. до н.э. Здесь выявлен также слой, относящийся к переходному периоду между халафской и убейдской культурами. В этом же раскопе был зафиксиро-

ван халафский толос. В нижней части раскопа, у основания телля, был открыт слой, содержащий хассунский и самаррский материалы. На этом же участке были обнаружены две обгоревшие ямы, относящиеся ко времени первоначального заселения памятника (вторая половина VIII тыс. до н.э.). Что касается находок на этом участке, то прежде всего стоит отметить выразительные антропоморфные статуэтки халафской культуры, маленькую подвеску с геометрическим орнаментом, а также характерную расписную керамику того же халафского периода. Среди орудий здесь преобладают обсидиановые (73%). В 2005 г. на этом участке, в яме были обнаружены два цилиндрических мраморных сосуда. Следует отметить, что

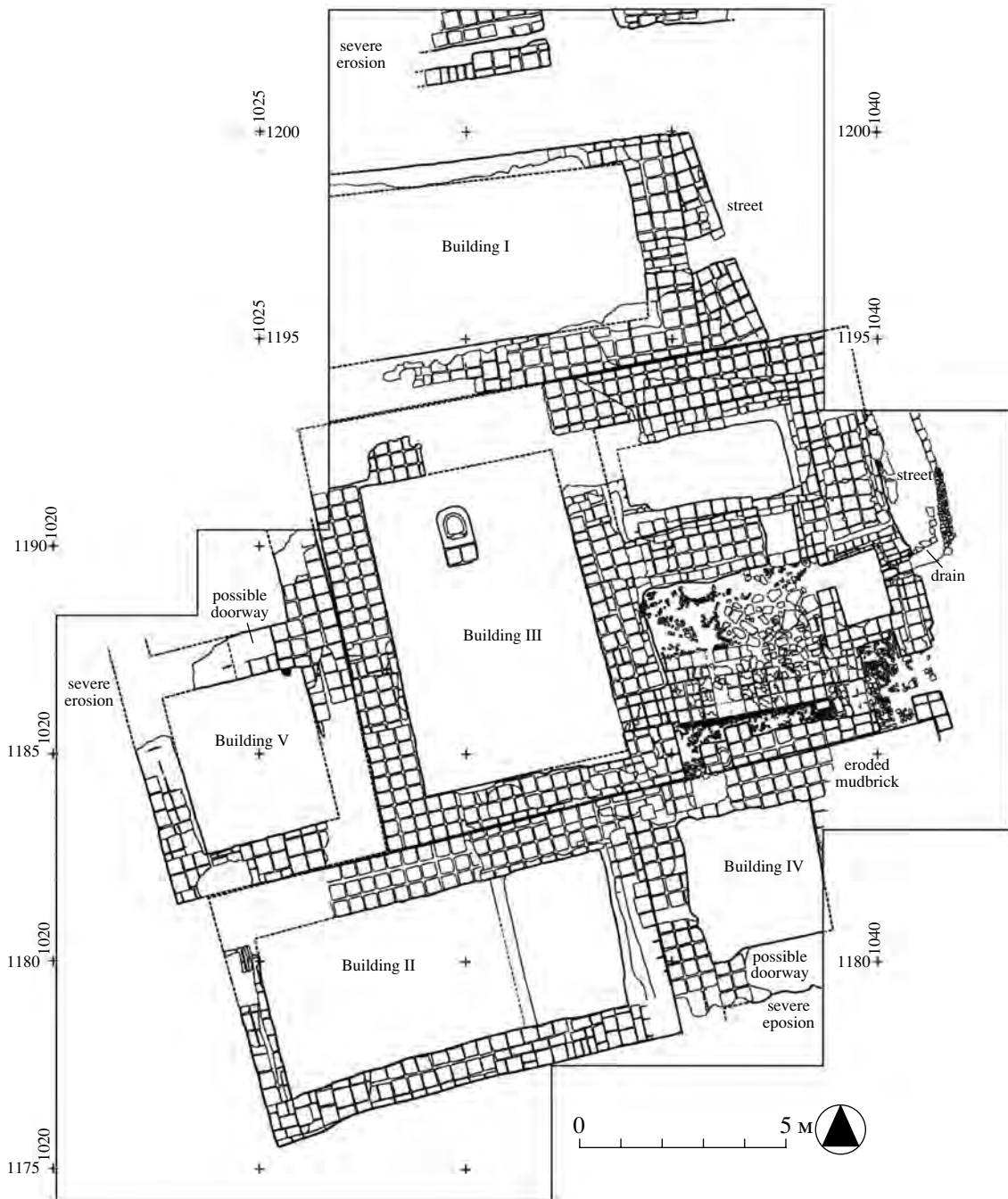

Рис. 3. Чагар-Базар. Раскоп "А". Административное здание старовавилонского периода.

совершенно аналогичные находки были сделаны российской археологической экспедицией под руководством Р.М. Мунчаева на поселении Ярымтепе 2, в северном Ираке (Мунчаев, Мерперт, 1981).

Раскоп "Е" представляет собой шурф, шириной 2 м и глубиной 18 м. В этом шурфе были выделены 50 археологических напластований, зафиксированы 10 сооружений (полы, помещения, ямы). Массовые находки представлены керамикой, обсидиановыми, кремневыми и костяными изделиями.

В результате изучения этого материала и радиоуглеродного анализа (C^{14}), были определены и датированы сверху вниз основные археологические слои, от эпохи ранней бронзы до VI тыс. до н.э.: первый, верхний, слой – датирован Раннединастическим III периодом; второй слой относится к позднему Халафу (4600–4300 до н.э.); третий слой представляет средний Халафу (4900–4600 до н.э.); четвертый – ранний Халафу (конец VI тыс. до н.э. – 4600 до н.э.).

В этом шурфе были обнаружены также фрагменты самаррской и хассунской керамики, т.е. материалы предшествующего времени. Отмеченная в раскопе “Е” периодизация полностью повторилась и в расположенном севернее раскопе “К”.

В шурфе “С” размерами 2 × 3 и глубиной 2.5 м установлено наличие четырех слоев, относящихся к халколиту. В результате анализа массового керамического материала, было выявлено, что вся позднехалколитическая керамика на поселении местного, северомесопотамского облика. Южномесопотамские влияния на массовой керамике Чагар Базара не прослеживаются.

В раскопе “В” были открыты несколько конструкций из сырцового кирпича первой половины III тыс. до н.э. Их стены были обмазаны многократно гипсом, с примесью белой и красноватой глины. В юго-восточном углу одного из этих сооружений была найдена небольшая печь, рядом с которой находились обломки керамики.

В раскопе “Н” были открыты несколько слоев, относящихся к раннединастическому II–III периодам. Этим временем датировано, в частности, сооружение, использовавшееся как жилая конструкция. Оно состояло из одной большой комнаты и двух маленьких построек хозяйственного назначения. Южнее этого сооружения были зафиксированы два погребения, которые имели стены, сложенные из сырцового кирпича, и сводчатое перекрытие. В них находились останки двух погребенных, рядом с ними лежали отдельные ритуальные предметы. Погребения датируются раннединастическим II периодом. В слое, относящемся к раннединастическому III периоду, на площади 15 × 15 м был открыт некрополь без каких-либо специальных сооружений, состоящий из 13 могил.

М. Маллован отмечал, что во время раскопок Чагар Базара им было обнаружено несколько оттисков печатей, которые свидетельствовали о связях между Чагар Базаром и Аккадом. Но в ходе исследований последних лет мы пока не нашли на поселении никаких следов аккадского времени.

В раскопе “D” была исследована конструкция, состоящая из нескольких комнат, внутри которых вскрыто несколько печей и найдены фрагменты керамики постаккадского периода. На стенах одной из комнат было отмечено пять слоев обмазки из гипса. У входа обнаружен порог из базальтового камня, под которым находился водосток (рис. 1, б).

В раскопе “G” вскрыт жилой квартал старовавилонского периода, в середине которого находилась дорога длиной 35 м и шириной 1 м, ориентированная по направлению север–юг. Она вымощена камнями и керамикой. В юго-западной части этого квартала был обнаружен канал для стока воды, также выложенный камнями (рис. 2).

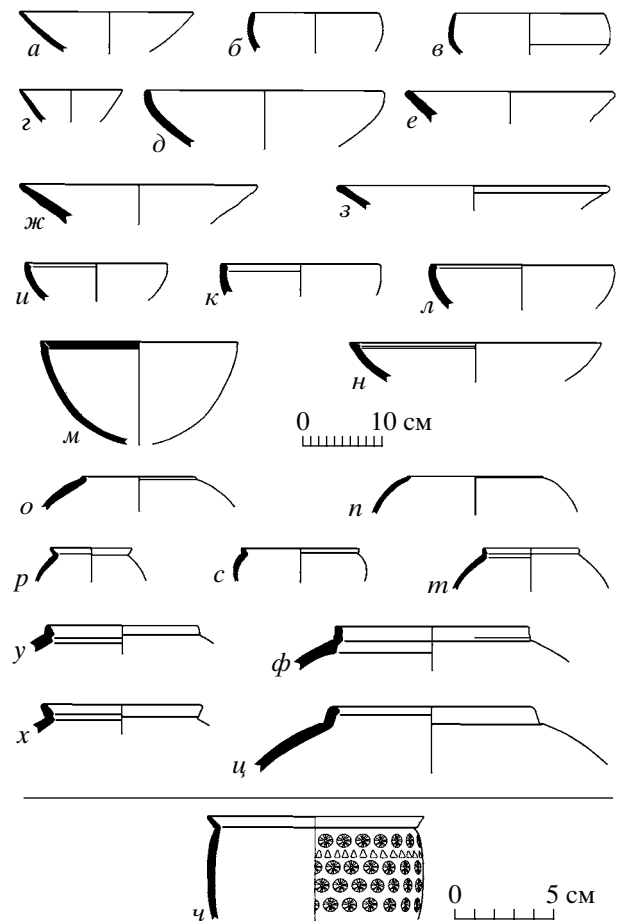

Рис. 4. Чагар-Базар. Позднехалколитическая керамика (конец IV тыс. до н.э.).

Дома были построены из сырцового кирпича. В раскопе “А” было открыто пять сооружений из сырцового кирпича, связанные друг с другом. Первые исследования показали, что они предназначались для административного использования в течение старовавилонского периода (рис. 3). Самое главное из этих сооружений – это конструкция III. Здание состоит из большой приемной, площадь перед которой выложена обожженными кирпичами и камнями, и небольшой постройки, внутри которой найдены фрагменты сосудов (скорее всего, это складское помещение). Помимо этих помещений была найдена еще одна маленькая комната, использовавшаяся для омовений. На ее полу находился канал для водостока, ведущий наружу. Здесь был найден также оттиск цилиндрической печати, на котором изображены люди, преподносящие дары божеству.

В раскопе I, длина которого по линии восток–запад достигает 100 м, а ширина 20 м, было вскрыто несколько слоев, относящихся к старовавилонскому периоду. Здесь было исследовано административное здание, у входа которого обна-

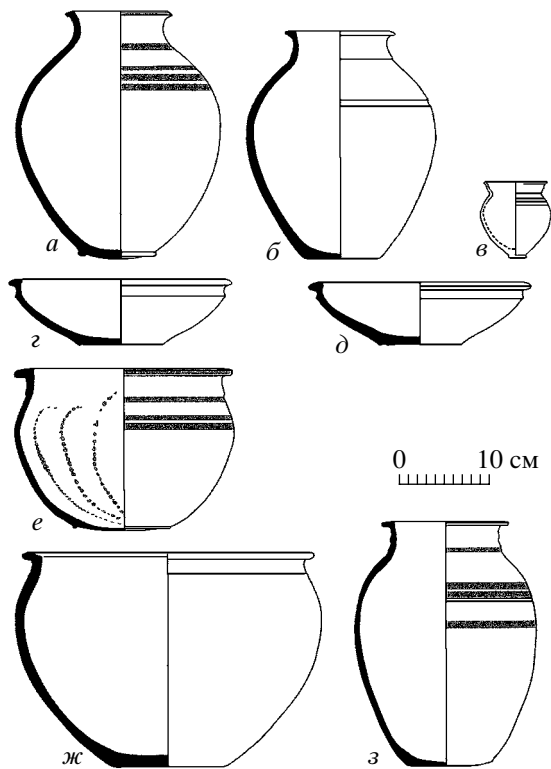

Рис. 5. Чагар-Базар. Керамика старовавилонского периода.

ружено несколько клинописных табличек и оттиск печати. Южнее этого здания находилась оборонительная стена шириной около 3,5 м. Стена прослежена в направлении восток–запад на длину до 60 м. Отмеченное здание может быть датировано временем правления Шамшиаддада. В этом же раскопе было обнаружено несколько зданий, под полами которых находились захоронения.

Конструктивно эти погребальные сооружения похожи на склепы, сложенные из сырцового кирпича. Как правило, рядом с погребенными фиксировались кости животных и погребальный инвентарь. Помимо этого в этом раскопе были обнаружены 126 клинописных табличек, и несколько оттисков печатей. Самый важный из них оттиск печати Шамшиаддада.

Также на памятнике была найдена коллекция зооморфных и антропоморфных статуэток, фрагменты глиняных моделей колесниц, бронзовые изделия, керамика (рис. 4, 5), изделия из кости и камня.

Последние археологические открытия на Чагар Базаре доказывают исключительную важность и значение этого памятника, расположенного на пересечении торговых путей Северной Месопотамии, на протяжении длительного времени, а также демонстрируют уровень развития городской культуры Верхней Месопотамии, в частности старовавилонского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
- McMahon A., Tunca O., Baghdo A. New Excavation at Chagar Bazar, 1999, 2000 // Iraq. 2001. № LXIII.
- Tunca O., McMahon A., Baghdo A. Première campagne de Fouille A'Chagar Bazar (Syrie) // Orient Express. 2000. № 1.
- Mallowan M.E.L. Excavations at Chagar Bazar and an Archaeological Survey of the Habur Region of North Syria 1934, 1935 // Iraq. 1936. № 3.
- Mallowan M.E.L. Excavations at Tall Chagar Bazar and an Archaeological Survey of the Habur Region, second Campaign 1936 // Iraq. 1937. № 4.
- Mallowan M.E.L. Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. 1947. № 9.

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК И КАВКАЗ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО
ВЕКА**

**“ЯРЫМСКАЯ ЭПОПЕЯ”: АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
В ИРАКЕ (1969–1980 гг.)**

© 2008 г. В. И. Гуляев

Институт археологии РАН, Москва

Хорошо известно, что ученые, постоянно работающие по долгу своей профессии “в поле”, “на природе”, обычно не любят говорить публично, а тем более писать о своей жизни в экспедициях, об экспедиционном быте, о своих трудностях и переживаниях, о взаимоотношениях с коллегами – словом, обо всем, что, по их мнению, выходит за пределы “чистой” науки. Не освещается, как правило, в научной (и, тем более, в научно-популярной) литературе и такой важный для любого “полевика” вопрос, как организационно-практическая подготовка и проведение каждой археологической экспедиции. Поэтому большинство людей видят работу археологов, загорелых и крепких ребят, только в романтическом ореоле необыкновенных приключений и сенсационных открытий. В действительности все обстоит куда сложнее: есть, конечно, в жизни археолога и элементы романтики, но гораздо больше в ней повседневной “прозы жизни”: устройство быта, организация раскопок, контакты с местными властями и т.д. И, кстати, именно эти тривиальные, на первый взгляд, вопросы отнимают у археологов гораздо больше времени, нервов и сил, нежели “чистая” наука. Однако перечисленные проблемы во много раз усугубляются в том случае, если археологи работают не на родной земле, а за границей. Именно о таком случае и пойдет ниже речь.

Я хочу рассказать о Советской археологической экспедиции в Ираке, которая 12 полевых сезонов (по три месяца каждый), с 1969 по 1980 гг., вела широкомасштабные исследования на северо-западе этой арабской страны – в Синджарской долине. О научных результатах этих раскопок написано и опубликовано довольно много. Это, прежде всего, монографии Р.М. Мунчаева и Н.Я. Мерперта “Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии” (1981 г.) и Н.О. Бадера “Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии” (1989 г.), а также десятки статей, изданных в нашей стране и за рубежом (Англия, США, Ирак) в научных журналах и тематических сборниках по археологии Ближнего Востока. Наконец, в 1993 г. в США на английском языке был опубликован фундаментальный том, содержащий обобщающие статьи многих сотрудников нашей экспедиции. Оценка 12-летней российской

работы в Ираке была дана известной английской исследовательницей – проф. Джоан Оатс. В рецензии на книгу 1993 г. она отмечала, что если до недавнего времени ведущая роль в изучении дописьменной истории Месопотамии принадлежала британским ученым, то теперь она перешла к российской науке.

Интерес к Ираку – древней Месопотамии, стране, где, по всеобщему признанию, находилась колыбель человеческой культуры и цивилизации, всегда был велик. Начиная с середины XIX в. здесь работали археологические экспедиции Англии, Франции и Германии. Позднее к ним присоединились ученые из США, Италии, Японии и других стран. Но наша страна долгое время оставалась как бы в стороне. Положение изменилось лишь в 1969 г., когда по специальному соглашению между Директоратом древностей Иракской республики и Академией наук СССР в междуречье Тигра и Евфрата отправилась первая советская археологическая экспедиция, созданная на основе Института археологии АН СССР.

Какие же научные проблемы собирались решать на месопотамской земле наши археологи? Сейчас трудно себе представить, что каких-нибудь 50–60 лет назад солидные монографии и журналы хранили полное молчание о дописьменной истории Ирака. Археологические работы велись главным образом на юге и в центре Великой Месопотамской равнины, среди руин некогда цветущих городов Шумера, Ассирии и Вавилонии, а север Месопотамии оставался в каком-то странном забвении. Лишь постепенно, к 50-м годам XX в. удалось, благодаря довольно скромным по масштабам раскопкам нескольких древних поселений (теллей) Сирии и Ирака, создать приблизительно картину развития дописьменных месопотамских культур, состоявшую из трех периодов. По принятой среди археологов традиции, каждый такой период получил название той местности или пункта, где проводились первые раскопки. Так появились на свет последовательно сменявшиеся друг друга культуры: Хассуна (VI тыс. до н.э.), Халаф (V тыс. до н.э.) и Убейд (конец V – IV тыс. до н.э.). Но информации о них было еще ничтожно мало, и не удивительно, что именно эти ранние памятники на севере Месопотамии и заин-

Рис. 1. Р.М. Мунчаев в гостях у бедуинов в Абу-Сенаме (Северо-Западный Ирак).

тересовали нас прежде всего. Неподалеку от городка Телль-Афар в Синджарской долине было обнаружено сразу несколько древних теллей. Один из них был наполовину размыт водами ручья. Отсюда и название всей окружающей местности – Ярым-Тепе, что означает по-тюркски “половина холма”. Уже первый осмотр теллей обнадеживал: прямо на поверхности трех из них лежали обломки древней глиняной посуды, относящейся к трем основным этапам развития раннеземледельческой культуры Месопотамии – хасунскому (Ярым-Тепе 1), халафскому (Ярым-Тепе 2) и убейдскому (Ярым-Тепе 3). На крохотном “пяточке” площадью менее одного квадратного километра наглядно запечатлелась почти вся история первых земледельцев Древнего Востока, от ее истоков до порога Шумерской цивилизации.

Подходящий объект для раскопок был таким образом выбран, и теперь оставалось лишь приступить к практической работе. Но здесь и возникли организационные проблемы. Легко ли было организовать советскую археологическую экспедицию в Ираке, по сути дела, на пустом месте, без какого-либо знания страны и характера местных древностей? Ситуация была действительно непростой. С одной стороны, давно и прочно утвердившиеся на иракской земле западноевропейские и американские научные учреждения (миссии, институты, экспедиции), с их колоссальным практическим опытом ведения полевых исследований в стране и великолепным знанием природы, климата, населения Ирака, а с другой – абсолютно новое и неизвестное для советской археологии предприятие – рассчитанная на много лет вперед экспедиция Академии наук СССР в одном из главных центров мировой археологии. И проблема состояла здесь отнюдь не в жесткой конкуренции с нашими западными коллегами и не в том, что “старожилы” месопотам-

ского археологического сообщества могли отнестись к нам с неприязнью.

Напротив, помимо иракских официальных лиц, нам охотно помогали, особенно на первом, самом трудном этапе, английские археологи – руководитель экспедиции на соседнем с Ярым-Тепе ассирийском городище Телль-эль-Римах, проф. Кембриджского университета Дэвид Оатс и его жена Джоан Оатс, также дипломированный археолог. Именно они помогли нам выбрать перспективное для раскопок место в Ярым-Тепе. Они же искренне и щедро делились с нами своим богатым опытом работы в Ираке.

Сложность наших первых шагов на ниве месопотамской археологии заключалась в том, что мы просто не имели права “потерять свое лицо” перед другими иностранными экспедициями, работать менее успешно, чем они. И надо сказать, что свои “археологические университеты” в Ярыме мы прошли достаточно быстро и хорошо. Видимо, здесь сыграл свою роль общий, высокий уровень профессиональной подготовки всех членов экспедиции, их энтузиазм, готовность учиться всему новому и полезному, работать самозабвенно, не считаясь со временем и затратой сил.

Об уровне квалификации нашего научного состава красноречиво говорит только один факт: в 1980 г. (это последний год работы нашей экспедиции в Ираке) из восьми научных сотрудников (девятым был шофер – М.У. Юнисов) четверо были докторами (Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт, О.Г. Большаков, В.И. Гуляев) и четверо – кандидатами (Н.О. Бадер, В.А. Башилов, А.В. Куза, И.Г. Нариманов) исторических наук. Подобной концентрацией научных сил не могла тогда похвастаться ни одна другая экспедиция.

Уже по прошествии первых двух–трех полевых сезонов стало ясно, что свой самый трудный экзамен – достойно “войти” в месопотамскую археологию – мы в целом выдержали. И главную лепту в успех наших исследований в Ираке внес, бесспорно, наш начальник (по-арабски, “мудир”) – Рауф Магомедович Мунчаев, имевший до этого богатый опыт археологических раскопок на Северном Кавказе (рис. 1). Именно он, наряду с дирекцией Института археологии АН СССР, принял самое активное участие в подборе состава экспедиции. Именно на его плечи лег и основной груз организационно-административной работы, да еще в условиях дальнего зарубежья. Достаточно на миг представить себе круг его обязанностей, особенно на первых порах функционирования нашей экспедиции, чтобы проникнуться к нему искренним уважением и благодарностью. Перечислю лишь самые важные из них. Выбор места для постоянного лагеря экспедиции и его обустройство, налаживание снабжения продовольствием и водой (для бытовых нужд и питья).

В марте 1969 г., когда участники советской археологической экспедиции прибыли к месту работы, для лагеря была выбрана ровная площадка на западном склоне большого (высотой свыше 12 м) холма Ярым-Тепе 3. Первые два сезона лагерь состоял только из крепких десятиместных палаток шатрового типа. Помимо жилых, были поставлены “шатры” для столовой и лаборатории. Кроме нас, в лагере экспедиции жили повар, его помощник, слуга и сторож. Рабочие-шургатцы (профессиональные раскопщики-арабы из селения Шургат на р. Тигр, их число обычно не превышало 13–15 человек) разбили свой палаточный городок неподалеку от нас, на южном склоне более низкого холма Ярым-Тепе 2, у проселочной дороги.

Проблема воды в принципе была успешно решена еще во время московских сборов. Чью-то гениальную голову осенила мысль взять с собой в Ирак вместе с автомашинами и прочим имуществом металлическую бочку на колесах емкостью 1000 л. Все выгоды обладания подобной тарой мы поняли только на месте. Наш лагерь стоял в чистом поле. До ближайших хуторов и деревень было не менее полутора-двух километров, да и там вода в колодцах была солоноватой и малоприспособной для питья. Зато в городке Телль-Афар, в 10 км, находилась водонасосная станция. Она снабжала очищенной, пропущенной через фильтры водой, поступавшей по трубам из р. Тигр, все население города. Так что при необходимости там вполне можно было получать хорошую питьевую воду. Казалось бы, все просто: есть грузовик ГАЗ-53, есть бочка на колесах – бери и вези. Но первые же недели ярымской жизни показали, что во всех своих планах и расчетах надо принимать во внимание местные природные условия. Полевая грунтовая дорога от лагеря экспедиции до Телль-Афара проходит по ровной степи. Расстояние невелико – менее 10 км. Но на этом небольшом отрезке полевую дорогу пересекают два обычно сухих русла ручьев – “вади” (в несколько метров шириной и до двух метров глубиной), а также более мелкие рытвины и канавы. В сезон дождей (зима-весна), когда в горах и на равнине идут многодневные дожди, эти русла и выемки быстро наполняет вода, и они превращаются в быстрые и глубокие реки. Да и синджарская степь с ее лессовыми почвами, пропитывается влагой, раскисает и становится морем грязи. Местные жители в случае особой нужды рискуют ездить в это время лишь на колесных тракторах. Нам же, несмотря ни на какие гримасы погоды, для самого минимального удовлетворения своих нужд (и нужд 15 шургатцев) требовалось ежедневно привозить из Телль-Афара не менее одной тысячилитровой бочки.

В период дождей, первое время, когда в экспедиции были лишь “джип” (ГАЗ-69) и отнюдь не вездеходный грузовик ГАЗ-53, в распутицу ездил

ли в город за водой на тракторе, взятом напрокат у крестьян соседнего хутора. Только с 1973 г., после прибытия к нам вездехода ГАЗ-66, проблема решилась сама собой. Все сказанное выше относится и к вопросам нашего продовольственного обеспечения, ведь овощи и прочие продукты мы покупали в лавках того же Телль-Афара.

Опыт первого полевого сезона показал, что место для лагеря на западном склоне холма Ярым-Тепе 3 выбрано неудачно. Во-первых, палатки не были защищены от постоянных сильных западных ветров, а во-вторых, для обустройства жизни экспедиции явно требовалось сооружение каких-то более капитальных зданий (например, для лабораторной работы, для хранения имущества, для столовой и кухни), нежели легкие брезентовые шатры. И вот в 1970 г. работа по строительству солидной экспедиционной базы закипела. Наш начальник – Рауф Магомедович Мунчаев решил положить в основу проекта будущего здания традиционный местный дом из сырцового кирпича, но только удвоить его по осевой линии, соединив две небольшие постройки в одно довольно внушительное сооружение. Кроме того, дом по замыслу того же “главного архитектора” снабжался целым рядом деталей, обычно отсутствовавших в местном домостроительстве, – нормальными застекленными окнами вместо узких щелей-продухов и металлическими навесными дверями с замками. Стены были сложены из плоского сырцового кирпича (смеси глины, навоза и рубленой соломы) и обмазаны снаружи глиняным раствором. Крыша держалась на деревянных балках, на которые постелили тростниковые циновки, потом положили слой глины и слой гипса. По углам плоской крыши возвышались странные ступенчатые башенки.

Торжественное открытие первой очереди новой базы экспедиции состоялось 1 мая 1970 г., на исходе второго полевого сезона. Но окончательно мы переехали в дом лишь на следующий год, перенеся на восточный склон холма и свои жилые палатки. Внутри длинного глинобитного дома разместились жилые комнаты и учреждения: в отдельной небольшой комнатке, с торца, жил наш постоянный сторож Мухаммед Эмин (кстати, он же был и владельцем участка земли, на котором находились почти все телли Ярым-Тепе); далее шли лаборатория и склад оборудования, столовая (“салон” – по нашей ярымской терминологии), она же одновременно клуб-читальня и, наконец, кухня (в которой, как правило, жил и повар). Сами мы по-прежнему предпочитали обитать в своих просторных шатровых палатках. Нельзя не сказать несколько слов и о другом насущно необходимом для нас сооружении – “хамаме” (по-арабски – бане), невысоком глинобитном домике без окон, с плоской крышей и двумя отделениями-клетушками: хассунское и халафское,

по культурной принадлежности тех двух теллей, которые мы копали. Над входом в каждое отделение вместо надписи был вмазан соответствующий древний черепок. Наверху, на подставке из кирпича, покоилась большая металлическая бочка на сто литров. Ее заливали холодной водой из канистр, которые по приставной лестнице таскали и наш слуга Хасан, и мы сами. Воду нагревали с помощью керосиновой горелки. Что касается еды, то по существующей в Ираке в иностранных экспедициях традиции мы всегда нанимали местного повара и ему помогал кто-то из местных мальчишек.

Местность, где мы обосновались – город Телль-Афар и его окрестности был населен не арабами, а туркманами, поскольку в прошлом входил в состав Мосульского вилайета Османской Турецкой империи. И здесь выяснилось, что Рауф Магомедович, выросший в многоэтничном Дагестане, свободно владеет местным диалектом языка, что, естественно, заметно облегчило внешние контакты нашей экспедиции (наем рабочих, общение с торговцами и властями Телль-Афара).

Представляется, что наиболее важной, и отнюдь не легкой, обязанностью нашего начальника были регулярные (раз в две-три недели) поездки из Ярыма в Багдад за получением в Посольстве СССР денег для выплаты зарплаты рабочим. Поездки эти занимали обычно несколько дней и требовали значительного напряжения моральных и физических сил (обычно Рауфа Магомедовича сопровождал в таких поездках наш главный знаток арабского языка – Олег Георгиевич Большаков), поскольку для преодоления 500 км от Ярым-Тепе до иракской столицы приходилось использовать несколько видов транспорта (такси, автобусы, поезд Мосул–Багдад). Обычно мы с нетерпением ждали возвращения “мудира”, так как он, как правило, привозил и дорогие сердцу “весточки с Родины” – письма. От успеха личных контактов с чиновниками посольства СССР в Ираке зависел в значительной мере и успех нашей экспедиции. И надо сказать, что Рауф Магомедович выполнял эту свою деликатную “дипломатическую” миссию просто блестяще. На всем протяжении нашего пребывания в стране (с 1969 по 1980 г.), к нам всегда относились с искренней симпатией самые первые официальные лица Посольства, что обеспечивало надежной государственной поддержкой наши археологические исследования в далекой арабской стране.

Личные качества Рауфа во многом способствовали созданию в узком “ярымском” мирке, где девять мужчин в течение трех месяцев вынуждены были жить бок о бок, атмосферы дружбы, товарищества и взаимопомощи. Человек далеко не железного здоровья, внешне очень сдержанный, наш начальник всегда был готов помочь дру-

гим сотрудникам экспедиции в случае необходимости. Капризы местной природы, непривычные пища и вода, огромные физические и эмоциональные нагрузки на раскопках отнюдь не способствовали постоянному поддержанию идеальных физических кондиций. Наиболее распространенными “хворями” были желудочные инфекции, заболевания сердца и сосудов (от перепадов температуры, атмосферного давления, влажности и т.д.), но мы научились их успешно лечить “домашними средствами” (энтеросептол, фталозол, анальгин, валидол, аспирин, но-шпа и т.д.). Однако были и более серьезные случаи, когда от Рауфа Магомедовича требовались какие-то решительные шаги, вплоть до эвакуации больных на Родину (Муса Умарович Юнисов с кровоточившей язвой желудка, Горислава Николаевна Лисицына с жесточайшей аллергией). Именно “мудир” был инициатором и организатором столь желанных для нас “ярымских” традиционных праздников: 25 апреля (день рождения Андрея Кузы), 1 и 9 мая, и др. В выходные дни (мусульманская “джума” – пятница), если позволяли погода и настроение, мы выезжали в ближние и дальние экскурсии по стране: Белет-Синджар, Хатра, Ниневия, Нимруд, Ашшур, Вавилон, Ур, Ктесифон и другие всемирно известные памятники древности.

Завершить свой рассказ мне хотелось бы несколькими эпизодами из раскопок на халафском телле Ярым-Тепе 2 (руководителем работ на этом поселении V тыс. до н.э. был Р.М. Мунчаев, а сотрудником – автор статьи). Телль исследовался 8 лет (с 1969 по 1976 г.) на площади в 600 м² и на всю толщину культурного слоя (почти 7 м). И наиболее важной находкой здесь были керамические печи. Еще с момента открытия первых халафских памятников на территории Сирии и Ирака ученых волновал вопрос: с помощью каких технических средств изготавливали халафцы свою прекрасную керамику? Если ее обжиг осуществлялся на кострах или в примитивных очагах, то как в таком случае объяснить поразительное совершенство и изящество халафской гончарной продукции?

И вот, наконец, настал день, когда мы смогли ответить и на этот сложный вопрос. В нижних слоях халафского поселения Ярым-Тепе 2 удалось обнаружить сразу две прекрасно сохранившиеся глиняные печи для обжига керамики (рис. 2). Круглые в плане, эти сооружения имели довольно сложное устройство. Диаметр их достигал 1.8 м. Печи состояли из двух ярусов: нижнего, где находилась топка, и верхнего – собственно обжигательной камеры. Ярусы отделялись друг от друга массивной глиняной плитой, в которой были устроены округлые в сечении продухи. Именно через них, по специальным каналам, горячий воздух снизу равномерно заполнял камеру обжига, со-

здавая внутри очень высокую температуру – порядка 1200°С.

Подобные сооружения, да еще столь хорошей сохранности, на поселениях V тыс. до н.э. были обнаружены в Месопотамии впервые. Сообщение об этом необычном открытии заинтересовало иракских ученых. И вскоре нашу экспедицию посетили высшие руководители Директората древностей страны – доктор Исса Сальман и генеральный инспектор археологических раскопок – проф. Фуад Сафар. Все увиденное настолько поразило гостей, что они решили сохранить для науки уникальные экспонаты древней технической мысли. С помощью иракских рабочих и реставраторов одну из печей – махину весом в несколько сот килограммов – разрезали пилой на части, бережно запаковали и доставили на машине в город Мосул. Там, в новом великолепном здании археологического музея, печь вновь собрали. И она стала объектом постоянного внимания со стороны многочисленных посетителей.

Современные археологи всегда работают в поле по строго определенному плану и, конечно же, они могут предугадать в известных пределах общий характер своих будущих находок. Однако Его Величество Случай, простое везение, невозможно сбрасывать со счетов. Иные исследователи многие годы ищут в земле материальное подтверждение своим научным гипотезам и проходят буквально в считанных сантиметрах от желанной находки. С другой стороны, очень часто какое-нибудь случайное открытие вызывает коренные перемены в сложившейся системе взглядов на прошлое. Именно о таком случае и пойдет ниже речь. Это произошло в апреле 1976 г.

День начался как обычно. С утра было солнечно и ветрено. В северной стороне горизонта над горами собирались темные грозовые тучи. Но на нашем халафском телле работа явно спорилась. Шургатцы размеренно долбили остроносными кирочками-“кезмами” плотную глинистую землю культурного слоя. Носильщики тут же уносили ее за пределы холма. Годами отлаженный механизм ярымских раскопок действовал ровно и слаженно, и, дав рабочим необходимые указания, я отправился на разборочную площадку для просмотра ранее найденной керамики.

И вдруг часов в десять утра ко мне с несвойственной ему резвостью примчался старик Мухаммед – один из наших рабочих-шургатцев. Он возбужденно и громко повторял две короткие арабские фразы: “Аку, куллиш!” (Есть, целая!), “Могаддес алиха!” (Священная богиня!). Я ничего не мог понять. Может быть в раскопе стряслось какое-то несчастье – травма, змея, скорпион или иная напасть? Чего-чего, а этой экзотики в Ярыме хватало с избытком. Быстро спустившись вниз, я увидел среди столпившихся рабочих нашего уважаемого бригадира (раиса) – Халафа Джа-

Рис. 2. Гончарные печи на Халафском поселении Ярым-Тепе 2.

сима, который, стоя на коленях, что-то лихорадочно выбирал из земли и бережно складывал на кусок фанеры, служившей мне планшетом для чертежей. Лишь подойдя к нему на несколько шагов, я разглядел обломки древней терракоты – глиняный сосуд-флакон необычайно тонкой работы. “Он – целый!” – радостно объявил мне Халаф, имея в виду, что, хотя сосуд и разбит, он легко собирается, поскольку все его части в наличии. До нашей экспедиционной лаборатории от раскопа было рукой подать, и вскоре флакон, вымытый, высушенный и склеенный, предстал перед нами во всей своей красе (рис. 3).

Он был сделан в виде фигуры женщины – богини-матери древних земледельцев Синджарской долины. Головы практически нет – ее заменяет узкое горло флакона. Но вся фигура богини передана живо и реалистично. Богиня показана в обычной для такого рода изображений позе – поддерживающей руками снизу свои обнаженные груди (символ плодородия). Темно-коричневой, почти черной, блестящей краской, великолепно сохранившейся за прошедшие семьдесят с лишним веков, по светло-желтому фону нарисованы браслеты на руках, татуировка, длинные волнистые волосы, свободно ниспадающие по спине. Флакон стоит на круглой плоской подставке, общая его высота 25 см.

Вместе с богиней лежали и другие интересные предметы – резная каменная печать, каменная чаша, глиняный расписной сосудик. Все они, включая и сам флакон, были намеренно разбиты еще в

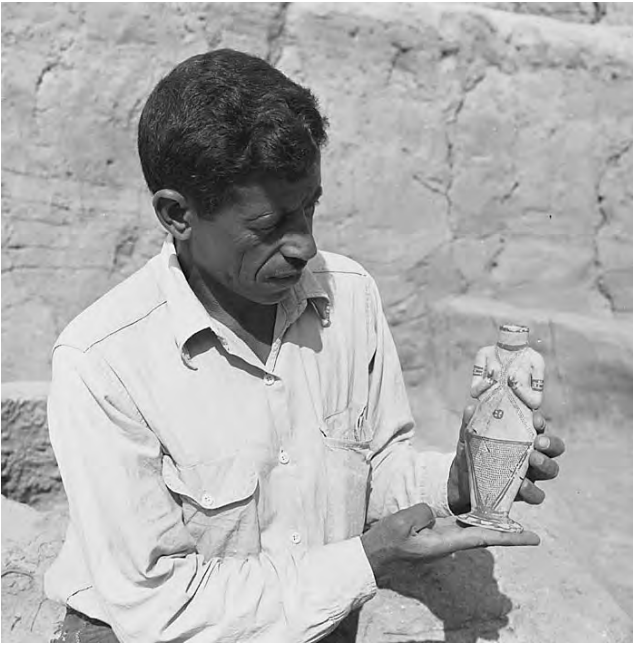

Рис. 3. Бригадир шургатцев (рабочих-профессионалов из селения Шургат) Халаф Джасим с флаконом-богиней, Ярым-Тепе 2, V тыс. до н.э.

древности. Затем их поместили в специально выкопанную ямку и засыпали сверху (видимо, это обряд очищения) горячими углями и золой от костра.

Это был, бесспорно, какой-то сложный и очень важный для обитателей халафского поселка ритуал, смысл и назначение которого, к сожалению, остаются для нас совершенно непонятными.

Фигурный флакон – вещь уникальная аналогов ему нет ни в одном известном месопотамском памятнике V тыс. до н.э. Поражает необычное совершенство и тонкость художественного исполнения самой скульптуры. Ее можно с полным основанием отнести к числу наиболее выдающихся произведений древнейшего искусства Северо-Западного Ирака. Ведь до этого времени мы встречали здесь только грубые и сильно стилизованные фигурки женских божеств, не идущие ни в какое сравнение с последней находкой. Наконец, чуть ли не впервые мы получили возможность судить об украшениях и прическе халафских женщин, живших без малого 7 тыс. лет назад.

И самое последнее. Я рискнул представить в наш солидный журнал столь необычную по содержанию статью только по одной причине. В сентябре 2008 г. Рауфу Магомедовичу Мунчаеву исполняется 80 лет, и, на мой взгляд, будет весьма полезно рассказать коллегам о давних и полузабытых страницах истории российских археологических исследований в Месопотамии, точнее, в Северо-Западном Ираке, которыми столь успешно руководил наш юбиляр.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И КАВКАЗ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

ИЗУЧЕНИЕ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРУДАХ Р.М. МУНЧАЕВА

© 2008 г. С. Н. Корневский

Институт археологии РАН, Москва

Мунчаев Рауф Магомедович является одним из наиболее известных археологов нашей страны. Он уже давно стал ведущим специалистом в области первобытной истории Кавказа. Его работы по археологии Северной Месопотамии и Сирии приобрели заслуженное признание и мировую известность. Велик вклад Рауфа Магомедовича и в организацию российской науки. Долгое время он был заместителем директора Института археологии РАН (1991–1993 гг.), а с 1993 по 2003 г. – директором Института археологии РАН, председателем его Ученого совета и председателем редакционного совета журнала “Советская археология”, ныне “Российская археология”.

Рауф Магомедович Мунчаев – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, советник РАН. Он автор более 300 научных работ, в том числе 9 монографий. Р.М. Мунчаев – бессменный руководитель Иракской (1969–1988) и Сирийской археологических экспедиций (с 1988 г. по н.в.) – одной из самых эффективных и долго действующих экспедиций Российской Федерации за рубежом.

Научный путь Р.М. Мунчаева крайне интересен и знаменателен. В нем нашло отражение прежде всего формирование научных взглядов на историю населения Северного Кавказа в эпоху ранних земледельцев и скотоводов (энеолит и фаза раннего бронзового века) в течение истекших 50-ти лет. Без его фундаментальных трудов развитие наших знаний сейчас в этой области просто было бы невозможно.

Начальный период научной деятельности Рауфа Магомедовича неразрывно связан с Северо-Восточной частью Кавказа (Дагестаном, Чечней и Ингушетией). Р.М. Мунчаев закончив в 1949 г. Дагестанский педагогический институт в Махачкале, становится аспирантом Института истории материальной культуры, позже – Института археологии РАН.

В это время протекает далеко не простой для народов Северного Кавказа период жизни и развития науки. Во второй половине 1940-х и 1950-х годах среди ученых, активно исследующих проблемы становления производящего хозяйства на Кавказе, выделяются своими трудами Б.А. Куфтин, Е.А. Крупнов и А.А. Иессен, ставшие осно-

воположниками научных школ в Грузии и на Северном Кавказе. В археологии энеолита и бронзового века Кавказа идет еще начальный период накопления материалов. Нельзя не отметить, что интерпретация новых данных в то время была осложнена труднодоступностью зарубежной литературы, столь необходимой для всесторонней оценки отечественных древностей.

На Северном Кавказе активные полевые работы ведет Е.И. Крупнов. Именно он, автор понятия “майкопская культура”, становится научным руководителем Р.М. Мунчаева и ориентирует своего аспиранта на изучение “зари” медно-бронзовой эпохи на Северном Кавказе. Конкретной территорией исследования Рауфа Магомедовича становится родной Дагестан. Тема его кандидатской диссертации носит название “Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III–II тысячелетие до н.э.). Диссертация была успешно защищена в 1953 г. После этого Р.М. Мунчаев два года работает в Дагестанском филиале АН СССР, а затем возвращается в Институт археологии РАН, с которым связана уже вся его дальнейшая научная жизнь.

В 1961 г. выходит в свет первая монография Р.М. Мунчаева “Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа”. Эта книга, спустя более 40 лет, по-прежнему не потеряла своей актуальности, несмотря на то, что многие вопросы начала эпохи палеометалла на Кавказе сейчас трактуются с большей конкретизацией, чем в конце 50-х годов прошлого века. В основе книги лежала уже апробированная диссертационная рукопись молодого ученого, но заметно дополненная накопившимися новыми материалами. Более того, автор в книге продемонстрировал глубокое понимание проблемы и эрудицию. После ее издания имя Р.М. Мунчаева встало в один ряд с фамилиями признанных лидеров археологии первобытной эпохи Кавказа более старшего поколения: Б.А. Куфтина, А.А. Иессена, Е.И. Крупнова.

Именно в этой работе уже полностью прослеживался метод исследования Р.М. Мунчаева, которого он придерживается все последующие годы. Суть его сводится к следующему. Объект исследования сугубо конкретен по территории. Это отдельно взятый историко-культурный регион или памятник. По хронологии он связан с эпохой на-

чального освоения меди и бронзы. Автор стремится привлечь к исследованию данные как поселений, так и погребальные памятники. При этом написанию текста исследования предшествуют личные раскопки.

Ввод в научный оборот новых материалов проходит на фоне всего комплекса известных источников по проблеме, включая широкие экскурсы в зарубежную литературу. Особо важными становятся оценки материала по поводу его репрезентативности в науке. Р.М. Мунчаев при обсуждении разных гипотез в интерпретации наших источников нередко ставит вопрос, достаточны ли имеющиеся материалы для предлагаемых утверждений.

Непосредственные выводы рассматриваемой монографии Р.М. Мунчаева имеют большое значение для характеристики становления медно-бронзовой эпохи на Кавказе. Прежде всего это заключение о том, что памятники куро-араксского энеолита, ранее выделенные Б.А. Куфтиным по южнокавказским материалам, образуют на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня, Ингушетия) свой локальный вариант. Население, оставившее эти реликты, было оседлым. Оно занималось земледелием, скотоводством, металлургией.

Помимо того, в степной зоне бассейна Терека в долине р. Сунжа близ г. Грозного отмечены редкие курганные комплексы, сопоставимые с Мариупольским могильником в Приазовье, более древние, чем памятники куро-араксской культуры.

Важнейшим выводом исследования становится тезис о том, что на исследуемой равнинной и предгорной территории Чечни и Ингушетии бок о бок с племенами куро-араксского энеолита обитали также племена майкопской культуры, оставившие здесь свои курганы. Так далеко на востоке Северного Кавказа майкопские захоронения еще никто не фиксировал. До этого ареал майкопской культуры ранее был связан прежде всего с Прикубаньем. Находки майкопских комплексов в центральном Предкавказье лишь эпизодически отмечались в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии.

Принципиально важным стал и другой вывод о том, что в керамическом комплексе поселения Луговое прослеживается симбиоз черт местного варианта куро-араксской и майкопской культур. Доминант все же остается за первым компонентом. Так была выявлена зона стыка двух основных культур Кавказа “зари бронзового века”, куро-араксской и майкопской.

Анализируя материал из поселений куро-араксского “энеолита” Северо-Восточного Кавказа, Р.М. Мунчаев отметил, что эти племена имели тесные культурные контакты с Южным Кавказом. Большой Кавказский хребет такому

обмену не препятствовал. Очень важным является и тезис автора об уходящих в местный энеолит глубоких корнях оседлых земледельческо-скотоводческих культур Северо-Восточного Кавказа эпохи бронзы.

После выхода в свет монографии Р.М. Мунчаева, к концу 1960-х годов – началу 1970-х изучение начальной стадии освоения памятников на ранней ступени производящего хозяйства на Кавказе сделало заметные успехи. В Азербайджане, Грузии и Армении были раскопаны поселения, важные для характеристики этой эпохи. Появление массовых анализов металлических предметов, начатое И.Р. Селимхановым (1960), убеждало в том, что эпоха куро-араксской и майкопской культур связана не с энеолитом (медным веком), а с эпохой господства медно-мышьяковых сплавов (бронз). В научный оборот вводились принципиально важные исследования для понимания процесса древнейшей истории ранних земледельцев и скотоводов Южного Кавказа, развивающие идеи Б.А. Куфтина. Таковы работы А.А. Мартиросяна, Э.В. Хандзадян, О.А. Абибулаева, И.Г. Нариманова, Г.С. Исмаилова, Л.Д. Неберидзе, Т.Н. Чубинишвили, К.Х. Кушнаревой, О.М. Джапаридзе, А.И. Джавахишвили, Л.И. Глонти, Г.Г. Пхакадзе, Я.А. Киквидзе, Ш.Ш. Дедабришвили, Л.Н. Соловьева и иных исследователей. Издаются крупные статьи по рассматриваемой тематике, а также несколько монографий. Появляются и первые радиоуглеродные определения для памятников куро-араксской культуры. В некалиброванном выражении они относили ее к первой половине III тыс. до н.э. (Кушнарева, Чубинишвили, 1970). Памятники культуры шулаверিশому-тепе датировались V–IV тыс. до н.э.

В 1960-х, начале 1970-х годов на Северном Кавказе также идет заметное расширение круга источников по теме изучения памятников начальной стадии древних земледельцев и скотоводов. Происходит относительное удревнение хронологии майкопской культуры. А.А. Иессен в тезисах доклада предлагает датировать ее второй половиной III тыс. до н.э. Эта дата надолго укрепляется в литературе. Она даже получает статус общепринятой, хотя аргументы в ее обосновании остаются до сих пор непонятными. Выделяемый А.А. Иессеном ранний майкопский этап датируется 2500–2400 лет до н.э., поздний, новосвободненский – 2300–2000 гг. до н.э. В этом же году Е.И. Крупнов публикует обобщающую, интересную, но не лишнюю дискусионности, работу о кавказской этнической общности, памятниках куро-араксской и майкопской культур, как носителях основных языковых семей на Кавказе (1963. С. 1–13).

В это же время успехи делает археология раннего бронзового века Дагестана. Интересные по-

селения ранних земледельцев и скотоводов исследуются здесь М.Г. Гаджиевым, В.Г. Котовичем, Д.М. Атаевым (Галгалатли, Чинна, Гинчи).

Большой массив вновь открытых памятников появляется в Прикубанье (Адыгея). Еще в 1959–1966 гг. А.Д. Столяром, А.А. Формозовым и П.А. Дитлером в верховьях р. Белая на р. Фарс проводятся работы на поселениях с накольчатой жемчужной керамикой: Мешоко, Ясенева Поляна, х. Веселый. К сожалению, до сих пор ни одно из этих поселений не издано монографически. Лишь в 1965 г. А.А. Формозов публикует “Каменный век и энеолит Прикубанья”, в котором дается периодизация поселений по р. Белая, интерпретируемых как памятники майкопской культуры. Однако последующие работы показали, что ни одно из них полностью поселением майкопской культуры не является (Кореневский, 1996а; 1998).

Интересные материалы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике раскапывает А.Л. Нечитайло. Их публикация проведена в статье, написанной ею совместно с Р.М. Мунчаевым (Мунчаев, Нечитайло, 1966). Широкие раскопки курганов с майкопскими погребениями начинаются в Кабардино-Балкарии, включая открытие замечательной гробницы в г. Нальчике.

Раскопки Р.М. Мунчаевым у с. Бамут в 1959–1961 гг. в Чечне курганов майкопской культуры послужили толчком для повышенного интереса исследователя к ее загадочным древностям. Только часть из этих материалов была использована им в публикации 1961 г. Работа над обработкой коллекции бамутских курганов продолжалась. В 1966 г. Р.М. Мунчаевым была опубликована статья совместно с А.А. Бобринским (Бобринский, Мунчаев, 1966). В ней сдержалась интереснейшая информация о способах производства сосудов из майкопских погребений в Бамутском могильнике. Впервые был установлен факт использования майкопскими мастерами механических устройств типа поворотного столика для производства керамики. Это было настоящее открытие, положившее начало новому направлению в “майкопской тематике” – изучению ее керамического комплекса под микроскопом с использованием методики А. А. Бобринского. В публикации 1973 г. Р.М. Мунчаев привлекает внимание к бронзовым кольцам с расходящимися концами, согнутым из бронзового прута (1973). Их интерпретация загадочна и неоднозначна. Аналогии за пределами майкопской культуры практически неизвестны.

С 1969 г. Р.М. Мунчаев возглавляет созданную в Институте археологии Иракскую экспедицию. Все более значимыми для него становятся проблемы характеристики культур на начальных фазах производящего хозяйства вплоть до эпохи

ранних династий Шумера в Месопотамии. Специализация по теме куро-араксской и майкопской культур хорошо согласуется с таким направлением. Возникает замысел широкого обобщения данных по теме неолита, энеолита и начала бронзового века на Кавказе в целом. В 1965–1970 г. заметно меняется и номенклатура в обозначении фаз бронзового века на Кавказе. Понятия куро-араксского энеолита или энеолитической майкопской культуры изменяются на понятие культур раннего бронзового века. Последний термин утверждается в науке о майкопской культуре Северного Кавказа именно благодаря работам Р.М. Мунчаева.

В 1971 г. Р.М. Мунчаев защищает докторскую диссертацию на тему “Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы”. А в 1975 г. опубликована его фундаментальная монография “Кавказ на заре бронзового века”. Изданная работа начинается обширной историографией изучения эпох неолита, энеолита и раннего бронзового века на Кавказе. Первая часть книги посвящена древностям неолитической эпохи на Кавказе. Вторая рассматривает памятники энеолита, культуру шулавери-шому-тепе. Третья часть работы охватывает памятники куро-араксской культуры. Четвертая – памятники майкопской культуры.

Монография 1975 г. Р.М. Мунчаева – это уникальный труд, представляющий эпоху ранних земледельцев и скотоводов Кавказа в целом. Аналогов ему нет и поныне. Особо примечательным становится раздел, посвященный майкопской культуре, и глава, касающаяся памятников эпохи раннего бронзового века в Чечне и Ингушетии.

Важнейшее качество раздела по майкопской культуре заключается в том, что в нем приводится полноценная сводка памятников (выражаясь современным языком, “банк данных”), столь необходимая для любого широкомасштабного исследования. Работа включала новые материалы, накопленные за советский период до 1974 г., а также другие очень важные, но труднодоступные для широкого круга читателей сведения из Отчетов Императорской археологической комиссии. Практически это было первое настоящее монографическое обобщение источников по майкопской культуре, на основании которого воспитывались следующие поколения специалистов по эпохе энеолита и бронзового века Северного Кавказа (в том числе и автор этих строк).

До настоящего времени сохраняют актуальность выводы Р.М. Мунчаева, сделанные в этой книге, о том, что уже в эпоху энеолита и раннего бронзового века Кавказа какого-либо кавказского этнического и лингвистического единства не существовало. Проблема отождествления древних культур этих эпох с конкретными носителями

современных языковых групп является очень сложной, допускающей лишь несколько наиболее вероятных гипотез. Тезис А.А. Иессена о том, что время памятников майкопской культуры является более молодым, чем время памятников типа Нальчикского могильника, справедлив. Майкопская культура по своей сути является двухприродной. Ее создали пришельцы и местные племена.

Но вряд ли стоит подробно анализировать работу Р.М. Мунчаева 1975 г. Она давно получила высокую оценку в печати. Кроме того, ряд положений ее претерпел изменения под воздействием накопления новых материалов. Уточнилась хронология под влиянием собственных радиоуглеродных дат майкопской культуры. По-иному выглядят проблема характеристики ее поселений, изучение керамического комплекса и хозяйственно-культурного типа.

В 1994 г. Р.М. Мунчаев публикует монографический очерк о майкопской культуре в томе “Археология”. В этой работе исследователем была дана наиболее полная карта ее памятников на момент публикации тома. Приведен обзор поселений и погребений с учетом последних открытий на Терек и Кубани, керамики, металлического инвентаря, поделок из камня и кости.

Сам жанр произведения требовал от автора критического обзора различных точек зрения по многим дискуссионным вопросам изучения майкопской культуры или майкопско-новосвободненской общности (МНО) – по иной терминологии. Сделанные ремарки Р.М. Мунчаева выглядят актуальными в наши дни так же, как и десять лет назад.

Так, Р.М. Мунчаев скептически отнесся к идее ряда авторов представить майкопскую культуру в виде двух разных культур – собственно майкопской и новосвободненской. Впервые такая попытка была предпринята А.Д. Столяром по материалам поселения Мешоко (Столяр, 1964)¹. Р.М. Мунчаев, вслед за А.А. Иесеном и Е.И. Крупновым рассматривает круг памятников типа Майкопского кургана и круг памятников гробниц станицы Новосвободной как два последовательных этапа одной культуры (или общности)².

¹ В этой связи необходимо отметить следующее. Поскольку Мешоко памятником майкопской культуры просто не является, а относится к кругу памятников с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья, то и сама постановка такого вопроса по его данным не уместна (Мунчаев, 1975. С. 50; 1994. С. 188).

² Своеобразие памятников круга Новосвободненских гробниц не вызывает сомнения, но для тех, кто занимается систематически и глубоко древностями майкопской культуры очевидно, что эти комплексы отражают особую группу, но в рамках понятия майкопской культуры или общности. Вопрос ее сложения надо рассматривать особо, и вряд ли здесь можно достичь успеха без данных собственно новосвободненских поселений.

В работе 1994 г. Р.М. Мунчаев негативно высказывается об идее представить памятники новосвободненской группы в качестве реликтов племен культуры шнуровидных амфор или бронзовидных кубков, как это предлагают иные исследователи. Другие попытки представить носителей майкопской культуры в качестве семитов, тюрков и прочих носителей современных некавказских языковых групп им рассматриваются как необоснованные. Исследователь справедливо не видит возможности выделить локальные варианты майкопской культуры только на основании того, где находится памятник, в бассейне р. Терек, или р. Кубань, или по данным лишь погребальных комплексов. Последняя операция была бы оправдана, по его мнению, лишь с учетом богатейшего фонда майкопских поселений.

Работа 1994 г. по майкопской культуре создавалась в тот период, когда радиоуглеродные определения майкопских памятников только-только начали входить в научный оборот (Кореневский, 1993. С. 100; 1996). Р.М. Мунчаев учитывает их и относит майкопскую культуру к концу IV тыс. – первой половине III тыс до н.э., опираясь на их некалиброванные значения дат ¹⁴C и аналогии майкопских памятников в Северной Месопотамии (Тепе-Гавра) и Анатолии (Арслан-тепе VIА)³. (Мунчаев, 1994. С. 169, 170). Новое обобщение материалов по майкопской культуре акцентировало важнейшие узловые моменты в изучении эпохи раннего бронзового века Северного Кавказа и стимулировало дальнейшее развитие знаний о нем, не уменьшая все трудности, связанные с этим направлением.

В 2001 г. в развитие темы о майкопской культуре Р.М. Мунчаев издает короткую статью “Майкоп и Месопотамия итоги изучения и перспективы”. В ней предлагается гипотеза о связи ближневосточного компонента майкопской культуры с носителями культуры позднего периода “Северного Урука” (С. 34, 35). Эта идея получила свое дальнейшее развитие в работе Р.М. Мунчаева 2007 г. (С. 8, 9) и в докладе, прочитанном на Международной конференции археологов и этнологов в Махачкале.

Заканчивая краткий очерк о вкладе Р.М. Мунчаева в науку о бронзовом веке Северного Кавказа, следует заметить, что весь жизненный путь исследователя был демонстрацией подлинно научного сочетания глубокой теории, эрудиции кругозора кабинетного исследователя с постоянной проверкой полевой практикой. Именно с выдающихся полевых изысканий Р.М. Мунчаева начинается каждая разрабатываемая им крупная те-

³ С учетом коррекции радиоуглеродных определений хронология МНО будет связана с рамками начала IV – начала III тысячелетия до н.э. и соответствовать концу Убейдского периода, Уруккому периоду в Месопотамии..

ма, будь то проблема майкопской культуры или энеолита – бронзового века Месопотамии и Сирии. Нельзя не отметить, что он является также автором раздела “Энеолит Кавказа” в томе “Археология”. Энеолит СССР (Мунчаев, 1982). Помимо этого он является соавтором монографии, написанной им совместно с В.И. Марковиным, по археологии Северного Кавказа (Марковин, Мунчаев, 2003) и одним из авторов объемного труда, посвященного исследованиям Тель Хазны 1 в Сирии (Мунчаев и др., 2004).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А., Мунчаев Р.М.* Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. 1966. Вып. 108.
- Корневский С.Н.* Древнейшее оседлое население на Тереке. М., 1993.
- Корневский С.Н.* Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Археология // РА. 1996. № 2.
- Корневский С.Н.* Проблема стадияльного соотношения поселений с напольчатой жемчужной керамикой и поселений майкопской культуры (в свете текущей дискуссии) // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения. М., 1996а.
- Корневский С.Н.* Поселение “Замок” у города Кисловодска (нижний слой) // Матер. по изучению культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Вып. 1. Ставрополь, 1998.
- Крупнов Е.И.* Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа). М., 1963.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003.
- Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура племен северновосточного Кавказа // МИА. 1961. № 100.
- Мунчаев Р.М.* Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Северном Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мунчаев Р.М.* Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982.
- Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и Средняя бронза Кавказа. Археология. М., 1994.
- Мунчаев Р.М.* Майкоп и Месопотамия: итоги изучения и перспективы // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001.
- Мунчаев Р.М.* Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала, 2007.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.А.* Тель-Хазна 1. М., 2004.
- Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л.* Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА. 1966. № 3.
- Столяр А.Д.* Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // Тез. докл. науч. сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1963 г. Л., 1964.
- Селимханов И.Р.* Спектральное исследование металлических предметов из археологических памятников Кавказа и установление их эпохи (III–II тыс. до н.э.) // Изв. АН Азербайджанской ССР. Сер. геолого-минералог. наук. № 1. Баку, 1960.
- Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

СТОЯНКА ЧЕРНЕЦКОЕ 8 И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ БУТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОЛГО-КЛЯЗЬМИНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

© 2008 г. В. А. Аверин

Ивановский государственный университет

В последние десятилетия благодаря интенсивным полевым исследованиям накоплен большой материал по мезолиту Волго-Клязьминского междуречья. Раскопано более 50 памятников, подавляющее большинство которых отнесено к бутовской культуре (Аверин, 2005). Среди них – стоянка Чернецкое 8, давшая выразительный инвентарь.

Памятник находится в Александровском районе Владимирской области, в 200 м к северу от северного края одноименного села. Открыт в 1992 г. М.Г. Жилиным в ходе разведки, маршрут которой проходил по обоим берегам р. Малый Киржач от с. Чернецкое до д. Ивановское (Жилин, 1994).

Поселение располагается (рис. 1) на слабовыраженном низком мысу южного берега Берендеевского болота, под склоном коренного берега. Высота над торфяником – 1 м. Поверхность задернована, лишь частично нарушена при прокладке насыпной грунтовой дороги. Судя по рельефу местности, площадь памятника около 40 × 40 м. В центральной части был заложен раскоп площадью 40 м², а перпендикулярно его северной стенке в сторону торфяника прирезана разведочная траншея 10 × 1 м. С учетом заложенного в 6 м к югу от раскопа шурфа 1 × 1 м, общая вскрытая площадь на памятнике составила 51 м².

Стратиграфия памятника (рис. 2): 1) дерн – 0.1 м; 2) торф темно-коричневый, сильно разложившийся, в нижней части опесчанен – до 0.3 м; 3) песок слоистый светло-серый (встречен только в северной, прибрежной части стоянки) – до 0.2 м; 4) серый, до темно-серого, местами почти черный песок – 0.1 м; 5) песок рыжий с галькой, валунами и мергелем – материк. Слой 3, являющийся озерным намывом с частично перемытым культурным слоем, отложился во время повышения уровня озера в прибрежной части памятника. В этой части погребенная почва из песчаной постепенно переходит в суглинистую, а материк представлен серой глиной.

Первые находки были встречены в слое темно-коричневого торфа. Это, в основном, гончарная керамика XVI–XIX вв., попавшая сюда с огородов, расположенных на склоне коренного берега. Здесь же найдены единичные каменные изделия, по всей видимости, попавшие в этот слой в результате дискования верхних слоев торфа.

Гораздо больше каменных изделий – в нижней опесчаненной части этого слоя. Очевидно, они попали сюда, как и в слой 3, в результате перемыва верха культурного слоя во время очередной трансгрессии озера.

Основная масса находок залегает в непереотложенном виде в слое темно-серого песка. Нижняя граница этого слоя, как и верх материка, неровная, с многочисленными западинами, заполненными культурным слоем. Выявлены крупные валуны, верх которых находится в темно-коричневом торфе, а низ уходит в материк. Следы искусственных сооружений на стоянке не обнаружены.

Различия в каменных изделиях между слоями 2, 3 и 4 не наблюдаются.

Для изготовления каменных орудий применялся местный пестрый валунный кремль среднего и низкого качества, преимущественно в виде мелкой гальки, а также сланец и кварцит. Отдельные изделия изготовлены из хорошего мелового черного и пестрого кремня. Общее количество каменных предметов в раскопе – 5895 экз.

Нуклеусы (рис. 3А, 22, 26) мелкие, сильно сработанные. Преобладают аморфные, среди которых многоплощадочных – 21 экз., двуплощадочных – 2 и одноплощадочных – 8. Встречены одноплощадочные подконические (5 экз.), из них три имеют подправленную площадку, в одном случае – скошенную, у двух площадки горизонтальные без подправки. Двуплощадочных подпризматических нуклеусов 3 экз. У первого подправлены обе площадки, одна горизонтальная, вторая скошенная. Второй имеет одну горизонтальную площадку без подправки и подправленную скошенную. У третьего экземпляра обе площадки подправленные скошенные, в тыльной части имеется поперечная “подтеска”. Найдены торцевые нуклеусы. Среди них 6 экз. – одноплощадочные, 2 – двуплощадочные. У двух одноплощадочных нуклеусов площадки подправленные скошенные. У всех остальных подправка площадки отсутствует. В слое также найдены 3 заготовки, 2 обломка нуклеусов и 35 нуклеидных кусков.

Пластин, включая орудия, 749 экз. Преобладают изделия правильной огранки – 473; пластин неправильной огранки – 249, а также 27 ребри-

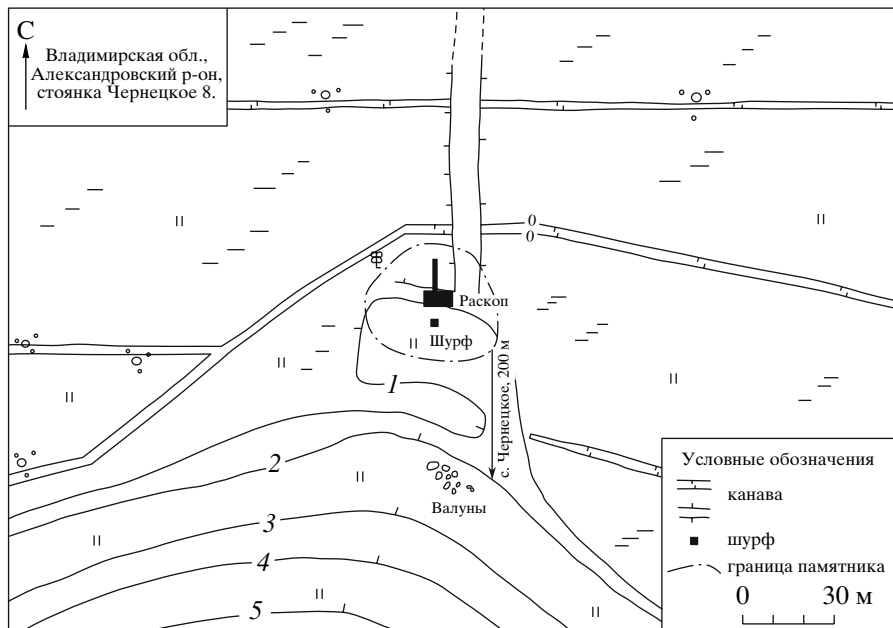

Рис. 1. Топографический план стоянки.

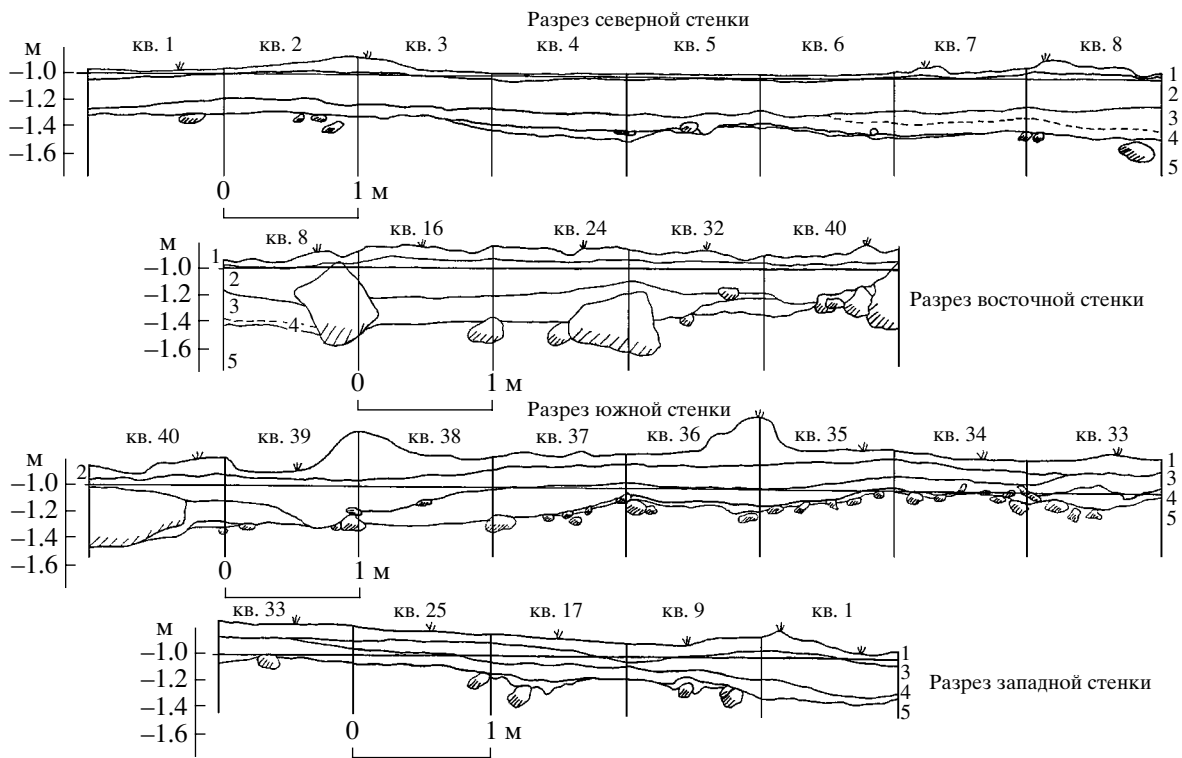

Рис. 2. Стратиграфия стоянки.

стях. Ширина большинства 5–13 мм, чаще всего встречаются пластины шириной 8 мм. Наряду с пластинами найдено 4767 отщепов без вторичной обработки.

Изделия с вторичной обработкой представлены 445 экз. Из них 259 орудий изготовлено на от-

щепках (58.2%), 163 – на пластинах (36.6%) и 23 – на неясных заготовках (5.2%).

Наиболее многочисленной категорией орудий являются скребки – 170 экз. (38.2%). Концевые – 45 (рис. 3А, 4, 8–14, 16, 19), из них 16 сделано на пластинах и 29 – на отщепках. Наряду с концевыми

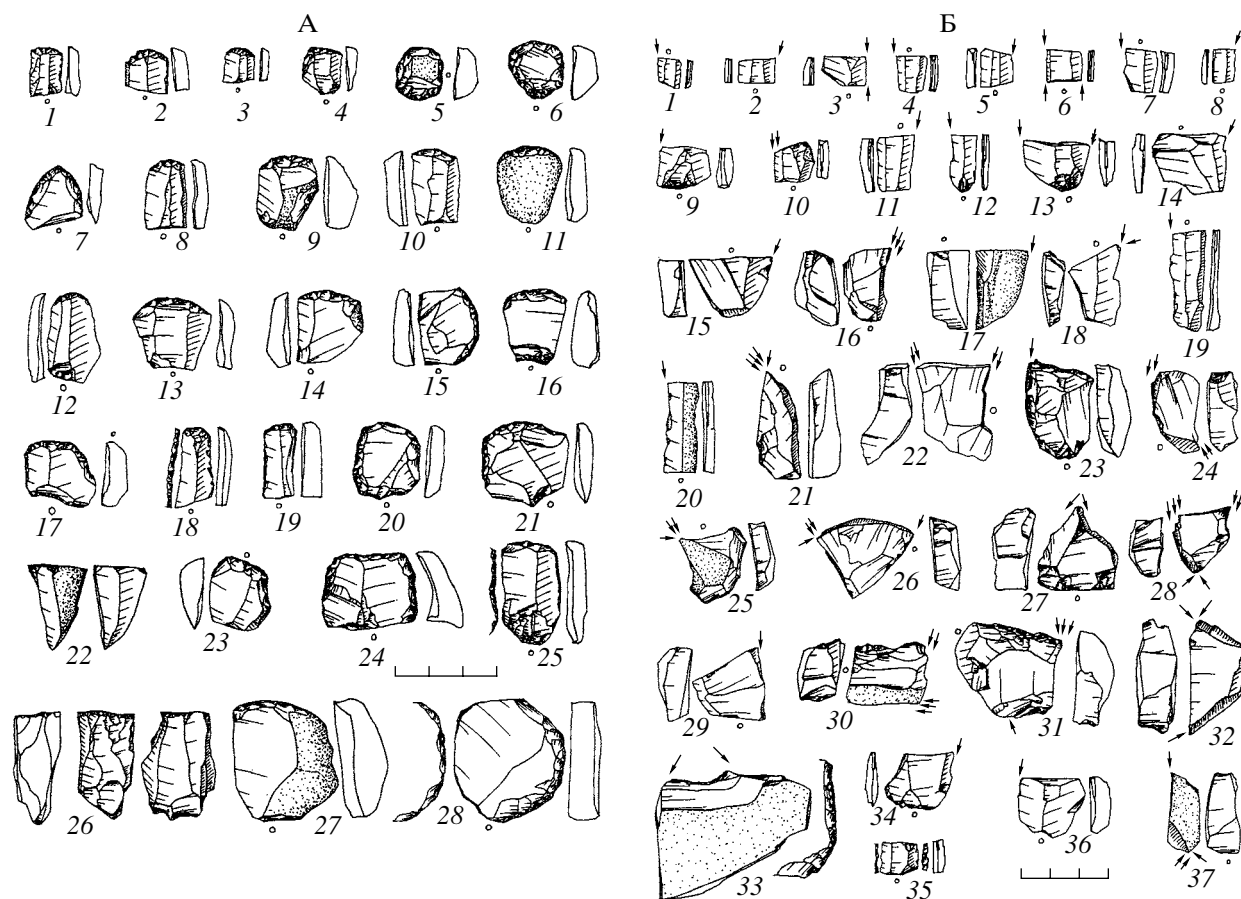

Рис. 3. Каменные инвентарь. А. Скребки, нуклеусы: 1–16, 18–21, 23–25, 27, 28 – скребки; 17 – комбинированное орудие (скребко-скобель); 22, 26 – нуклеусы. Б. Резцы: 1–32, 34, 36, 37 – резцы; 33 – комбинированное орудие (скребко-скобель-резец); 35 – резец на сечении пластины с ретушью. В. Изделия на пластинах: 1–29, 44, 54 – микропластины и пластины с ретушью; 31–33, 35, 36, 43 – остря; 34, 50 – проколки; 38–42, 46, 47, 52 – наконечники стрел и их обломки; 30, 37, 57 – ножи; 45, 55 – скобели; 49, 51 – перфораторы; 53, 56 – комбинированные орудия (скребко-резец, скребко-скобель). Г. Рубящие орудия, заготовки орудий: 1 – резец; 2 – комбинированное орудие (резец на скребле); 4–6, 9 – рубящие орудия; 3 – заготовка вогнуторетушного резца; 7 – заготовка рубящего орудия; 8 – комбинированное орудие (скребко-скобель-резец).

есть подокруглые скребки – 12 экз. (рис. 3А, 5, 6, 20); боковые – 19 (рис. 3А, 15); стрельчатые – 4 (рис. 3А, 7), концевые-боковые – 15 (рис. 3А, 18, 21, 25); скошенные-боковые – 2 (рис. 3А, 23), концевые-двойные-боковые – 4 (рис. 3А, 24) и аморфные – 34 (рис. 3А, 17). Также присутствуют микроскребки на пластинах (4 экз.) (рис. 3А, 1–3) и обломки скребков (31). Найдено 2 скребла на отщепе (рис. 3А, 27, 28).

Резцы, по количеству уступающие лишь скребкам, найдены в количестве 124 экз. (27.8%). Среди них 2 – косоретушные (рис. 3Б, 23), 4 – поперечноретушные (рис. 3Б, 30, 31), 2 – вогнуторетушные (рис. 3Б, 33, 37), 10 – срединные (рис. 3Б, 27), в том числе со смещением (рис. 3Б, 21, 32), 4 – комбинированные (рис. 3Б, 18, 24–26). Остальные изделия – на углу или на сломе заготовки (рис. 3Б, 1–17, 19, 20, 22, 29, 34, 36; 3Г, 1, 8). В коллекции присутствуют единичные обломки

резцов, заготовки ретушных резцов (рис. 3Г, 3) и единственный псевдомикрорезец (рис. 3Б, 35).

Выразительной серией представлены вкладыши – 24 экз. (5.3%). Первая микропластинка с затупленными крутой вентральной ретушью проксимальным концом и частью края у того же конца (рис. 3В, 3). У второй крутой дорсальной ретушью затуплен проксимальный конец (рис. 3В, 5). Две микропластинки с затупленным крутой дорсальной ретушью дистальным концом (рис. 3В, 4, 29). У пятой микропластинки пологой двухсторонней ретушью оформлен проксимальный конец (3В, 27). Еще две пластинки с притупленным крутой вентральной ретушью краем (рис. 3В, 10, 11). Встречены две микропластинки с притупленным крутой дорсальной ретушью краем (рис. 3В, 8). Две микропластинки с плоской вентральной ретушью края (рис. 3В, 15, 18). Еще две имеют пологую ретушь края, одна – на дорсальной стороне (рис. 3В, 16), другая – на вентральной (3В, 26).

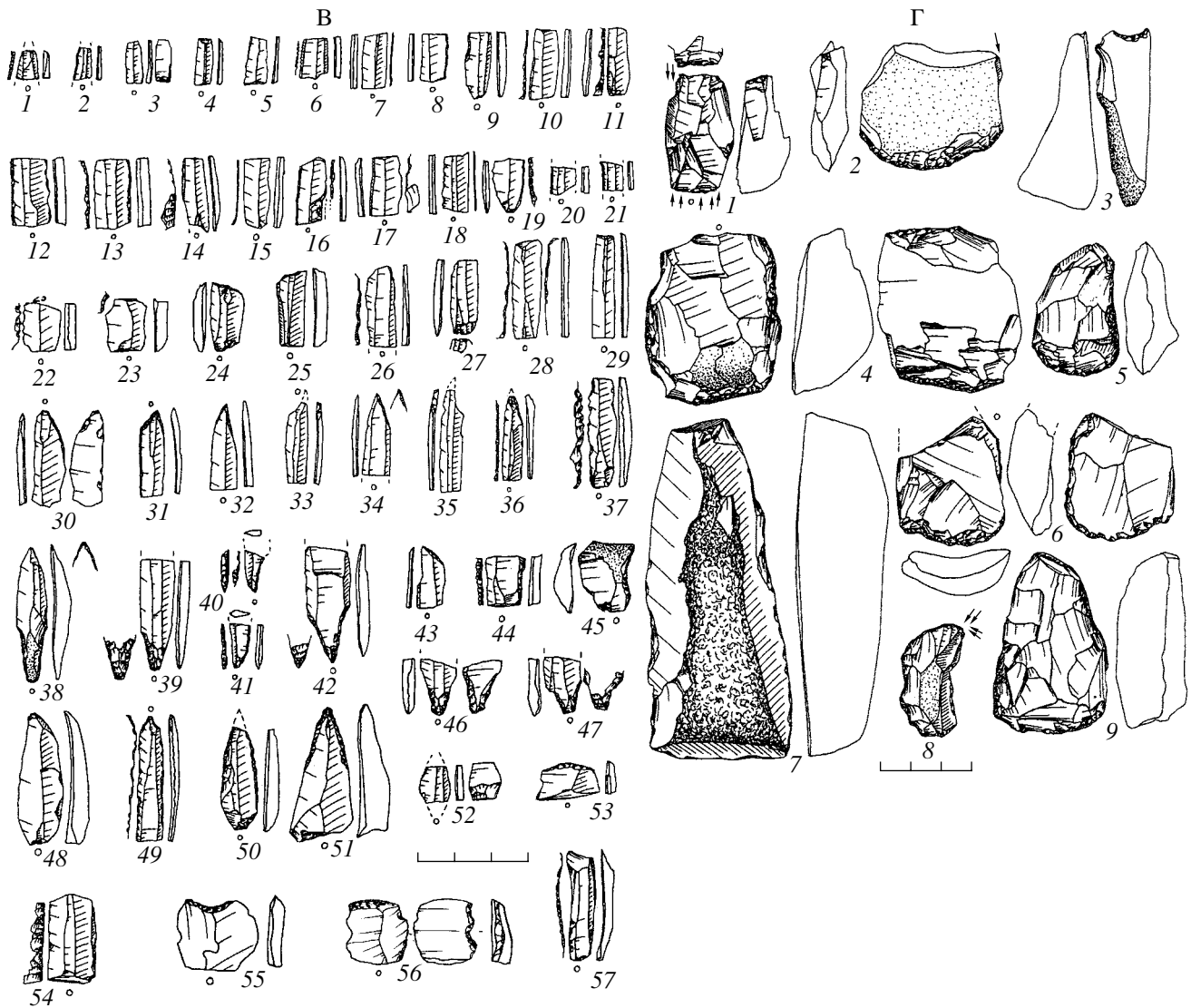

Рис. 3. Окончание.

Встречены три пластинки с зубчатым краем, у двух ретушь очень мелкая (рис. 3В, 6, 22). Еще восемь микропластин имеют мельчайшую ретушь края: 2 – на дорсальной стороне (рис. 3В, 9), 6 – на вентральной (рис. 3В, 7, 17, 28, 57).

В коллекции присутствует 12 острий (2.6%). Среди них 3 пластины со скошенным крутой дорсальной ретушью дистальным концом (рис. 3В, 32, 35, 43); 3 микропластины с вогнутоскошенным очень крутой (отвесной) ретушью проксимальным концом (рис. 3В, 30, 31, 33); пластина со скошенным крутой дорсальной ретушью проксимальным концом и приостренным пологой дорсальной ретушью краем; микропластина со скошенным крутой дорсальной ретушью дистальным концом и приостренным пологой вентральной ретушью краем (рис. 3В, 36); микропластина с притупленным крутой вентральной ретушью краем и приостренным очень мелкой пологой дорсальной ретушью другим краем (рис. 3В, 41); симметричное

острие на пластине с подправленными крутой дорсальной ретушью краями у кончика; 2 обломка симметричных острий со сходящимися краями, оформленными крутой вентральной ретушью (рис. 3В, 1, 2).

Наконечники стрел представлены 8 экз. (1.8%). Среди них целый черешковый наконечник, черешок обработан по краям полукрутой дорсальной ретушью, острие – мелкой вентральной (рис. 3В, 38); обломок иволистного, сохранившаяся часть насада обработана плоской вентральной ретушью, острие сломано (рис. 3В, 52); 2 черешковых наконечника, черешки обработаны пологой двусторонней ретушью, острия отсутствуют (рис. 3В, 39, 42); острие, один край обработан полукрутой дорсальной ретушью, другой – мелкой пологой вентральной (рис. 3В, 34). Остальные изделия представлены обломками черешков, обработанных крутой и полукрутой ретушью (рис. 3В, 40, 46, 47).

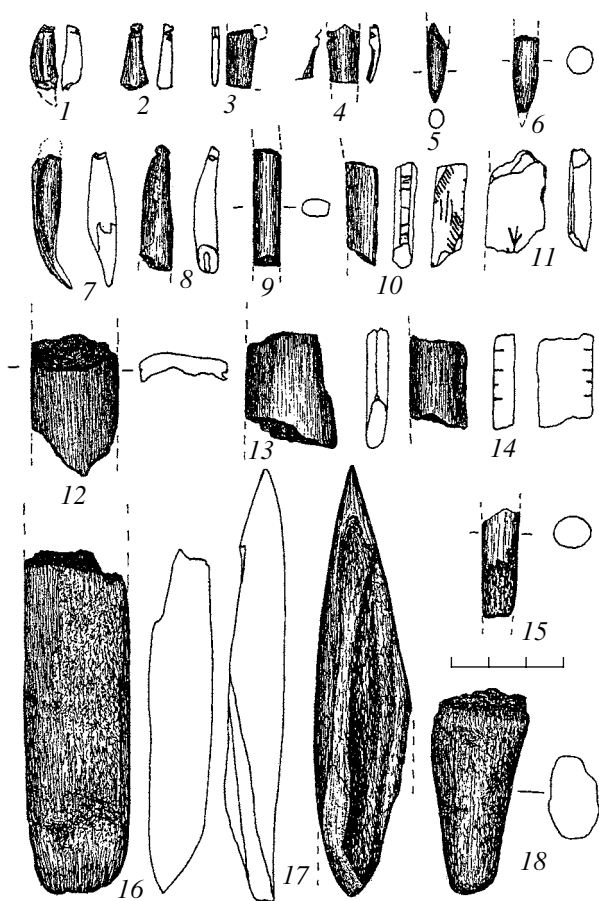

Рис. 4. Изделия из кости и рога: 1–4, 7, 8 – подвески; 5, 6, 9 – обломки наконечников стрел; 10, 14 – обломки неопределимых орудий; 11–13 – обломки кинжалов; 15 – обломок стержня дротика; 16 – роговая вставка тесла; 17 – наконечник копьей или рогатины; 18 – роговой посредник.

Пластин с регулярной краевой ретушью – 46 экз. (10.5%). Из них 9 имеют пологую дорсальную ретушь края (рис. 3В, 12), 8 – вентральную (рис. 3В, 13, 37). У трех изделий оба края обработаны пологой дорсальной ретушью, у двух – вентральной; еще у четырех – ретушь противоположная, десять предметов имеют крутую вентральную ретушь края (рис. 3В, 54), еще у двух – крутой дорсальной ретушью обработаны оба края, у четырех – края обработаны вентральной ретушью, еще у четырех – ретушь противоположная (рис. 3В, 44).

Среди орудий с выемками (18 экз. – 4%) преобладают изделия с мелкими широкими выемками. Из них 4 изделия – на пластинах (рис. 3В, 23), остальные – на отщепках (рис. 3В, 45, 55).

Сверла представлены двумя экз. Оба симметричные с невыделенным концом на отщепках, обработаны крутой дорсальной ретушью по краям у конца (рис. 3В, 51).

Встречены две проколки, обе симметричные на пластинах. У одной жальце выделено крутой дорсальной ретушью по краям у кончика (рис. 3В, 49). Вторая – с невыделенным жальцем, конец обломан, сохранившаяся его часть и края обработаны притупляющей дорсальной ретушью (рис. 3В, 50).

Рубящие орудия представлены 16 экз. (3.5%), включая заготовки и обломки. Среди них подтрапцевидное тесло на осколке, оббитое с дорсальной стороны (рис. 3Г, 9). Встречены обломок лезвия топорика на отщепе, оббитый по краям с двух сторон (рис. 6, 2); обломок лезвия двусторонне оббитого тесла (рис. 3Г, 4); обломок желобчатого тесла на отщепе (рис. 3Г, 6); 11 грубо оббитых заготовок рубящих орудий из кремня, кварцита и сланца, из них две – обработаны с помощью пикетажа (рис. 3Г, 7). Интерес представляет единственный скол с кремневого шлифованного орудия. Найдено долотовидное орудие на отщепе, обработанное крутой ретушью по одному краю, имеющее выкрошенность на лезвии и обушке (рис. 3Г, 5).

Комбинированные орудия встречены в количестве 13 экз. (2.9%). Среди них три резца с узкой кромкой на сломе концевых скребков (рис. 3В, 53); резец на сломе бокового скребка (рис. 3Б, 33); двойной резец на разных концах аморфного скребка; срединный резец со смещением, кромка широкая, на аморфном скребке; концевой скребок на пластине с крутой вентральной ретушью по краю (рис. 3А, 18); то же, с крутой противоположной ретушью; то же, с крутой вентральной ретушью на одном крае, другой край обработан пологой нерегулярной ретушью; резец с узкой кромкой на сломе пластины с приостренным пологой вентральной ретушью краем; то же, с крутой ретушью другого края; то же, с крутой дорсальной ретушью края и концевой скребок-скобель (рис. 3В, 56).

Коллекцию дополняют очень крупная кварцитовая пластина с зубчатым краем; удлиненная галька с забитыми концами – отбойник; обломок кварцитовой плитки со стертymi от шлифовки плоскостями – абразив; 7 обломков неопределимых орудий, а также 70 отщепов и осколков с нерегулярной ретушью.

Наряду с каменными орудиями в раскопе встречены и немногочисленные изделия из кости и рога – 51 экз. Среди них обломок наконечника копьей из крупной трубчатой кости (рис. 4, 17); обломок стержня массивного наконечника дротика (рис. 4, 15); 2 конических насады наконечников стрел (рис. 4, 5, 6); 5 обломков стержней наконечников стрел (рис. 4, 9); обломок прямого кинжала с пазами для вкладышей (рис. 4, 12) и еще один обломок кинжала без пазов (рис. 4, 13); роговая вставка тесла, удлиненная, узкая, подпрямоугольной формы, без желобка, обушек сломан (рис. 4,

16); роговой посредник (рис. 4, 18); 2 обломка стругов из ребер; струг из резца бобра; костяная подвеска из обломка неопределимого орудия; подвески из резцов лося и из клыков хищников (рис. 4, 1–4, 7, 8); обломок неопределимого орудия с нарезками по краю (рис. 4, 14); 2 обломка неопределимых орудий с орнаментом (рис. 4, 10, 11); обломок кости с поперечным надпилем; обломки костяных пластин со следами работы резцом; обломок пластины со сверленным отверстием (возможно, обломок подвески) и 17 мелких фрагментов неопределимых костяных изделий.

Костяной инвентарь памятника, несмотря на немногочисленность, находит прямые аналогии в материалах бореальных памятников бутовской культуры, расположенных в Волго-Клязьминском междуречье, в частности Становое 1, культурный слой II (Аверин и др., 2006); Становое 4, культурный слой III, раскопы 1 и 2 (Жилин, 2001); Сахтыш 2а, культурный слой IIIб (Аверин и др., в печати); Сахтыш 14, культурный слой II; Окаемо-во 5, культурный слой IV (Жилин, 1997).

Для каменного инвентаря характерны следующие черты. Высоко развита техника получения пластин, среди которых преобладают изделия правильной огранки. Они являлись основной заготовкой для наконечников стрел, острий, вкладышей и ножей, в меньшей степени резцов и скребков. Для последних основной заготовкой был отщеп. Вторая важная особенность – наличие в культурном слое серии изделий из высококачественного мелового кремня.

Среди орудий с вторичной обработкой преобладают скребки, из которых доминируют концевые и аморфные. Резцы, представленные различными типами, в количественном отношении уступают лишь скребкам. Следует также отметить наличие сравнительно большого количества ретушированных вкладышей и серии кремневых наконечников стрел. И, наконец, в материалах стоянки Чернецкое 8 представлена серия оббитых рубящих орудий и практически полностью отсутствуют шлифованные. Названные особенности находят аналогии в материалах памятников бутовской культуры, расположенных в западной части рассматриваемого региона, преимущественно в Поволжье (памятники Дубненского торфяника, а также стоянки Прислон 1 (Жилин и др., 1996), Варегово болото (Аверин, 2003), Скнятино 1–3 (Третьяков, 1950). За пределами рассматриваемого региона Чернецкому 8 близки стоянки Черная 1 в Мещере (Кравцов, Лозовский, 1989), Бутово (Кольцов, 1964). Все перечисленные памятники имеют близкий типологический состав коллекций. С другой стороны, эти же черты отличают Чернецкое 8 от бутовских стоянок восточной части Волго-Клязьминского междуречья (памятники Ивановского, Сахтышского и По-

дозерского торфяников, а также Утрех 3 и 5 (Кольцов, Жилин, 1999), Боровское 3 (Жилин, Энгватова, 1996), Боровское 18 (Жилин, 1996а).

Изучение инвентаря стоянки Чернецкое 8 и его сравнение с материалами других памятников, как в регионе, так и за его пределами, позволяет предположительно датировать памятник бореальным временем.

Сопоставление материалов стоянок бутовской культуры в Волго-Клязьминском междуречье показало, что внутри изучаемого региона отчетливо выделяются две группы памятников рассматриваемой культуры, каждая из которых наряду со сходствами имеет отличительные черты. Отметим, что в основе выделения этих групп лежит не географический фактор, а типологический анализ инвентаря.

Первая группа, условно называемая нами “западная”, представлена памятниками Дубненского торфяника и рядом стоянок на Волге и Клязьме – Прислон 1, Варегово болото, Скнятино 1–3, Чернецкое 8.

Вторая группа, названная “восточной”, представлена памятниками Ивановского, Сахтышского и Подозерского торфяников, а также стоянками Утрех 3, 5, Боровское 3, 18. Наиболее существенные различия между этими группами наблюдаются в каменном инвентаре (рис. 5).

Для восточной группы памятников характерно следующее. Технология первичной обработки камня направлена на получение отщепа, который является основной заготовкой для изготовления скребков, резцов, скобелей и т.д. В то же время развита техника получения пластин для вкладышей, ножей, наконечников стрел и т.д. Это напрямую связано с местной сырьевой базой, где отсутствует качественный кремень. В этой части региона кремень встречается лишь в моренных или аллювиальных отложениях, главным образом в виде мелкой гальки. Большие куски кремня редки, а крупных желваков нет вообще. Из такого сырья практически невозможно получить крупные пластины правильной огранки. С другой стороны, обилие подобного материала позволяло его не экономить. Этим, на наш взгляд, объясняется большое количество отходов производства на стоянках, а также использование отщепов для изготовления различных орудий, в особенности скребков. Из местного кремня изготавливались микропластинки и небольшие узкие пластинки, шириной не более 10–12 мм. Более крупные пластины крайне редки, подавляющая их часть изготовлена из приносного высококачественного сырья и при этом большинство представлено фрагментами. Наряду с кремнем широко использовались другие породы камня, в том числе песчаник, кварцит, кварц, сланец и др.

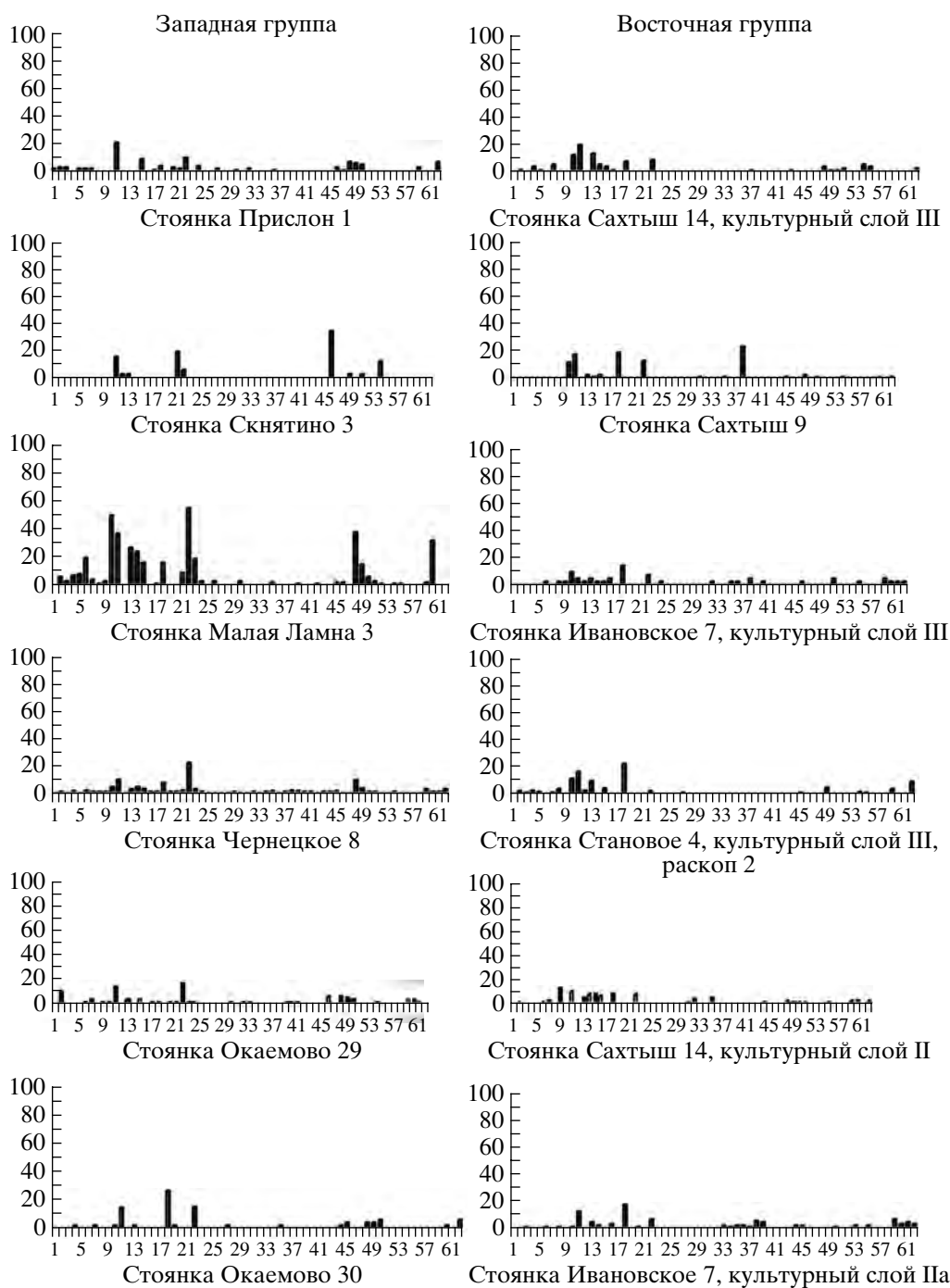

Рис. 5. Процентное соотношение типов каменного инвентаря в западной и восточной группах бутовской культуры в Волго-Клязьминском междуречье. **Нуклеусы:** 01 – карандашевидные; 02 – подконические; 03 – конические; 04 – торцевые дноплощадочные; 05 – клиновидные; 06 – аморфные одноплощадочные; 07 – призматические и подпризматические; 08 – торцевые двуплощадочные; 09 – аморфные двуплощадочные; 10 – аморфные многоплощадочные. **Скребки:** 11 – концевые; 12 – двойные концевые; 13 – подокруглые и округлые; 14 – боковые; 15 – концевые-боковые; 16 – концевые-двойные боковые; 17 – стрельчатые; 18 – аморфные; 19 – скребла; 20 – микроскребки. **Резцы:** 21 – с ретушированной площадкой; 22 – на углу или сломе заготовки; 23 – срединные (в т.ч. со смещением); 24 – комбинированные; 25 – заготовки с ретушированной площадкой; 26 – трапеции. **Пластины (вкладыши):** 27 – с затупленным краем и концом; 28 – то же, ретушь под углом 60° и менее; 29 – с затупленным концом; 30 – с поперечно-ретушированным концом; 31 – с вогнутым ретушированным концом; 32 – с затупленным краем; 33 – то же, ретушь под углом 60° и менее; 34 – с затупленным основанием; 35 – с приостренным краем; 36 – с двусторонней ретушью края; 37 – с зубчатым краем; 38 – с мельчайшей ретушью по краю. **Острия:** 39 – со скошенным концом; 40 – с продольно затупленным краем; 41 – со скошенным концом и продольно затупленным краем; 42 – со сходящимися затупленными краями; 43 – то же, обработка только у кончика. **Наконечники стрел:** 44 – иволстые; 45 – черешковые; 46 – изделия со свидерским характером обработки; 47 – изделия с “пуллийским” характером обработки. **Другие орудия:** 48 – ножи с регулярной ретушью края; 49 – скобели; 50 – сверла и проколки с выделенным концом; 51 – то же, с невыделенным концом; 52 – топоры и тесла овальные оббитые; 53 – то же, с пришлифовкой; 54 – подтрапециевидные и подпрямоугольные топоры и тесла оббитые; 55 – то же, с пришлифовкой; 56 – подтреугольные топоры и тесла оббитые; 57 – то же, с пришлифовкой; 58 – топоры и тесла с перехватом; 59 – обломки, заготовки и сколы с оббитых рубящих орудий; 60 – то же, с пришлифовкой; 61 – долотовидные орудия; 62 – комбинированные орудия.

Преобладающим типом нуклеуса является аморфный многоплощадочный от отщепов, большинство их предельно сработаны. Обращает на себя внимание большое количество нуклевидных кусков. Отщепы скальвались при помощи жесткого (каменного) отбойника, а пластины – с помощью роговых посредников, которые сериями встречаются на торфяниковых стоянках региона. Существенно реже встречаются конические, призматические и торцевые нуклеусы, предназначенные для получения микропластин и узких пластин правильной огранки при помощи отжимной техники. Иные типы нуклеусов не представляют столь выразительных серий.

Для вторичной обработки характерны все типы ретуши – крутая, полукрутая, пологая, зубчатая. Сравнительно редкими являются ретушированные микропластины, подавляющая часть вкладышей (в том числе сохранившихся в оправках костяных изделий) не ретуширована. Широкое распространение с самого начала мезолита получает шлифовка камня. Эта техника применялась главным образом при изготовлении рубящих орудий из сланца, кремнистого известняка и других “мягких” пород камня, в изобилии встречающихся в моренных отложениях. Наряду со шлифовкой применялась оббивка, реже использовалась техника пикетажа. Эти технологические приемы использовались и при работе с кремнем.

Среди орудий преобладают скребки. Наиболее часто встречающийся тип скребка – аморфный на отщепе. Вторым типом, уступающим лишь аморфному, является концевой. Среди концевых скребков также преобладают изделия на отщепах. Реже встречаются подокруглые, боковые и концевые-боковые скребки. Другие типы скребков не представляют выразительных серий. Сравнительно редко встречаются микроскребки, на ряде памятников они вообще отсутствуют.

Резцы по количеству уступают лишь скребкам, но количественный разрыв между ними очень велик. На большинстве памятников восточной группы бутовской культуры Волго-Клязьминского междуречья резцы не представляют многочисленных серий. Наиболее часто встречающимся типом является резец на сломе заготовки с узкой кромкой. Другие типы резцов достаточно редки.

Отмечается большое количество рубящих орудий (топоры, тесла). Их преобладание над другими категориями орудий (за исключением скребков, резцов и ножей) является выразительной специфической чертой рассматриваемой группы памятников региона. Наиболее часто встречаются подтрапециевидные и подпрямоугольные изделия, значительно реже – овальные и подтреугольные. Количество оббитых и шлифованных изделий примерно равное, если не учитывать сколы с рубящих орудий, среди которых доминируют шлифо-

ванные экземпляры (в данном случае сколы с рубящих не учитываются по причине того, что встречаемые в культурном слое фрагменты могут быть разными частями одного и того же орудия). Единственным экземпляром представлен топор с намеченным перехватом, обнаруженный на стоянке Ивановское 3.

Среди микропластин с обработкой преобладают изделия с мельчайшей ретушью края. Далее по количеству идут экземпляры с приостренным и затупленным краем. Остальные типы единичны.

Небольшими сериями представлены ножи с регулярной приостряющей ретушью края. Доля изделий на пластинах и отщепах примерно одинакова.

Обращает на себя внимание большое количество комбинированных орудий, особенно на стоянке Становое 4, где подстилающая культурные слои морена состоит из мелкой кремневой гальки крайне низкого качества. Преобладающим типом является скребок-скобель. Меньшим количеством представлены типы скребок-резец и скребок-нож. Другие типы единичны. Большая часть изготовлена на отщепах и осколках.

Еще одной специфической чертой восточной группы памятников является незначительное число кремневых наконечников стрел. На ряде торфяниковых памятников, несмотря на значительную вскрытую площадь, они не встречены. При этом на тех же стоянках выразительными сериями представлены костяные наконечники различных типов.

Немногочисленны острия, представленные главным образом изделиями на пластинах со скошенным концом. Другие типы острий встречаются в незначительном количестве.

Также немногочисленны сверла и проколки, причем первые преобладают. Встречаются изделия на пластинах, но больше – на отщепах, с невыделенным концом.

Для каменного инвентаря памятников западной группы характерны несколько иные черты. Технология первичной обработки камня направлена на получение пластин и отщепов как из местного, так и приносного кремня. Высококачественный кремень встречается чаще, нежели в памятниках восточной группы. В западной части рассматриваемого региона в моренных и аллювиальных отложениях содержится большое количество разнообразного по качеству кремня в виде крупных желваков (или даже валунов и кусков кремня) до 40–50 см в поперечнике. Обеспеченность кремнем хорошего и среднего качества выходящая. Это позволяло получать как более крупные пластины правильной огранки и отщепы, так и изготавливать различные крупные орудия техникой оббивки. В частности, техника оббивки позволяла изготовить рубящее орудие значительно быстрее, нежели шлифовка, а кроме того тре-

бовала меньше усилий. Отмечается более высокая роль пластины в качестве заготовки для изготовления орудий. Среди нуклеусов преобладают подконические, клиновидные и торцевые одноплощадочные, аморфные ядрища встречаются значительно реже, нежели в памятниках восточной группы. Изучение нуклеусов и пластин показывает, что получение заготовок производилось путем отжима и скалывания, как при помощи посредника, так и без него.

Для вторичной обработки также характерны все типы ретуши – крутая, полукрутая, пологая, зубчатая.

Среди орудий преобладают скребки. Наиболее распространенный тип скребка – концевой, аморфные скребки встречаются значительно реже, чем в восточной группе. Преобладают изделия на отщепках, хотя орудия на пластинах нередки. Другие типы скребков встречаются реже. Гораздо чаще, чем на памятниках восточной группы присутствуют микроскребки.

Резцы по количеству также уступают скребкам, но здесь они встречаются в большем количестве, нежели на памятниках восточной группы. Наиболее распространенным типом является резец на сломе заготовки с узкой кромкой. Сериями представлены срединные и комбинированные изделия.

Среди микропластин с обработкой преобладают изделия с приостренным и затупленным краем. Встречаются также микропластинки с попеременно-ретушированным концом, с затупленным краем и концом, с двусторонней ретушью края.

Комбинированных орудий мало, наиболее часто встречаются резцы в сочетании со скребками.

Рубящих орудий меньше, практически все изделия сделаны из кремня и обработаны с помощью оббивки. Шлифовка известна крайне мало, что, на наш взгляд, является следствием достаточной обеспеченности кремневым сырьем хорошего качества.

Еще одна отличительная черта западной группы памятников Волго-Клязьминского междуречья – значительное количество кремневых наконечников стрел. Здесь они встречены практически во всех культурных слоях памятников, даже при незначительной раскопанной площади.

На наш взгляд, приведенные выше различия в каменном инвентаре западной и восточной групп бутовской культуры в Волго-Клязьминском междуречье свидетельствуют об адаптации населения к окружающим условиям. Каменная индустрия западной группы показывает меньшую технологическую изменчивость на протяжении всей мезолитической эпохи, поскольку наличие большого количества качественного сырья (кремня) не вызывало необходимости изменять технологию. Что касается восточной группы, то здесь наблю-

дается процесс полного приспособления к местной сырьевой базе уже в раннем мезолите.

Наряду с приведенными различиями каменный инвентарь западной и восточной групп на качественном уровне показывает значительное сходство, что свидетельствует об их единой культурной принадлежности (таблица).

Вторым важным источником являются изделия из кости и рога. До недавнего времени исследователи, характеризуя бутовскую культуру, опирались главным образом на каменный инвентарь, поскольку большая часть изученных стоянок располагалась на минеральных грунтах и не содержала изделий из органических материалов. В отличие от них, на большинстве опорных памятников, исследованных в Волго-Клязьминском междуречье, культурные слои залежали в торфяниках, что позволило получить выразительные коллекции предметов из кости и рога. В ряде случаев именно органические материалы позволяли определить культурную принадлежность того или иного памятника.

В отличие от каменного, костяной инвентарь не зависит от источников сырья. Как в западной, так и в восточной группе основным объектом охоты был лось, именно его кости и рога использовались для изготовления орудий. Возможно, этим объясняется сходство костяной индустрии. Изучение коллекций показало, что основные типы костяных изделий присутствуют в обеих группах. Проведенные ранее исследования показали (см., например: Жилин, 2001; 2002), что обработка кости и рога в бутовской культуре достигла высокого уровня. Первичная обработка этого материала была направлена на получение пластин-заготовок. Для создания необходимой заготовки применялись различные технологические приемы, в частности разрезание, пиление, рубка и слом по надрубку. Во вторичной обработке применялись резание, скобление, строгание, сверление, гравировка, а также шлифовка и полировка. Нередко для обработки кости и рога использовались и типичные приемы обработки камня – оббивка и ретуширование. Часто орудиями служили зубы животных. Так, среди прочих категорий абсолютно доминируют орудия из нижних челюстей бобра, которые использовались в качестве резцов, резцов-ножей, резцов-скобелей и стругов. Природная форма и естественная заточка резцов бобра позволяли использовать их в качестве резцов без специальной подработки. Значительное количество таких орудий имеет отверстие в тыльной части челюсти.

Выразительными сериями представлены наконечники стрел, по общему количеству уступающие лишь орудиям из челюстей бобра. Наиболее распространенными являлись игловидные и наконечники с биконической головкой. Значи-

Соотношение типов каменного инвентаря в западной и восточной группах бутовской культуры

Основные типы изделий	Западная группа	Восточная группа	Памятники, в материалах которых эти типы изделий присутствуют	
			Западная группа	Восточная группа
Наконечники стрел:				
черешковые	+	+	Окаемово 18а; 30; 5; Чернецкое 8; Малая Ламна 3	Сахтыш 14, к.с. Iб; Ивановское 7, к.с. Па; Ивановское 3; Утрех 3; Сахтыш 9; Становое 4, к.с. III, р. 1, 2, 3
иволистные	+	+	Окаемово 18а; 4; 5; Чернецкое 8	Ивановское 7, к.с. Па; Утрех 3; Становое 1; Сахтыш 14, к.с. II; Становое 4, к.с. III, р. 3
Скребки:				
концевые	+	+	Все памятники	Все памятники
боковые	+	+	Окаемово 5; Чернецкое 8; Малая Ламна 3	Все, кроме Сахтыш 2а, к.с. IIIа и б; Становое 4, к.с. III, р. 2; Ивановское 7, к.с. IV
подокруглые и округлые	+	+	Все, кроме Прислон 1; Окаемово 18а; 4	Все, кроме Сахтыш 2а, к.с. IIIа и б; Ивановское 7, к.с. IV
аморфные	+	+	Все, кроме Окаемово 4; Скнятино 3	Все, кроме Сахтыш 14, к.с. Iб
скребла	+	+	Окаемово 30; Чернецкое 8	Утрех 3; Становое 1
двойные концевые	+	+	Скнятино 3	Ивановское 3; Становое 4, к.с. III, р. 1, 2; Ивановское 7, к.с. III, IV; Становое 4, к.с. IV
комбинированные	+	+	Окаемово 29; 5; Чернецкое 8; Малая Ламна 3; Прислон 1	Все, кроме Сахтыш 2а, к.с. IIIа и б; Сахтыш 14, к.с. Iб
микроскребки	+	+	Окаемово 4; 29; 5; Чернецкое 8; Прислон 1	Ивановское 7, к.с. Па; Боровское 3; 18; Становое 1
Резцы:				
на сломе заготовки	+	+	Все памятники	Все, кроме Сахтыш 2а, к.с. IIIа и б
ретушные	+	+	Все, кроме Окаемово 18а; 4; 30	Боровское 18; Утрех 3; Нушполы 11, к.с. IV; Ивановское 7, к.с. IV
комбинированные	+	+	Окаемово 29; Чернецкое 8; Малая Ламна 3	Ивановское 3; Боровское 3; 18; Утрех 3; Становое 4, к.с. III, р. 1; 3; к.с. IV; Становое 1; Ивановское 7, к.с. III; IV
срединные (оформленные расходящимися сколами)	+	+	Окаемово 29; Чернецкое 8; Малая Ламна 3	Боровское 18; Утрех 3
Острия:				
симметричные	+	+	Чернецкое 8; Малая Ламна 3	Боровское 3; 18; Утрех 3; Сахтыш 14, к.с. III
скошенные	+	+	Все, кроме Окаемово 30; Скнятино 3; Прислон 1	Ивановское 7, к.с. Па; Ивановское 3; Боровское 3; 18; Утрех 3; Становое 4, к.с. III, р. 1
Сверла и проколки:				
с выделенным концом	+	+	Окаемово 30; 29; 5; Чернецкое 8; Малая Ламна 3; Прислон 1; Скнятино 3	Все, кроме Сахтыш 14, к.с. Iб; IV; Сахтыш 2а, к.с. IIIа и б; Становое 4, к.с. III, р. 2; Ивановское 7, к.с. III
с невыделенным концом	+	+	Окаемово 18а; 5; Чернецкое 8; Малая Ламна 3	Боровское 3; 18; Утрех 3; Сахтыш 14, к.с. II; III; Нушполы 11, к.с. IV; Ивановское 7, к.с. III; Становое 4, к.с. III, р. 4

Таблица. Окончание

Основные типы изделий	Западная группа	Восточная группа	Памятники, в материалах которых эти типы изделий присутствуют	
			Западная группа	Восточная группа
Вкладыши:				
с приостренным краем	+	+	Все, кроме Окаево 29; Скнятино 3; Прислон 1	Ивановское 7, к.с. Па; III; IV; Боровское 3; 18; Сахтыш 14, к.с. II; Сахтыш 9; Становое 4, к.с. III, р. 3, 4
с притупленным краем	+	+	Окаево 18а; 29; Чернецкое 8; Прислон 1	Ивановское 3; Боровское 3; 18; Становое 1; Становое 4, к.с. III, р. 1; 3; 4; к.с. IV; Сахтыш 14, к.с. II; Ивановское 7, к.с. III
с притупленным концом и краем	+	+	Окаево 30; Прислон 1	Боровское 18; Становое 4, к.с. III, р. 1; 2
с притупленным концом	+	+	Чернецкое 8	Становое 4, к.с. III, р. 1.
с затупленным основанием	+	+	Чернецкое 8	Ивановское 7, к.с. Па; Боровское 3; Становое 4, к.с. III, р. 3
с двусторонней ретушью края	+	+	Прислон 1	Ивановское 7, к.с. Па; III; Ивановское 3
с зубчатым краем	+	+	Чернецкое 8	Ивановское 7, к.с. Па; Утрех 3; Сахтыш 14, к.с. III
с мельчайшей ретушью по краю	+	+	Окаево 5; Чернецкое 8	Ивановское 7, к.с. Па; III; IV; Ивановское 3; Боровское 18; Утрех 3; Сахтыш 9; Становое 4, к.с. III, р. 3; 4
без регулярной ретуши	+	+	Все памятники	Все памятники
с вогнутым ретушированным концом	-	+	-	Сахтыш 14, к.с. II; Сахтыш 9
с поперечно-ретушированным концом	+	+	Окаево 29; 5; Малая Ламна 3; Прислон 1	Боровское 18; Утрех 3
Ножи с приостряющей краевой ретушью	+	+	Все, кроме Окаево 4; Скнятино 3	Все, кроме Сахтыш 2а, к.с. IIIа; Ивановское 3
Выемчатые скобели	+	+	Все, кроме Окаево 18а	Все, кроме Сахтыш 14, к.с. Iб; Сахтыш 9; Ивановское 7, к.с. Па; Сахтыш 2а, к.с. IIIб; Становое 4, к.с. III, р. 1; Нушполы 11, к.с. IV
Трапеции	+	+	Малая Ламна 3	Утрех 3
Рубящие орудия:				
топоры и тесла оббитые	+	+	Все, кроме Окаево 4; 30; Прислон 1	Ивановское 3; Утрех 3; Сахтыш 2а, к.с. IIIб; Нушполы 11, к.с. IV; Становое 4, к.с. III, р. 2; 3; 4; IV; Сахтыш 9; Сахтыш 14, к.с. III; IV; Ивановское 7, к.с. IV
топоры и тесла шлифованные	+	+	Малая Ламна 3	Все, кроме Сахтыш 14, к.с. Iб; IV; Становое 4, к.с. III, р. 1; Становое 1; Сахтыш 9; Ивановское 7, к.с. IV

тельно меньше узких плоских бесчерешковых и черешковых наконечников с узким плоским пером. Другие типы наконечников стрел не образуют столь выразительных серий.

Одной из наиболее распространенных категорий орудий являются рубящие инструменты (топоры, тесла). Встречаются желобчатые долота. Другие виды орудий представлены меньшим количеством.

Известны ножи трех типов, среди которых преобладают широкие изделия, изготовленные из лопаток лося. Далее идут узкие ножи из ребер и орудия из обломков костей, имеющие приостренный край. Среди кинжалов доминируют прямые обоюдоострые. Другие типы немногочисленны. Наконечники копий относятся к трем типам, среди которых доминируют массивные наконечники рогатин из трубчатых костей. Им существенно уступают массивные заостренные стержни.

Встречаются цельные и составные рыболовные крючки. Известны грузики, которые, однако, в количественном отношении существенно уступают крючкам. Четырьмя типами представлены зубчатые острия, среди которых преобладают однорядные изделия с редкими зубцами. Им уступают массивные кинжаловидные острия. В небольшом количестве найдены однорядные острия с частыми мелкими зубцами и однорядные острия с частыми глубокими нарезками по краю. Приблизительно в равном количестве присутствуют струги и пешни. Представлены гарпуны двух типов. Преобладают однорядные с редкими зубцами, им уступают однорядные изделия с частыми зубцами.

Наряду с вышеназванными категориями изделий из кости и рога в коллекциях присутствуют ретушеры, концевые скребки (в том числе зубчатые), посредники, кирки, ложки и лопаточки, лощила, иглы, кочедыки, орудия для протягивания сухожилий, выпрямители, резцы из клыков хищников, клевцы, игольники и рукоятки. Эти изделия не образуют устойчивых серий.

Интересны подвески, среди которых выделяется шесть типов. Преобладают подвески с насечками у корня из зубов лося, оленя и бобра. Им уступают украшения из зубов хищников, плоские прямоугольные подвески с отверстиями и нарезками по краям, сверленные подвески из зубов животных. Единичны плоские диски с отверстиями.

Таким образом, сходство костяного инвентаря, на наш взгляд, еще раз подчеркивает культурное единство западной и восточной групп.

Приведенные данные свидетельствуют, что развитие западной и восточной групп бутовского населения в Волго-Клязьминском междуречье шло по-разному. Территория региона была заселена представителями бутовской культуры в раннем мезолите (в конце дриаса – первой половине пребореала). В это время освоены крупные озерные котловины в восточной части региона – Подозерская, Ивановская и Сахтышская. Анализ каменного инвентаря позволяет говорить о том, что именно здесь начинает формироваться относительно обособленный восточный вариант бутовской культуры. В то же время население, жившее в западной части региона, сохраняло устойчивые связи с бутовским населением Верхнего Поволжья и Поочья. Так, стоянка Прислон 1 (Жилин и

др., 1996) по составу каменного инвентаря имеет больше сходства с такими памятниками, как Бутово (Кольцов, 1964), Заборовье 2 и Соболево 5 (Кольцов, Жилин, 1999), расположенными в Тверском Поволжье. А стоянки Чернецкое 8 и Окаемово 5 (Жилин, 1997) имеют аналогии со стоянкой Черная 1 (Кравцов, Лозовский, 1989) в Мещере. Типологически им близка и стоянка Малая Ламна 3 (Уткин, 1990), расположенная в бассейне р. Лух. Важно подчеркнуть, что географически эта стоянка ближе к памятникам восточной группы, однако ее инвентарь имеет больше аналогий со стоянками западной группы. Возможно, это является результатом активного перемещения бутовского населения, а также свидетельствует о наличии периодических контактов между относительно обособленными группами.

В атлантическое время, на наш взгляд, прослеживается некоторая унификация инвентаря стоянок западной и восточной групп бутовского населения. Верхний мезолитический слой (IIa) стоянки Ивановское 7 (Жилин и др., 2002) как по камню, так и по кости находит аналогии со стоянками Окаемово 4 и 18а (Жилин, 1997), Замостье 2 (Лозовский, 2003), Озерки 5 (Жилин, 1996б; 2006), т.е. памятниками, расположенными в западной части Волго-Клязьминского междуречья и за его пределами. Возможно, это происходит в результате усиления контактов между различными группами бутовского населения, однако данных для однозначного ответа на этот вопрос в настоящее время недостаточно.

Автор выражает благодарность докт. ист. наук М.Г. Жилину за предоставленную возможность опубликовать материалы его раскопок 1992 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверин В.А.* Кремневые изделия с Вареговского торфяника // Молодая наука в классическом университете. Иваново, 2003.
- Аверин В.А.* Мезолит Волго-Клязьминского междуречья: обзор источников // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005.
- Аверин В.А., Жилин М.Г., Уткин А.В.* Многослойное поселение Становое 1 на Подозерском торфянике // ТАС. 2006. Вып. 6.
- Аверин В.А., Жилин М.Г., Костылева Е.Л.* Мезолитические слои стоянки Сахтыш 2а (по материалам раскопок 1999 и 2004 гг.) // ТАС. Вып. 7. В печати.
- Жилин М.Г.* Результаты разведки в верховьях р. Малого Киржача // Краеведческий сб. Александровского историко-архитектурного музея. Александров, 1994.
- Жилин М.Г.* Мезолитический слой стоянки Боровское 18 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород, 1996а.
- Жилин М.Г.* Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990–1994 гг. // ТАС. 1996б. Вып. 2.

- Жилин М.Г.* Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.
- Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
- Жилин М.Г.* Костяная индустрия бутовской культуры // РА. 2002. № 3.
- Жилин М.Г.* Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М., 2006.
- Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья: по материалам стоянки Ивановское 7. М., 2002.
- Жилин М.Г., Фролов А.С., Крымов Е.Ю.* Стоянка Прислон 1 на Верхней Волге // ТАС. 1996. Вып. 2.
- Жилин М.Г., Энговатова А.В.* Многослойная стоянка Боровское 3 // Проблемы изучения эпохи первобыт-
- ности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 3. Иваново, 1996.
- Кольцов Л.В.* Бутовская мезолитическая стоянка // КСИА. 1964. Вып. 101.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: памятники бутовской культуры. М., 1999.
- Кравцов А.Е., Лозовский В.М.* Мезолитическая стоянка Черная 1 в Мещере // СА. 1989. № 4.
- Лозовский В.М.* Переход от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье по материалам стоянки Замостье 2 // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- Третьяков П.Н.* Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн // МИА. 1950. № 13.
- Уткин А.В.* Мезолитическая стоянка Малая Ламна 3 в бассейне р. Лух // СА. 1990. № 4.

Chernetskoe 8 site and certain issues pertaining to the study of Butavo culture in the Volga-Klyazma interfluve

V. A. Averin

Summary

The article considers the material from Chernetskoe 8 Mesolithic bog site which was discovered in 1992 by M.G. Zhilin. Comparison of the stone artifacts from the site with material from other Mesolithic sites in the Volga-Klyazma interfluve allows to speak of two local Butovo culture groups, which have been provisionally named "Western" and "Eastern". The article gives a detailed characteristic of the stone inventory from sites belonging to the two groups and identifies both the details revealing the local specifics of the settlements and the similarities which allow to speak of their common cultural identity. In contrast with stone artifacts, the bone inventory does not demonstrate significant differences for the reason that it does not depend on the sources of raw materials. The similarity of the bone inventory once again points out to the cultural unity of the Western and Eastern groups.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛОШАДИ НА РОГОВЫХ ДЕТАЛЯХ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© 2008 г. А. П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

В кочевой культуре древних кочевников Евразии лошадь занимала одно из центральных мест. Изображение этого животного является одним из образов скифо-сибирской художественной традиции (Королькова, 2006. С. 51–53). Изображения лошади эпохи раннего железа неоднократно встречаются в художественной резьбе по рогу, от южного Приуралья до Саяно-Алтая (Бородовский, 1999б. С. 90, 91). В косторезном искусстве этих регионов можно выделить несколько вариантов воплощения образа коня. Наиболее древними можно считать объемные изображения конской головы на стержневых навершиях из Аржана-1 (Тува), Березовки-1 (Северный Алтай), Обских плесов-2 (Верхнее Приобье), относящиеся к первой трети I тыс. до н.э., и втульчатых навершиях середины I тыс. до н.э. из Усть-Хадынг-1 (Тува) и Кызыл-Куля (Минуса). В материалах сарматской (Нижнее Поволжье, Южное Приуралье) и саргатской (Притоболье) культур последней трети I тыс. до н.э. парциальное изображение лошади встречается в основном в оформлении наверший роговых и костяных гребней (Смирнов, 1976. С. 86. Рис. 6, 15–23; Матвеева, 1993. С. 61. Рис. 31, 39).

Фактически это были конские протомы, выполненные в плоско-профильной резьбе с гравировкой гривы и глаз без дополнительной детализации образа. В определенном смысле такой элемент косторезного художественного производства вполне можно сравнить с конскими металлическими протомами, бытовавшими на Среднем Енисее во время существования тагарской и тесинской культур. Изображение лошади целиком, как правило, выполнено гравировкой или низким рельефом на широких поясных пряжках, или плакетках Саяно-Алтая. Они изготовлены из одинарной роговой пластины. Сырьем для таких предметов служил рог марала (Бородовский, 1999б. С. 90, 91).

На территории юга Западной Сибири конские протомы воспроизведены на седельных деревянных накладках лук в одном из комплектов из Пятого Пазырыкского кургана (Руденко, 1953. С. 120).

В резьбе по цельному рогу этот образ встречается в декоре поясных блях Тувы (Саглы-Бажи II) (Грач, 1980. С. 178, 179. Рис. 40, 41) и горного Алтая (Бородовский, 1999а. С. 90, 91). Роговые дета-

ли конской упряжи с изображением лошади известны в Барабинской лесостепи (Старые Карачи-3) (Бородовский, Галямина, 2001. С. 271–276) и на Приобском плато (Объездное-1) (Телегин, 2005. С. 104; Телегин, Бородовский, 2005. С. 470–475) (рис. 1).

Роговые предметы конской упряжи из Объездного-1 представлены двумя целыми и тремя обломками блях-накладок седла, подпружной пряжкой, фиксатором и фрагментами верхней накладки и декоративных пластин лук (рис. 2). Седельные роговые дужки из Объездного-1 вполне соответствуют деталям пазырыкских седел, датирующихся в пределах VI–V вв. до н.э. Находки седельных роговых дужек позволяют отнести седло из Объездного-1 к разновидности мягких седел, характерных для пазырыкской культуры (Руденко, 1960. С. 227, 228).

Роговые дужки на луки седла крайне редки для равнинных степных комплексов (Уманский и др., 2005. С. 47). Значительно чаще их находят в элитных пазырыкских комплексах горного Алтая (Пазырык-3, 4, Шибе, Каракол, коллекция Уварова). Диаметр этих курганов колеблется от 18.5 до 68 м. Размеры кургана 1 Объездного-1 вполне соответствуют этим параметрам.

Весь комплект роговых изделий конского снаряжения погребения 4, кургана 1 Объездного-1 включает 13 предметов. Изделия из Объездного-1 являются деталями мягкого седла скифского времени. Они представлены седельными дужками, накладками лук, пряжками, подвесками ремней, подпружной пряжкой со шпеньком-выступом и ременными пронизями. Всего на седле должно быть 17 роговых деталей. Из них четыре накладки на луки седла, четыре седельные дужки, шесть седельных ремней, две пронизи и одна подпружная пряжка. Украшения лук седла сохранились фрагментарно. Размеры пластин, украшающих седельные луки, с изображением лошади – 20.5 × 9.5 см, сечением от 4 до 6 мм.

Полные комплекты украшений конской упряжи скифского времени достаточно последовательно отражают раскрой цельного рога (Бородовский, 2005. С. 58, 59). В качестве примера можно привести сопроводительный инвентарь конского захоронения из кургана 36 Берели (Са-

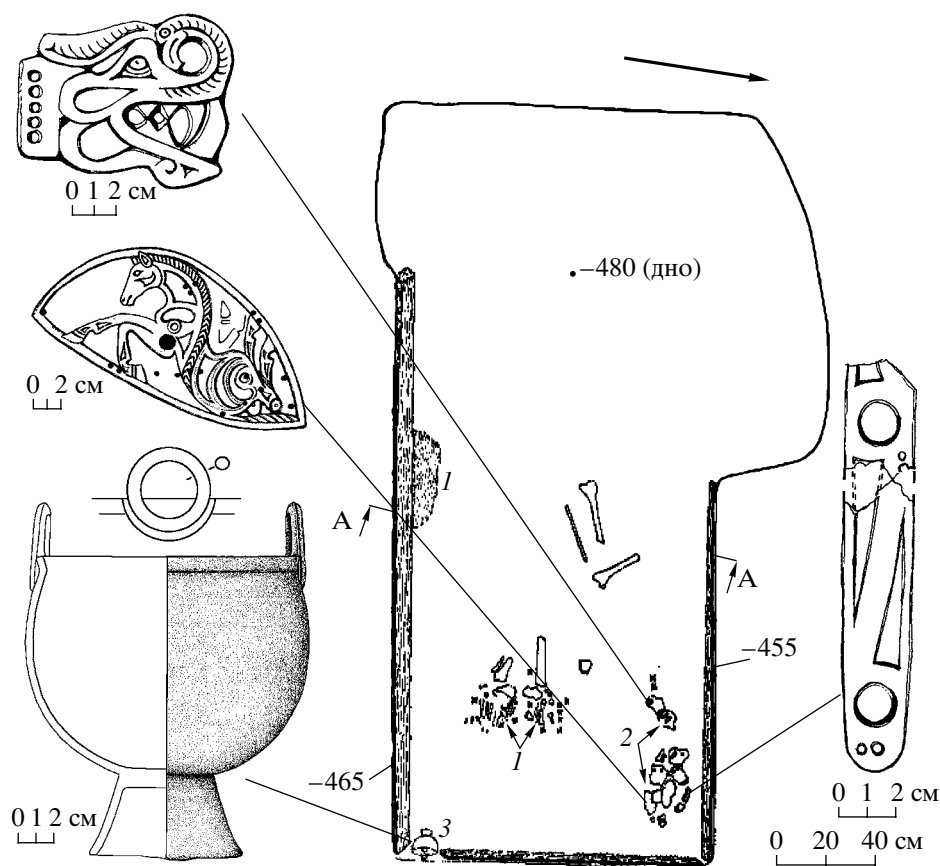

Рис. 1. План погребения 4, кургана 1, Объездного-1. 1 – скопление бус; 2 – роговые детали седла; 3 – бронзовый котел.

Рис. 2. Роговая седельная обкладка из Объездного-1.

машев, Бородовский, 2004. С. 82–87). Все детали седла из Объездного-1 изготовлены из цельного рога из одинарных роговых пластин (Бородовский, 1997. С. 212. Табл. 51, 1). Одинарная роговая пластина получается рассечением двух противо-

положных поверхностей роговых отростков, ветвей, разветвлений (рис. 3). Компактный роговой слой сохраняется в этой заготовке с одной стороны, а губчатый – с другой. Губчатое вещество одинарной роговой пластины, если она вырезана из отростка, ориентировано с изгибом в одну из сторон. Для роговой ветви ориентация губчатого вещества в одинарной пластине будет “прямой”. Если пластина вырезана из разветвления, то ориентация губчатого вещества будет соответствовать естественной искривленности роговых отростков, расходясь в разные стороны. Седельные накладки с изображением лошади из Объездного-1 изготовлены из разветвлений рога.

Особое внимание следует обратить на то, что на седельных планках из Объездного-1 изображена лошадь с перекрученным туловищем (рис. 4). Такой образ известен на ряде золотых блях Сибирской коллекции Петра Великого, золотой пластинке из Новотроицкого II (Могильников, 1997. С. 171. Рис. 41, 5), золотом украшении меча из кургана Иссык (Акишев, 1978. С. 106. Рис. 25), на татуировках правой руки мужчины из пятого Пазырьковского кургана (Баркова, Панкова, 2005. С. 52. Рис. 5, 6), роговом “пенале” из Аймырлыга (рис. 4, 1). Животные с “перевернутым” тулови-

щем характерны для скифо-сибирской изобразительной традиции V–IV вв. до н.э. (Баркова, 1995. С. 76). В этот хронологический период укладываются и изображения деталей головы (глаза, уши, рот) лошади и рельефного “ремешка”, проходящего вдоль хребта и подчеркивающего изгиб тела на роговых седельных бляхах из Обьездного-1 (Баркова, 1995. С. 72, 74).

Образ лошади с перекрученным туловищем имеет в археологической литературе неоднозначную интерпретацию. По мнению одних исследователей, это изображение следует рассматривать в единстве с аналогичной позой хищника (Руденко, 1960. С. 300, 301; Баркова, 1983. С. 86). Другие специалисты интерпретировали лошадь с перекрученным туловищем как изображение древнего жертвоприношения (Русаква, 2003. С. 96–99; Советова, 2005. С. 43, 45). Существует точка зрения, что такая поза лошади соответствует ее изображению в различных ракурсах (Уманский и др., 2005. С. 65).

Объемность изображений вообще присуща скифо-сибирской художественной традиции (Бородовский, 1994. С. 83–90). Однако для изображения лошади с перекрученным туловищем можно предложить еще одну интерпретацию. Основой древнего анималистического стиля является не только копирование природных повадок животных, но и исключительная наблюдательность творцов этих изображений. Традиция непосредственного наблюдения характерна и для античного восприятия (Васильева, 2004. С. 140). Поэтому позу лошади с перекрученным крупом можно трактовать как изображение момента переворачивания животного. Это могло происходить, когда на лошадь напал хищник (сцена терзания), или если животное каталось в пыли и быстро вскакивало. Учитывая динамизм, характерный для изображений скифо-сибирской художественной традиции, такая интерпретация лошадей с перекрученным туловищем вполне возможна. Тем более что в случае расположения роговых накладок с изображением лошади на луках седла зеркально друг к другу (рис. 5) эффект объемности только усиливался. Симметричные композиции скифо-сибирской художественной традиции вполне обоснованно можно трактовать как плоскостную развертку трехмерных образов (Фурсикова, 1998. С. 179).

Изображение лошади на роговых седельных бляхах из Обьездного-1 наиболее близко к татуировке из Пятого Пазырыцкого кургана (рис. 4, 3). Ближайшую функциональную аналогию роговым украшениям седла из Обьездного-1 можно видеть в деталях отделки седла из пятого Пазырыцкого кургана. В схожей позе с перекрученным крупом на лицевых седельных накладках этого пазырыцкого кургана изображен лось (Ру-

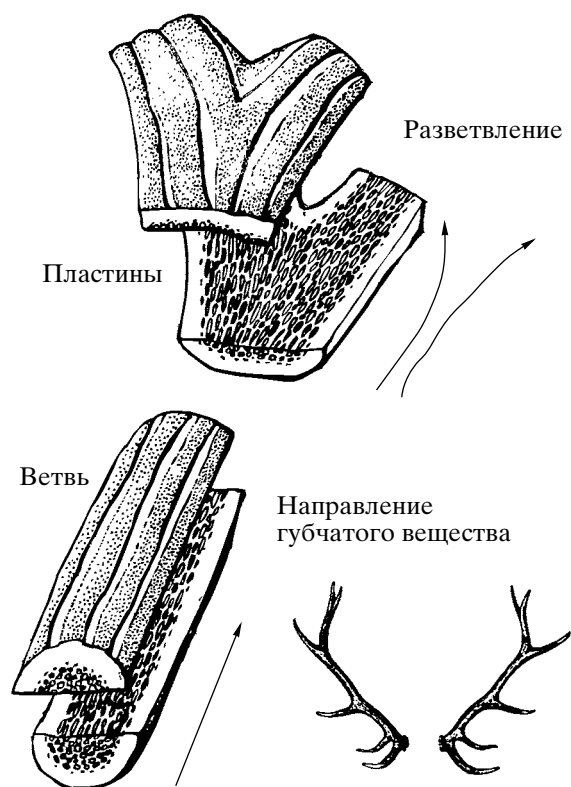

Рис. 3. Роговые заготовки для деталей седла из Обьездного-1.

денко, 1953. Рис. 128). Лошадь с перекрученным туловищем на седле из Обьездного-1 сходна также с бронзовой бляхой с конского убора из Тувы (рис. 4, 4). На верхнем суставе левой ноги и нижнем суставе правой ноги лошади с роговой пластины из Обьездного-1 (рис. 2), возможно, изображены браслеты или орнаментированные перевязи, характерные для восточной конской упряжи.

В углублениях ушей, глаз, скулы, шеи, плеч, туловища и ног лошади сохранились фрагменты красного красителя (рис. 6). Прокраска роговых изделий характерна для пазырыкских роговых изделий. Она сохранилась на седельной пластине с изображением лося из третьего Пазырыцкого кургана. Следы раскраски присутствуют на роговой пряжке с изображением барса из Маймы-ХИХ. Прокраска на изображении лошади из Обьездного-1 нанесена в рельефных углублениях. Особенно интересны “скобки” с округлостями на крупе. Такая декоративная деталь, по мнению С.И. Руденко, встречается в металлопластике Пазырыкских курганов как элемент переднеазиатских влияний на скифо-сибирскую художественную традицию (1961. С. 49).

Изображение лошади на седельных накладках из Обьездного-1 наносилось на предмет в несколько этапов. Об этом свидетельствует контур

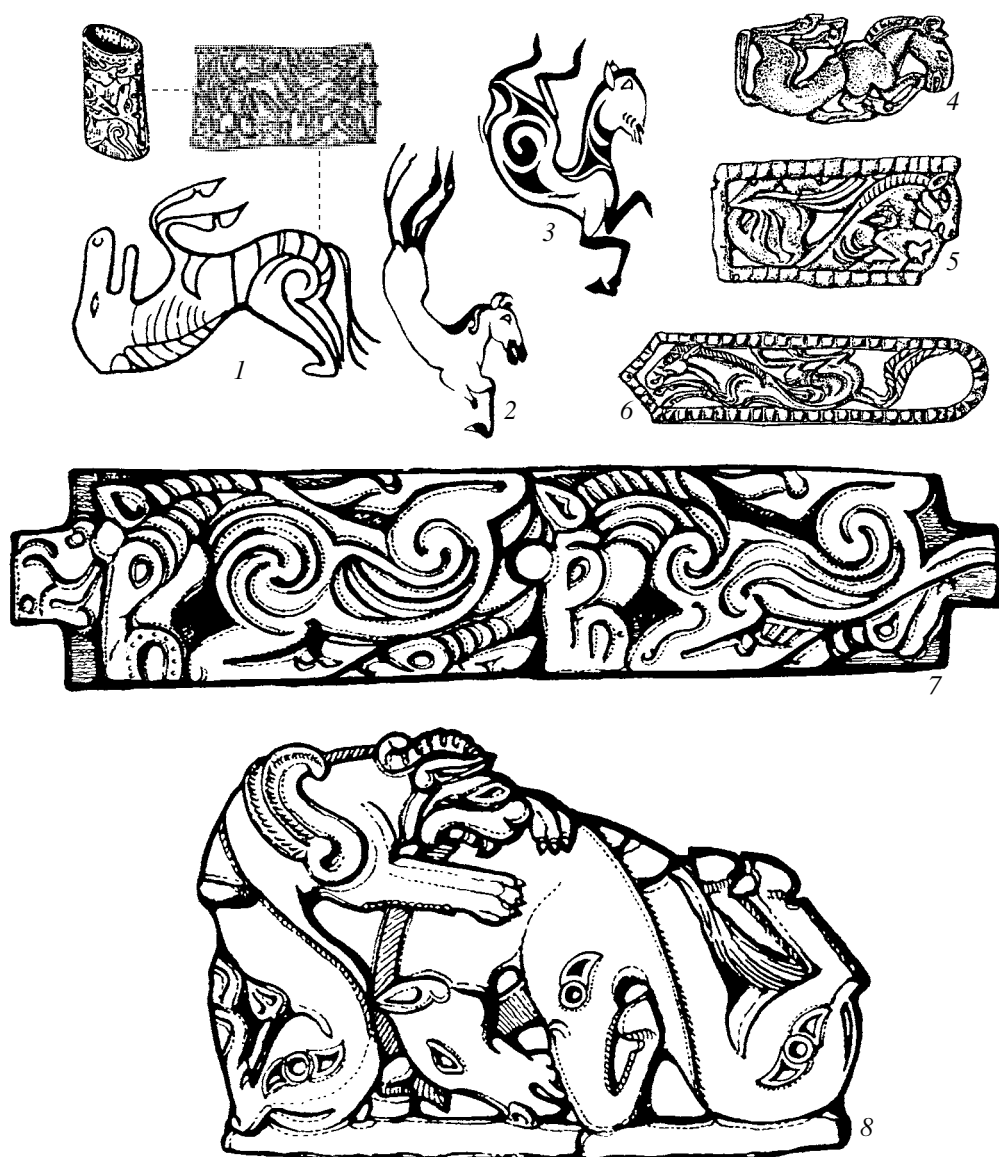

Рис. 4. Аналогии изображения лошади с перекрученным туловищем с роговых седельных накладок из Объездного-1. 1 – Аймырлыг; 2, 3 – Пятый Пазырыкский курган; 4 – Тува; 5 – Новотроицкое-II; 6 – Иссык; 7 – Саглы-Бажи-II; 8 – Сибирская коллекция Петра I.

срезанных ног лошади на одной из роговых пластинок (рис. 7, 1).

На роговых седельных пластинах с изображением лошади из Объездного-1 нанесен целый ряд отверстий. По функциональному предназначению их можно подразделить на три группы (рис. 7, 2). Центральное отверстие больших размеров, очевидно, связано с конструктивными особенностями седла. Отверстия по краям малых размеров предназначались для крепления рогового украшения к седлу. Отверстия на крупе и шее лошади изготовлены в ходе починки изделия. Последовательность нанесения всех отверстий крайне любопытна. Все они наносились по уже вырезанному и раскрашенному изображению лошади.

При этом часть его деталей была просто срезана. Такой случай далеко не единственный для художественной резьбы по рогу в скифское время. На роговых изделиях конской сбруи из кургана 36 Берельского некрополя отмечена аналогичная особенность. Таким образом, “принцип” единства предмета и изображения на нем, характерный для скифо-сибирской художественной традиции (Федоров-Давыдов, 1976. С. 24, 34), был нарушен.

Починочные отверстия на роговых седельных пластинах из Объездного-1 имеют явное сходство с технологией ремонта на бронзовом зеркале из Быстровки-1 (Троицкая, Бородовский, 1994. С. 165). Такая особенность предмета означает не только длительность его использования, но и, возможно,

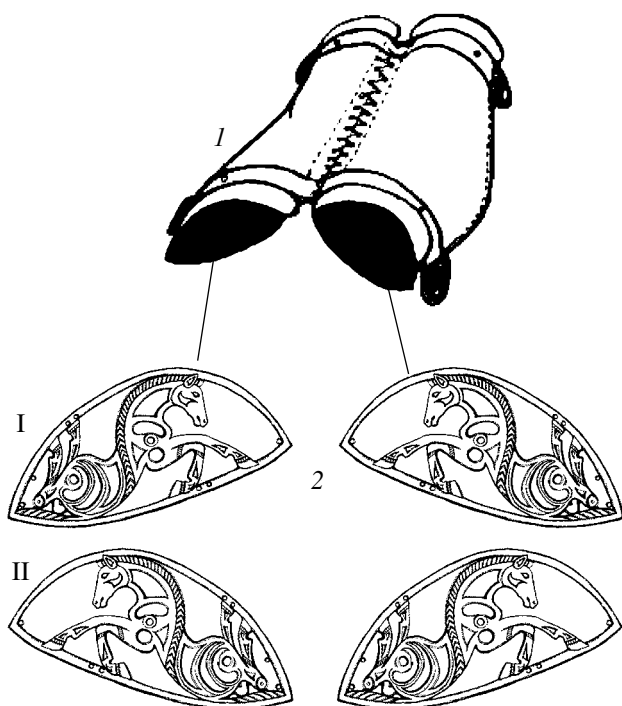

Рис. 5. Расположение изображений лошадей: I – головой друг к другу, II – спиной друг к другу на роговых накладках седла из Обьездного-1; 1 – седло; 2 – накладки.

импортное происхождение. Для предметов древнего косторезного дела, несмотря на широко укоренившееся мнение о его исключительно местном происхождении, такие факты игнорировать не следует.

Сами миндалевидные очертания роговых накладок из Обьездного-1 с изображением лошади

типичны для декора пазырыкских седел. Предметы такой формы производились из самых различных органических материалов – рога, дерева, войлока (Полосьмак, Баркова, 2005. С. 125–127), кожи. Косвенным подтверждением таких связей является значительное сходство раскрашенной рельефной орнаментации изображения лошади из Обьездного-1 с прорезными пазырыкскими аппликациями из кожи и войлока.

На основании комплектности роговых деталей седла из кург. 1, погр. 4 Обьездного-1 и особенностей их декора его предварительно можно реконструировать следующим образом. На передней и задней луках мягкого седла накладки с изображением лошадей располагались “зеркально” друг к другу.

Другим вариантом реконструкции является расположение изображений лошадей в противоположные стороны (рис. 5, II). Такая компоновка седельных украшений известна в конском снаряжении второго Башадарского и пятого Пазырыкского курганов. Она соответствует геральдическим композициям (Баркова, 1995. С. 67. Рис. 2, 8).

Роговые украшения мягкого седла из Обьездного-1, аналогичны пазырыкским и сакским зооморфным украшениям. Для Приобского плато это явление далеко не случайно, поскольку регион служит транзитной территорией, объединяющей степные пространства Казахстана и Алтайские горы.

Культурная принадлежность курганной группы Обьездного-1, очевидно, имеет отношение к сакам Казахстана, продвинувшимся в Верхнее Приобье в середине I тыс. до н.э., что обусловило своеобразие основных категорий материальной культуры – керамики, ритуальных принадлежно-

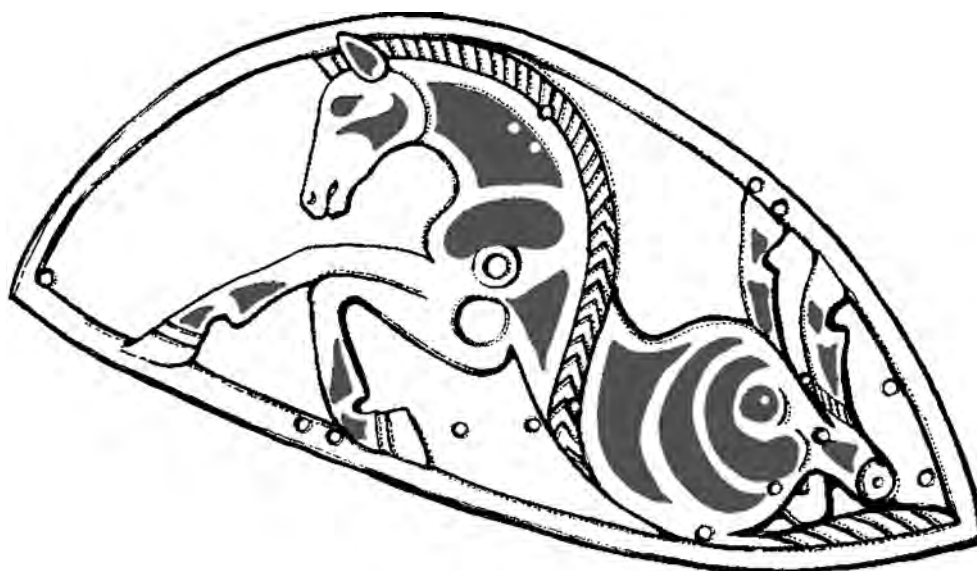

Рис. 6. Раскраска изображений седельной накладки из Обьездного-1.

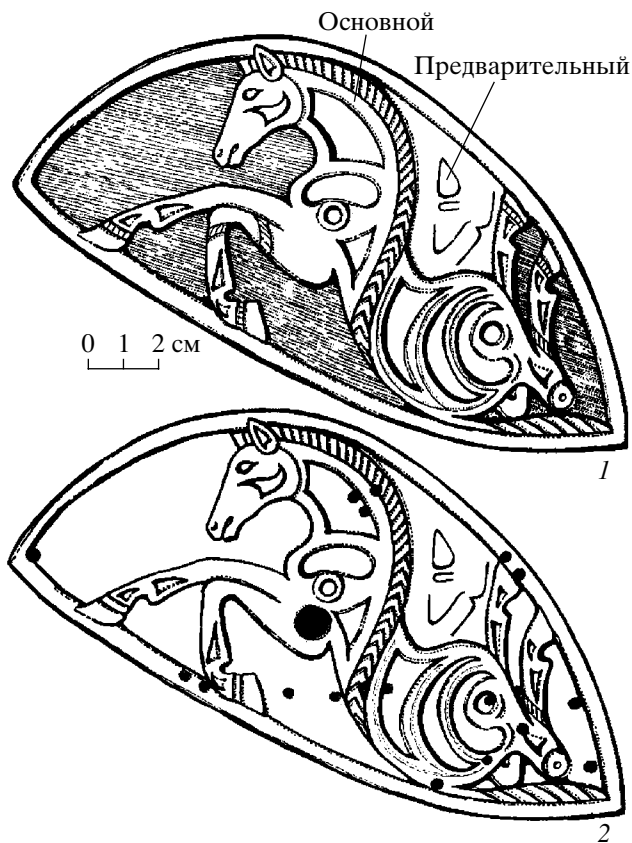

Рис. 7. Последовательность нанесения изображения, отверстий крепления и починки на роговой седельной бляхе из Объездного-1. 1 – этапы нанесения изображения; 2 – изготовление отверстий для крепления и починки.

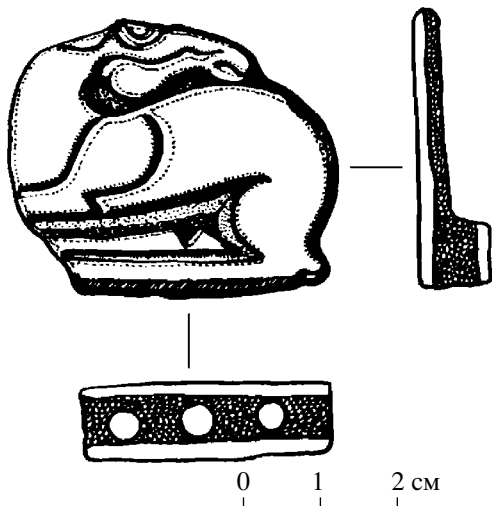

Рис. 8. Роговая сбруйная пряжка с изображением лошади из Старых Карачей-3.

стей, украшений, вооружения и конского снаряжения (Могильников, 1997. С. 103, 108). Поэтому аналогии изображения лошади на седельных накладках из Объездного с золотым зооморфным

декором вооружения из кургана Иссык (рис. 4, 6) и Новотроицкого-II (рис. 4, 5) вряд ли случайны.

Учитывая разнообразие названий культуры населения Верхней Оби второй половины I тыс. до н.э. (березовский этап большебереченской культуры, большебереченско-березовская культура, березовская культура, население березовского этапа, большебереченская общность, каменская культура), вполне уместно обратиться к исходному этнониму, с которым специалисты (В.А. Могильников, Т.Н. Троицкая, А.П. Уманский) связывают процесс культуурогеиза в этом регионе в заключительный период эпохи раннего железного века. Принадлежность погребального комплекса Объездное-1 сакскому населению Верхней Оби может быть одной из полноправных интерпретаций культурной атрибуции этого памятника и обнаруженных предметов. В этой связи следует заметить, что казахстанский центр косторезной обработки скифского времени был не менее мощным, чем алтайский (Бородовский, 1999б. С. 23–26). В районе Приобского плато эти два косторезных центра эпохи раннего железного века могли тесно взаимодействовать. Результатом таких контактов вполне могли быть роговые украшения, подобные изделиям из Объездного-1, в которых органически сочетаются западные и восточные образы скифо-сибирского и ближневосточного искусства. Резными роговыми предметами, имеющими прямые соответствия в центрально-азиатском регионе (Бородовский, 1995. С. 58, 59; 1999б. С. 25, 26), вполне уместно дополнить аналогии предметного комплекса Верхней Оби, Алтая и Тувы скифского времени (Чугунов, 2001. С. 174. Табл. I).

Раскраска роговых седельных накладок соответствует традициям отделки пазырыкских резных роговых изделий из Пазырыка, Берели, Маймы. Максимальное влияние горно-алтайского косторезного центра на равнинные территории приходится на V–IV вв. до н.э. Это нашло свое отражение в резных роговых изделиях Рогозики-1 (Уманский, 1987. С. 35–54; 1992. С. 51–59; Могильников, 1997. С. 104), Нового Шарапа-2, Вяткино, Объездного-1. Еще одно изображение лошади на роговой пластине известно из саргатского могильника Старые Карачи-3 в Барабе (Бородовский, Галямина, 2001. С. 271–276) (рис. 8). Размеры $4,5 \times 4 \times 1,5$ см. Учитывая разрушения внешних краев предмета, он мог быть несколько больше. Судя по структуре материала предмета, сырьем для него является лосиный рог. В качестве исходной заготовки для этого была получена двойная пластина из лосиной роговой лопацы.

Двойная роговая пластина получается исключительно из роговой лопацы лося. В центральной части расположено губчатое вещество, а по краям – компактное. Такая пластина сохраняет есте-

ственный изгиб роговой лопасти лося – вогнутость на наружной стороне рога, выгнутость на тыльной стороне. Сам предмет изготовлен из полуторной роговой пластины (Бородовский, 1997. С. 94–97), которая получается из роговой лопасти лося, ветви и отростков при помощи частичного удаления одной из поверхностей компактного вещества. После этой операции на одной стороне сохраняется вся поверхность компактного вещества, а на другой – лишь его фрагмент. На этом участке заготовка сохраняет естественное строение и сечение рогового материала. Наиболее близкой аналогией для предмета из Старых Карачей-3 является роговая пряжка с отверстиями в торце и скобковидным орнаментом из Вяткино.

Фигура лошади из Старых Карачей-3 повернута всем корпусом влево, а головой – в противоположную сторону. Она достаточно плотно прижата к туловищу. Глаз изображен в виде рельефного круга с внешним ободком. Желобком хорошо проработана скула и рот животного. Рельеф фигуры уплощенный. Лопатка животного стилизована в виде прорезного сегмента, переходящего плавно в переднюю ногу. Передняя нога согнута в колене и лежит на задней. Абрис животного несколько схематизирован и приближается к профильному. Достаточно рельефная манера исполнения фигуры лошади на роговом предмете из Старых Карачей-3 имеет определенную близость к изображению хищников в резном роге из южного Приуралья (Пятимары-1) и Саяно-Алтая (Карбан-2) эпохи раннего железа. При проработке рельефа прорезанием компактного рогового вещества вплоть до губчатого, создавался не только рельеф, но и объем, поскольку губчатое вещество имело неровную, шершавую поверхность в отличие от гладкого компактного вещества. Это естественным образом придавало внутренности рога более темный цвет, выполняя своеобразную роль фона или заднего плана, подчеркивая тем самым резьбу. Со временем поры губчатого вещества забивались естественными внешними примесями, и это делало такую поверхность еще темнее. Следует заметить, что резчики скифского времени достаточно виртуозно использовали такую особенность естественного строения рога как средство особой художественной выразительности. В качестве примера можно привести резные роговые изделия из Тасмолы-5 (Центральный Казахстан) и Хемчика-Бом-III, Саглы-Бажи-II Даган-Тели-I (Тува). В первом случае сложная резьба в виде “загадочных картинок”, по А.Д. Грачу, была осуществлена непосредственно по губчатому роговому веществу, а в двух других эта внутренняя часть рога использована для объемности фона или наиболее выступающих частей туловища животных. Композиционно изображение лошади на роговой пластине из Старых Карачей-3 с подогнутыми под себя нога-

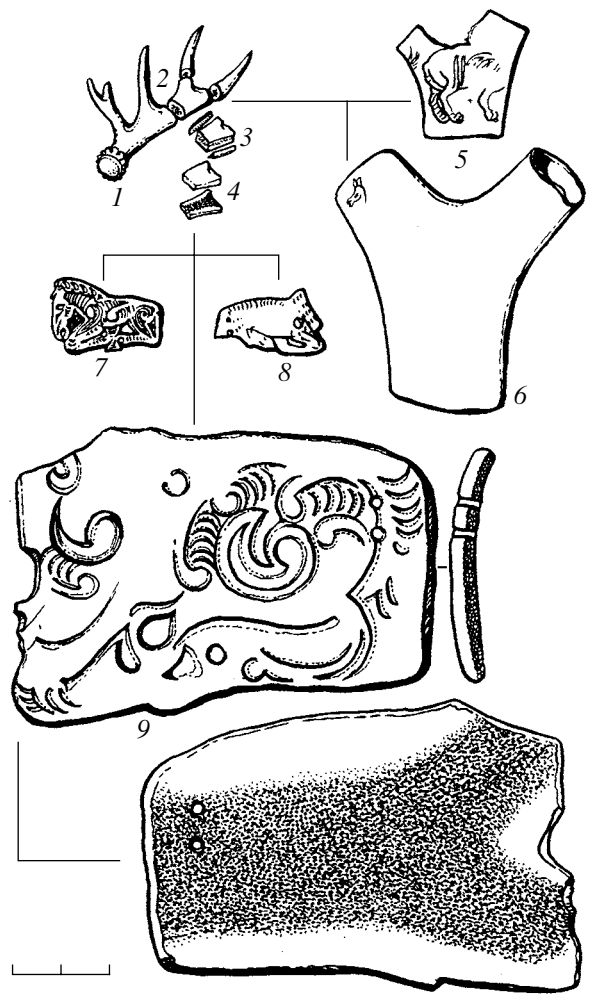

Рис. 9. Изображения лежащих лошадей на роговых поясных пластинах Южной Сибири. 1–4 – раскрой рога на пластины; 5, 6 – роговые изделия из разветвления из Ивалгинского городища; 7 – пластина из Саглы-Бажи-II; 8 – пластина из Туаяты; 9 – пластина из Горно-Алтайска.

ми и повернутой назад головой имеет определенную близость к изображению многочисленных бронзовых оленных блях тагарской культуры со Среднего Енисея. Среди них известен целый ряд изображений оленей с ногами, расположенными одна над другой (Бобров, 1976. С. 51). Среди тагарских бронз Минусинской котловины известно единичное изображение лошади (из коллекции И.А. Лопатина) с аналогичным расположением ног (Завитухина, 1983. С. 63, 153). На саяно-алтайских резных роговых пластинах из Саглы-Бажи-II, Даган-Тели-I, Туэкты и предмета из собрания Горно-Алтайского краеведческого музея (рис. 9) ноги лошади изображены совершенно иначе. Они лишь чуть соединены друг с другом, а копыта направлены в противоположные стороны, при этом передняя нога прижата к туловищу. Последняя деталь изображений, возможно, явля-

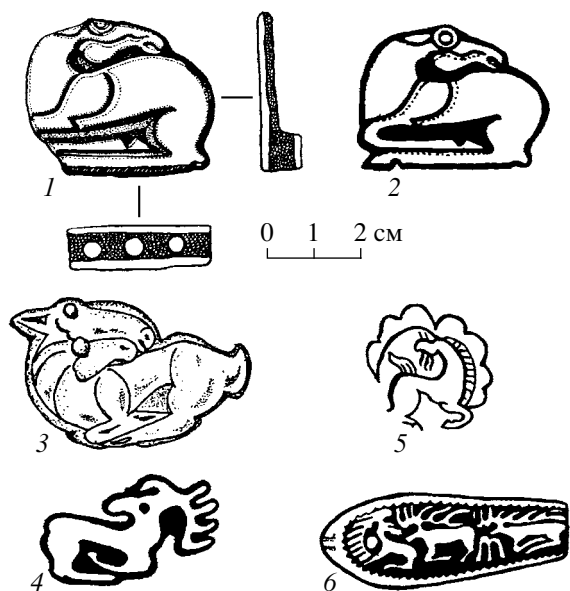

Рис. 10. Аналогии изображению лошади на роговой пряжке из Старых Карачей-3. 1 – пряжка из Старых Карачей-3; 2 – прорисовка с реконструкцией изображения лошади на роговой пряжке из Старых Карачей-3; 3 – Жаботино (Причерноморье); 4 – Березовский-1 (Причумылье); 5 – Тепсей-IV (Средний Енисей); 6 – Рогозиха-1 (Верхнее Приобье).

ется для развития скифо-сибирского звериного стиля достаточно ранней (Бобров, 1976. С. 51). Сходство расположения ног лошади на пластине из Старых Карачей-3 и у оленных тагарских блях может иметь далеко не только композиционную основу. Вопрос о смысле такой позы животного давно является дискуссионным. Широко распространенное представление о том, что это расположение ног соответствует летящему или бегущему животному, было достаточно аргументированно опровергнуто (Ермолова, 1979. С. 133–136). Более продуктивным является предположение Д.Г. Савинова, что эта поза соответствует жертвенному животному. Такая интерпретация не исключена для образа лошади на роговой пластине из Старых Карачей-3, поскольку в эпоху раннего железа повсеместно лошадь использовалась в качестве жертвы или сопроводительного захоронения. Повернутая назад лошадиная голова также имеет определенные аналогии в изображении оленей эпохи раннего железа. Правда, эта черта встречается не так часто. Можно привести только несколько предметов с такой композиционной особенностью. Это роговые изделия из Рогозихи-1 (рис. 10, 6) (Шамшин, 1987. С. 294), Дубровинского Борка-3 (Троицкая, 1979. С. 105) в Верхнем Приобье и бронзовая отливка из Березовского-1 в Причумылье (рис. 10, 4) (Вадецкая, 1995. С. 114. Рис. 20). Кроме аналогий резной пластине из Старых Карачей-3 в металле и роге, следует еще упомянуть о петроглифах. Среди наскальных изображений эпохи раннего железа Тепсей-IV известно

изображение копытного животного (козла) с повернутой назад головой и подогнутыми ногами (рис. 10, 5). Определенные параллели этому изображению можно найти далеко на западе в бронзовых отливках раннескифского времени из Прикубанья (Шер, 1979. С. 119. Рис. 1, 12) и роговых изделиях из Жаботино (рис. 10, 3). Изображения копытных животных с повернутой назад головой и ногами, положенными одна над другой без соприкосновения с туловищем, эпизодически встречаются в металлопластике лесостепной Скифии середины I тыс. до н.э. (Шкурко, 1976. С. 101. Рис. 3, 3, 4). Ответ на вопрос об относительной нераспространенности изображения лошади в скифо-сибирской художественной традиции вполне может быть связан с тем, что хорошо известный образ мог не нуждаться в своем тиражировании. Для равнинных территорий юга Западной Сибири обилие лошадей в эпоху древних кочевников, очевидно, было повседневной реальностью. Сходное явление можно наблюдать и в отношении образа козули. Несмотря на широкое распространение этого животного в западносибирской лесостепной зоне и использование ее рогов в древнем косторезном производстве (Бородовский, 1997. С. 205. Табл. 44, 8–12), ее изображения крайне редки. Тогда как в Синьцзяне, где козуля является редкостью, они отличаются особой детализацией (Городище Цзяохе, 1999. С. 64).

Работа выполнена по проекту “НШ-6568.2006.6” (Научная школа ак. Молодина В.И.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А. Курган Иссык. М., 1978.
- Баркова Л.Л. Резные изображения животных на саркофаге Второго Башадарского кургана // АСГЭ. Вып. 25. Л., 1983.
- Баркова Л.Л. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая (опыт стилистического анализа) // АСГЭ. Вып. 32. Л., 1995.
- Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22).
- Бобров В.В. Художественные и стилистические особенности в скифо-сибирском искусстве звериного стиля // Изв. лаборатории археологических исследований. Вып. 7. Кемерово, 1976.
- Бородовский А.П. Снаряжение верхового коня второй половины I тыс. до н.э. (по материалам раскопок на Северо-Западном Алтае) // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск, 1988.
- Бородовский А.П. Трехмерность пространства в одной из многофигурных композиций скифо-сибирского искусства // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск, 1994.
- Бородовский А.П. Сюжеты зооморфных гравировок саргатской поясной гарнитуры как отражение куль-

- турно-исторических связей // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 3.
- Бородовский А.П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). Новосибирск, 1997.
- Бородовский А.П.* Новые аналогии роговой резной пластины с лошастью из Саглы-Бажи-2 // Гуманитарные науки в Сибири. 1999а.
- Бородовский А.П.* Центры художественной косторезной обработки скифской эпохи на юге Западной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999б.
- Бородовский А.П.* Упряжь и раскрой рога в Западной Сибири // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005.
- Бородовский А.П., Галямина Г.И.* Саргатское резное роговое изделие из Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. годовой сессии ИАЭ СО РАН. Т. VII. Новосибирск, 2001.
- Вадецкая Э.Б.* Исследования коллективных могил позднетагарской культуры в верховьях Чулыма // Археологические вести. № 4. СПб., 1995.
- Васильева Т.М.* Александр в образе Гелиоса или Гелиос в образе Александра (к вопросу об интерпретации одного образа) // ВДИ. 2004. № 4.
- Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Городище Цзяохэ: Цзяохэ гучен. Отчет об археологических раскопках 1993–1994 гг. Пекин, 1999 (на китайском яз.).
- Ермолова Н.М.* Животные в жизни и искусстве скифов Сибири // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1979.
- Завитухина М.П.* Древнее искусство на Енисее. Л., 1983.
- Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен нижнего и южного Поволжья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2006.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск, 1993.
- Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М., 1997.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2005.
- Руденко С.И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. Л., 1953.
- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Руденко С.И.* Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
- Руденко С.И.* Культура населения центрального Алтая в скифское время. Л., 1963.
- Русакова И.Д.* К вопросу о мифологических представлениях ранних кочевников // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003.
- Самашев З.С., Бородовский А.П.* Роговые украшения конской узда и упряжи из Берельского некрополя // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3 (19).
- Смирнов К.Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Советова О.С.* Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск, 2005.
- Телегин А.Н.* Раскопки курганной группы Обьездное-1 // АО–2004. 2005.
- Телегин А.Н., Бородовский А.П.* Резные роговые украшения седла скифского времени с Приобского Плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Ч. 1. Новосибирск, 2005.
- Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.
- Уманский А.П.* К вопросу о взаимодействии горных и лесостепных племен Алтая в эпоху раннего железа // Проблемы истории Горного Алтая. Барнаул, 1987.
- Уманский А.П.* Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 г. // Вопросы Археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.* Могильный скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
- Фурсикова Е.Г.* Симметричные композиции на металлических пластинах гунно-сарматского времени // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга. СПб., 1998.
- Чугунов К.В.* Локально-хронологические особенности Тувы в середине I тыс. до н.э. // Евразия сквозь века. СПб., 2001.
- Шамшин А.Б.* Работы в лесостепном Алтайском Приобье // АО–1985. 1987.
- Шер Я.А.* Особенности раннего этапа скифо-сибирского звериного стиля // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1979.
- Шкурко А.И.* О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Images of horses on horn details of Scythian-time horse harness from the South of Western Siberia

A. P. Borodovsky

Summary

On the whole, images of horses on horn details of Scythian-time saddles from the South of Western Siberia are made in the best traditions of ancient nomad art. Images of horses on horn artifacts clearly show archaic features and Near Eastern influence. These peculiarities are obviously connected to the traditional usage of horses in nomad life, with its mobility and wide external relations.

О НАХОДКАХ ШТОКОВ АНТИЧНЫХ ЯКОРЕЙ У МЫСА ПЛАКА В КРЫМУ

© 2008 г. А. В. Лысенко, В. Е. Герасимов

Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Симферополь

Информация о находках деталей античных (“греко-римских”) якорей на участке шельфа у побережья Таврики между Херсонесским и Боспорским государствами публикуется редко. В специальной литературе упомянуты лишь два свинцовых штока, случайно обнаруженные напротив мыса Ай-Тодор (вблизи римского укрепления Харакс) (рис. 1, 4) и у мыса Меганом (Назаров, 1993; 2003. С. 89) (рис. 1, 1). По другим, менее достоверным, сведениям, такие артефакты встречали в бухте Ласпи (рис. 1, 5) и у скал Адалары (“Белые Камни”) напротив Гурзуфа (Назаров, 2003. С. 87) (рис. 1, 3). О штоках в бухте Ласпи известно лишь со слов самодеятельных аквалангистов. Шток у скал Адалары паспортизирован членами дайв-клуба UNION (г. Ялта). Согласно их данным, он залегал на глубине 12 м. Изделие цельнолитое, с прямоугольной коробкой под веретено в центре. Плечи его примыкают к коробке под углом, в плане сужаются к концам. Длина штока – 85 см, “сечение” штока и размер коробки под веретено – 4 × 6 см. В теле изделия по всей длине располагается деревянный “сердечник” сечением 1.5 × 2.5 см. По формальным признакам шток, видимо, относится к типу 3(d)I или 4 по Герхарду Капитану (Karitän, 1984. P. 36, 37. Fig. 4, 3(d)I, 4). В связи с изложенным ясно, что каждая новая документированная находка представляет определенный интерес, в частности штоки, обнаруженные недавно у мыса Плака (рис. 1, 2).

Мыс расположен на юго-восточном побережье южной части Крымского полуострова (рис. 1, 2; 2). Он образован отпрепарированным морем куполообразным штоком плотных магматических пород, сложенным микродиабазами и диабазовыми порфиритами (Фирсов, 1990. С. 92, 93). Скалистый массив с обрывистыми юго-западным, южным и юго-восточным склонами вытянут по линии СВ–ЮЗ на 300 м, ширина его – около 100, высота – до 61.7 м над уровнем моря. К юго-западу и северо-востоку от мыса располагаются небольшие бухты. Последняя с северо-востока ограничена выступающим в море рифом (скалистой грядой) длиной около 0.5 км, опасным в навигационном отношении (Люция..., 1976. С. 166) (рис. 2).

Многие исследователи локализовали у мыса Плака топоним (населенный пункт?) “Лампад”

(Λαμπάδα – факел, светильник, маяк), упомянутый в “Перипле Понта Эвксинского” Арриана Флавия (II в. н.э.) (Латышев, 1948а. С. 272) и в перипле Анонимного автора (VI в. н.э.) (Латышев, 1948б. С. 235) в контексте побережья Таврики. Основанием для этого послужили расчеты местоположения пункта по приведенным в источниках данным, а также созвучие с древним топонимом наименования двух расположенных в окрестностях мыса поселков: Кипарисное (бывш. Кучук-Ламбат), Малый Маяк (бывш. Биюк-Ламбат) (Кеппен, 1837. С. 163–165. Прим. 246; Латышев, 1948а. С. 272. Прим. 11; Фирсов, 1990. С. 111, 112; Зубарев, 2005. С. 218–221).

Археологические объекты, расположенные на мысе, изучены недостаточно. В литературе содержатся сведения о наличии на его склонах подъемного материала III–II(?) вв. до н.э. – I–II(?) вв. н.э. (Фирсов, 1990. С. 96). Кроме того, здесь выявлены культурные отложения IX–X – XV вв., в том числе остатки укрепления XIII в. (Репников, 1935. С. 195–200; Баранов, 1969. С. 266, 267; Домбровский, 1974. С. 45. Рис. 25, 26; Фирсов, 1990. С. 96–99; Мыц, 1991. С. 148).

Изучение шельфа, прилегающего к мысу Плака, проводилось в 1991–1995 гг. подводными археологами Киевского государственного университета. При этом на дне бухты к юго-западу от мыса зафиксированы культурные напластования и отдельные артефакты VI–XV вв., в том числе, видимо, остатки кораблекрушения IX–XI вв. Северо-восточнее мыса обнаружен подъемный керамический материал IV в. до н.э. – IV в. н.э. (в основном – I в. до н.э. – IV в. н.э.) (рис. 2), а также выявлены остатки кораблекрушения VI–VII вв. Результаты этих работ позволили их автору присоединиться к мнению исследователей, локализуемых у мыса Плака древний Лампад, а также сделать вывод о том, что гавань этого поселения располагалась в бухте северо-восточнее мыса под прикрытием упомянутой скалистой гряды, которая (принимая во внимание колебания уровня моря) в начале нашей эры, возможно, значительно возвышалась над поверхностью воды, образуя естественный мол (Зеленко, 1999. С. 66–69). О том, что у Лампады есть стоянка для кораблей,

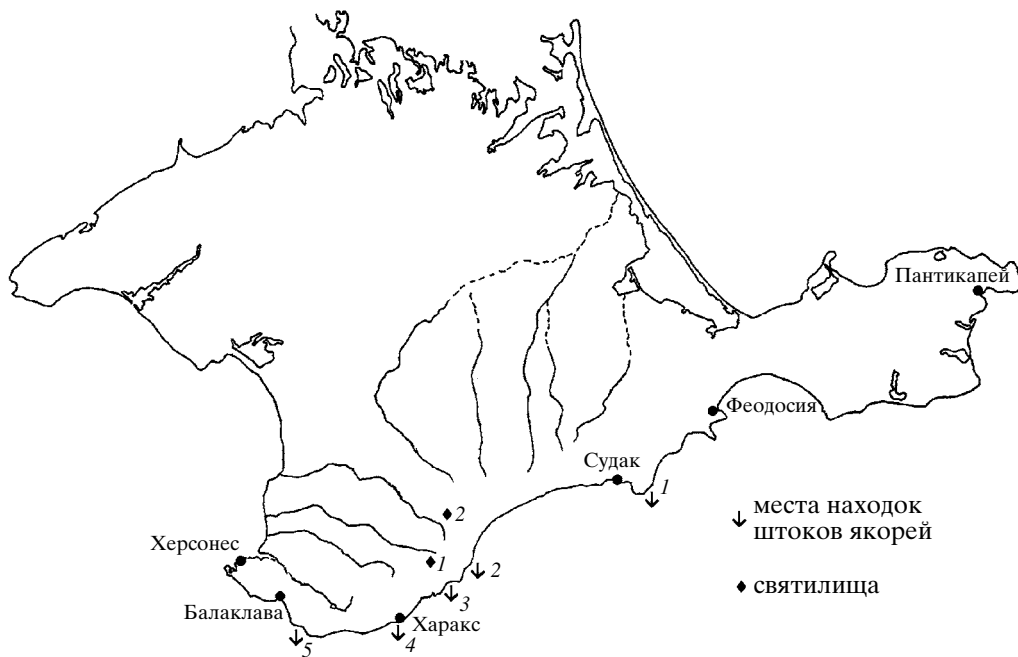

Рис. 1. Находки свинцовых штоков “греко-римских” якорей у побережья Таврики: 1 – мыс Меганом; 2 – мыс Плака; 3 – Гурзуфский залив; 4 – мыс Ай-Тодор; 5 – бухта Ласпи. Варварские святилища, на которых обнаружены элементы римского вооружения и военного костюма I в. н.э.: 1 – перевал Гурзуфское Седло; 2 – гора Чатыр-Даг. Схема.

сообщается в перипле Анонимного автора VI в. н.э. (Латышев, 1948б. С. 235).

В 2003–2004 гг. в акватории у мыса Плака самодельные аквалангисты обнаружили два свинцовых якорных штока (рис. 2). Информации об одном из них мало. Удалось выяснить, что он обнаружен между северо-восточной оконечностью мыса Плака и упомянутым рифом (рис. 2, II). Судя по фотографии, изделие по формальным признакам соответствует типу 3(с) по Герхарду Капитану (Karitän, 1984. P. 36. Fig. 4, 3(c) и типу 3.3.8. по А.В. О कोरोкову (1986. С. 20. Рис. 21). Шток залегал на пологом, каменистом участке дна, на глубине 9–10 м. Такие артефакты датируются I в. до н.э. (О कोरोков, 1986. С. 20) или II в. до н.э. – I в. н.э. (Охотников, 1998. С. 78), однако, возможно, они бытовали и позже.

Сотрудникам Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ удалось изучить второй из якорных штоков (хранится в фондах Алуштинского филиала КРКМ) и выяснить обстоятельства его находки (Лысенко, Тесленко, 2006. С. 64, 65, 170. Рис. 193, 8). Шток археологически целый, собирается из двух фрагментов. Его обломки залегали у юго-западной оконечности мыса (рис. 2, I). Здесь основание скалы, расположенное ниже современного уровня моря, прикрыто гравитационными (возможно, сейсмогравитационными) отложениями, сформированными равномерными глыбами диабазового порфирита (коллювий) (Корженевский, Клюкин, 2000. С. 7, 8, 28–31). Уклон этого каменного навала – около 40° , высота – не менее

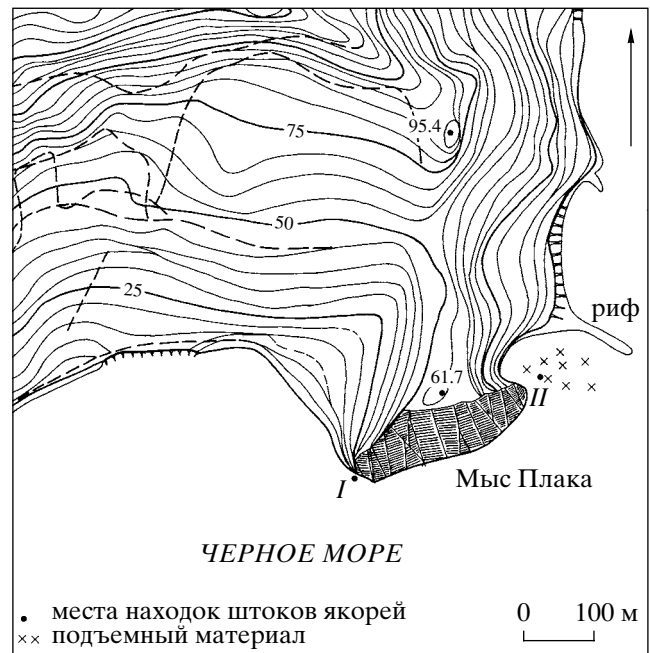

Рис. 2. Находки свинцовых якорных штоков у мыса Плака. План.

10–12 м (Зеленко, 1994. С. 122, 123). Одно плечо штока было заклинено между камней примерно в 6–7 м от береговой линии, на глубине около 7 м, в средней части глыбового навала. Второе, с коробкой, залегало у его подножия, на глубине 9–10 м.

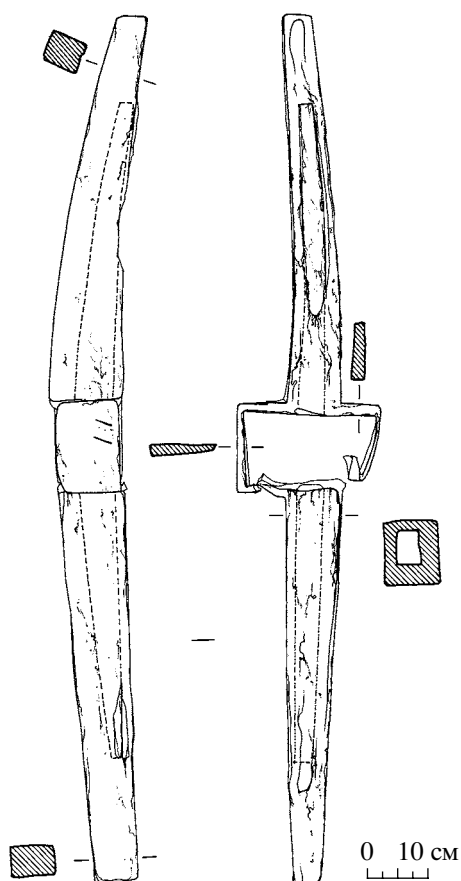

Рис. 3. Свинцовый якорный шток, обнаруженный у юго-западной оконечности мыса Плака.

С достаточной долей вероятности можно предполагать, что обломок, найденный среди камней, располагался *in situ*, а фрагмент, обнаруженный ниже, отломился от него, судя по состоянию скола, сравнительно недавно.

Шток цельнолитой, длиной около 144 см (рис. 3). Сохранившаяся масса – 75 кг. Плечи его слегка изогнуты, сужаются к краям (размер их сечения – $8.5 \times 12 - 9 \times 10.5 - 5 \times 5 - 4.5 \times 7$ см). В центральной части изделия – выступающий, ориентированный поперек его продольной оси коробчатый приемник-отверстие для веретена якоря (размер отверстия – 21.5×12.5 см, высота приемника – до 10.5). В его длинных стенках находятся устья двух “слепых” каналов (длина – около 45 и 51 см, размер сечения – $4.5 \times 6 - 2 \times 3$ см), располагающихся в теле штока субпараллельно его продольной оси. Контур их в сечении прямоугольный, ориентирован вертикально. Видимо, здесь находился деревянный штифт (“сердечник”), при помощи которого шток неподвижно фиксировался на веретене двурогого деревянного якоря. По формальным признакам изделие соответствует типу 3(d)I (возможно, вариант, переходный к завершающему эволюционный ряд типу 4) по Герхарду

Капитану (Kapitän, 1984. P. 36, 37. Fig. 4, 3(d)I, 4) и типу 3.3.6. по А.В. Огорокову (1986. С. 19. Рис. 19). Это одна из наиболее часто встречающихся в Северном Причерноморье разновидностей свинцовых штоков (Орачев, Орачева, 1988. С. 26. Обр. 8; Лебединский, 2002. Рис. 2; Назаров, 2003. С. 95. Рис. 27).

Более или менее точно определить хронологическую позицию публикуемого штока сложно. Такие предметы, как и в данном случае, обычно находят вне контекста (Kapitän, 1984. P. 34). В связи с этим датируют их по-разному, часто в довольно широких пределах: III–I вв. до н.э. – III–IV вв. н.э. (Орачев, Орачева, 1988. С. 26), III–I вв. до н.э. (Огороков, 1986. С. 19), I в. до н.э. – I в. н.э. (Лебединский, 2002. Рис. 2). Существует предположение о том, что эволюция свинцовых штоков и соответственно якорей шла в сторону уменьшения их размера и массы (Скрягин, 1973. С. 17). Видимо, это наблюдение не может служить надежным основанием для хронологических разработок, так как вес якоря на древних кораблях, как и в новое время, вероятно, зависел от многих факторов (размеры судна, наличие якорных цепей и пр.) (Скрягин, 1979. С. 84–94). В связи с этим следует полагать, что обнаруженный у мыса Плака шток, судя по его относительно небольшой массе, являлся частью одного из двух-трех якорей, использовавшихся в оснастке малотоннажного (см. Скрягин, 1979. С. 367) корабля. Авторы публикации, посвященной якорям из собрания Шабленского музея (Болгария), появление подобных изделий связывают с Западным Средиземноморьем, а распространение их в Черном море, опираясь, в частности, на исторические источники, приурочивают к проникновению в его воды римского флота. Высказано предположение, что хранящийся в Шабленском музее шток, типологически и по размерам сопоставимый с публикуемым, мог находиться на небольшой либурне Мезийского Флавиева флота (Орачев, Орачева, 1988. С. 26), сформированного, видимо, во второй половине I в. н.э. (Зубарь, 2003. С. 14). Исходя из этого исследователи предлагают в качестве наиболее вероятной даты для найденных здесь штоков I в. до н.э. – III–IV вв. н.э. (Орачев, Орачева, 1988. С. 26. Прим. 63). Некоторым подтверждением верхней даты, возможно, является изображение корабля на стенке “Склепа 1901 г.” Пантикапейского некрополя. По крайней мере один (“малый”) из видных на рисунке якорей по форме напоминает рассматриваемые (Петерс, 1982. С. 113, 115. Рис. 38; о хронологии таких склепов см.: Лысенко, Юрочкин, 2004. С. 128, 129).

Место залегания штока – в непосредственной близости от оконечности скалистого мыса, лишенной удобного выхода на берег, вряд ли можно считать подходящим для якорной стоянки. Сопоставляя предполагаемую хронологическую позицию предмета с современными представлениями

о динамике изменений береговой линии в Северном Причерноморье античного времени, следует констатировать, что он был утрачен в период, близкий к финалу Фанагорийской регрессии и ранней фазе Нимфейской трансгрессии, когда уровень моря, по различным оценкам, был ниже современного на 3–5 м (по П.В. Федорову) – 11 (по К.К. Шилику) (см. Агбунов, 1987. С. 3; Назаров, 2003. С. 23, 24). Если даже принять минимальную цифру, придется заключить, что изначально шток залегал на глубине не более 2–4 м и, видимо, всего в нескольких метрах от уреза воды. Исходя из этого можно предполагать, что он оказался в воде во время шторма. Якорь либо отдан при попытке избежать столкновения корабля со скалой (подобные по характеру находки известны, например, в акватории, прилегающей к Херсонесу: Иванов, 2001. С. 222; Лебединский, 2002. С. 17), либо утрачен во время столкновения. Таким образом, шансы на спасение судна, вероятно, были невелики.

Судьба мореходов после возможного крушения скорее всего в значительной степени зависела от лояльности местных жителей. Этнополитическая ситуация в южной части Горного Крыма в римское время, реконструируемая по археологическим материалам, данным эпиграфики и сведениям древних авторов, в общих чертах выглядит следующим образом: здесь жили “тавры”, “скифо-тавры”, “тавро-скифы” (КБН. № 39, 40, 1008, 1237; Ольховский, 1981. С. 53). К началу нашей эры население, видимо, было сравнительно немногочисленным. Определенную роль в его хозяйственной деятельности играло пиратство. Об этом, в частности, свидетельствует рассказ Тацита о том, что в 49 г. н.э. несколько римских кораблей, возвращавшихся с Боспора, выбросило к берегу тавров и варвары убили “префекта когорты и множество воинов вспомогательного отряда” (Латышев, 1949. С. 215).

Во второй половине I в., после римско-боспорской войны, вероятно, в рамках экспедиции Т. Плавтия Сильвана для защиты морских коммуникаций римлянами было начато возведение укрепления Харакс. Видимо, с этим связано сообщение Иосифа Флавия (37 – ок. 100 г. н.э.) о том, что “народ таврийский”, наряду с другими “племенами на Понте и Меотийском море... удерживается тремя тысячами тяжеловооруженных воинов и сорока военными кораблями” (Латышев, 1947. С. 276). В то же время окончательная победа над варварами не была достигнута, о чем, возможно, свидетельствует херсонесское надгробие двух вольноотпущенников с эпитафией, в которой указано, что по крайней мере один из них убит таврами. Исследователи датируют этот памятник I или второй половиной II в. (Соломоник, 1983. С. 43, 44; Зубар, 1990. С. 108, 109).

Вероятно, в конце II в. н.э. в результате военной операции римских и боспорских войск против

варваров произошел раздел Таврики (Зубар, 1991. С. 127–129; Зубарь, 1994. С. 111, 112). Одной из основных целей этих военных действий предположительно была борьба с морским пиратством (см. КБН. № 1237). Юго-западная часть региона, видимо, оказалась под непосредственным контролем Херсонеса и Римской империи, а северо-восточная (к востоку от Харакса) – под влиянием Боспора. Здесь численность населения резко увеличилась. Появились новые поселения (ближайшее к мысу Плака – в 1 км к северо-западу от него), возможно, возникшие в процессе освоения территории пришельцами со стороны Боспорского государства (Лысенко, 2005). После эвакуации гарнизона Харакса (вторая треть III в.) численность населения Таврики, по-видимому, вновь сокращается. На ее “римско-херсонесской” части, у стен покинутой крепости, появляется некрополь Ай-Тодор (вторая–третья треть III – IV–V в.). Сходный объект возникает на “боспорском” участке региона, на склоне горы Чатыр-Даг (третья треть III – первая половина IV в.). Не исключено, что эти памятники связаны с небольшими воинскими контингентами, в составе которых, вероятно, были германцы (во втором случае, возможно, бывшие участники упомянутых в многочисленных источниках “скифских войн”), размещенные в последней четверти III в. в стратегически важных пунктах Южного Крыма в качестве подконтрольных Риму военных поселенцев (Мыц и др., 2006. С. 186, 187).

Таким образом, в I в. до н.э. – I–II вв. н.э. потерпевшим крушение у берегов Таврики мореплавателям, видимо, не удалось бы избежать конфликта с аборигенами. Реальность событий, описанных Тацитом, подтверждают находки малоазийских монет и элементов римского (трофейного?) вооружения I в. н.э. на расположенных здесь горных варварских святилищах (Анохин, 1989. С. 60; Зубар, 1993. С. 66–70; Новиченкова, 1998) (рис. 1, 1, 2). Ближайший к мысу Плака объект такого рода (в 10,5 км к западу) – капище у перевала Гурзуфское Седло. На основании сопоставления местоположения этих памятников и топографии находок артефактов, свидетельствующих о возможных кораблекрушениях римского времени на шельфе у Южного берега Крыма, в частности, якорных штоков, можно предполагать, что римские суда были выброшены на берег скорее всего между Алуштинской и Ялтинской долинами (мыс Плака, Гурзуфский залив) (рис. 1).

Позже ситуация могла разрешиться более благополучно. Например, в “Перипле Понта Эвксинского” Арриана Флавия (II в.) повествуется о выброшенном на берег и разбитом судне, команде которого, однако, удалось уцелеть, спасти всю оснастку и материалы, а затем, воспользовавшись местными ресурсами (лес), построить новое судно (Латышев, 1948а. С. 266).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азбунов М.В. Античная археология и палеогеография // КСИА. 1987. Вып. 191.
- Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Баранов И.А. Разведки на м. Плака. Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 гг. // Архив КФ ИА НАН Украины. 1969. Кн. 4. П. 911. № 547.
- Домбровский О.И. Средневековые поселения и "Исары" Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
- Зеленко С.М. Подводные исследования шельфа у мыса Плака // АИК. 1993. Симферополь, 1994.
- Зеленко С.М. Работы подводно-археологической экспедиции Киевского университета им. Тараса Шевченко на южном берегу Крыма в 1991–1995 гг. // Vita Antiqua. № 1. Киев, 1999.
- Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.
- Зубар В.М. Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса // Археологія. 1990. № 2.
- Зубар В.М. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. № 1.
- Зубар В.М. Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Тавриці // Археологія. 1993. № 1.
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994.
- Зубарь В.М. Римское военное присутствие в Таврике // Stratum plus. 2003. № 4.
- Иванов А.В. Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч // Морська торгівля в Північно-му Причорномор'ї. Київ, 2001.
- Кеппен П.И. О древностях Южного берега и гор Таврических // Крымский сборник. СПб., 1837.
- Корженевский В.В., Клюкин А.А. Биоиндикация современных процессов рельефообразования. Ялта, 2000.
- Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948а. № 1.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948б. № 4.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 3.
- Лебединский В.В. Результаты новейших подводных археологических исследований в акватории г. Севастополя в рамках реализации проекта: "Составление фундаментального свода подводных археологических памятников Черноморского бассейна и создание подводно-археологической карты" // Подводная археология: сто лет исследований. М., 2002.
- Лоция Черного моря. Л., 1976.
- Лысенко А.В. Новое поселение римского времени на Южном берегу Крыма // Боспорский феномен: проблемы соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2005 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 2006. Кн. 5. П. 1413. № 1066.
- Лысенко А.В. Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.) // "О древностях Южного берега и гор Таврических". Киев, 2004.
- Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римского времени в Крыму. СПб., 2006.
- Назаров В.В. Находки у мыса Меганом // Судова археологія та підводні дослідження. Запоріжжя, 1993.
- Назаров В.В. Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины. Киев, 2003.
- Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло // ВДИ. 1998. № 2.
- Окороков А.В. Якоря корабельные. М., 1986.
- Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3.
- Орачев А., Орачева И. Реконструкции на каменни и оловни котви от Шабленската музейна сбирка // Археология. 1988. Кн. 1.
- Охотников С.Б. Подводные исследования у острова Змеиног // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1998.
- Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
- Репников Н.И. Работы на Южном берегу Крыма (Гипрогор). Археологические памятники // ИГАИМК. 1935. № 109.
- Скрягин Л.Н. Книга о якорях. М., 1973.
- Скрягин Л.Н. Якоря. М., 1979.
- Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
- Фирсов Л.В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990.
- Kapitän G. Ancient anchors – technology and classification // JNA. 1984. V. 13. № 1.

Classical anchor stocks found off Plaka cape in the Crimea

A. V. Lysenko, V. E. Gerasimov

Summary

The article is devoted to lead anchor stocks of Graeco-Roman wooden anchors found off the South Coast of the Crimea, in particular, to the publication of one of these anchors which was discovered off Plaka cape. The anchor stock represents one of the varieties which are most frequently encountered in the North Pontic area and dates presumably to the Roman times. The preserved weight of the artifact is 75 kg. Judging by the relatively small mass, the anchor belonged to a small-tonnage vessel. Analysis of the circumstances of the find allows to assume that the anchor may have been lost during a storm, during an attempt to avoid collision with a rock, or during collision.

ГОРОДИЩЕ НОВИК XII–XIII вв. НА СРЕДНЕЙ ВЫЧЕГДЕ (РЕСПУБЛИКА КОМИ)

© 2008 г. К. С. Королев

Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра УрО РАН, Сыктывкар

В настоящее время известно шесть локальных вариантов культуры перми вычегодской, соответствующих территориально-племенным объединениям предков коми-зырян: вымский, нижневычегодский, средневычегодский, нижнесыольский, верхнесыольский и удорский; последние три представлены пока единичными памятниками (Савельева, 1995. С. 7, 8). Почти половина памятников перми вычегодской сосредоточена в бассейне Выми – центре формирования коми-зырян (15 могильников и одно поселение). До конца 1970-х годов в среднем течении Вычегды был известен единственный памятник предков коми – Усть-Сыольский (Сыктывкарский) могильник XI в., открытый еще в середине XIX в. краеведом С.Е. Мельниковым (рис. 1, 6).

До 50–60-х годов прошлого столетия господствовало мнение о позднем заселении восточной части Вычегодского края предками коми-зырян. Основываясь в основном на письменных источниках, исследователи считали, что в XV–XVII вв. в данном регионе отсутствовали постоянные поселения коми, и относили его к промысловым территориям угров (предки манси и хантов) (Буров, 1965. С. 192). Л.П. Лашук, основываясь на сообщениях местных жителей о “чудских” ямах и могилах, полагал, что они могли принадлежать древнему угорскому населению, проникшему из-за Урала (Лашук, 1972. С. 60). Подобные мнения возникли, по всей вероятности, ввиду отсутствия или незначительности в то время археологических данных по рассматриваемому региону.

Положение начало меняться с 1970-х годов, когда в результате работ I Вычегодского археологического отряда ИЯЛИ КНЦ УрО РАН под руководством автора в долине Средней Вычегды были открыты и исследованы первые памятники предков коми-зырян: святилище Джуджидъяг, могильники Шойнаты II, Шойнаты III у оз. Шойнаты и Пезмогский могильник (рис. 1, 1, 2, 7 и 4). В 1981 г. был открыт и частично исследован Небдинский могильник (рис. 1, 3). В 1991 г. Э.С. Логиновой был открыт, а в 1994, 1996 гг. М.В. Кленовым раскопан Озельский могильник в окрестностях Сыктывкара (рис. 1, 5).

Общие хронологические рамки функционирования средневычегодских могильников перми вы-

чегодской определяются временем бытования аналогичных предметов со средневековых памятников Вымского бассейна, Верхнего Прикамья, Ярославского Поволжья, Волго-Окского междуречья и северо-западных древнерусских земель. Для датировки памятников в основном использовались украшения, из бытовых предметов – кресала. Учитывая время распространения приведенных категорий вещей на средневековых памятниках соседних территорий, а также взаимовстречаемость некоторых из них в закрытых комплексах, средневычегодские могильники перми вычегодской Шойнаты II, Шойнаты III, Небдинский и Пезмогский можно датировать XI–XII вв. (Королев, 1997. С. 182, 183). Вероятная дата функционирования Озельского могильника – рубеж XII–XIII или первая половина XIII в. (Кленов, 1999. С. 13).

Еще в конце 1970-х годов автор считал, что открытие памятников перми вычегодской на участке Средней Вычегды от устья Сысолы до впадения в нее правого притока Вишеры “делает перспективным поиски новых памятников в долине Вычегды, расположенном выше устья Вишеры” (Королев, 1979. С. 32), обосновывая свое мнение рядом обстоятельств. Тщательный анализ документов XV в. позволяет отнести все среднее, а частично и верхнее течение Вычегды к территории перми вычегодской. В частности, в Жалованных грамотах Ивана III 1485 и 1490 гг. в числе пермских земель перечисляются притоки Средней и Верхней Вычегды рр. Нидзь, Эжъес, Нем, Лопью, Мылва и оз. Подты (гидронимы даны в современной транскрипции) (Документы..., 1958. С. 243–252). Особо следует подчеркнуть, что в грамоте 1485 г. прямо говорится, что перечисленные угодья были уже “дедины и отчины”, т.е. принадлежали предкам коми гораздо раньше составления данного документа. Микротопонимия восточной части Вычегодского края также свидетельствует о давнем обитании коми в этом регионе. Она поразительно сходна с вымской, нижневычегодской и сыольской, здесь повсеместно встречаются названия “чуд гу”, “чуд кар”, “чудью”, “кармыльк”, “шойнаяг” и другие, многие из которых связаны со средневековыми памятниками коми.

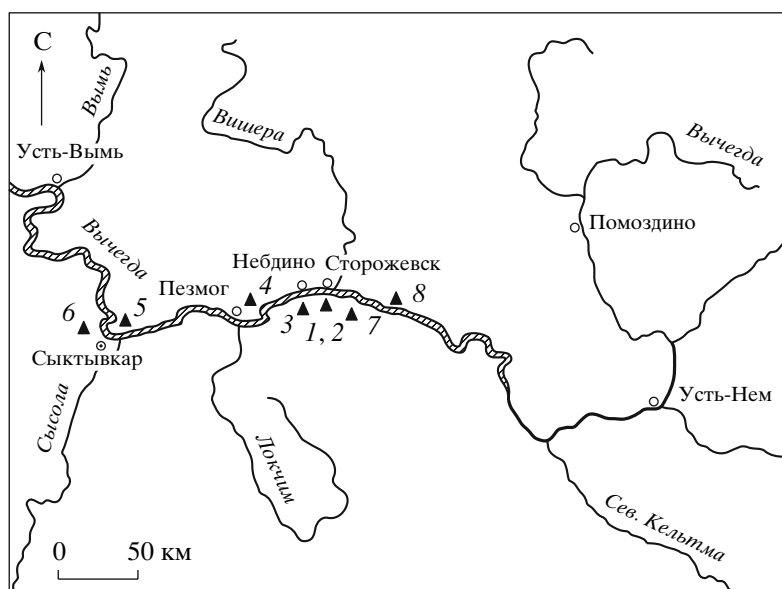

Рис. 1. Средневычегодский локальный вариант культуры перми вычегодской. Могильники: 1 – Шойнаты III; 2 – Шойнаты II; 3 – Небдинский; 4 – Пезмогский; 5 – Озельский; 6 – Усть-Сысольский; 7 – святилище Джудждьзяг; 8 – городище Новик.

При поисках средневычегодских памятников перми вычегодской мы обращали особое внимание на микротопонимию обследуемой местности в совокупности с фольклорными данными (предания, легенды) коми, связанными с ними. Этот путь оказался довольно результативным. Большинство из перечисленных памятников так или иначе оказалось обозначенным как в микротопонимах, так и в местном фольклоре. С легендарным оз. Шойнаты (переводится с коми как “озеро-кладбище”) связана легенда о битве двух групп чуди, сбрасывавших погибших в озеро (Рочев, 1985. С. 5–10). По-видимому, не случайно здесь выявлены два могильника и святилище предков коми. Пезмогский могильник расположен в бору Шойнаяг (коми – “могильный бор”), само название местности маркирует средневековый могильник. В то же время, по фольклорным данным, в окрестностях Пезмогского озера будто бы проходила “дорога древних людей” (коми – “важ йоз туй”), что ориентирует на события большой давности (Рочев, 1985. С. 9).

При разведочных работах 1999 г. нами было осмотрено урочище между с. Подъяельск и д. Новик, известное местному населению под названием “Чуд гуяс” (“Чудские ямы”). Здесь на мысовом участке боровой террасы были действительно замечены ямы на поверхности. Раскопки 2000–2002 гг. позволили выявить остатки средневекового укрепленного поселения – городища Новик, пока единственного памятника такого рода в долине Средней Вычегоды.

Памятник находится на правом берегу среднего течения Вычегоды, в урочище, у восточной око-

нечности старичного оз. Полой, на возвышенном мысовом участке береговой террасы, в 3 км к северо-востоку от д. Новик (Корткеросский район Республики Коми) (рис. 2). С напольной стороны мыс огражден оплывшим теперь дугообразным рвом шириной около 2,5 м и глубиной 0,7 (рис. 3). Мыс состоит из двух всхолмлений, разделенных поперечным оврагом глубиной около 3 и шириной до 6 м и окружен болотистой низиной. На поверхности были зафиксированы три сравнительно крупные ямы. В результате разведочных работ I Вычегодского археологического отряда ИЯЛИ КНЦ УрО РАН в 1999 г. на северной оконечности мыса были найдены фрагменты средневековой керамики. В 2000–2002 гг. памятник был исследован полностью. Раскоп 1 площадью 216 м², заложенный в северной части мыса, практически охватил ее полностью. В 10 м южнее раскопа 1 был заложен раскоп 2 площадью 72 м², охвативший верхнюю часть холмообразного основания мыса с ямой диаметром около 2,6 м (рис. 2).

РАСКОП 1

Северная часть мыса понижается от центра к краям в восточном, северном и западном направлениях. На поверхности зафиксированы две округлые ямы: № 1 диаметром около 1,5 и глубиной 0,5 м и № 2 диаметром 3 и глубиной около 1 м (рис. 4). Строение почвы на раскопе: 1 – растительный слой – 2–3 см, 2 – коричневатый песок с примесью глины с камнями – 6–20 см (культурный слой), 3 – насыпной смешанный серый песок с угольками, вкраплениями зеленоватой глины и

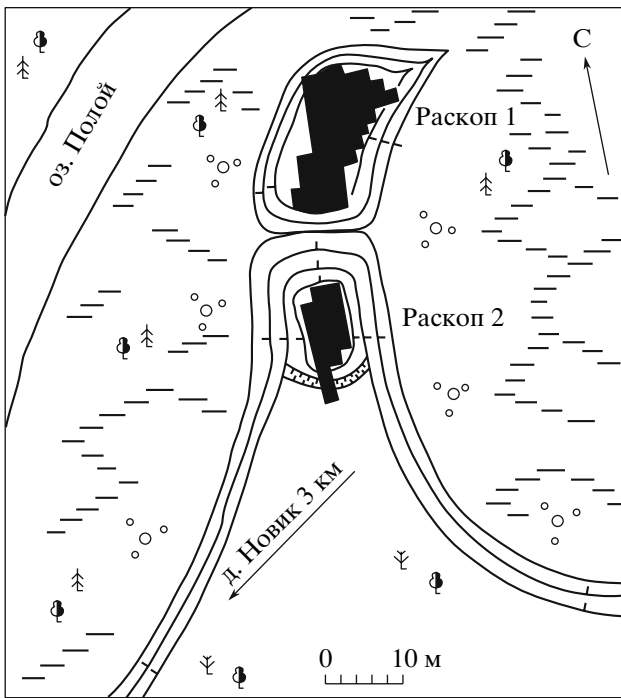

Рис. 2. Городище Новик. Ситуационный план.

ортштейна – 20–86 см (остатки вала), 4 – темнокоричневая глинистая прослойка – 2–12 см, 5 – белый песок (подстилающий слой).

Первый горизонт культурного слоя (0–0.1 м). Практически все культурные остатки залежали в коричневатом песке до глубины 0.2 м от современной поверхности, причем основная их масса располагалась в первом горизонте глубиной до 0.1 м. Значительная часть камней концентрировалась в основном в трех скоплениях, расположенных севернее, восточнее и юго-западнее ямы 1, кое-где образуя вымостки (кв. 5–Е–Д–Г, 1–Г, 2–А; найдено более 3000 камней). На уровне этого горизонта зафиксировано девять пятен прокален-

ного песка неправильно-овальной формы и одно пятно сложной конфигурации (у западной стенки раскопа 1), выявленные после удаления растительного слоя. Четыре из них имеют в поперечнике менее 1 м, мощность линз прокала от 2 до 5 см. На стыке кв. 4–5–Е–Д расчищено удлиненное пятно углистого песка размерами 2 × 0.9 и мощностью до 0.08 м. В центральной и северной части раскопа 1 выявлены три обгорелые деревянные плахи длиной 2–2.23 и шириной 0.28–0.36 м. Плаха вблизи ямы 1 ориентирована с ЮВ на СЗ, остальные две – с СВ на ЮЗ параллельно друг другу (рис. 4).

Второй горизонт культурного слоя (0.1–0.2 м). В этом горизонте зафиксировано шесть углистых пятен мощностью 3–5 см. В плане они округлые или неправильно-овальные. Крупнейшее из них имеет размеры 1.2 × 0.6 м, остальные значительно меньше. Кроме углистых пятен во втором горизонте расчищены небольшие округлые в плане ямы, заполненные углистым песком. Яма А расположена в 3 м юго-восточнее ямы 1, ее размеры – 0.8 × 0.7, глубина в подстилающем белом песке – 0.22 м. На дне ямы найдено небольшое скопление фрагментов лепной керамики. Яма Б с углистым заполнением диаметром 0.65 и глубиной 0.18 м расчищена в материковом белом песке в 1.6 м юго-западнее ямы 1. Находки в ней не обнаружены. Во втором горизонте выявлено плотное углистое пятно (остатки плахи) длиной 1.25 и шириной 0.3 м в 0.6 м восточнее ямы 1.

Остатки деревянного сооружения. В 1 м северо-восточнее ямы 2 расчищены фрагменты горелых деревянных плах и досок, представляющих, по-видимому, остатки какого-то сооружения, примыкавшего к внутренней стороне вала. Некоторые фрагменты плах имеют длину до 1.8 и ширину 0.2 м при толщине до 5–8 см. Большинство углистых фрагментов имеет длину от 0.1 до 1 м. В кв. 7–Е–Д остатки плах стыкуются под прямым углом. В кв. 6–Е и 7–Е–Д углистые остатки пере-

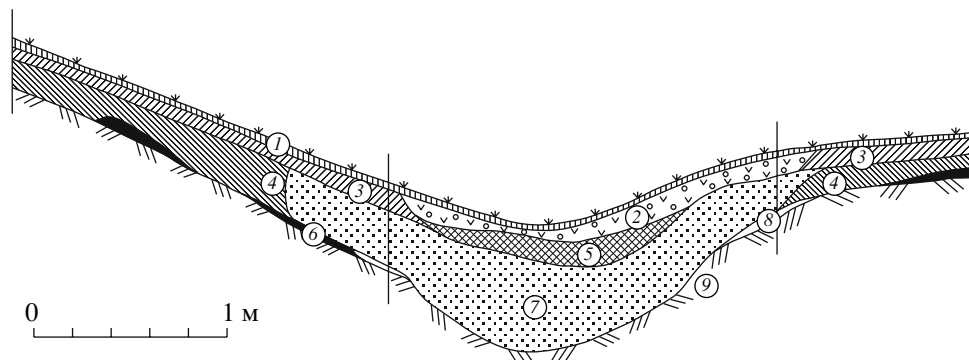

Рис. 3. Городище Новик. Ров в основании мыса. Профиль: 1 – дерн; 2 – коричневатый углистый песок; 3 – сероватобурый песок; 4 – светло-коричневый песок; 5 – черный углистый слой; 6 – прослойка глины; 7 – серый смешанный песок; 8 – погребенный подзол, 9 – белый песок (материк).

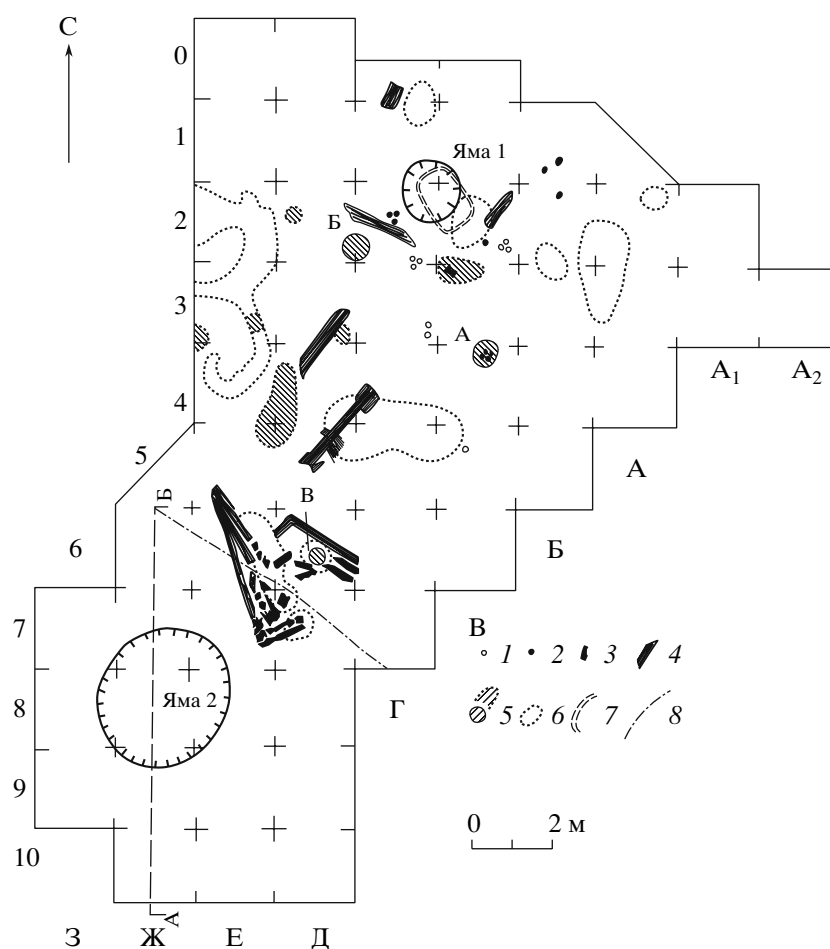

Рис. 4. Городище Новик. Раскоп 1: 1 – круговая керамика; 2 – лепная керамика; 3 – железный топор; 4 – горелое дерево; 5 – углистые ямки и пятна; 6 – пятно прокала; 7 – яма-хранилище; 8 – внутренняя граница оплывшего песчаного вала у южного края городища (пунктирной линией А–Б обозначено место разреза вала – приблизительно под углом 45° к оси вала).

крыты сверху слоем сероватого песка толщиной 0.2–0.6 м, очевидно, сползшим со временем с насыпи вала, имеющей теперь холмообразную форму. Углистые остатки сооружения сопровождаются пятнами прокаленного грунта (глина с песком) мощностью 2–5 см. Округлое пятно прокала зафиксировано в кв. 6–Д, в районе ямы В, расчищенной под слоем камней. Яму В диаметром 0.5 и глубиной около 0.3 м заполняет прокаленный глинистый песок (очаг-каменка?). В пределах остатков постройки, близ очага, найдены фрагменты лепной керамики, железная скоба и стержень (рис. 4).

Яма 1. После удаления растительного слоя и темно-серого песка в районе ямы 1 в белом подстилающем песке оконтурилась яма подчетыреугольной формы с закругленными углами размерами 1.8×1.1 и глубиной 0.44–0.47 м. Стенки наклонные, дно сравнительно ровное, заполнение – сероватый песок с редкими угольками. На дне ямы найдены камни (6 экз.). Яма 1 представляет, по всей вероятности, остатки хозяйственного сооружения, возможно ямы-хранилища (рис. 4).

Яма 2. В южной части раскопа 1 исследовано округлое всхолмление с большой ямой в центральной части. Судя по профилям крестообразных бровок, данное холмообразное возвышение представляет собой остатки средневекового защитного сооружения – вала, перекрывавшего доступ с суши к северной части мыса, где располагалось поселение. Его высота в настоящее время более 1 м (рис. 5). Грунт для его сооружения брался, вероятно, на месте, со средней части мыса, отчего образовался глубокий овраг, разделяющий северную и южную части мыса. Яма 2 на валу, очевидно, имеет более позднее происхождение, и ее предназначение не совсем ясно. Предположительно, это грабительский вкоп, связанный с поисками так называемых чудских кладов. В районе вала и ямы находок нет. Отсутствие культурного слоя под насыпью вполне определенно свидетельствует, что строительство поселения и укреплений по времени совпали. Судя по профилю сохранившихся остатков вала, первоначальная ширина вала предположительно могла быть в

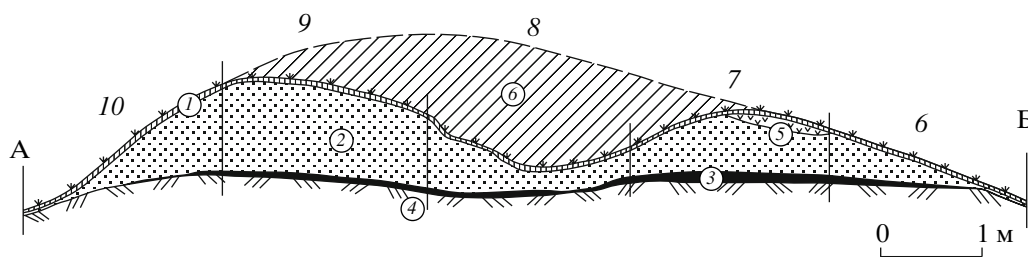

Рис. 5. Городище Новик. Раскоп 1. Разрез вала по линии А–Б: 1 – растительный слой; 2 – смешанный песок с включениями ортштейна и зеленоватой глины с редкими угольками; 3 – глинистая прослойка; 4 – материковый белый песок; 5 – углистый песок; 6 – грабительский вкоп. Пунктирной линией обозначена предполагаемая верхняя кромка вала.

пределах 5–6, высота 2–2.5 м (с учетом естественного развеивания и оплывания песчаного массива вала в течение длительного периода времени и его разрушения людьми в ходе возможного кладоискательства).

Керамика. В центральной и восточной частях раскопа 1 найдены немногочисленные фрагменты керамики: семь обломков венчиков, пять фрагментов плоских днищ и 81 обломок стенок круговых сосудов. Выделяется развал кругового сосуда диаметром по венчику 24 и высотой около 21 см. На стенках просматриваются узоры в виде горизонтальных параллельных линий, в глине – обильная примесь дресвы (рис. 6, 2). Лепная посуда представлена двумя венчиками небольших тонкостенных сосудов, двадцатью фрагментами стенок с налепами, кружковыми и гребенчатыми узорами. Керамическая масса легкая, пористая со следами органики (раковина) (рис. 7, 1–4, 6–9). Найдена язычковидная ручка глиняного сосуда, украшенная гребенчатым орнаментом (рис. 7, 7). Надо отметить, что большая часть фрагментов лепной посуды располагалась во втором горизонте культурного слоя и в яме А и представлена мелкими обломками. Почти вся круговая керамика найдена в первом горизонте под растительным слоем.

Орудия, украшения, другие предметы. Из железных орудий надо отметить боевой топор с несимметричным секирообразным лезвием с полукруглым выемом, внизу которого имеется бородка и выступы в нижней части обуха, размерами 17 × 10 см (рис. 6, 1) и нож (рис. 7, 14). Найдены две железные скобы (рис. 7, 12, 13), стержень-заготовка (рис. 7, 10) и обломки железных предметов (5 экз.).

В коллекцию украшений входят зонная стеклянная бусина зеленого цвета диаметром 0.6 см и крупная глиняная бусина (рис. 7, 5, 11), две бронзовые обкладки ножен (рис. 7, 16, 17).

Кроме перечисленных предметов на раскопе 1 найдены оплавленные фрагменты тонкостенного тигля, каменная точильная плитка (рис. 7, 15) и три крупных грузила цилиндрической формы из

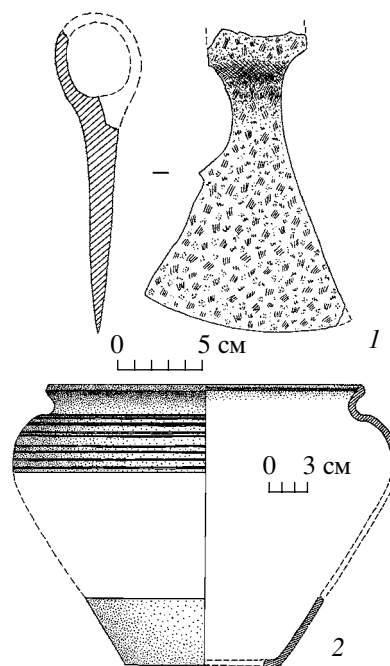

Рис. 6. Городище Новик. 1 – железный топор; 2 – глиняный сосуд (реконструкция).

обожженной красной глины для сетей длиной 7 и диаметром около 3 см (рис. 8). Из культурного слоя извлечены многочисленные мелкие фрагменты кальцинированных костей (около 200 экз.), кости рыб и крупные сырые кости млекопитающих (таблица). (Определение костей выполнено П.А. Косинцевым, Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург.)

Большинство костей принадлежит млекопитающим (84.9%), из диких животных определены кости лося и зайца (в сумме 3.1%). Домашние животные представлены костями свиньи (9.7%) и лошади (1.4%). Судя по раздробленности костей, можно утверждать, что конина употреблялась в пищу. Лошадь использовалась в качестве ездового животного, а позднее и тяглого. Рацион питания населения городища Новик дополняли дичь

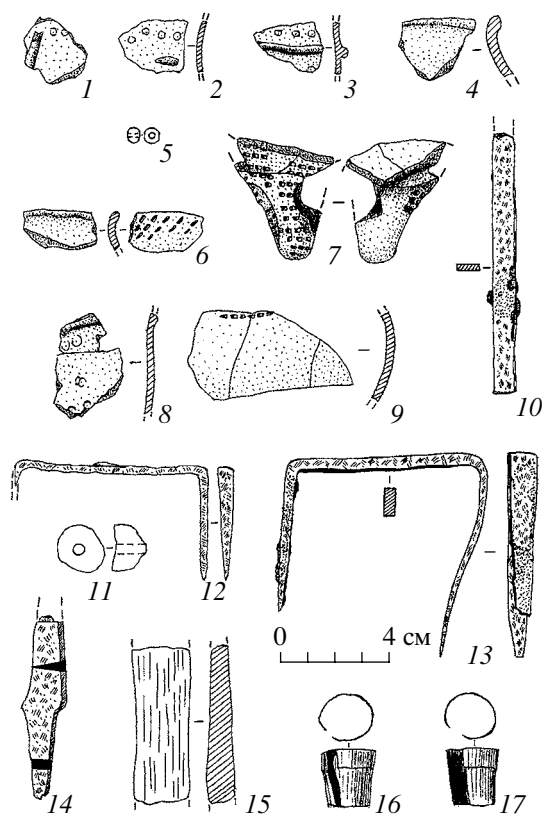

Рис. 7. Городище Новик. Инвентарь: 1–4, 6, 8, 9 – фрагменты лепных сосудов; 5 – стеклянная бусина; 7 – язычковидная ручка глиняного сосуда; 10 – железный стержень-заготовка; 11 – глиняная бусина; 12, 13 – скобы железные; 14 – железный нож, 15 – точильный камень; 16, 17 – бронзовые обкладки ножен.

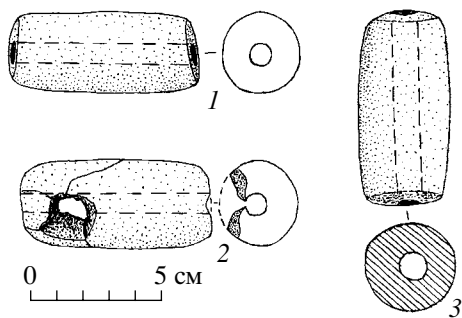

Рис. 8. Городище Новик. Глиняные грузила для сетей.

и рыба: доля костей птиц и рыб в остеологическом материале памятника составляет соответственно 5.1 и 10%.

РАСКОП 2

В 10 м южнее раскопа 1, на вершине холмообразного основания мыса, отделенного от северной его части оврагом, в 2001 г. был заложен раскоп 2 площадью 52 м² (рис. 2). В 2002 г. для изуче-

Фауна городища Новик (по остеологическим материалам раскопок)

Млекопитающие, птицы, рыбы	Количество	Процент
Лось	1	0.3
Заяц	8	2.8
Лошадь	4	1.4
Свинья	28	9.7
Другие млекопитающие	205	70.7
Птица	15	5.1
Рыба	29	10
Всего	290	100

ния траншеи в основании мыса раскоп 2 был расширен на 20 м² в южном направлении. Поверхность раскопа 2 понижается от центра к краям, в центральной части его расположена яма 3 диаметром около 2.6 и глубиной 1 м. Строение почвы на раскопе следующее: 1 – растительный слой – 2–4 см, 2 – серовато-бурый песок – 2–6 см, 3 – светло-коричневый песок – 6–10 см, 4 – темно-серый песок с угольками (в районе ямы 3) – 6–20 см, 5 – погребенный подзол – 5–10 см, 6 – углистый серовато-бурый смешанный песок – заполнение ямы 3, 7 – глинистая прослойка – до 12 см, 8 – белый песок (подстилающий слой).

На раскопе выявлены углистые фрагменты горелых деревянных плах (до глубины 0.2 м от современной поверхности). Часть из них расположена в 0.6 м севернее ямы 3, на стыке кв. 15–16–Ж–3 (горизонт 1). Южнее ямы 3 расчищены углистые остатки овальной и округлой формы, толщиной 0.2 м, размерами соответственно 0.4 × 0.3 и 0.2 × 0.2 м (остатки столбовой конструкции?). В южной части раскопа зафиксированы сгоревшие остатки массивной плахи длиной 2.6, шириной 0.4 и толщиной 0.1 м, ориентированной по линии С–Ю. В 0.4 м восточнее ее расчищен небольшой фрагмент горелой плашки длиной 0.8, шириной 0.2 и толщиной 0.05 м, лежавшей параллельно первой. В районе последних двух плах под растительным слоем зафиксировано овальное в плане пятно прокаленного песка размерами 2.9 × 1.4 и мощностью до 0.05 м.

Яма 3. После удаления растительного слоя и темно-серого песка в районе западины оконтурилась яма неправильно-овальной формы, размерами 2 × 1.3 и глубиной около 1 м, в белом подстилающем песке, ориентированная по направлению С–Ю. Восточная стенка ямы – почти вертикальная, остальные – наклонные, дно – ровное. Она заполнена смешанным серовато-бурым песком с вкраплениями угольков и мелких фрагментов не горелого дерева. Яма 3, возможно, представляет собой остатки какого-то сооружения хозяйствен-

ного назначения, по-видимому, аналогичного остаткам сооружения в яме 1 на раскопе 1 (яма-хранилище?). Остатки горелых плах и столбов вблизи данной ямы относятся, по-видимому, к какой-то конструкции вроде настила, покрывавшей яму сверху. Вещевые находки на раскопе 2 и в яме 3 не обнаружены.

ДАТИРОВКА И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКА

Лепная посуда городища Новик имеет многочисленные аналогии на памятниках предков коми-зырян (перми вычегодской) в бассейнах Выми и Нижней Вычегды (Савельева, 1987. С. 64–84). Круговая керамика имеет аналогии в древнерусской посуде памятников позднего этапа вымской культуры XII–XIV вв. (Савельева, 1971. Табл. 28). В долине Средней Вычегды круговые сосуды, связываемые с пришлым русским населением, встречены пока в единичных экземплярах (святилище Джудждыг, ванвиздинское поселение Угдым III и др.) (Королев, 1978. Рис. 6–8). Интересно отметить, что очень близкая нашей (по форме, орнаменту и пропорциям) круговая керамика XII–XIII вв. найдена в большом количестве на селище на Романовом дворе в черте г. Москвы (Кренке, 2003. С. 158. Рис. 4, 5). Боевые топоры рассмотренного типа широко известны в Северной Руси – в курганах веси, на Выми, в Прикамье, а также Нижнем Приобье – и датируются в широких пределах XI–XIII вв. (Кочкуркина, Линеvский, 1985). Зонные бусы из цветного стекла были широко распространены в древнерусских землях и на Выми в XI–XIII вв. (Савельева, 1987. С. 149). Любопытно, что красноглиняные грузила с городища для сетей по размерам и форме очень близки древнерусским грузилам из Коломны (Мазуров, Цепкин, 2003. С. 130. Рис. 2). На известных вымских и нижневычегодских городищах подобные грузила не найдены. Наиболее вероятное время функционирования городища Новик – XII–XIII вв.

Судя по отсутствию вещевых находок на раскопе 2, южная часть мыса не являлась местом постоянного обитания людей. Небольшое поселение располагалось на северной оконечности мыса, где выявлен слой с культурными остатками (керамика, железные предметы, украшения, кости животных). Здесь расчищены остатки наземной постройки с очагом-каменкой и хозяйственная яма. С южной (напольной) стороны городище было защищено валом и поперечным оврагом, разделяющим мыс на две части, а также рвом у основания мыса.

Городище Новик – пока единственное небольшое укрепленное поселение XII–XIII вв., выявленное в Восточном Привычегодьи. Наличие на городище местной лепной и гончарной русской

посуды может свидетельствовать о биэтничности его населения. Единичные городища этой эпохи, связываемые с пришлым русским населением, известны на Выми, Нижней Вычегде и Сыsole. Оборонительные сооружения в виде рва и вала, не характерные для поселений предков коми-зырян, не исключают древнерусскую принадлежность рассматриваемого памятника. Синхронным по времени, близким по инвентарю городищу Новик памятником в долине Вычегды, является древнерусское Карыбйвское городище XII–XIII вв., на котором найдены местные лепные и русские круговые сосуды, орудия охоты и рыболовства (Савельева, 1993. С. 132, 133). Биэтничность населения русских городищ на Выми и Вычегде объясняется установившимися тесными этнокультурными контактами русского и местного населения (смешанные браки), что привело в дальнейшем к ассимиляции некоторых групп предков коми-зырян. Судя по вещевым и остеологическим материалам, обитатели городища держали домашних животных (свинья, лошадь), но занимались преимущественно охотой и рыболовством. Судя по инвентарю и небольшой площади памятника, оно могло служить временным убежищем для немногочисленной группы людей или нести функции потаенной сторожевой заставы на восточных рубежах перми вычегодской на известном в средневековье водном пути по Вычегде, связывавшем Северную Русь с Припечорьем и Зауральем. В связи с этим интересно отметить, что под 1646 г. на Средней Вычегде отмечена д. Сторожево (современное с. Сторожевск) (Документы..., 1985. С. 156). Возможно, данное название отражает давние события, связанные с защитой местного населения от вогульских походов с востока в XIV–XV вв. С. Сторожевск расположено также на правом берегу Вычегды, вблизи устья р. Вишеры, всего в 30 км западнее городища Новик. Не исключено, что значительный участок долины Средней Вычегды являлся “порубежной” буферной территорией, прикрывавшей Вымский центральный район перми вычегодской с востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буров Г.М. Вычегодский край. М., 1965.
- Документы по истории коми // Историко-филологический сб. Вып. IV. Сыктывкар, 1958.
- Документы по истории народа коми. Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVII в. Сыктывкар, 1985.
- Кленов М.В. Озельский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке. Вып. 16. Сыктывкар, 1999.
- Королев К.С. Джудждыг – многослойный памятник на Вычегде // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье // МАЕСВ. 1978. Вып. 7.

- Королев К.С.* Новый район обитания вычегодских пермян. Сыктывкар, 1979.
- Королев К.С.* Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург. 1997.
- Кочуркина А.М., Ливневский А.М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
- Кренке Н.А.* Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.
- Лашук Л.П.* Формирование народности коми. М., 1972.
- Мазуров А.Б., Цепкин Е.А.* Рыболовный промысел в XII–XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // РА. 2003. № 4.
- Рочев Ю.Г.* Национальная специфика коми преданий о чуди. Сыктывкар, 1985.
- Савельева Э.А.* Пермь вычегодская. М., 1971.
- Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
- Савельева Э.А.* Начальный этап древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / МАЕСВ. 1993. Вып. 12.
- Савельева Э.А.* Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья // Науч. докл. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. М., 1995.

Novik 12th–13th cc. fortified settlement in Middle Vychegda river basin (Komi Republic)

K. S. Korolev

S u m m a r y

The author analyzes the material of the unique Medieval (12th–13th cc. AD) fortified settlement Novik, situated in Eastern Vychegda river basin. During the period in question, the local Komi population had no tradition of fortification building, hence the hillfort may be considered an Ancient Russian fortified site on the Vychegda trade route, which is known from the Medieval times and connected Northern Rus lands with the Urals. Judging by the material remains, the settlement was inhabited by a mixed population (Russian and Komi). The new archaeological material discovered by the author contributes to our knowledge about the expansion of the Russians into the European North-East and their relations with the ancestors of the Komi-Zyrians.

НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ Д. РАССВЕТ (БАШКИРИЯ)

© 2008 г. Ю. В. Горбунов

Башкирский государственный педагогический университет, Уфа

В 1984 г. одним из жителей д. Рассвет совхоза “Политотдельский” Буздякского района Башкирии был найден бронзовый наконечник копья. находку передали в школьный музей, где он хранился у директора школы Д.В. Данисламова. В 2006 г. он передал наконечник копья на исторический факультет Башкирского государственного педагогического университета.

Информация о его местонахождении весьма ограничена. По словам Д.В. Данисламова, огород, на котором был найден наконечник копья, находится на краю деревни и представляет собой небольшое возвышение. Западный край огорода заканчивается оврагом, по дну которого протекает ручей, впадающий в речку Каргалку, которая, в свою очередь, впадает в другую небольшую речку Чермасан, являющуюся левым притоком р. Белой.

Школьники, передавшие наконечник Д.В. Данисламову, рассказывали также о нескольких кремневых наконечниках стрел, которые якобы были найдены в том же месте. Можно предположить наличие комплекса, состоящего из бронзового наконечника копья и кремневых наконечников стрел. В

этом случае не исключено, что данный наконечник мог происходить из разрушенного погребения.

Наконечник копья литой, цельнометаллический, хорошей сохранности (рисунок). Поверхность сильно патинизирована, патина зеленая, выщербленная. Наконечник копья имеет общую длину 185 мм, максимальная ширина пера – 38 мм, ширина втулки (деформирована) – 34 мм. Форма пера лавровидная. Втулка округлой формы, длиной 74.5 мм. Сечение пера подромбическое, боковые грани четко выделены – имеется небольшой литой валик. На оконечности втулки – массивная проушина (толщина 4.3 мм) и манжета в виде двух небольших (толщина до 0.3 мм) валиков-обручей.

Копье неоднократно деформировано. Перо искривлено в продольной плоскости, вдоль ребра жесткости от середины пера до начала втулки и далее по ней проходит полосой срез (спил). С другой стороны край втулки вмят. Края перьев загнуты, на одной стороне лезвия пера – зазубрины. Необходимо отметить наличие следов заточки копья.

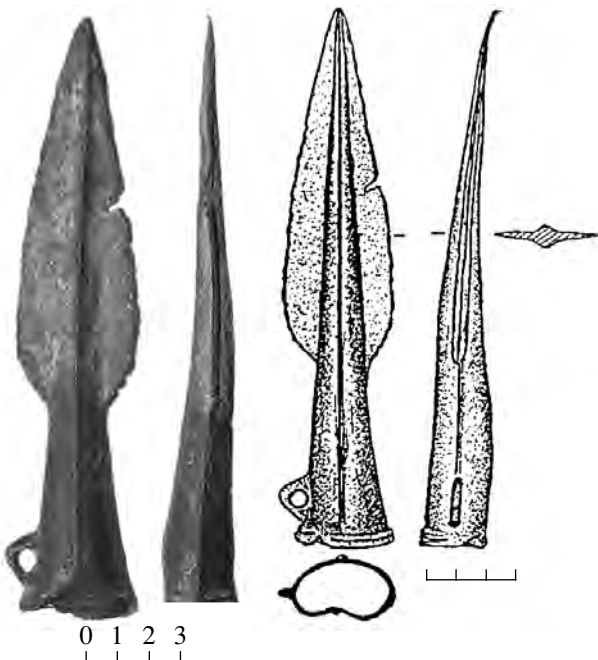
В целом копье сходно с копьями сейминско-турбинского типа. Близкие аналогии данного предмета вооружения имеются среди наконечников, относимых к разряду КД-30 (Черных, 1970; Черных, Кузьминых, 1989. С. 79). Главное отличие поллитотдельского наконечника копья состоит в его несколько меньших размерах, грацильности.

Находка наконечника копья сейминского типа в центральной Башкирии имеет принципиальное значение. До сих пор подобных орудий не было встречено ни на поселениях, ни в погребениях данного региона. Политотдельский наконечник копья дает основания для предположения о том, что население, создававшее образцы сейминско-турбинских бронз, имело контакты с племенами лесостепного Приуралья.

Выражаю искреннюю благодарность Д.В. Данисламову за передачу в фонды кабинета археологии БГПУ копья, что позволило ввести его в научный оборот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

Наконечник копья из д. Рассвет и его рисунок.

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ ВАЛЬДБУРГСКОГО ТИПА

© 2008 г. Э. Б. Зальцман

Институт археологии РАН, Москва

Побережье Вислинского и Куршского заливов в пределах Калининградской области, традиционно входящее в ареал жуцевской культуры, до последнего времени не исследовалось. Во второй половине 1990-х годов на северо-восточном побережье Вислинского залива систематические исследования памятников культуры шнуровой керамики развернул Неолитический отряд ИА РАН под руководством автора. Результатом стали открытие и регулярные раскопки в течение 11 сезонов поселения Прибрежное (Вальдбург) с мощным культурным слоем, остатками жилых сооружений оригинальной конструкции и множеством находок (Зальцман, 2004). Общая исследованная площадь составила 940 м². Уже предварительный анализ полученных материалов выявил значительное число особенностей, полностью не укладывающихся в известную схему развития жуцевской культуры. Мы предполагаем существование самостоятельного культурного образования – памятников вальдбургского типа, предшествовавших жуцевской культуре и сыгравших значительную роль в ее формировании.

Поселение Прибрежное (Вальдбург) расположено в 19 км от г. Калининграда, на побережье Вислинского залива (рис. 1). Памятник занимает северный склон песчаного всхолмления, возвышающегося над уровнем залива на 7.5 м. Поселе-

ние является однослойным, что доказывается стратиграфически и планиграфически.

На памятнике открыты остатки одиннадцати бытовых построек. Шесть из них имели столбовую конструкцию вытянутой формы. Благодаря черному цвету заполнения конструкции хорошо заметны на фоне светло-желтого песка.

Жилища 2, 3 и 5 имели удлиненную форму, слегка сужающуюся к торцу, и были ориентированы продольной осью в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 2, 2, 3, 5). Длина достигала 17.5 м, ширина в среднем – 4 м. По краям жилища, на расстоянии 0.12–0.2 м друг от друга, шли двойные ряды ямок от столбов (диаметром 0.13–0.15 м). Между ними через определенные промежутки могли встречаться столбовые ямы более крупных размеров (до 0.3 м). По продольной оси жилища прослеживался ряд редких ям от столбов, служивших для поддержания кровли. В пределах жилища 5 выделяются еще два ряда ям (рис. 2, 5). Вход был оформлен в виде более узкой пристройки прямоугольной формы и находился в северо-восточной части жилища. Сооружения были заглублены в материк до 0.6 м и к торцу закруглялись. Жилища 1, 4 и 6 отличались большей шириной (4.5–4.8 м) и однорядной конструкцией стен (рис. 2, 1, 4, 6).

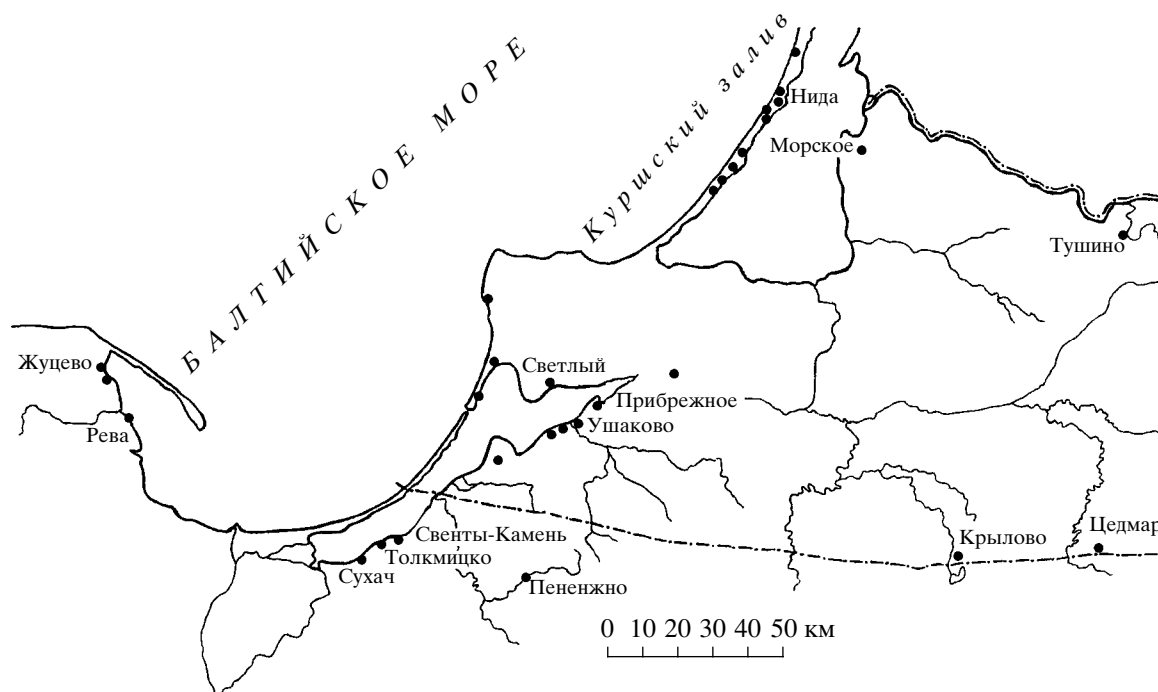

Рис. 1. Поселения эпохи неолита и ранней бронзы на территории Калининградской области и прилежащих районов.

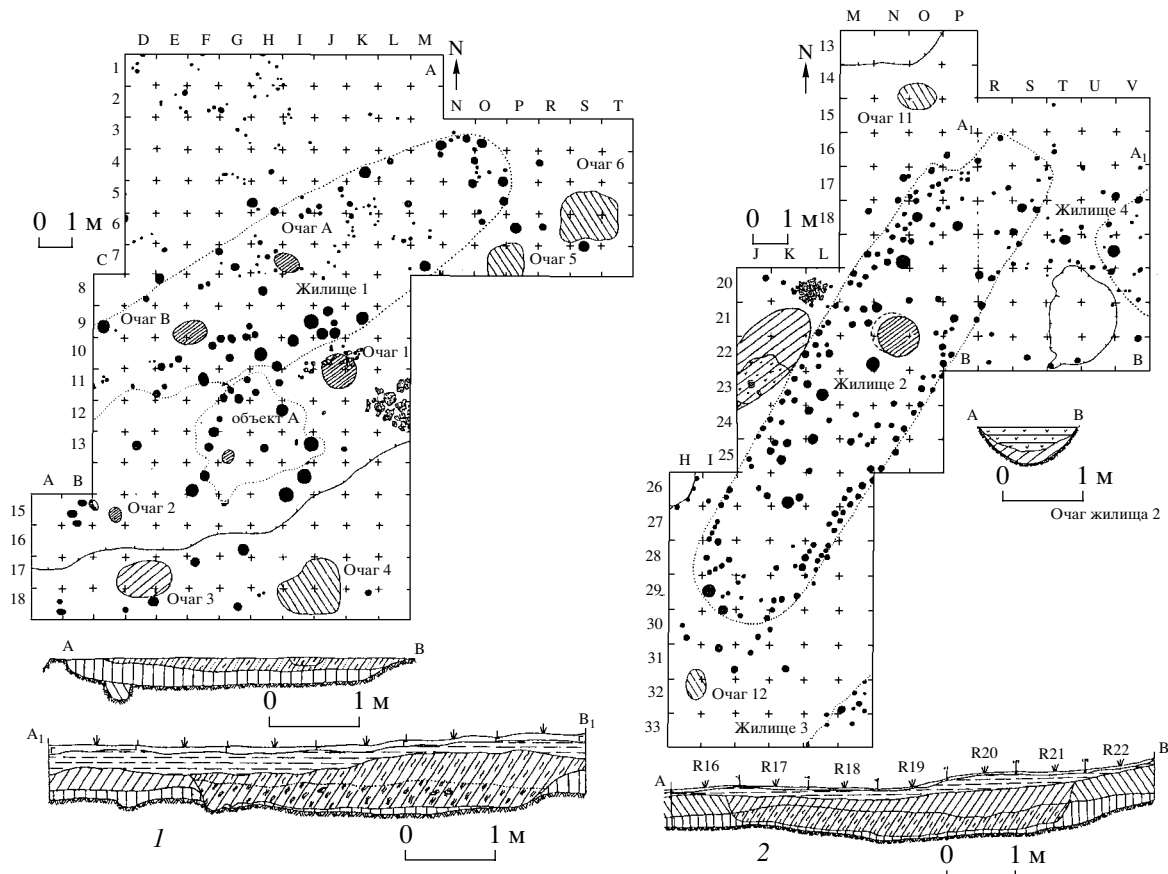

Рис. 2. Поселение Прибрежное. Планы и разрезы участков раскопа с жилищами 1–6 (1–6).

Отдельные элементы конструкций жилищ (апсидообразный торец и два дополнительных внутренних ряда столбов) в исследуемом поселении не находят аналогий среди известных в настоящее время построек культуры шнуровой керамики в Прибалтике (Ehrlich, 1936. S. 50–63; Rimantienė, 1989. S. 14–31).

подавляющее большинство находок на памятнике составляет керамика. Всего выявлено около 20 тыс. средних и крупных фрагментов сосудов; некоторые сосуды собираются полностью. Наиболее характерные и специфические черты керамики поселения – плавная профилировка тулова, слабо отогнутый короткий венчик, небольшое по размерам днище (рис. 3). В тесте преобладает примесь дресвы, реже песка.

Для амфор характерны невысокая шейка, тулово воронковидной формы, иногда с заметно выраженными плечиками (рис. 3, 16, 17). Оригинальный облик амфорам придает овальная форма горловины, что является своеобразной чертой этого типа. Среди кубков преобладают сосуды с прямым или слегка отогнутым венчиком и воронкообразным туловом (рис. 3, 11, 12). Широкогорлые горшки открытого типа – наиболее значительная часть керамического комплекса на па-

мятнике (53%). Они представляют собой крупные толстостенные сосуды с открытым горлом (рис. 3, 1–10). Сосуды кубкообразной формы имеют удлиненную тюльпановидную форму, прямой венчик и плавно сужающееся к днищу тулово (рис. 3, 20). Горшки средних размеров во многом повторяют формы крупных широкогорлых горшков, отличаясь соотношением между шириной верхней части сосуда и днища (рис. 3, 18, 21, 22). Особое своеобразие керамическому комплексу поселения придают глубокие миски, миски воронковидной и овальной форм (рис. 3, 13–15, 19).

Орнамент обычно наносился лишь на верхнюю часть сосуда и состоял из несложных композиций, основой которых служили горизонтальные оттиски шнура, дополненные треугольниками, полуovalами, волной, вертикальными и подковообразными оттисками шнура; присутствуют также ряды ямок, штампы в виде столбиков, “бисер” (рис. 3, 1–9, 11–14, 16, 19–22).

Остальные предметы из глины представлены прирощами, фрагментами ложек (рис. 4, 13–15).

Кремневые орудия встречаются нечасто, как и на ряде других памятников побережья Вислинского залива, что объясняется малочисленно-

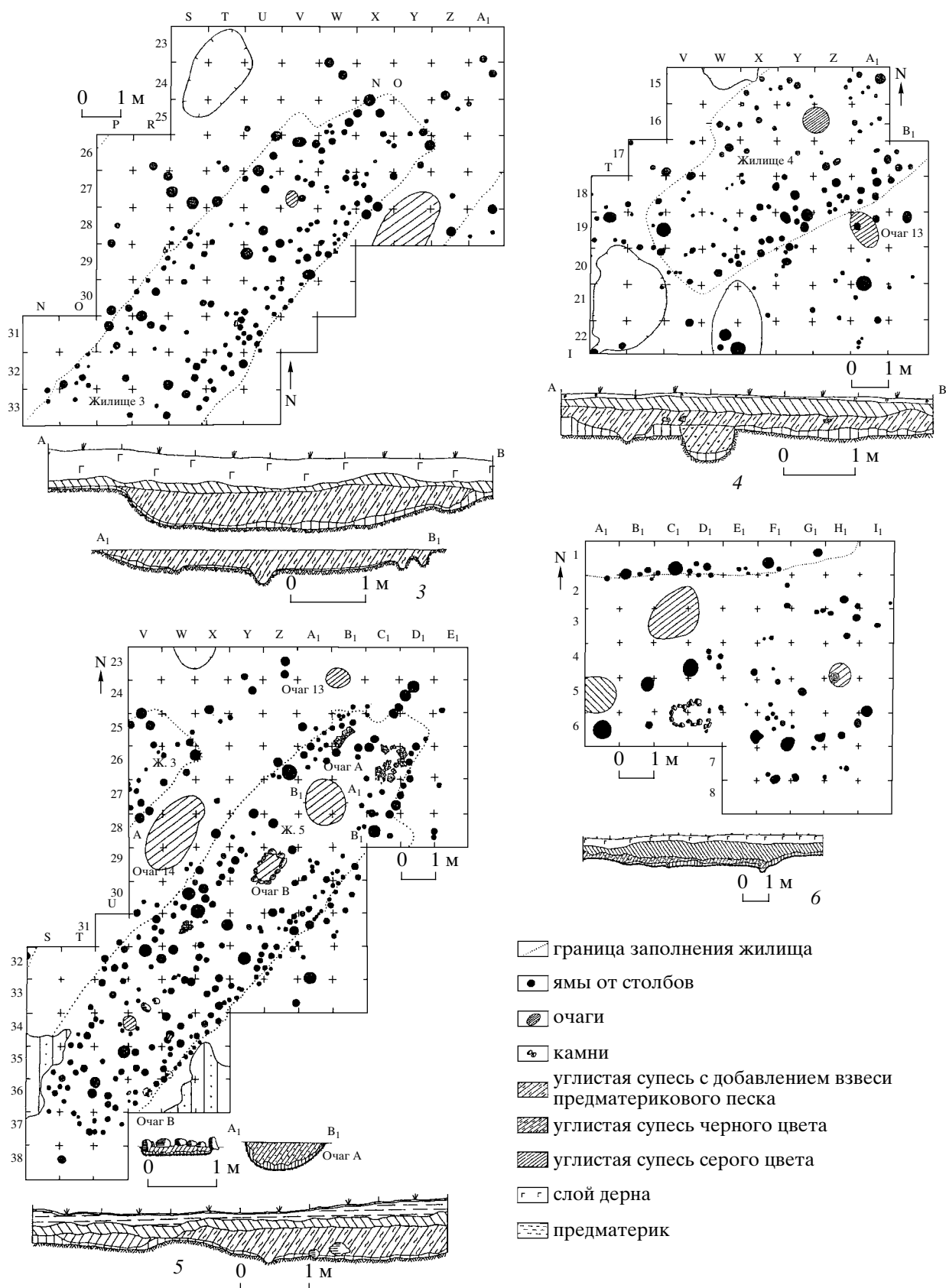

Рис. 2. Окончание.

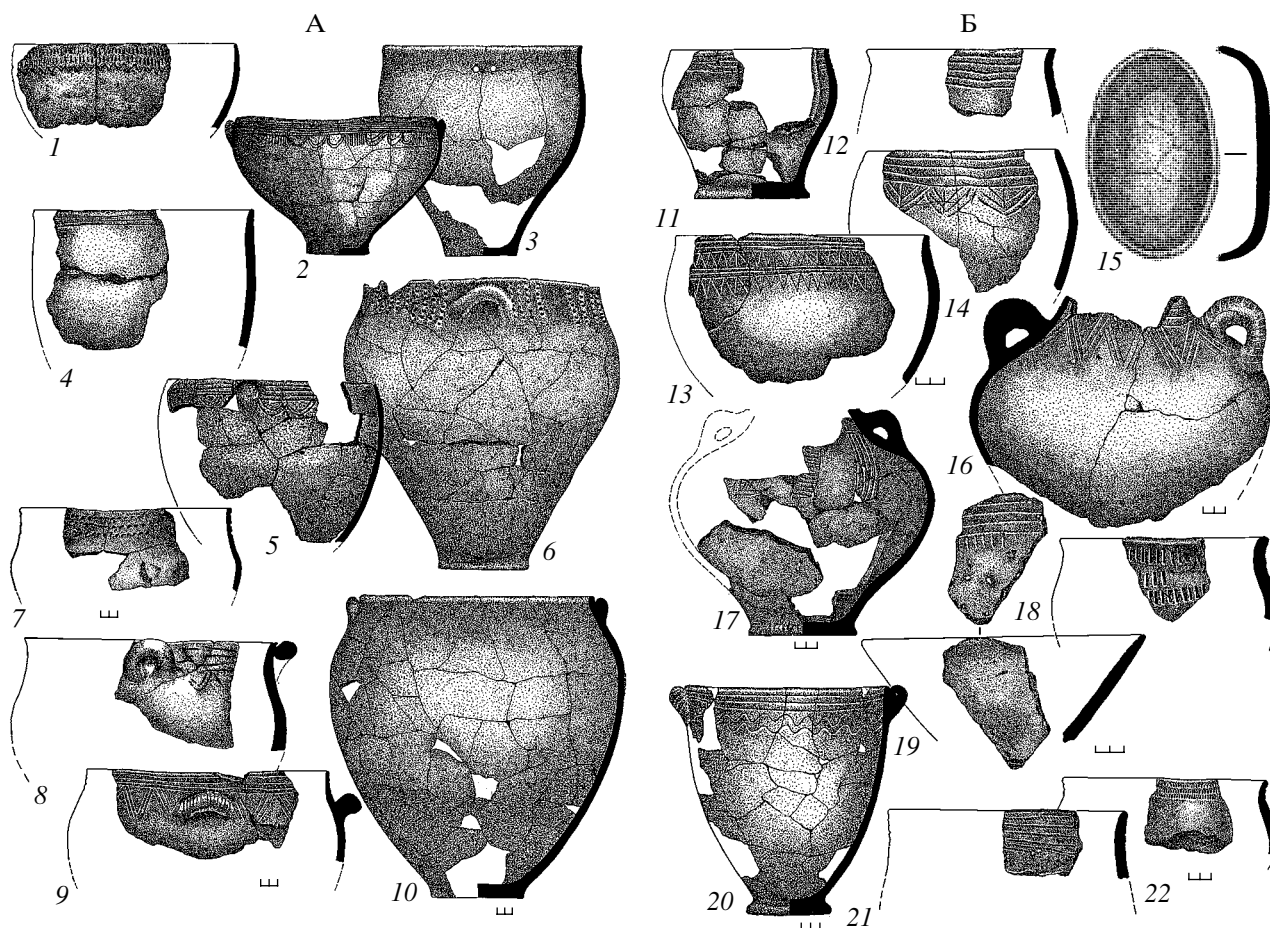

Рис. 3. Керамика поселения Прибрежное. А. Широкогорлые горшки (1–10) групп 1–8. Б: 11, 12 – кубки; 13, 14 – глубокие миски; 15 – миска овальной формы; 16, 17 – амфоры; 18, 21, 22 – горшки средних размеров; 19 – миски воронковидной формы; 20 – сосуд кубкообразной формы.

стью имеющихся здесь выходов кремня, а также вероятным использованием изделий из кости и дерева. Представлены единичными находками наконечники стрел с вогнутым основанием, трапециевидные пластинки, ножевидные пластины, скребки, стамески и скобели (рис. 4, 2). Встречаются топоры и тесла трапециевидной формы, изготовленные из кристаллических пород (рис. 4, 4–11). Интерес представляют миниатюрные полированные топоры (рис. 4, 3). Сверленные топоры в Прибрежном не выявлены. Частыми находками являются шлифовальные плиты и терочники (рис. 4, 1, 12, 30). Грузила представлены плоскими камнями с выемками (рис. 4, 12).

Изделия из янтаря относятся к 4 типам – пластинчатым подвескам продолговатой и трапециевидной форм, линзовидным дискам, пуговицам с V-образным отверстием (рис. 4, 16–29).

По данным радиоуглеродного анализа, время существования поселения калиброванными датами определяется рамками 3300–2700 BC. Это существенно раньше, чем самые ранние памятники

культуры шнуровой керамики в Центральной и Северной Европе, которые, за редким исключением, не выходят за пределы 2900 Cal. BC (Furholt, 2003).

Судя по наиболее достоверным датам, полученным с поселений жуцевской культуры, последняя также не могла возникнуть ранее 2900/2800 BC (Szmyt, 1999. P. 276).

Сопоставление форм посуды и орнамента поселения Прибрежное с керамическими комплексами памятников западной и восточной групп жуцевской культуры выявляет существенные различия. Большая часть аналогий обнаруживается среди мало распространенных в жуцевской культуре форм посуды или затрагивает только определенную и очень специфическую часть инвентаря (Kilian, 1955. S. 20, 21. Abb. 87–98; Rimantienė, 1989. S. 134–143. Pav. 87–94). Многие характерные элементы культурного комплекса Прибрежное в жуцевской культуре вообще не встречаются (амфоры с овальной формой венчика, кубки и миски воронковидной формы, кубкообразные со-

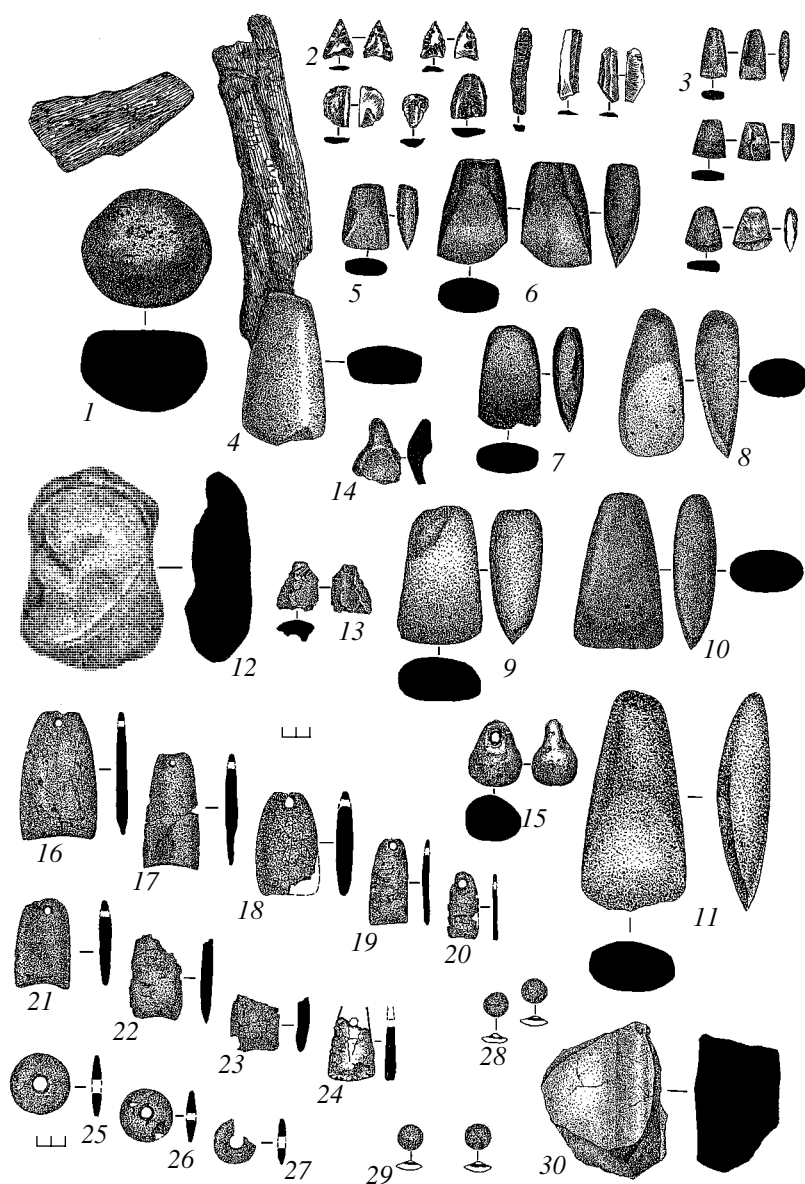

Рис. 4. Изделия из разных материалов (поселение Прибрежное): 1 – терочник (кристаллическая порода); 2 – изделия из кремня; 3 – миниатюрные топорики; 4–11 – каменные топоры; 12 – рыболовное грузило; 13–15 – глиняные изделия; 16–29 – украшения из янтаря; 30 – обломок шлифовального камня (песчаник).

суды, разновидности широкогорлых горшков). В то же время основные формы посуды и орнамента жуцевской культуры – А-амфоры и их производные, кубки с S-образной формой венчиков, украшенных елочкой, горизонтальными бороздками, переплетенными треугольниками, а также валиковые горшки на поселении Прибрежное не встречаются (Римантене, 1981; Gaerte, 1927; Kilian, 1955; Żurek, 1954; Rimantiene, 1980; 1989).

Необходимо подчеркнуть, что существует еще целый ряд памятников, относимых к жуцевской культуре, но также резко отличных от нее по составу керамического комплекса и в то же время находящих аналогии на поселении Прибрежное

(рис. 1). К ним относятся поселения Рева, Пененжно, Свенты-Камень, Светлый, Ушаково и Крылово (Зальцман, 2004; Felczak, 1983; Ehrlich, 1923; Kilian, 1955; Łowiński, 1987). Можно предположить, что все эти культурные комплексы отражают единую линию развития.

Материалы памятников вальдбургского типа демонстрируют воздействие совершенно иных культурных традиций, берущих начало в культурах шаровидных амфор, “лесного” неолита или даже воронковидных кубков. Однако ни одна из этих культур не была определяющей на начальном этапе сложения памятников вальдбургского типа.

Даты образцов поселения Прибрежное

Датируемый материал	Структура	¹⁴ C возраст, ВР	Cal BC	Лабораторный индекс
Рукоять топорика (уголь)	Очаг 9	4290 ± 110	2910 ± 180	Ле-7034
Уголь	Жилище 2	4220 ± 40	2810 ± 80	Ле-6217
Кость	»	4470 ± 60	3170 ± 130	Ki-11352
Уголь	»	4670 ± 160	3380 ± 220	Ле-7035
Уголь	Жилище 3	4410 ± 80	3120 ± 150	Ле-6218
Кость	»	4530 ± 60	3220 ± 110	Ki-11351
Уголь	»	4880 ± 130	3670 ± 160	Ле-7036
Уголь	Жилище 4	4570 ± 60	3280 ± 140	Ki-10581
Уголь	Жилище 4	4510 ± 60	3210 ± 110	Ki-9948
Кость	Жилище 6	4570 ± 60	3280 ± 140	Ki-9949
Уголь	Очаг 8	4505 ± 60	3200 ± 110	Ki-10580
Уголь	Очаг 8	4430 ± 60	3120 ± 150	Ki-9947

Миски овальной формы, основные виды широкогорлых горшков (они преобладают на памятниках вальдбургского типа), ямочные орнаменты, а также набор изделий из янтаря образуют в Прибрежном и родственных ему памятниках комплекс, испытывавший импульсы со стороны цедмарской и нарвской культур (рис. 3, 3, 6–9, 15) (Тимофеев, 1998; Rimantienė, 1979). Отдельные черты, возможно, связывают поселения вальдбургского типа с люпавской группой культуры воронковидных кубков, распространенной на территории Западного Поморья. К ним относится, в частности, традиция возводить жилища с двухрядной конструкцией стен (Wierzbicki, 1999). Связи с мазурской группой культуры шаровидных амфор прослеживаются в основном в орнаментике (шнуровой орнамент, “бисер”, прямоугольный штамп) (La Baume, 1943).

Представляется, что на примере Прибрежного и других аналогичных памятников мы видим поглощение и переработку местных элементов и в свою очередь распространение наиболее устойчивого шнурового комплекса, связанного происхождением с культурой шаровидных амфор. Новое культурное образование сложилось уже на месте, в районе побережья заливов Балтийского моря. Наложение разнородных элементов и их нивелировка определили характерные черты указанных памятников. Хронологически памятники вальдбургского типа, распространившиеся в прибрежной зоне, предшествовали жуцевской культуре. С возникновением жуцевской культуры основным элементом более раннего времени удалось частично сохраниться в ее рамках. Остаются не только некоторые формы инвентаря, но и сама специфическая форма ведения хозяйства, требующая существования постоянных поселений и стационарных долговременных жилищ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зальцман Э.Б.* Поселения культуры шнуровой керамики на территории Калининградской области. Калининград, 2004.
- Римантиене П.К.* Культура шнуровой керамики в Прибалтике // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1981.
- Тимофеев В.И.* Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.
- Ehrlich B.* Das neolithische Dorf bei Wieck–Luisenthal (Kr. Elbing) am Frischen Haff // Prussia. 1923. Bd. 24.
- Ehrlich B.* Succase // Elbinger Jahrbuch. 1936. Bd. 12/13.
- Felczak O.* Wyniki badań wykopaliskowych na osadzie kultury rzucewskiej w Rewie, gm. Kosakowo, woj. Gdańsk // Sprawozdania Archeologiczne. 1983. T. XXXV.
- Furcholt M.* Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südsandinavien. Bonn, 2003.
- Gaerte W.* Die steinzeitliche Keramik Ostpreußens. Königsberg, 1927.
- Kilian L.* Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955.
- La Baume W.* Die jungsteinzeitliche Kugelamphorenkultur in Ost- und Westpreußen // Prussia. Bd. 35. Königsberg, 1943.
- Łowiński G.* Badania archeologiczne na stanowisku kultury rzucewskiej w Pieniężnie, woj. Elbląskie // Badania archeologiczne w woj. Elbląskim w latach 1980–83. Malbork, 1987.
- Rimantienė R.* Šventoji. Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1979.
- Rimantienė R.* Šventoji. Pamariu kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1980.
- Rimantienė R.* Nida. Senųjų baltų gyvenvietė. Vilnius, 1989.
- Szmyt M.* Between west and east people of the Globular amphora Culture in Eastern Europe: 2950–2350 BC. Poznań, 1999.
- Wierzbicki J.* Łupawski mikroregion osadniczo ludności kultury pucharow lejkwatych. Poznań, 1999.
- Żurek J.* Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie, pow. Wejherowski, i kultura rzucewska // Fontes Archaeologici Posnaniensis 1953. № 4. Poznań, 1954.

К ВОПРОСУ О СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КЕРАМИКЕ С ЗООМОРФНЫМИ РУЧКАМИ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

© 2008 г. Х. Т. Чшиев

Институт истории и археологии РСО-А при СОГУ им. Л. Хетагурова, Владикавказ

Появление и распространение в среде сармато-аланских племен керамики с зооморфными ручками уже привлекало внимание исследователей (Абрамова, 1969; 1984). Этот вопрос, касающийся проблем сарматской археологии, на наш взгляд, может пролить свет и на некоторые особенности культурно-исторических процессов, протекавших в среде племен кобанской культуры.

М.П. Абрамова, специально занимавшаяся этой проблемой, связывает происхождение сарматской керамики Предкавказья с влиянием Закавказской культурной традиции (1984. С. 17–19). По мнению Майи Павловны, подобная керамика, известная в Закавказье с эпохи поздней бронзы, со второй половины I тыс. до н.э. постепенно проникает на Северный Кавказ, преимущественно посредством распространения через территорию Кавказской Албании. На Северном Кавказе эта традиция появляется не только в виде зооморфно оформленной ручки сосудов, но также со всем набором сопутствующих ирано-закавказской керамике элементов орнамента (зооморфная ручка, пояска на “плечиках”, вертикальные каннелюры и т.д.). Этот комплекс орнамента появляется в среде степных племен Предкавказья в скифское время и присутствует здесь как минимум до конца I тыс. н.э. (рис. 1, 3–15).

В Закавказье керамика с зооморфными ручками представлена довольно часто категорией сосудов, объединяющих в себе определенные характерные признаки. Это, как правило, кружки и кувшины средних размеров с раздутым туловом, слабоотогнутым, иногда прямым, небольшим венчиком, украшенные вертикальными линиями, отходящими от пояса, проходящего по периметру плечиков сосудов. Поясок в некоторых случаях представлен прочерченной линией, а иногда составлен из наколотых точек, штрихов или “жемчужин” (Куфтин, 1949. С. 50. Рис. 21, 3; Лордкипанидзе, 1982. Табл. XXIX, XXX; 1987. Табл. LXX, XCVIII, CXLVI; 1991. Табл. 37, 205; Микеладзе, 1990. Табл. XII, 9; XXXVII; Тушишвили, 1972. С. 35, 39, 51, 52, 57. Табл. XXII) (рис. 1, 1–4). Большое количество керамики подобного типа происходит также из Стырфазского могильника на южном склоне Большого Кавказа (Техов, 2000. С. 184, 195, 210, 212, 214).

Разделяя точку зрения М.П. Абрамовой об истоках сармато-аланской керамики с зооморфными ручками, идущих с территории Закавказья и Ирана, в том числе и ее движение на север че-

рез культуру Кавказской Албании, нам бы хотелось показать еще один путь развития этого импульса.

На наш взгляд, этот же тип сосудов с аналогичной орнаментикой, но изготовленных из металла, присутствует в материалах центрального и западного вариантов кобанской культуры эпохи поздней бронзы – раннего железа. Это бронзовые кружки с зооморфными ручками, широко известные в Тли, а также в Верхнекобанском могильнике, Жемтале, Терезе, Нартане (Батчаев, 1985. Табл. 48; Техов, 2002. С. 293, 294, 305, 310, 346, 405, 425, 448; Уварова, 1900. С. 241) (рис. 1, 2). Влияние закавказско-иранской традиции на кобанские сосуды указанного типа подтверждается не только наличием зооморфных ручек, пояском на плечиках, общей формой сосудов, вертикальными каннелюрами или линиями на тулове, но также наличием у кобанских бронзовых кружек поддона, характерного для иранской и, частично, закавказской керамики данного типа (кружки из Лечхумского клада и урартского колумбария в Малаклю (Козенкова, 1998. С. 108).

Временной диапазон бытования данного типа бронзовых сосудов весьма широк. Как пишет В.И. Козенкова, появление металлических сосудов засвидетельствовано не позднее X в. до н.э., а самые поздние из них доживают до VI–V вв. до н.э. (Нартан, Стефан-Цминда) (1996. С. 47).

Хорошо известна также северная и северо-западная направленности вектора распространения данного типа кобанских сосудов, подтверждаемые большим количеством их находок в Прикубанье, районах Краснодарского края, Ставрополя, на Украине, вплоть до среднего течения Днепра (Крупнов, 1960. С. 131. Рис. 10, карта), в памятниках как раннего, киммерийского, так и собственно скифского и раннесарматского времени (рис. 2, 5). В скифское время бронзовые сосуды становятся достаточно массовым типом посуды (только в погребениях Нартанского могильника их 20, в Тли – общее количество бронзовой посуды разных типов около 200), что подразумевает большой объем их экспорта “кобанцами” в скифо-сарматскую культурную среду. Значительную часть бронзовой посуды составляли кружки вышеописанного типа – так, только в Тли их более 40. Престижность данного типа сосудов способствовала их привлекательности для подражания, копирования в керамике скифов и сарматов.

Рис. 1. 1, 2 – бронзовые кружки Тлийского могильника кобанской культуры (по: Техов, 2002); 3, 4 – керамика Хумаринского поселения скифского времени (по: Абрамова, 1999); 5–7 – керамика II–I вв. до н.э. с территории Кабардино-Балкарии (по: Керефов, 1988); 8, 9 – сарматская керамика из Карачаево-Черкесии (по: Алексева, 1971); 10, 11 – аланская керамика V–VIII вв. н.э. (по: Рунич, 1969); 12–15 – сарматская керамика из Предкавказья (по: Берлизов, 1998).

В небольших количествах данный тип сосудов присутствует в кобанской культуре и в керамике (Козенкова, 1998. Табл. XXXVII, 22; XXXVIII, 5; Техов, 2000. Табл. 1, 2). Скудность керамики этого типа непосредственно в Кобани еще раз подтверждает привнесенность данной категории, распространявшейся в качестве большей частью престижных бронзовых сосудов, и не затронувшей в массе своей собственную богатую традицию кобанского керамического производства.

Может возникнуть представление об одновременной инфильтрации ирано-закавказской керамики одновременно и в Кобань, и к сарматам. Однако этому противоречит значительный временной разрыв между ирано-закавказской керамикой данного типа и сарматскими аналогами ей. Таким образом, именно кобанская культура и в территориальном, и в хронологическом плане является той средой, посредством которой данная “мода” преодолела Главный Кавказский хребет и

распространилась значительно позднее в скифо-сарматской среде.

Согласно выводам М.П. Абрамовой, основная часть сарматской керамики с зооморфными ручками “происходит, несомненно, из памятников, тяготеющих к восточной части Северного Кавказа” (1984. С. 17). Отсюда же, по подсчетам исследовательницы, происходят и наиболее ранние сарматские сосуды подобного типа. На наш взгляд, это связано не только с влиянием развитой керамической культуры Кавказской Албании, но также с тем, что данный район находился в тесной связи с метрополией и основными производственными центрами кобанской культуры, тяготеющими к бассейну Терека (В. Кобан, Тли, Кумбулта и др.).

Таким образом, анализ приведенной категории предметов говорит, на наш взгляд, об одном из аспектов связей местной кобанской культуры и степных племен, связей, которые прослежива-

Рис. 2. 1, 2 – керамика из Алгетского ущелья (по: Тушишвили, 1981); 3, 4 – закавказская керамика эпохи бронзы (по: Даташвили и др., 1991; Джгаркава и др., 1991); 5 – бронзовый сосуд из кургана близ с. Квитки (по: Иванчик, 2001); 6 – бронзовый сосуд из Нартанского могильника (по: Батчаев, 1985).

ются на примере бронзовой посуды, со скифского времени – по сарматскую эпоху. Также в данном контексте кобанская культура предстает перед нами не только как среда восприятия культурных импульсов Передней Азии, но и как сфера их творческой переработки и трансляции степным племенам юго-востока Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П.* О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2.
- Абрамова М.П.* О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Абрамова М.П.* Поселение скифского времени у аула Хумара на Верхней Кубани // Древности Северного Кавказа. М., 1999.
- Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
- Батчаев В.М.* Древности скифского и предскифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985.
- Берлизов Н.Е.* Относительная хронология Азиатской Сарматии VII в. до н.э. – IV в. н.э. // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1998.
- Даташвили М.Г., Султанишвили И.В., Чиковани Г.Ф.* Археологические раскопки в Тбилиси // Полевые археологические исследования в 1986 г. Тбилиси, 1991.
- Джгаркава Т.В., Нариманишвили Г.К., Садрадзе В.Г., Сихарулидзе А.Н.* Мцхетская экспедиция // Полевые археологические исследования в 1986 г. Тбилиси, 1991.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред-и раннескифского времени // Степные народы Евразии. Т. II. М., 2001.
- Керефов Б.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.
- Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М., 1996.
- Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИР. Вып. В2–5. М., 1998.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Куфтин Б.А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.
- Лордкипанидзе О.Д.* Полевые археологические исследования в 1980 г. Тбилиси, 1982.
- Лордкипанидзе О.Д.* Полевые археологические исследования в 1984–1985 гг. Тбилиси, 1987.
- Лордкипанидзе О.Д.* Полевые археологические исследования в 1986 г. Тбилиси, 1991.
- Микеладзе Т.К.* К археологии Колхиды. Тбилиси, 1990.
- Рунич А.П.* Аланские катакомбные могильники V–VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях // МАДИСО. Т. II. Орджоникидзе, 1969.
- Техов Б.В.* Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии. Владикавказ; Цхинвал, 2000.
- Техов Б.В.* Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.
- Тушишвили Н.Н.* Маднисчальский могильник. Тбилиси, 1972.
- Тушишвили Н.Н.* Результаты работ археологической экспедиции Алгетского ущелья // Полевые археологические исследования в 1978 г. Тбилиси, 1981.
- Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. 8.

УКРЕПЛЕНИЯ МОЖАЙСКА XIV в.

© 2008 г. Б. Е. Янишевский

Институт археологии РАН, Москва

Город Можайск (центр одноименного района Московской области) расположен в 100 км к западу от Москвы, кремль его – на правом берегу р. Можайка, в 3 км выше ее впадения в р. Москва (правый приток), на западной окраине современного города.

Кремль представляет собой оползневой¹ останец близкой к пятиугольнику формы, с площадкой размерами 220 × 175 м. Поскольку оползень произошел, по-видимому, дважды, то в кремле имеются две возвышенности: на южном и западном краях площадки, соответственно 30 и 25 м над уровнем р. Можайки. Между возвышенностями пролегает лощина (оползневая трещина), в которой были два озера – “грязное”, ныне высохшее, и “чистое”. “Чистое” озеро, расположенное в нижней части лощины, образовалось от того, что лощина была запружена валом, как мне представляется, не позднее XIV в. На территории кремля в настоящее время находятся всего четыре каменных сооружения: Петропавловский собор постройки середины XIX в. (на фундаментах собора конца XIV – начала XV в.), Никольский собор начала XIX в., заключающий в себе собор конца XVII в., стоящий в свою очередь на белокаменных воротах XVI в., а также два небольших хозяйственных сооружения. Площадка кремля имеет сильный уклон в северном направлении – падение уровня составляет 13 м на расстоянии 110 м. На краю площадки кремля с восточной и северной сторон хорошо заметны валы. Высота валов различна: с северной стороны до 3 м относительно площадки, а с восточной стороны до 6 м. В результате отхода оползня от коренного берега образовались овраги с южной и восточной сторон холма. Овраг с южной стороны, возможно, был углублен в средневековое время, т.е. превращен в ров. С запада и севера останец защищен естественным оврагом, образованным р. Можайка уже после оползня.

Археологические исследования до 2005 г. проводились в Можайском кремле в 1981–1982 гг. А.А. Молчановым в связи с обследованием подклета и фундамента собора Петра и Павла. До материка была доведена только узкая траншея у северо-восточного угла собора. В этом раскопе на основной площади был выявлен слой коричневой глины, в котором была найдена керамика

¹ Предполагается, что активизация оползневой процесса связана с глубоким эрозионным врезом, обусловленным послехвалыньским раннеголоценовым опусканием уровня Каспия, произошедшим 9–8 тыс. лет назад в период мезолита (Свиточ и др., 1998).

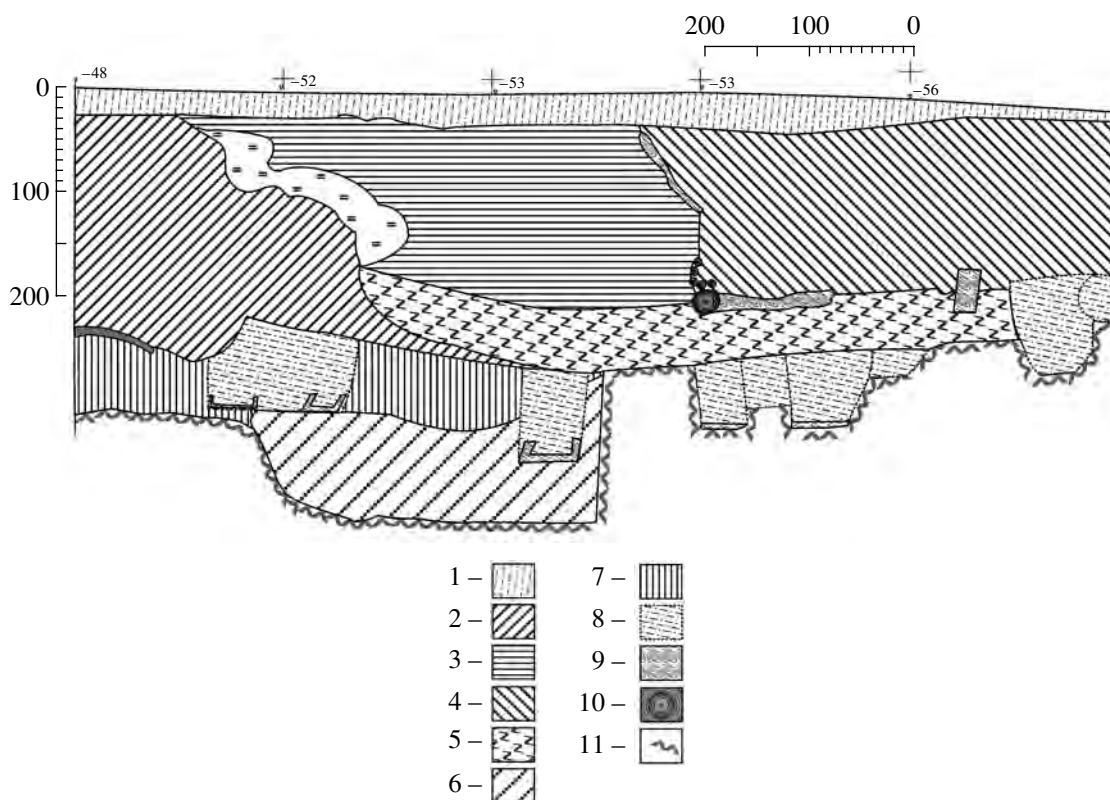
курганного типа и обломок семилопастного височного кольца (Молчанов, 1983. С. 70, 71; Молчанов, Кавельмахер, 1981). Как выяснилось при наших исследованиях 2005 г., этот слой глины является слоем разрушения укреплений XIV в. Внутри Никольского собора в 2001 г. было заложено два шурфа, в которых также были прослежены следы валов, правда, архитекторами и геологами, производившими раскопки, выявленные слой с укреплениями связаны не были.

В 2005 г. Можайской экспедицией Института археологии РАН под руководством автора с целью исследования остатков укреплений Можайского кремля к югу от собора Петра и Павла был заложено раскоп 2, который был закончен в 2006 г. (Янишевский, 2005; 2006). В этом месте, как мы предполагали, находится нижняя часть срытого в начале XIX в. в своей южной части вала Можайского кремля.

РАСКОПКИ УКРЕПЛЕНИЙ XIV в.

Остатки этих укреплений прослежены в раскопе 2 в юго-восточной части кремля к югу от собора Петра и Павла. Раскоп представлял собой траншею шириной 2 и длиной 10 м и был вытянут в юго-восточном направлении. Место раскопа было выбрано на прямой линии, проложенной от южного обреза сохранившегося с восточной стороны кремля вала к Никольским воротам, заключенным внутри Никольского собора. На месте раскопа верхняя часть вала была срезана при строительстве нового моста в начале XIX в.

В раскопе обнаружены остатки двух периодов строительства вала (рисунок): более раннего (первичного) и более позднего (вторичного). Более ранний вал (2) прослежен в южной части раскопа (ближней к краю холма) на протяжении 2 м. Глубина от современной поверхности, на которую прослежен первичный вал, – 2,7 м. Он состоял из желтоватого суглинка, структурированного деревянными конструкциями, следы которых сохранились в виде древесного тлена. В западном профиле прослежены остатки вертикальной стенки из бревен в виде полосы древесного тлена, длиной до 1,5 м. Эта полоса тлена сильно наклонена к северу (внутрь крепости). Поверхность вала, обращенная внутрь крепости, наклонена к югу под углом примерно 40°, поскольку вал оплыл, и обмазана глиной, которая была обожжена. Толщина обожженной глиняной обмазки 4–5 см. Был ли этот обжиг результатом пожара или это была сознательная акция, сказать трудно.

Юго-западный профиль раскопа 2 в Можайском кремле: 1 – строительный горизонт XVIII–XX вв.; 2 – вал 1303–1340 гг.; 3 – вал 1376 г.; 4 – горизонт разрушения валов XIV в.; 5 – слой щепы и навоза у подножия вала 1303–1340 гг.; 6 – погреб постройки XIII в.; 7 – культурный слой XIII в.; 8 – могильные ямы (перекоп); 9 – дерево; 10 – бревна; 11 – материк.

Датировать время сооружения вала можно только по фрагментам самой поздней керамики, найденной в его насыпи. Это – “красная грубая” керамика, датирующаяся по московским и подмосковным аналогиям XIV – первой четвертью XV в. (Московская керамика..., 1991. С. 58). В насыпи первичного вала найдены также “серая” керамика, время бытования которой не заходит в XV в., а также небольшое количество “курганной”, которая была распространена в XII–XIII вв. Небольшое количество керамических фрагментов (самое большое число происходит из слоя щепы у подножия первичного вала – 124) не позволяет получить статистически достоверное процентное соотношение между типами керамики. Однако ясно, что когда насыпался первичный вал, все три указанных типа керамики уже выпали в культурный слой.

Первичный вал был насыпан не на пустом месте: на уровне материка в раскопе 2 выявлена углубленная часть постройки (6) – погреб, стенки которого укреплены сваями, между ними и земляными стенками погреба были забиты доски. Постройка датирована по керамике временем не позднее конца XIII в. Заполнение постройки в верхней части нарушают могильные ямы (клад-

бище 1). Могилы выкопаны с уровня культурного слоя (7), который образовался в процессе жизни и разрушения упомянутой постройки. Этот культурный слой перекрыт сверху первичным валом. Таким образом, по данным стратиграфии, верхняя дата данного культурного слоя та же, что и у постройки. Из 60 фрагментов керамики, найденных в постройке, 20% относятся к типу курганной керамики (XII–XIII вв.), а почти 75% – к типу серой (XIII–XIV вв.). 5% относятся к типу красной грубой, которая появляется в керамических комплексах только с конца XIII в. Вероятно, этот тип керамики попал в постройку с могильными перекопами из культурного слоя, перекрывающего постройку.

За время существования первичного вала у его подножия внутри крепости вырос культурный слой (5), состоящий из щепы и навоза толщиной до 70 см. В этом слое найдены фрагменты серебряных украшений, в том числе со сканью, и серьга с напуском шариком из зерни, датированные XII–XIII вв. Выход на вал первого периода был укреплен березовыми и осиновыми колышками, забитыми рядами с частотой 15 см и длинными палками, набросанными вдоль вала, а также крупными костями животных. Слой щепы и наво-

за также перекрывает часть погребений слоя кладбища 1, однако здесь нет слоя времени существования и разрушения постройки с погребом, наблюдаемого под валом. Слой щепы и навоза лежит непосредственно на материке или на могильном перекопе. Это значит, что существовало какое-то препятствие накоплению культурного слоя к северу от постройки или культурный слой был срезан при устройстве первичного вала. В этом слое, как и в первичном валу, отложилась керамика курганная (50%), серая (35%) и красноглиняная грубая – 15% (всего собрано 144 фрагмента).

Вал второго периода (3) являлся не только ремонтом первичного вала, но и его расширением внутрь крепости. Был ли такой же ремонт произведен снаружи первичного вала – неизвестно. Если первичный вал был укреплен, судя по всему, незамкнутыми изнутри бревенчатыми клетями, то вторичный вал был выполнен из замкнутых деревянных клеток, которые хорошо читались в горизонтальных зачистках. Нижний венец клеток из-за обводненности раскопа сохранился настолько хорошо, что удалось взять спилов на дендрохронологические анализы. Крепление еловых бревен-городен клеток было выполнено с помощью полукруглых зарубов каждого второго венца (к этому выводу я пришел из-за того, что заруб найден только в нижнем бревне, в верхнем он не выявлен). Клетки вошли в раскоп под углом, поэтому удалось измерить размер только поперечной городни – 2,4 м, длина же продольного бревна не менее 2 м. Соседние клетки соединялись посередине специальными бревнами-перерубами длиной 40 см. Кроме того, городни, параллельные валу, были у клеток общими, по крайней мере у вошедшей в раскоп пары. Дендродаты, полученные из спилов двух бревен-городен, совпали с большой точностью и показали порубочную дату 1375 г. (даты получены в лаборатории дендрохронологии ИА РАН). Причем очень точное совпадение графиков имеется также и с графиками спилов из городен вала Коломенского кремля, шкала которого и использована для Можайска (Мазуров, 2000. С. 68; Черных, Карпухин, 2004. С. 97–103). Такое совпадение свидетельствует о том, что бревна взяты в одном лесу. Таким образом, можно говорить не только о том, что бревна для коломенского кремля брали в районе Можайска и сплавляли по Москве-реке, но и о том, что строительство валов в Можайске и Коломне осуществлялось по единой программе вел. кн. Дмитрием Ивановичем. Самыми ранними находками в заполнении клеток вторичного вала являются фрагменты амфор (горло с ручкой и несколько фрагментов ручек), датированные XII–XIII вв., а самыми поздними – фрагменты краснолощеной сплошь и краснолощеной полосами керамики, время появления которой – не ранее последней

четверти XIV в. Во вторичном валу найдена и тонкостенная чернолощеноя керамика, появляющаяся в Смоленске со второй половины XIV в. (Сергина, 2004. С. 44). Таким образом, время появления самой поздней керамики совпадает с дендродатой.

Вторичный вал за время своего существования неоднократно оползал (4), так как культурный слой, выросший на горизонтальных бревнах, положенных у его основания, перекрыт суглинком, идентичным заполнению городен вала, а верх суглинка культурный слой накапливался уже на наклонной поверхности. Наклонная поверхность у основания вала укреплялась специальными частоколами и плетнями. Уже после частичного разрушения вторичного вала (не ранее конца XIV – начала XV в.) у его подножия было устроено кладбище 2, могильные ямы которого прорубили горизонтальные бревна, упомянутые выше.

Уже первичный вал XIV в., судя по его направлению, совпадающему с направлением от существующего вала к Никольским воротам (Никольскому собору), шел по линии существующих валов, т.е. окружал весь кремлевский холм. После ремонта 1376 г. или сразу после этой даты вал, видимо, стал выше. Однако выяснить, насколько вырос вал, а также точно датировать все его перестройки удастся только после разреза вала в его нетронутой части. Но можно с уверенностью сказать, что с западной и северо-западной сторон холма вала практически не было, а фундамент стены 1624–1626 гг. врыт почти в край холма (Янишевский, 2005). С этих сторон кремлевский холм имеет очень крутые склоны, и там, по-видимому, стояла только стена, до XVII в. деревянная. При строительстве кирпичной стены 1624–1626 гг. на заглубленном каменном фундаменте все следы предыдущих укреплений в этой части кремля были уничтожены.

После строительства кольцевого вала размер крепости внутри укреплений достиг площади 4,4 га. Первичный вал, окруживший весь кремлевский холм, был построен не ранее присоединения города к Москве в 1303 г. Это подтверждает и наличие небольшого количества красноглиняной грубой керамики в слое под валом. 1303 год можно считать нижней датой строительства первичного вала. Уточнить время строительства первичного кольцевого вала Можайска можно на основании следующих рассуждений. Если считать, что в начале XIV в. строительство укреплений в Можайске и Коломне происходило одновременно, как и в 1375 г., то первичный вал Можайского кремля построен около 1307 г., когда происходило строительство первого этапа коломенского вала (Мазуров, 2005. С. 292). Верхней датой его постройки можно принять приход войска литовского кн. Ольгерда в 1341 г., когда был сожжен

только посад, а крепость выстояла (Новгородская четвертая..., 2000. С. 271).

Ремонт укреплений был произведен после 1375 г. вел. кн. Дмитрием Ивановичем в рамках подготовки княжества к борьбе с литвой и татарами.

Выражаю благодарность Н.Б. Черных и А.А. Карпухину (лаборатория дендрохронологии ИА РАН) за подготовку и интерпретацию анализов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мазуров А.Б.* Оборонительные сооружения Коломны XIV–XV вв. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3 / Тр. музея истории Москвы. Вып. 10. М., 2000.
- Мазуров А.Б.* К столетию начала археологического изучения Коломны // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.
- Молчанов А.А.* Работы в Можайском кремле // АО–1981. 1983.
- Молчанов А.А., Кавельмахер В.В.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях памятника архитектуры XIV в. Старо-Никольского собора в г. Можайске // Архив ИА РАН. 1981. № 8409.
- Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.
- Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. 2000. Т. IV. Ч. 1.
- Сергина Т.В.* Керамика Смоленска // Смоленские древности. Вып. 3. Смоленск, 2004.
- Свиточ А.А., Селиванов А.О., Янина Т.А.* Палеографические события плейстоцена Понто-Каспия и Средиземноморья (материалы по реконструкции и корреляции). М., 1998.
- Черных Н.Б., Карпухин А.А.* О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендроанализа) // КСИА. 2004. Вып. 216.
- Янишевский Б.Е.* Отчет о раскопках в Можайском кремле в 2005 г. // Архив ИА РАН. 2005.
- Янишевский Б.Е.* Отчет о раскопках Можайской экспедиции в г. Можайске Московской обл. в 2006 г. // Архив ИА РАН. 2006.

**КО II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОМУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ
СЪЕЗДУ**

ОТ РЕДАКЦИИ

На 2008 год приходится столетние юбилеи целой плеяды выдающихся археологов XX века – подлинных столпов советской науки, составивших ее славу. Но это не единственное знаменательное событие: осенью этого же года в Суздале соберется II (XVIII) Всероссийский археологический съезд. Перед его началом представляется полезным обозначить ряд важнейших вех в развитии нашей науки. Редколлегия и редсовет журнала “Российская археология” сочли необходимым поместить в двух номерах этого года серию статей по истории науки в России, носящих публикационный, мемуарный и историографический характер.

**Б.А. РЫБАКОВ КАК АРХЕОЛОГ И ИСТОРИК КУЛЬТУРЫ.
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

© 2008 г. А. А. Медынцева

Институт археологии РАН, Москва

Борис Александрович Рыбаков (3.06.1908–27.12.2001) – академик РАН, Герой Социалистического Труда, заслуженный профессор МГУ, действительный член нескольких иностранных академий, лауреат многих престижных премий, кавалер трех орденов Ленина и других почетных наград, более 30 лет (1956–1987) возглавлявший Институт археологии АН СССР – воспринимается сегодня теми, кто его не знал, как образец официального историка, на протяжении долгой научной жизни не раз обласканного властью. Зачастую таким его и рисуют сейчас в воспоминаниях и историографических работах, ловко увязывая ложь и полуправду с реальными событиями советского прошлого. Не редкость и другое: записавшиеся в “последователи” Бориса Александровича неоязычники и оборотистые дельцы пиратски дополняют свои одиозные труды главами из его произведений¹. Все это искажает значение научной и организаторской деятельности Б.А. Рыбакова, а также сам облик ученого. Даже людям средних лет, не говоря уж о молодежи, трудно отделить истину от вымысла, представить научный вклад Бориса Александровича и его истинное ли-

цо. Ровесники уже ушли; сейчас уходят последние непосредственные участники научной жизни 1930–1970-х годов.

Со временем, конечно, огромный вклад ученых советского периода в археологию выступит гораздо рельефнее, и его позитивная оценка станет очевидной. Произойдет и объективная пере-

¹ Наиболее беззастенчиво эксплуатируют имя ученого любители и авантюристы от науки, обращаясь к его трудам о язычестве (Рыбаков, 1981; 1987). В Саратове тиражом в 100 тыс. экземпляров изданы “Мифы древних славян”, где в качестве приложения к так называемой “Велесовой книге” даны главы из работ Б.А. Рыбакова (относительно поддельности “Велесовой книги” Б.А. Рыбаков неоднократно высказывался устно и письменно). Подробное рассмотрение этой тематики в задачу нашей статьи не входит – отметим только, что Б.А. Рыбакова глубоко интересовала духовная жизнь древних славян и средневековой Руси, он создал ряд статей по мифологии и религиозным представлениям древних земледельцев, монографическое исследование русских былин и летописей (1963; 1963а).

оценка: свершения, выглядевшие великими, могут стать малозаметными фактами историографии, а статья, книга, атрибуция, казавшиеся второстепенными, навсегда сохраняют за автором место в науке. Однако это не снимает с нас обязанности изучать наследие выдающихся деятелей науки недавнего прошлого, проследивать судьбу их идей, состоявшие основанных ими научных школ.

100-летняя годовщина со дня рождения академика Б.А. Рыбакова – естественный рубеж, когда начинается подлинное историографическое изучение наследия этого ученого-новатора. Оно насчитывает более 400 работ, в том числе 20 монографий и учебных пособий, переведенных на многие европейские языки, оказавших влияние на развитие русской и зарубежной медиевистики. Рассказать сразу о всех направлениях творчества Бориса Александровича невозможно – получится сухой перечень. Поэтому воздержимся от рассмотрения работ, посвященных письменной истории и этнографии, тем более, что общие обзоры трудов и заслуг Бориса Александровича не раз публиковались (Плетнева, Николаева, 1978; Медынцева, 1998; Борис Александрович Рыбаков, 2000. С. 14–16; Чернецов, 1998). Поставим задачу скромнее: кратко очертить значение творчества Б.А. Рыбакова для археологии, эпиграфики, архитектуры и искусства Древней Руси, вплета в обзор краткие строки воспоминаний о встречах с этим незаурядным человеком, составившим целую эпоху в изучении отечественной истории.

Интерес к ней проявился у Бориса Александровича со студенческих лет, когда он учился на археологическом отделении историко-этнологического факультета Московского университета, где преподавали блестящие профессора: С.В. Бахрушин (история), П.В. Преображенский (история общественных форм), Ю.В. Готье (археология) и начинал работу А.В. Арциховский – будущий всемирно известный исследователь Новгорода. Несмотря на незначительную разницу в возрасте (Артемию Владимировичу было немногим более 25 лет) Борис Александрович всегда считал его первым наставником, во многом определившим подход к археологическим памятникам и интерес к изучению древнейших славянских племен, миниатюр и летописей. Археологические раскопки Новгорода были начаты А.В. Арциховским в 1929 г. Топографом-чертежником в его отряде был Б.А. Рыбаков.

В университетские годы началась и научная деятельность Бориса Александровича. В семинаре С.В. Бахрушина он разработал тему “Осифляне и нестяжатели XV–XVI вв.” (вероятно, сказались занятия отца и его библиотека, где было много книг по истории церкви и церковному расколу; позже доклад был опубликован: Рыбаков, 1934). Как результат летних археологических

экспедиций в сборнике научного студенческого кружка, которым руководил Б.А. Рыбаков, появилась его первая статья о раскопках вятичских курганов в Мякинине и Кременьи (Рыбаков, 1928). Вероятно, у Бориса Александровича уже сложилось твердое убеждение, которому он следовал всегда: археологический материал и письменные источники нужно исследовать совместно. Окончательно сформировала широкий кругозор Б.А. Рыбакова как исследователя деятельность в Историческом музее, где он работал еще в годы учебы в МГУ, хотя штатным сотрудником стал гораздо позже, после работы в музее Александровской слободы и службы курсантом в Красной Армии.

Археологические разыскания и материалы ГИМа позволили продолжить работу по истории славянских племен, начатую под прямым влиянием А.В. Арциховского и Ю.В. Готье. После выхода в 1930 г. книги А.В. Арциховского о курганах вятичей Борис Александрович обратился к древностям их ближайших соседей – радимичей. Работа была успешно защищена в качестве диссертации и опубликована (Рыбаков, 1932). В ней проявились принципиальные особенности Бориса Александровича как исследователя: исторический комплексный подход к проблеме, документированный географическими картами (Б.А. Рыбаков всегда широко использовал картографирование для наглядного доказательства локализации, датировки и продвижения археологических культур, которые воспринимал как носителей этносов). Особое внимание в книге было уделено ремеслу: появлению технологий, ареалам сбыта продукции, возникновению ремесленных поселков – будущих городов. Работа не ограничена историей радимичей, но освещает общие проблемы истории славянских племен.

Подлинно научный переворот в археологии восточных славян и Древней Руси произвел капитальный труд “Ремесло Древней Руси” (1948), охвативший историческую эпоху практически в тысячу лет на территории от Тмутаракани на юге до Белоозера на севере, от славянских племен, “присядающих” на Дунае на западе, до Волги на востоке. В основе труда лежала источниковедческая обработка огромного фонда археологических источников (в основном из коллекций ГИМа), ранее почти неизвестных, и осмысление материала с привлечением письменных источников, позволившее не только ввести в научный оборот новые предметы материального быта, но сделать принципиально важные исторические выводы. В наши дни трудно представить, что до выхода в свет этой работы общепринятым было мнение о неразвитости древнерусского ремесла, о слабом распространении грамотности и полной зависимости Древней Руси от рынков Европы и Византии. Причинами тому были скудость пись-

менных сведений, необработанность археологических материалов, неумение ими пользоваться. Чтобы заставить их заговорить, необходимы были новые методики изучения предметов, восстановление технологий и инструментария. Выявляя ареал распространения изделий одного ремесленника, Борис Александрович сопоставлял и наносил на карту отливки, сделанные в одной и той же литейной форме (для установления идентичности сопоставлялись негативы фотографий, сделанных в одном масштабе). Только чтобы изучить распространение вятичских височных колец, потребовалось 116403 сопоставления для 483 экземпляров (а таким методом исследовались не только височные кольца!). Удалось выяснить, что изделия мелких ремесленников расходились на 15–20 км, а крупных мастерских – до 200 км. Критикам, упрекающим ученого в склонности к внешним эффектам, следует представить объем и скрупулезность этого исследования, выполненного без помощи современных компьютерных средств, облегчающих и ускоряющих техническую работу.

Первая часть книги была создана еще до Великой Отечественной войны, а вторая, посвященная ремеслу XIII–XV вв., написана в Ашхабаде, куда эвакуировали сотрудников и студентов МГУ и где Б.А. Рыбаков защитил в 1942 г. законченную работу в качестве докторской диссертации. Сделанные им выводы о высоком уровне развития древнерусского ремесла и обширном перечне ремесленных профессий, насчитывающем десятки специальностей; о способах и технических приемах изготовления различных изделий; о торговом характере русского ремесла и о городе как его средоточии; об ареалах сбыта ремесленной продукции, а также об огромном уроне, нанесенном культуре Древней Руси татаро-монгольским нашествием, стали столь общепризнанными, что трудно даже представить их новизну и значение для середины XX в. “Все в этой книге ново – от характера и количества использованных источников, от методики их обработки до многочисленных гипотез и выводов” (Плетнева, Николаева, 1978. С. 13). Публикация этого капитального труда стала переворотом в исторической науке, и в 1949 г. он был удостоен Государственной премии СССР.

С тех пор прошло почти 70 лет, написано много добротных работ по древнерусскому ремеслу. Выявлены многие его особенности, установлены местные школы, уточнена технология, открыты и введены в научный оборот обильные материалы, используются новые методы (в их числе методы естественных наук), так что некоторые положения работы Б.А. Рыбакова устарели. Но она остается отправной точкой для любого исследователя древнерусского ремесла. Напомним, что этот титанический труд был начат в 20–30-х годах

XX в., когда в научной и общественной жизни интерес к далекому прошлому совсем не приветствовался: историю России отсчитывали с появления революционных марксистских кружков, изобретали интернациональную “пролетарскую” культуру. Б.А. Рыбаков оказался одним из тех немногих, кто начал деятельность по возрождению историко-культурного достояния русского народа, продолжив ее и в военное лихолетье, и позднее, в более благоприятные для исследования славянской культуры годы, и в неразберихе перестройки, и в разрушительные 1990-е – в общем, на протяжении всей жизни.

Как археолог Борис Александрович вел раскопки во многих древних городах и городищах Руси (Гочево, Вщиж, Звенигород Московский, Новгород, Чернигов, Тмутаракань, Любеч, Переяслав Залесский, Белгород Киевский, Новгород Малый, Витичев, Торческ, Александров и др.) (рис. 1). Результаты этих работ значительны и интересны. Изучены остатки древних каменных храмов: церкви в Тмутаракани (построена, возможно, Мстиславом Владимировичем в 1024 г. (Макарова, 2005)); Благовещенского собора (1086) с его мозаикой пола и Михайловской церкви в Чернигове (Рыбаков, 1949; Беляев, 1974); храма XII в. во Вщиже; триконха начала XIII в. (датировка Б.А. Рыбакова) в Путивле. Полностью реконструирован замок-усадьба Владимира Мономаха с укреплениями, дворцовыми и хозяйственными постройками, деревянной церковью и сторожевыми башнями. Восстановлен облик городов-крепостей, построенных Владимиром Святославичем по рекам Днепру и Стугне в конце X в. для защиты от печенегов южных рубежей русских земель. Получены интереснейшие находки, украшающие витрины ГИМа (клады серебряных предметов из Любеча, бронзовый водолей из Вщижа, серебряники Владимира из Новгорода Малого, вещи с надписями из разных городов). Результаты этих исследований отражены в большой работе “Древности Чернигова” (1949) и ряде специальных статей.

Можно отметить то общее, что присуще всем полевым исследованиям Бориса Александровича: он никогда не исследовал объект изолированно, вне исторического контекста и конкретной научной проблемы. Так, раскопки Тмутаракани помогли установить время существования и характер далекого южного княжества на берегах Черного моря, состав и занятия его населения, взаимоотношения с соседями – греками и кочевыми народами. Раскопки городищ по р. Стугне и Днепру обрисовали первую общерусскую оборонительную линию и пролили свет на проблему взаимоотношений Руси и Великой Степи в конце X в. Раскопки в Любече подняли проблему существования на Руси феодальных замков, сходных с европейскими. Сравнительный анализ материа-

Рис. 1. Б.А. Рыбаков с сотрудниками и гостями экспедиции. Чернигов, 1956 г.

лов Чернигова и Вщижа позволил Борису Александровичу в исключительно яркой статье удивительно живо и точно представить разницу между стольным и удельным городом. Понятно, что все эти выводы опирались и на анализ письменных источников.

Б.А. Рыбаков внес существенный вклад в разработку методики археологических раскопок. Культурный слой южнорусских городов, как правило, не сохраняет дерева, и для восстановления облика деревянных построек необходимо тщательное наблюдение за стратиграфией. Борис Александрович был уверен, что исследуемые слои можно связать с годами построек храмов и пожарами, даты которых отмечены в летописях. Ему же принадлежит мысль разбирать грунт средневековых поселений не по “штыкам”, а по реально существующим слоям. При раскопках Любеча, например, сооружения разбирали именно по слоям, тщательно фиксируя каждый в фотографиях и аксонометрических чертежах, изготавливая схемы-чертежи заполнения в натуральную величину и раскладывая на них все находки (рис. 2). Эти работы можно смело признать попытками сохранить достоверный “3D отпечаток” с древнего памятника, позволяющий не только сделать выводы ученому, но и сохранить возможность их проверки. Сегодня мы решаем подобные задачи с помощью создания электронных моделей, что гораздо проще, но нельзя не признать приоритета самой идеи Бориса Александровича “остановить археологическое мгновение”.

Разборка и пространственная фиксация сооружений по слоям привели уже тогда к принци-

ально важным открытиям в области восстановления облика древнерусского жилища. Ранее на южнорусских памятниках выявляли только углубленные в лессовый твердый “материк” части жилищ (обычные размеры $2 \times 2.2 \times 3$ м) и потому считалось, что подлинные жилища Южной Руси – полуземлянки. Их скромный облик резко контрастировал с богатыми находками (украшения из серебра и золота, оружие, привозная амфорная керамика, осколки дорогих сосудов византийского производства и др.). Фиксируя прослойки в заполнении “полуземлянок” и сопоставляя их с этнографическими примерами засыпки потолков деревянных сооружений землей (в целях противопожарной безопасности) и обмазки земляных полов глиной Борис Александрович пришел к заключению о существовании наземной части построек. При пожарах она обрушивалась, заполняя подвальное помещение чередующимися слоями земли, горелого дерева и обожженной глины. Он интерпретировал открываемые археологами “полуземлянки” как хозяйственные подклеты наземных домов в 2–3 этажа, с печью и дымоходом. Не все археологи приняли эту интерпретацию, но позже, при раскопках Киева, ученик Бориса Александровича П.П. Толочко проследил те же наслоения в жилищах, а также ямы от столбов вокруг углубленной части, на которые опирались когда-то наземные конструкции. Как оказалось, здания аристократической части Киева были не только многоэтажными, но и большими по площади, чем предполагалось. С тех пор остатки крупных наземных построек с глубокими подклетами обнаружены и в других древнерус-

тер (Рыбаков, 1938). В ней бывший студент А.С. Орлова проявил редкое знание эпиграфического материала, не только дополнив библиографию заслуженного профессора десятками свежих надписей, но и предложив для некоторых новую датировку и прочтение, чем изрядно удивил своего учителя.

Практически всю жизнь Борис Александрович собирал материал для свода по эпиграфике: на археологических раскопках, в музейных коллекциях и публикациях коллег. Именно он сумел оценить историческое значение надписей-граффити Киевского Софийского собора и первым опубликовал киевские граффити (Рыбаков, 1947), выпустив годом ранее статьи об овручских пряслицах и надписи гончара на Киевской корчаге (Рыбаков, 1946; 1946а). Уже в этих статьях проявился принцип всестороннего исследования надписей: не ограничиваясь только прочтением и датировкой, Б.А. Рыбаков ввел их в круг других исторических источников, подключая новые данные для решения общих исторических задач, например, проблемы собственного производства амфорной керамики в средневековом Киеве или назначения и рынка сбыта шиферных пряслиц. Помимо многих специальных статей по эпиграфике исследования надписей включены почти во все работы Бориса Александровича. В “Ремесле Древней Руси” они являются одним из важных аспектов изучения ремесленной продукции, в работах по былинам и летописям – дополняют и объясняют сведения обычных письменных источников, в статьях и книгах по истории культуры являются одним из основных источников. Везде, где бы ни использовались эпиграфические материалы, они наполняют историческое исследование дыханием подлинной жизни.

Накопление эпиграфического материала, его специфичность потребовали и определения границ этой дисциплины, размежевания ее с “чистой” палеографией, разработки специальных методов и задач исследования, оценки ее возможностей в познании истории. Такая оценка была дана в докладе Б.А. Рыбакова “Русская эпиграфика X–XIV вв. Состояние, возможности, задачи” на V Международном съезде славистов (1963 г., София). В нем речь шла не только о русской, но и о славянской эпиграфике в целом, что значительно расширило хронологические и географические возможности дисциплины. Это особенно важно для раннего этапа (IX–XI вв.), недостаточно представленного собственно русскими надписями.

В том программном для славянской эпиграфики докладе были сформулированы долгосрочные задачи, над которыми предстоит работать и специалистам XXI в. Такова, например, проблема происхождения славянских азбук, решение кото-

рой начало успешно осуществляться только в последние десятилетия с накоплением данных эпиграфики. Традиционные письменные источники, относящиеся, как правило, к более позднему периоду, оказались бессильны в ее решении. В том же докладе было дано определение эпиграфики как научной дисциплины, ее места в историческом источниковедении, определены возможности, намечены методы работы и датировки, во многом отличные от традиционных палеографических. Были поставлены и общие задачи: систематизация, классифицирование и издание сводов эпиграфических источников, сравнительное изучение лингвистами и историками всех надписей, написанных кириллицей и глаголицей, с учетом южнославянских материалов, активное использование данных эпиграфики в общеисторических работах по истории культуры, языка и быта.

Первую и главную задачу – дать хронологическую основу для датировки древнерусских надписей, без чего невозможно полноценное их использование – Борис Александрович решил в корпусе “Русские датированные надписи XI–XIV вв.” (1964), где систематизировал все известные на тот момент датированные надписи на предметах быта, стенах древних зданий, церковной утвари, надгробиях. При этом многие из них были по-новому прочитаны, проверены и уточнены их датировки, обобщены наблюдения над их палеографическими особенностями. В хронологических таблицах приведены все варианты начертания каждой буквы алфавита, для датирующих букв – составлены хронологические и корреляционные графики. Этот свод надписей давно стал и образцом, и практическим пособием для работы с эпиграфическими источниками. Борис Александрович предложил также исторический комментарий к каждой надписи, сделав их историческим источником, доступным для использования филологами и учеными других специальностей.

Культура Древней Руси как проблема в той или иной степени затронута в любой работе Б.А. Рыбакова: “Ремесле Древней Руси”, “Картах Московии” (1974), монографиях о древнерусском летописании и, разумеется, о “Слове о полку Игореве” (Рыбаков, 1971; 1972; 1991). Но у Бориса Александровича есть труды, специально посвященные культуре, – такие, как монография-альбом “Русское прикладное искусство X–XIII веков” (1971а), где рассматриваются искусные ювелирные украшения XI–XIII вв., выполненные в технике скани и эмали, серебряные браслеты, украшения чернью; интерпретируется семантика орнаментов и сюжетов, их украшающих. Это до сих пор одна из лучших книг по народному искусству Древней Руси, которое предстает перед читателями во всем великолепии в прекрасных цветных иллюстрациях и комментариях к ним.

Следует отметить и вклад Б.А. Рыбакова в подготовку широко известного двухтомника “История культуры Древней Руси”, где им написаны разделы о ремесле, торговле, военном деле, глава о прикладном искусстве (1948; 1951). Данная тема развита в разделах “История материальной культуры” и “Просвещение” (XIII и последующие века) многотомного коллективного труда “Очерки истории русской культуры” (1970; Рыбаков, 1984а). В этой работе показано и запустение Руси, упадок ее культуры в первые десятилетия после татаро-монгольского разгрома, и трудное медленное возрождение, и новый культурный взлет, начавшийся на рубеже XIV–XV вв. В первую очередь отмеченные процессы проявлялись в “просвещении” – системе грамотности и образования, литературе, естественнонаучных и исторических представлениях. Основой обзора для Бориса Александровича служили как традиционные данные летописей и рукописных источников, так и данные новых источников: берестяных грамот, приписок к рукописям, фольклора, эпиграфики. Им были восстановлены система обучения, использование письменности (в том числе тайнописи), математические и географические познания, начатки науки о природе (Рыбаков, 1949а; 1957; 1975). Особенно интересны наблюдения над “философской литературой”, демонстрирующей внимание к античным космогоническим идеям, проявившееся в начале XV в. на фоне широко распространенных примитивных средневековых представлений, почерпнутых из переводных произведений (“Книга Еноха”, “Христианская топография” Космы Индикоплова). Интересен и общий вывод о появлении начиная с конца XIV в. идеи единства языка и культуры Руси, объединяющей разрозненные княжества и уделы².

Абсолютно неразрывно связана с исследовательской работой Б.А. Рыбакова его организационная деятельность. Талантливый организатор, он возглавлял сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР (1951–1974), был деканом исторического факультета МГУ (1951–1952), руководил кафедрой истории СССР эпохи феодализма, был проректором по гуманитарным наукам (1952–1954). В Академии наук СССР Борис Александрович вел огромную работу как заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР (1967–1973) и академик-секретарь Отделения истории АН СССР (1973–1975). В течение многих лет он был членом редколлегий ряда исторических журналов, главным редактором (и одним из инициаторов создания) журнала “Советская ар-

хеология”, членом многих общественных и научных организаций.

Но его главная работа по организации науки связана все же с Институтом археологии АН СССР (впоследствии РАН), директором которого Борис Александрович являлся с 1956 г. Ему всегда было присуще умение видеть главное, направлять силы ученых на решение важных, принципиальных проблем в исторической науке. Исключительных усилий потребовало от него создание “Свода археологических источников СССР”. Борис Александрович разработал как концепцию, так и программу издания, подобного которому нет ни в одной стране мира. Тома “Свода”, объединяя результаты исследований по археологии от палеолита до эпохи Московской Руси на территории России и ряда республик бывшего Советского Союза, сделали этот материал доступным для ученых всего мира.

Другим масштабным изданием, задуманным и осуществленным Б.А. Рыбаковым, стала “Археология СССР”. Так же, как и предыдущий свод, оно обобщает результаты многолетних полевых археологических работ и кабинетных исследований. Но, в отличие от “Свода”, который задуман как максимально полный корпус всего имеющегося в наличии археологического материала и рассчитан на специалистов-археологов, тома “Археологии СССР” представляют результаты исследований в лаконичном изложении и преимущественно графически, в виде таблиц, карт и перечней. Это делает материал доступным не только для археологов, но и для ученых других областей исторического знания (лингвистов, этнологов, искусствоведов).

При своей огромной загруженности и регалиях Борис Александрович оставался открытым для коллег и не боялся проблем реальной жизни. К нему мог обратиться без предварительной записи любой сотрудник института: кто – за помощью в бытовых вопросах и сложных житейских ситуациях, кто в научных (выбор темы, необходимость командировки, организация экспедиции). Как правило, он помогал. Многие обязаны ему выбором темы исследований, решением квартирного вопроса, публикациями трудов. В качестве примера укажем на нелегкую научную судьбу Г.К. Вагнера. В годы сталинских репрессий он получил 10 лет колымских лагерей, затем 5 лет ссылки. Вернувшись из ссылки в возрасте 47 лет, он остался без средств к существованию, так как несмотря на наступившую “оттепель” в Москве никто не решился взять на работу бывшего “зека”. Но Борис Александрович принял его в институт на должность лаборанта (в те годы с лаборанта начинали свою работу и выпускники МГУ). Б.А. Рыбаков заметил трудолюбие и необыкновенные способности нового сотрудника, его инте-

² Тема духовной культуры XIV в. развита и в монографии о стригольниках (1993), материал для которой Борис Александрович собирал по крайней мере с первых лет работы в ГИМе, где в отделе древнерусской письменности изучал украшенные яркими заставками и миниатюрами оригиналы рукописей.

рес к истории древнерусской архитектуры. Воспользовавшись своим правом академика и председателя Ученого совета, он выдвинул работу Г.К. Вагнера на защиту (обычным путем Георгий Карлович не мог защитить диссертацию, так как у него не было диплома о высшем образовании). Защита состоялась, причем решением Ученого совета Г.К. Вагнеру сразу была присуждена степень доктора исторических наук (см.: Юшко, 2007).

Важным делом для Б.А. Рыбакова было преподавание и вообще научно-просветительская деятельность. Начало его педагогической карьеры относится к 1933 г., когда он, доцент Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, читал лекции по отечественной истории; затем местом его педагогической работы стал Московский областной педагогический институт. С 1939 г. и до смерти Б.А. Рыбаков оставался преподавателем исторического факультета МГУ – доцентом, а затем (с 1942 г.) профессором. Он читал общий курс по истории России, специальные курсы по истории русской культуры, эпиграфике, славянской археологии и др., вел семинары, руководил дипломниками, стажерами, аспирантами. Для многих поколений студентов факультета учеба начиналась с его лекции по русской истории, которая пользовалась неизменным успехом; часто ее посещали студенты других факультетов, она нередко заканчивалась аплодисментами. Борис Александрович стремился поставить перед аудиторией важные, широкомасштабные проблемы. Перед глазами студентов, сопровождая мысль лектора, на доске, начертанные привычной рукой топографа, возникали географические карты Европы и Руси. Двигались народы, иллюстрируя миграционные процессы, очерчивались конгломераты племен и границы государств. Его лекции ни в коей мере не повторяли и не заменяли учебник, необходимый для сдачи экзамена, но зато сразу, с первых часов занятий, учили студентов самостоятельно мышлению, умению ставить и решать проблемы, не боясь масштабных тем, оперировать разнообразными источниками в качестве доказательств.

У каждого поколения выпускников истфака остались свои впечатления от лекций и семинарских занятий Бориса Александровича. Семинар курса набора 1956 г. сразу начался с чтения “Повести временных лет”, “Русской Правды” в оригинале, без перевода. Студенты вслушивались и привыкали к образности и красочности в общем понятного, но отличного от современного языка Древней Руси, учились понимать красоту чеканного ритма и поэтического слога “Слова о полку Игореве”, извлекать из первоисточников необходимую историческую информацию.

Огромное значение в обучении имели экскурсии, которые Борис Александрович проводил сам

(в Московский Кремль, Донской монастырь, в Коломенское и другие исторические места Москвы и Подмосковья). Для него занятия не прекращались с окончанием весеннего семестра, так как в течение многих десятилетий летом он руководил археологическими раскопками, где студенты исторического факультета (не только археологи, но и с других кафедр) проходили археологическую практику. Здесь Борис Александрович учил разбираться в путанице археологических напластований, фиксировать их в подробных чертежах, различать и датировать вещевой материал. И здесь по воскресеньям обязательно были увлекательные экскурсии по древним городам и историческим местам: интереснейшие поездки-экскурсии в Чернигов, сохранивший многие памятники древней архитектуры, Киев – с посещением величественного Софийского собора и Киево-Печерского монастыря, Путивль, Любеч и многие другие.

Особую роль играли обязательные еженедельные лекции, которые Борис Александрович читал в поле, показывая результаты работы и делаясь новыми наблюдениями и гипотезами (рис. 3). Исключительно яркие, они собирали всех сотрудники экспедиции, от подростков (препараторов и землекопов) до маститых ученых. Эти лекции – их можно назвать и научными докладами – превращали экспедицию в своего рода полевой семинар. Смотреть и слушать было захватывающе интересно, тем более что сообщения включали и показ находок, и “картинки”, которые энергично, выразительно и уверенно рисовались и чертились на большом листе (крафт или ватман) цветными карандашами. На листе (если его не хватало – то переворачивали) возникали карты и схемы, планы и разрезы, реконструкции и изображения предметов, к которым добавлялись краткие тексты (пояснения, даты, имена и названия). За такие “постеры” после лекции часто вспыхивали споры между слушателями. У многих студентов, ставших ныне известными учеными, они все еще хранятся, и не зря – ведь в них запечатлена живая, быстротекущая работа мысли выдающегося ученого, рождение идей, которым суждено было позже развиться или быть отвергнутыми при анализе.

“Просветительские” результаты деятельности Б.А. Рыбакова трудно переоценить – ведь подобные лекции проводились и для жителей местности, где шли раскопки. Многие из землекопов-школьников выбирали историю и археологию в качестве будущей профессии, но и тот, кто не стал историком, на всю жизнь запомнил увлекательные лекции по истории своего края. Борис Александрович создал школу, состоящую из нескольких поколений профессиональных историков, многие его ученики стали кандидатами и докторами наук. Дипломантам и аспирантам он

Рис. 3. Заречье, 1969 г. Еженедельная лекция.

предоставлял большую самостоятельность, не требовал повседневных отчетов, но ценил самостоятельность работы, ставя только общую цель исследования и указывая наиболее важную литературу.

Педагогический, популяризаторский, просветительский талант Б.А. Рыбакова проявлялся не только на лекциях, археологической практике и аудиторных занятиях. Им написаны и отредактированы многие учебники по истории отечества для школьников (Преображенский, Рыбаков, 1997) и студентов исторических вузов (1975а), учебные программы, популярные статьи (включая газетные). Важным свершением стало создание “Истории СССР с древнейших времен” (1966 и др.). Умение доступно и увлекательно изложить самую сложную проблему, не снижая ее научной значимости, присуще всем трудам Бориса Александровича, а особенно жанру научно-популярных монографий, рассчитанных и на коллег, и на самую широкую аудиторию. Среди них – “Первые века русской истории” (1984), книги по культуре и искусству Древней Руси, исторические портреты князей. Страницы этих работ читаются как увлекательный исторический роман благодаря мастерскому владению словом, литературно правильному и одновременно красочному и образному русскому языку (им написаны даже самые первые студенческие опыты). Б.А. Рыбакову был присущ редкий дар “вживания” в эпоху. В его передаче исторические персонажи и события представлялись наполненными подлинной жизнью, делались понятны и близки читателю. Но литературного дара было бы недостаточно – помимо глубоких и разнообразных знаний, тонких психологических наблюдений требовались подлинная,

искренняя (пусть романтическая) любовь к России, к людям, ее населяющим, понимание особенностей русского характера и культуры, твердая вера в будущее русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Из истории зодчества древнего Чернигова // Проблемы истории СССР. М., 1974.
- Борис Александрович Рыбаков // Институт археологии сегодня. Сб. научных биографий. М., 2000.
- Макарова Т.И. Церковь Св. Богородицы в Тмутаракани // МАИЭТ. № 11. Симферополь, 2005.
- Медынцева А.А. Б.А. Рыбаков – историк-энциклопедист нашего времени // Культура славян и Русь. Сб. в честь 90-летия Б.А. Рыбакова. М., 1998.
- Плетнева С.А., Николаева Т.В. Краткий очерк научной, педагогической, научно-организационной и общественной деятельности // Борис Александрович Рыбаков. Сер. Библиография ученых СССР. М., 1978.
- Рыбаков Б.А. О раскопках вятических курганов в Мякинине и Кременьи в 1927 г. // Сб. научно-археологического кружка МГУ. М., 1928.
- Рыбаков Б.О. Радзімічы // Працы сэкцыі археолёгіі Белар. Акад. навук. Т. 3. Менск, 1932.
- Рыбаков Б.А. Воинствующие церковники XVI века // Антирелигиозник. 1934. № 3, 4.
- Рыбаков Б.А. К библиографии русских надписей XI–XV вв. // Исторические записки. 1938. Т. 4.
- Рыбаков Б.А. Надпись киевского гончара XI века // КСИИМК. 1946. Вып. 12.
- Рыбаков Б.А. Овручские пряслица [Русские курганы XI–XIII вв.] // Докл. и сообщения исторического факультета МГУ. 1946а. Вып. 4.
- Рыбаков Б.О. Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. [Т.] 1. Київ, 1947.

- Рыбаков Б.О.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // МИА. 1949. № 11. Т. 1.
- Рыбаков Б.А.* Русские системы мер длины XI–XV веков (Из истории народных знаний) // СЭ. 1949а. № 1.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло. Торговля и торговые пути. Военное дело // История культуры Древней Руси. Т. 1. Домонгольский период / Под ред. Воронина Н.Н., Каргера М.К., Тихановой М.А. М.; Л., 1948.
- Рыбаков Б.А.* Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси. Т. 2. М.; Л., 1951.
- Рыбаков Б.А.* Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. 1957. № 1.
- Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
- Рыбаков Б.А.* Русская эпиграфика X–XIV вв. (Состояние, возможности, задачи) // История, фольклор и искусство славянских народов. Докл. советской делегации на V Междунар. съезде славистов. София, сентябрь 1963. М., 1963а.
- Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV в. // Свод археологических источников. Е1-44. М., 1964.
- Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. II. Духовная культура / Отв. ред. А.В. Арциховский. М., 1970.
- Рыбаков Б.А.* Слово о полку Игореве и его современники. М., 1971.
- Рыбаков Б.А.* Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л., 1971а.
- Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор “Слова о полку Игореве”. М., 1972.
- Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974.
- Рыбаков Б.А.* Мерило новгородского зодчего XIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М., 1975.
- Рыбаков Б.А. и др.* История СССР. С древнейших времен до конца XVIII в. Учебник для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов. М., 1975а.
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбаков Б.А.* Первые века русской истории. М., 1984.
- Рыбаков Б.А.* Из истории культуры Древней Руси. М., 1984а.
- Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Рыбаков Б.А.* Петр Бориславич. В поисках автора “Слова о полку Игореве”. М., 1991.
- Рыбаков Б.А.* Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.
- Рыбаков Б.А. и др.* История СССР. С древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1966.
- Преображенский А.А., Рыбаков Б.А.* История России. Учебник для 6–7 классов. М., 1997.
- Чернецов А.В.* К 90-летию Бориса Александровича Рыбакова // Археология. 1998. № 2.
- Юшко А.А.* Судьба моя – археология // История. 2007. № 13.

**КО II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОМУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ
СЪЕЗДУ**

**ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ (1859–1917): ФОТОМАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО АРХИВА
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН**

© 2008 г. Г. В. Длужневская

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Задача данной статьи – дать обзор той части документов фотоархива (с 2004 г. – фотоотдела Научного архива) Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК РАН), которая связана с изучением Средней Азии. Начиная с середины XIX в. фотография во всем мире постепенно проникала в археологию, производя настоящую революцию в области фиксации памятников. Этот процесс пристально изучается в современной западной историографии, в том числе применительно к путешествиям на Восток (в Турцию, Египет и другие страны). Однако весьма значительный вклад в него русских путешественников и ученых-фотографов (напомним, например, о фотоальбомах Н.П. Кондакова по Палестине и Синаю) остается во многом недооцененным, а оставленный ими уникальный материал – недостаточно востребованным. Особую роль они сыграли в изучении Западного (Русского) Туркестана.

Первые снимки со среднеазиатских архитектурных сооружений сделаны в 1858 г. во время миссии флигель-адъютанта полковника Н.П. Игнатъева из Оренбурга в Хиву и Бухару. Эти 28 снимков, напоминающие тончайшие акварельные рисунки, выполнил артиллерийский подпоручик А.С. Муренко (НА, ФА, отп. Q 211; Девель, 1994. С. 259–271; Калинин, 2000. С. 49–54). Они были преподнесены великому князю генерал-адмиралу Константину Николаевичу, вероятно, как председателю Русского географического общества (РГО). Среди них виды караван-сарая в Оренбурге, глинобитных стен г. Кунграда на р. Аму-Дарье, форта № 1 на р. Сыр-Дарье (построен в 1853 г., в 1867 г. переименован в г. Казалинск), загородного дворца хивинского хана на канале Полван-Ата и др. На фотографиях запечатлен ряд исторических личностей (известный по всей Зауральской степи батыр казах Исет Кутебаров, министр Двора хивинского хана узбек Якши-Мурат, представители разных национальностей из числа местного населения: казах-мулла, пленный персиянин, хивинский солдат, русские пленные), бытовые сцены, предметы быта, одежда середины XIX в. В.В. Бартольд невысоко оценивал значение по-

сольства для науки, хотя командированный Академией наук в состав миссии ориенталист П.И. Лерх приобрел некоторое число рукописей для Азиатского музея и монеты для Эрмитажа и Археологического общества (Бартольд, 1977. С. 441). Однако посольство Н.П. Игнатъева впервые использовало фотографию для демонстрации результатов. Сделанные миссией снимки оказались практически первыми из этого региона, что, безусловно, позволяет считать ее научный вклад весомым (Длужневская, 2006. С. 282–291).

Спустя 15 лет по распоряжению первого туркестанского генерал-губернатора (1867–1882) К.П. фон Кауфмана и под руководством ориенталиста А.Л. Куна был изготовлен, в первую очередь для ознакомления публики с недавно присоединенным к России регионом, знаменитый “Туркестанский альбом”, который включал археологический, этнографический, промысловый и исторический разделы. Для него в пяти областях Туркестанского генерал-губернаторства (главный – г. Ташкент) – Семиреченской, Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской – в 1871–1872 гг. фотографы Н.Н. Нехорошев, Г.Е. Кривцов и другие провели съемку видов городов и крепостей, архитектурных памятников, быта и традиционных занятий местного населения, сделав также портретные снимки представителей разных национальностей (НА, ФА, отп. Q 487). В 1890-е годы по заказу Н.И. Веселовского, готовившегося к работам в Самарканде, фотограф ИАК И.Ф. Чистяков переснял материалы из других томов “Туркестанского альбома”, ныне хранящихся в Российской Национальной Библиотеке (НА, ФА, отп. Q 135, Q 136 и др.).

Первые фотоматериалы по археологическим исследованиям Средней Азии в НА ИИМК РАН связаны с именем востоковеда Николая Николаевича Пантусова. В 1871 г. К.П. фон Кауфман обратил на восточный факультет Петербургского университета с предложением выпускникам выехать на работу в Туркестанский край. Среди студентов, изъявивших желание и “способных, трудолюбивых и могущих быть полезными для

Рис. 1. О 693/17. Семиреченская область. Общий вид кладбища близ Пишкека. Раскопки Н.Н. Пантусова, 1886 г. Фото А. Лейбина.

края”, был Н.Н. Пантусов. В 1872 г. его направили в Туркестан, где впоследствии он служил чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области.

С 1884 по 1903 г. Н.Н. Пантусов предпринял ряд исследовательских экспедиций: в 1886–1892 гг. провел раскопки древних христианских могильников в Пишкеке (рис. 1) и Токмаке в Семиреченской обл. (НА, ФА, отп. О. 693/10–28); в 1892 г. вместе с А.М. Фетисовым – обследования в Верненском уезде; в 1898–1899 гг. совершил поездку по Семиреченской области, побывал в Кульдже и прислал в ИАК фотографии мавзолеев Тоглук-Темир-ясина и Шир-Али-ясина (НА, ФА, отп. Q 439/53–56), а также снимки мавзолеев Чокана Валиханова близ Кунякузской станции Копальского уезда и Танека Дюсетова близ г. Копала, ряда других сооружений и наскальных изображений. В г. Сергиополе Н.Н. Пантусов сфотографировал каменных “баб”, древнетюркские изваяния, поставленные у домов станичного правителя, мещанина К. Чираджиева, у лавки на базаре и др. (НА, ФА, отп. Q 439/1–52).

Кроме того, Н.Н. Пантусов собирал и отсылал древности в музей Петербурга. В коллекцию РАО от него поступили металлическое четырехугольное блюдо на четырех низких ножках и бурхан (НА, ФА, отп. Q 243/29, 30); в ИАК – происходящие из Кочкорской долины пряжки, поясные бляхи, серьги, кольца, зеркало и монета (НА, ФА, отп. О. 693/1–7); в Азиатский музей – надгробия с сирийскими надписями, найденные у с. Мазар (развалины Алмалыка) в Верненском уезде Семиреченской обл. (НА, ФА, нег. III 9274–9278); в Императорский Эрмитаж – восточная монета и глиняный орнаментированный сосуд, найденные близ г. Верного (НА, ФА, нег. III 7831, отп. О. 693/9). Его постоянным спутником в поездках был фотограф из г. Верного А. Лейбин.

В 1884–1885 гг. от ИАК и Петербургского университета в Туркестанский край был впервые командирован Н.И. Веселовский с целью обследования региона в археологическом, этнографическом и культурном отношении. В декабре 1884 г. он провел раскопки на городище Той-Тюбе Курминского уезда Сыр-Дарьинской обл. Городище состояло из четырехугольной цитадели, окруженной глинобитной стеной, и предместья; постройки из обожженного кирпича не позволяли датировать его ранее IX в. На Той-Тюбе были найдены глиняный светильник, нож, фрагмент бронзового колокола, орнаментированная пластина (НА, ФА, нег. III 2407), фрагменты керамики, стеклянной посуды и медные монеты хорезмшахов (XIII в.). Н.И. Веселовский провел “пробные” (рекогносцировочные) раскопки на средневековом поселении Чорлен-тепе близ кишлака Намданак в 40 км от Ташкента, которые, однако, не позволили ему определить ни устройство поселения, ни длительность его существования, хотя были найдены медные монеты бухархударов, джагатайская и китайская. В феврале ученый посетил Ферганскую область и, осмотрев более сотни сооружений, называвшихся местным населением курумами (россыпями камней), мукханэ (дом Муков) или карахатай-ханэ (дом каракитайцев), впервые определил их как древние погребения – “могилы”, сложенные из камней, описал, раскопал 30 из них и выделил несколько типов конструкций наземных сооружений и погребений (Лунин, 1979. С. 45, 46). Он провел разведывательные раскопки на развалинах трех древних столиц: Ахсыкета, Касана и Узгена, а в Оше на Сулейман-горе нашел и перевел арабскую надпись 941 г.

Н.И. Веселовский точно следовал обширной инструкции ИАК: сверх археологических исследований в Зеравшанском округе провести такие и в Ферганской области, а если позволят время и средства, то “проникнуть и в Бухару для приведения в известность тамошних древностей... Кроме городищ, полезно было бы разрыть также несколько курганов...”, а также составить краткую опись археологического отдела Ташкентского музея, ознакомиться с содержанием кладов, обнаруженных в Туркестанском крае, археологическими коллекциями частных лиц и пополнить минц-кабинет Эрмитажа разновременными монетами. В “Заметке к инструкции” объяснялось, что древнейшие культуры Туркестанского края известны в основном по письменным источникам, серьезных археологических изысканий там не проводилось (Лунин, 1979. С. 44). Н.И. Веселовский вел раскопки на тепе Туди-Калян, Туди-Хурд, Мунчак-тепе, вскрыл “курумы” в Пунуке и кишлаке Чодак. Он отметил, что “курумы” – это, скорее всего, семейные склепы, поскольку в них встречаются и мужские, и женские вещи. Во вре-

мя поездок по Туркестану он собрал и приобрел у местных жителей для Археологической комиссии многочисленные предметы древности, в том числе в Бухаре – медные сосуды с куфическими надписями (НА, ФА, нег. IV 222), а в Самарканде – перстень с датой 802 г. х. (1399–1400 гг.), оказавшийся перстнем-печатью третьего сына Тимура – Миран-шаха-мирзы.

Основной задачей Комиссия просила считать исследования “Афрасиабова” городища близ Самарканда, к которым Н.И. Веселовский приступил в марте 1885 г. и продолжал больше четырех месяцев. “Раскопку” следовало доводить до слоя материковой земли, вести подробный журнал с указанием номеров находимых вещей, которые затем с теми же номерами заносить в особую опись. Ученый вскрыл участки Афрасиаба траншейным методом с расширением траншеи в стороны при существенных находках. Было обнаружено много древних предметов, остатки строений и следы городского благоустройства (Лунин, 1979. С. 44, 51). В фотоотделе НА ИИМК РАН имеются снимки глиняных статуэток, сосудов, фрагментов стенок оссуариев и крышка оссуария с ручкой в виде бюста человека (НА, РА, ф. 1, оп. 1, д. 20. Л. 38–50; 156–158; НА, ФА, нег. II 28094, 46367; III 10215–10218, 14708; IV 1557, 221, 223, отп. Q 673/11–14, F 168/7–14; Отчет..., 1887. С. 32; Записки..., 1887. С. ХСII–CIV). По инициативе Н.И. Веселовского топографами военно-топографического отдела Туркестанского военного округа Г. Васильевым и Кузьминым был исполнен топографический план Афрасиаба (НА, РА, ф. 1, д. 20. Л. 85; НА, ФА, отп. О. 1602/21).

Через 10 лет, во время небольших раскопок на Афрасиабе, Н.И. Веселовским были обнаружены поливной сосуд с орнаментом и арабской надписью, глиняная головка быка, костяная дудка, фрагменты глиняных сосудов и обломки орнаментированных кирпичей, которые затем поступили на хранение в Эрмитаж (НА, ФА, нег. II 26259–26260; III 7391–7393, 7480–7484, отп. Q 673/5–7; Отчет..., 1897. С. 49).

Главным направлением работ Н.И. Веселовского в Туркестане с 1895 г. становятся фиксация и научное описание архитектурных памятников Самарканда. Их абсолютно справедливо считают началом систематического изучения историко-культурных памятников Русского Туркестана. В 1897–1899 гг. исследователь совершил новые поездки в Среднюю Азию и привез древности, происходящие из Афрасиаба: обломок плиты с изображением лица человека, бронзовый подсвечник на трех ножках, глиняные сосуды, фрагмент оссуария с рельефными изображениями сирены и головы человека, а также оссуарии, найденные в еврейском квартале Самарканда (НА, ФА, отп. Q 673/3–4, 8–10, 21, Q 710/27, нег. II 26066, III 7235–7236, 7447–7449, 7865, 7921–7922).

В разработанный Н.И. Веселовским в первые годы XX в. план входили многочисленные обмеры, исполнение чертежей, рисунков, изготовление эстампажей и фотографий, особенно сохранившихся на поверхности земли средневековых архитектурных сооружений – мечетей, мазаров и др. В 1905 г. вышел в свет оставшийся единственным альбом “Мечети Самарканда”, хотя аналогичные фиксационные работы были проведены также для Биби-Ханым, медресе Улугбека и мазара Рухабат. Докладывая о выходе альбома, Н.И. Веселовский напомнил, что история его создания началась в 1895 г., когда министерство финансов отказало Археологической комиссии в средствах на реставрацию и охрану памятников Самарканда. Тогда было предложено “снять с этих памятников, наиболее важных в художественно-археологическом отношении, точнейшие планы и рисунки и напечатать их в особом издании комиссии”. На работы было отпущено 10000 руб. Через 10 лет после их начала можно было констатировать, что гибнущие и расхищаемые местным населением памятники благодаря данному изданию уцелели для науки (Известия..., 1906. С. 4). В 1905 г. на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении (РКИСВА) Н.И. Веселовский обследовал мечеть г. Туркестан.

Одновременно с Н.И. Веселовским в Средней Азии работали и другие ориенталисты. В 1886 г. исламовед И.П. Остроумов исследовал курганы в кишлаках Гибрай и Дурмен близ Ташкента (сохранились планы сооружений: НА, РА, ф. 1, 1886 г., д. 36; 1888 г., д. 62; НА, ФА, отп. О. 2482/14–15). На следующий год он продолжил исследования курганов в окрестностях г. Ташкента (в архиве имеются снимки обнаруженной керамики: НА, РА, ф. 1, 1886 г., д. 34; НА, ФА, нег. II 40903–40906).

В.А. Жуковский, известный иранист, открывший новый этап изучения мусульманской Персии, в 1890 и 1896 гг. на средства ИАК совершил поездки в Туркестан. В 1890 г. он побывал в Мерве и Хорасане, осмотрел Мешхед и Тус и сфотографировал виды Нисы (рис. 2) и городища Анау (НА, ФА, отп. О. 680/1–3, 21; Q 292, Q 396; нег. III 2953–2955). Привезенные им древности были найдены при раскопках могилы Мир-Джафар-Хана в местечке Гяур-Кабристан близ Табриза (в ГИМ поступили бронзовые наконечники стрел, копья и эсвидный стержень; см.: НА, ФА, нег. III 8096). Результатом первого путешествия стало его исследование о развалинах древнего Мерва (Жуковский, 1894). Во второй раз В.А. Жуковский был в Закаспийской области в 1896 г. и провел небольшие раскопки на городище Анау (НА, ФА, отп. О. 680/5, 8, 13, Q 292, Q 396; Бартольд, 1977. С. 689–703), прорезав траншеей склон городища. Он не был археологом и полагал, что

Рис. 2. О 680/21. Закаспийская область. С. Багыр. Городище Старая Ниса. Фото В.А. Жуковского, 1890 г.

Рис. 3. Q 159/19. Самарканд. У Сар-Хауза. Фото И. Введенского, 1890-е годы.

“прежде следует позаботиться о том, что уцелело еще на поверхности, – уберечь и сохранить для науки развалины городов и памятников путем снятия рисунков, фотографий, бумажных оттисков с надписями на камнях, планов, сопровождая их простым, но добросовестным описанием и пояснениями” (Жуковский, 1894. С. 199).

В 1897 г. доктор и краевед Ф.В. Поярков, возглавлявший Семиреченский отдел РГО, провел раскопки близ с. Лебединка Семиреченской обл. (Кыргызстан), обнаружив сосуды, браслеты, зеркала, топор и кинжалы, и передал их на хранение в Исторический музей (НА, ФА, нег. II 26237–26239, 26247). В 1898 г. при раскопках курганов близ с. Большое Владимирское Семипалатинской обл. топограф Г. Васильев нашел средневековые вещи: медный бурхан, топор, наконечники копий и стрел, удила, украшения сбруи и бусы (НА, ФА, нег. II 26018–26019). В том же году финский

археолог Х.-И. Гейкель исследовал курганы у с. Дмитриевского Аулие-Атинского у. Сыр-Дарьинской обл. (материалы хранятся в Гельсингфорском (Хельсинкском) музее, фотографии зарисовок находок и больших глиняных сосудов – в фотоотделе: НА, ФА, нег. III 7290–7294). На следующий год он провел работы в долине р. Талас, также передав обнаруженные украшения, зеркало, орудия и оружие Гельсингфорскому музею (НА, ФА, нег. II 26304).

В 1880–1890-е годы в Туркестане работали профессиональные фотографы и фотографы-любители Г.А. Панкратьев, В.Ф. Козловский, И. Введенский, Н. Ордэ и др. Они сделали множество фотографий архитектурных сооружений старых городов Туркестана, бытовых сцен, праздников и типов местного населения.

Капитан русской армии Г.А. Панкратьев, служа в Самарканде, на полученную от графа Н.Я. Ростовцева стипендию (300 руб.) исполнил полный и детальный альбом памятников древностей Самарканда и его окрестностей. С переводами С.-А. Лапина куфических надписей на мавзолеях его выпустили в продажу всего в нескольких десятках экземпляров (НА, ФА, отп. О. 681). Альбом уникален: многие представленные в нем памятники не сохранились. Ю. Якубовский, автор статьи “Незаменимые люди” (Туркестанские ведомости, 1904. № 140), беспокоился о негативах, “которые портятся, в то время как памятники разрушаются”. Он предлагал музеям использовать негативы Г.А. Панкратьева (который, по мнению автора статьи, “не любитель, а настоящий художник-фотограф”) для издания полного альбома самаркандских памятников древности.

Из фотографов-любителей следует назвать И. Введенского (наиболее активно работал в Самарканде в 1894–1897 гг., в архиве сохранился альбом с великолепными фотографиями архитектурных памятников города и его окрестностей (рис. 3); НА, ФА, отп. Q 159); В.Ф. Козловского (снимал в Коканде, Шахрисябзе и Самарканде (НА, ФА, отп. Q 290; О. 1118, О. 1120), в том числе виды и интерьеры ханского дворца в Коканде). Немногочисленные фотографии сделал в середине 1880-х годов генерал от инфантерии А.В. Комаров (“Караван невесты”, вход в Шах-и-Зинда и др.: НА, ФА, отп. Q 135/1, Q 493/1; снимки наклеены на картонные паспарту охряного цвета и подписаны, вероятно, им самим черными чернилами), с 1883 г. – начальник Закаспийской области, крупный военный и политический деятель, фактически присоединивший к России Мервский, Тедженский, Серахский и Иолатанский оазисы.

В те же годы профессионал Н. Ордэ фотографировал типы народностей Центральной Азии (НА, ФА, отп. Q 20; Q 290; Q 354). Его снимки представляют большую ценность в этнографиче-

ском отношении. Д.И. Ермаков, фотограф, путешественник и этнограф, в Закаспийской области зафиксировал памятники Асхабада (Ашхабада), Самарканда, Бухары, Мерва и др. (НА, ФА, отп. Q 507; Q 481). Не менее интересны крупноформатные отпечатки сына известного французского фотографа П. Надара – П. Надара, сделанные им во время поездки в 1895 г. в Бухару, Самарканд (рис. 4) и Мерв. Альбом из 28 фотографий был подарен Императорской Археологической комиссии в 1900 г. и хранился до организации фотоархива в библиотеке ИАК (НА, ФА, отп. F 1).

Ряд страниц истории фотофиксации памятников Средней Азии связан с именем В.В. Бартольда. В мае 1893 г. его командировали туда Санкт-Петербургский университет и Академия наук для исследования памятников древности, главным образом в Чуйской и Илийской долинах. В дополнение к письменным известиям о прошлом необходимо было собрать “сведения о следах, оставленных прежними обитателями ее, и, по возможности, дать краткое описание развалин городов, укреплений и т.п.” (Бартольд, 1966. С. 21). Перелом ноги не позволил В.В. Бартольду в 1893 г. выполнить задание (он успел осмотреть памятники по пути от Чимкента до Аулие-Ата и долину Таласа). Сопровождавший его художник С.М. Дудин один объехал Чуйскую долину и озеро Иссык-Куль, собрав материалы для отчета. В 1894 г. для осмотра памятников в местностях, куда можно было проникнуть только верхом, рисования и фотографирования В.В. Бартольд пригласил члена Таврической ученой архивной комиссии поручика Е.П. Ковалева. Он обследовал развалины по Таласу ниже Аулие-Ата, на пути от Таласа к Чу, в Чуйской долине, в бассейне Нарына, по северному берегу Иссык-Куля и на р. Или. В.В. Бартольд полагал, что все эти данные пригодятся будущим исследователям. Отчеты были опубликованы в 1894 и 1897 гг. (1966. С. 21–91), приведены описания памятников, данные письменных источников, местные легенды, предполагаемые даты объектов и идентификация их с памятниками, известными по арабским и китайским текстам – но фотографий из этой поездки в архиве не сохранилось.

В Джаркентском уезде В.В. Бартольд видел великолепный памятник мусульманской культуры – построенную на средства таранчинского богача Вали-Ахуна Юлдашева мечеть в дунганском стиле. Ее интерьер мало похож устройством на мечеть и скорее напоминает христианскую церковь: михраб похож на алтарь и находится против входа, с которым соединен двумя рядами колонн; по обе стороны – хоры, на которые ведут лестницы. Три снимка этой мечети имеются в фотоотделе; их автор не известен, но в архив они поступили вместе с негативами, исполненными Б. Литвино-

Рис. 4. Надар-2. Самарканд. Шах-и-Зинда. Фото П. Надара, 1895 г.

вым при раскопках на Афрасиабе в 1904 г. (НА, ФА, отп. О. 3519/20–22). С.М. Дудин, художник, путешественник, этнограф, археолог, музейный работник, фотограф, в 1893 г. был в Средней Азии вместе с В.В. Бартольдом, а в 1895 г. ИАК командировала его в Самарканд в экспедицию Н.И. Веселовского. Он сделал около 200 негативов (24 × 30 см), часть которых хранится в фотоотделе Научного архива.

Н.И. Веселовский в 1895–1896 гг. возглавил историко-архитектурную экспедицию, организованную с целью скорейшего, полного и детального описания памятников, которыми “так богат Туркестанский край”. Они находились “в печальном положении”, теряя элементы декора и медленно разрушаясь от землетрясений и выветривания. Многие уже превратились в развалины. В работах участвовали С.М. Дудин, архитектор П.П. Покрышкин, художник и фотограф И.Ф. Чистяков, художники Н.И. Щербина-Крамаренко, А.В. Щусев и др. Исследования были сосредоточены на мечетях Гур-Эмир и Биби-Ханым в Самарканде; в 1898–1899 гг. их продолжили, и в начале 1899 г. Археологическая комиссия сообщала, что “по изготовлению чертежей и рисунков самаркандских мечетей сделано следующее: вполне окончен альбом рисунков с мечети Гур-Эмир..., затем сделаны обмеры и черновые чертежи, ныне изготавливающиеся набело, с соборной мечети Биби-Ханым, и эта работа к весне будущего года будет закончена; начаты работы по изготовлению архитектурных чертежей мечети Шах-и-Зинда... Нынешним летом предвидится возможность окончить описание и этой мечети” (НА, РА, ф. 1, оп. 1, д. 69, ч. II. Л. 1). Изданием альбома, посвященного мавзолею Гур-Эмир (Мечети Самарканда, 1905), было положено “начало важнейшей задаче – сохранению памятников для нужд науки путем монографического исследова-

Рис. 5. Q 135/4. Самаркандская область. Шахрисябз. Дворец Ак-Сарай. Низ левой щеки главного фасада. Фото И.Ф. Чистякова, 1898 г.

ния каждого из них” (Якубовский, 1940. С. 229). Работы экспедиции стали началом систематического изучения памятников Самарканда, а направление исследований Археологической комиссии по отношению к самаркандским памятникам признано “на том этапе правильным” (Якубовский, 1940. С. 294, 295). В 1898 г. Н.И. Веселовский вместе с сотрудниками экспедиции побывал в Шахрисябзе с целью визуального обследования дворца Ак-Сарай. Фотографии и негативы во время поездки были сделаны И.Ф. Чистяковым (НА, ФА, нег. III 2636–2638, 7033–7034, IV 564–575; отп. Q 135); на одной из них запечатлен Н.И. Веселовский, сидящий у портала Ак-Сарая (рис. 5).

В 1900 г. В.В. Радлов предложил С.М. Дудину подготовить программу и смету экспедиции в Среднюю Азию, которая в общей сложности продолжалась три года. Задача ученого-фотографа заключалась в съемке населенных пунктов, характерных построек, домашней утвари, национальных костюмов, повседневной жизни обитателей края, религиозных обрядов, обычаев, ремесел, типов людей. С.М. Дудин сделал более 2000 снимков и собрал огромную вещевую коллекцию, положившую начало среднеазиатскому собранию Российского этнографического музея. В Самарканде он приобрел вещи с Афрасиаба –

глиняные головки, фрагменты статуэток, резные и мозаичные изразцы, часть плиты с мозаичным орнаментом (НА, ФА, нег. III 8255–8260, отп. Q 673/22–25).

В 1905–1908 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА) С.М. Дудин трижды ездил в Самарканд с целью подробной регистрации местных архитектурных памятников: фотографированию подлежали все архитектурные детали, в том числе изразцы и мозаики. Результат этих работ – собрание превосходных снимков. В 1909–1910 и 1914–1915 гг. С.М. Дудин принял участие в экспедициях в Восточный Туркестан и Западный Китай под руководством С.Ф. Ольденбурга. Собранные этнографические и археологические коллекции и альбом фотографий легли в основу его научных публикаций о технике буддийского и исламского искусства Центральной Азии. С.М. Дудин первым поставил вопрос о подробнейшей съемке памятников и осуществил ее (рис. 6). Его фотографии по Шах-и-Зинда (НА, ФА, отп. Q 345 a–d и O. 683 a–c) были использованы реставраторами при работах на памятнике в послевоенные годы (Памяти..., 1930. С. 341–358).

В 1904 г. в Закаспийской обл. Р.В. Пампелли произвел раскопки Гяур-Калы, древнейшего городища Старого Мерва. Экспедиция была снаряжена институтом Карнеги, но ИАК установила за работами строгий надзор (Известия..., 1904. С. 60, 61). Часть находок (терракотовые статуэтки) поступила в Эрмитаж (НА, ФА, нег. II 27616), другие (кремневые и каменные орудия и утварь, пращевые камни, игрушка-тележка) – в Музей антропологии и этнографии (НА, ФА, нег. III 9574–9579).

В том же году В.В. Бартольд провел раскопки на Афрасиабе (по существу продолжившие раскопки Н.И. Веселовского) с целью выяснить местоположение соборной мечети и найти ее фундамент. Подготовительные работы по поручению РКИСВА были выполнены местными силами еще в 1903 г. В.В. Бартольд предполагал работать три месяца, отдав первый топографическому изучению Афрасиаба, второй – пробным раскопкам городища, а третий – изучению других городищ и памятников древности в пределах длинных стен, окружавших город и его пригороды. По семейным обстоятельствам ученого программа была сокращена, раскопки проводились с 17 июля по 13 августа. При работах к западу от цитадели собирали огромную коллекцию материала (фрагменты стеклянной посуды, кирпич с синими и белыми глазурями) и обнаружили многоступенчатую постройку из жженого кирпича “на гипсовом цементе”, по мнению В.Л. Вяткина и А.Ю. Якубовского, основание минарета саманидской мечети (Вяткин, 1927. С. 17; Якубовский, 1940). Исследо-

Рис. 6. Q 345/49. Мавзолей Ишрат-Хана. Фото С.М. Дудина, 1908 г.

Рис. 7. О 3519/6. Самаркандская область. Афрасиаб. Раскопки В.В. Бартольда, 1904 г. Вид открытого кирпичного сооружения. Фото Б. Литвинова, 1904 г.

вания проблемы снабжения города водой подтвердили предположение, основанное на изучении письменных источников: водопроводная труба была проложена с юга. Топографические и археологические изыскания иллюстрировали 20 снимков (рис. 7), выполненных фотографом Б. Литвиновым (НА, ФА, отп. О. 3519/1–22, нег. II 17827–17829, III 2936–2952, IV 625–627; Бартольд, 1966. С. 130–133, 139, 140; Длужневская, 1987. С. 111, 112).

Раскопки В.В. Бартольда на Афрасиабе в 1905 г. продолжил самаркандский археолог В.Л. Вяткин (НА, ФА, отп. Q 673/15; Вяткин, 1908. С. 22–36). В 1908–1909 гг. он после изучения письменных источников открыл остатки самаркандской обсерватории Мирзы Улугбека (правил в Самарканде в 1447–1449 гг.), внука Тамерлана, знаменитого ученого, астронома, автора Каталога звезд и других работ (Известия..., 1909. С. 33–35). В то же время В.Л. Вяткин (единственный в городе человек, считавшийся хранителем древностей) был вынужден безуспешно бороться с разрушением памятников временем и местными жителями, туристами, любителями старинных вещей, антикварами, иностранцами (имея распорядительные бумаги на производство раскопок, они отправляли находки за границу). Посильную лепту в сохранение бесценной информации вно-

сили прежде всего художники и фотографы: благодаря изданию материалов описанной выше экспедиции Н.И. Веселовского 1895 г. гибнущие памятники сохранились для науки (Известия..., 1906. С. 4), ведь своды многих мечетей угрожали падением, а их облицовку постоянно расхищали. Автор заметки, опубликованной в “Туркестанском курьере” 26 октября 1913 г., призывал объявить самаркандские древности государственной собственностью, принять меры к их охране.

Спасать случайные находки (рис. 8) разных эпох, от эпохи бронзы до позднего средневековья, было несколько проще. Их в значительном количестве добывали как местные жители, так и работавшие в Средней Азии специалисты (строители и др.). В 1904 г. туркестанские краеведы горный инженер А.А. Козырев и заведующий ирригацией Самаркандской области Н.П. Петровский двумя траншеями вскрыли в урочище Кара-Агач Акмолинской обл. курган, окруженный канавкой с перемычкой с восточной стороны, имевший вид усеченного конуса, высоту 3.5 м и диаметр 10.5 м. На глубине 0.9 м была обнаружена “каменная баба”, на глубине 1.7 м – каменный ящик длиной 1 м из песчаниковых плит, некогда имевший деревянное перекрытие. В нем находились истлевшие остатки женского скелета и, скорее всего, шкуры коня, уложенной параллельно человеку головой к его ногам. Были обнаружены золотой орнаментированный венчик с привесками на дужках, два глиняных “столбика”, обитые золотым листом, украшенным камнями и зернью, декорированные так же две серьги, янтарные “бусы” на месте пояса, стеклянный сосуд на ножке (НА, ФА, нег. III 9331–9332, II 27491–27493). А.А. Козырев предположил, что это впускное погребение древнетюркского времени (IX в. н.э.). В 1905 г. он продолжил исследование кургана и нашел статую

Рис. 8. Ш 7187. Случайная находка из г. Пенджикента Самаркандской области: медное восточное блюдо. Фото 1899 г.

“бабы, сидящей на корточках” (НА, ФА, нег. II 27864–27866).

Поступавшие в ИАК вещи распределяли по музеям (переданы на хранение в Исторический музей, Русский музей, Императорский Эрмитаж, Музей антропологии и этнографии, музей Русского археологического общества и Азиатский музей) или отправляли в тот музей, для которого эти вещи специально приобретались.

Итак, мы видим, что во второй половине XIX – начале XX в., в период деятельности ИАК, в Русском Туркестане архитектурные, этнографические и археологические исследования обычно проводили одни и те же ученые, причем работы архитектурного и археологического характера возглавляли почти исключительно востоковеды и краеведы. Первые археологические раскопки связаны с именами востоковедов Н.Н. Пантусова и Н.И. Веселовского (работал до начала XX в.); исследованием древних городов занимался В.А. Жуковский (1890, 1896 гг.); с 1893 г. в Туркестане вели исследования В.В. Бартольд, соединивший глубокое знание письменных источников и памятников истории и культуры, и С.М. Дудин. Каждый из них стал основоположником научного направления. Фотосъемка историко-культурных

памятников и этнографических сюжетов начался в 1871–1872 гг., но наиболее масштабно и целенаправленно шла в последней четверти XIX в. Фотографирование в большинстве случаев не было первоочередной задачей: требование фотофиксации еще не стало для ИАК (как и для всей мировой археологии того времени) обязательным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Сочинения. Т. IV. М., 1966.
- Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года командированного Русским Комитетом проф. В.В. Бартольда // Сочинения. Т. IV. М., 1966.
- Бартольд В.В.* Поездка в Самарканд с археологической целью // Сочинения. Т. IV. М., 1966.
- Бартольд В.В.* Памяти В.А. Жуковского // Сочинения. Т. IX. М., 1977.
- Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. IX. М., 1977.
- Вяткин В.* Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 году // ИРКИСВА. 1908. № 8.
- Вяткин В.* Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. Ташкент, 1927.
- Девель Т.М.* Альбом фотографий миссии полковника Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару 1858 года // Страны и народы Востока (география, этнография, история, культура). Вып. XXVIII. СПб., 1994.
- Длужневская Г.В.* Неопубликованные материалы археологического наследия В.В. Бартольда // Бартольдовские чтения. 1987. Ч. 8.
- Длужневская Г.В.* Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2006.
- Жуковский В.А.* Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва // МАР. 1894. № 16.
- Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. XIII. СПб., 1901.
- Записки Русского археологического общества. Новая серия. Т. II. 1887.
- Известия Императорской Археологической комиссии. Приб. к вып. 10. СПб., 1904.
- Известия Императорской Археологической комиссии. Приб. к вып. 18. СПб., 1906.
- Известия Императорской Археологической комиссии. Приб. к вып. 31. СПб., 1909.
- Калинин А.И.* О некоторых аспектах среднеазиатской политики России в 40–80-х годах XIX в. // Восточный Архив. 2000. № 4–5.
- Лунин Б.В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент, 1979.
- Мечети Самарканда. Вып. I. Гур-Эмир. СПб., 1905.
- Отчет Археологической комиссии за 1885 г. СПб., 1887.
- Отчет Археологической комиссии за 1895 г. СПб., 1897.
- Памяти С.М. Дудина // СМАЭ. 1930. Т. 9.
- Якубовский А.Ю.* Из истории археологического изучения Самарканда // ТОВЭ. 1940. Т. II.

Тортика А.А. СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ХАЗАРИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VII – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ X в.). Харьков: ХГАК, 2006. 554 с.

Вышла в свет новая книга по истории Хазарского каганата, написанная кандидатом исторических наук, доцентом ХНУ им. В.Н. Каразина А.А. Тортикой (рецензенты: профессор В.И. Гусев (Киев), профессор С.Б. Сорочан (Харьков), профессор Г.И. Чернявский (Балтимор, США)). Автор определил свою задачу как “проведение комплексного исследования, в котором данные как археологических, так и письменных источников были бы использованы для построения исторических обобщений” (Тортика, 2006. С. 5). В рамках краткой журнальной рецензии трудно дать книге полную оценку. Поэтому я остановлюсь только на рассмотрении отдельных моментов, связанных с использованием археологического материала, оставляя за рамками рецензии разбор анализа письменных источников.

Автор монографии вольно оперирует этнонимами “аланы”, “болгары”, “тюрки”, “угры” и т.д. применительно к археологическим данным. Насколько такой прием возможен на современном уровне наших знаний? Уже в начале 90-х годов прошлого века специалистам в области алано-болгаро-хазарской археологии было очевидно, что предположение, согласно которому праболгары, переселившись из Приазовья на Балканы, принесли туда элементы своей этнической культуры, неверно. Данная схема является надуманной прежде всего потому, что мы фактически ничего не знаем об археологической культуре собственно оногуро-булгар в Приазовье. Да, там открыты погребальные памятники эпохи Великой Болгарии. На некоторых таманских поселениях известны культурные слои времени Великой Болгарии. Но кто были обитатели этих поселений: местное приморское население, сохранившееся с ранневизантийских времен и воспринявшее элементы материковой культуры своего времени, или пришельцы-степняки? Даже если это были степняки, то мы все еще не знаем, по каким археологическим или антропологическим этномаркирующим и этнодифференцирующим признакам можно отделять оногуров от сарагуров, псевдоаваров (огоров), савиров, барсилов, тюрков, абасгов, зихов, касогов, брухов, хазар, кабар, гуннов страны Алп-Илитвер и других племенных объединений или конфедераций, оседлых или находящихся в движении в предгорьях и степях Черноморо-Каспийского региона. Без этого знания предложенные А.А. Тортикой реконструкции в области исторической географии Великой Болгарии остаются неаргументированными. Прав был Р. Рашев, когда писал, что множественность этнонимов в степях Восточной Европы в VI–VII вв. все же ассоциируется у исследователей с фактически однообразным погребальным обрядом (2002. С. 86, 87).

Второй аспект, вызывающий принципиальное возражение, – это характеристика природных условий и связанное с нею моделирование социально-экономических и демографических параметров. Автор исходит из того, что климатические условия в Черноморо-Каспийской зоне в I тыс. н.э. были такими же, как в настоящее время. На этом он строит все свои расчеты. На самом деле это глубокая ошибка. На Та-

манском полуострове удалось выделить специфическую фазу субатлантического периода, датируемую VII–XII вв. н.э. Она отличалась самой значительной аридизацией климата на протяжении последних 6000 лет (Болиховская и др., 2002. С. 265). Резкое потепление и значительное иссушение климата в VII–XII вв. привели к почти полному исчезновению лесных экотопов и господству злаковых и полынно-маревых степей. Палеопочвы под курганами в степной Осетии свидетельствуют, что со второй половины V в. климат меняется и становится очень сухим (Khokhlova et al., 2004. P. 9, 10). Это подтверждают исследования датированных погребенных почв в Кисловодской котловине, в Калмыкии и на Нижнем Дону, а также компьютерное моделирование биопродуктивности Кисловодской котловины (Афанасьев, Коробов, 2007). Даже лесостепь не осталась в стороне от аридизации степей. Палеопочвы Маяцкого селища показали, что в середине IX в. наступил сухой и теплый интервал (Афанасьев и др., 1999. С. 121). Вывод о сильной аридности климата в VII–XII вв. подтверждается и исследованиями колебаний уровня Каспия. Установлено, что в VI в. уровень моря был на 4–5 м ниже современного (по некоторым данным – на 7–8 м). Такая комбинация климата в степной, лесной зонах и на Каспии возможна только тогда, когда циклоны двигаются на восток к Белому и Карскому морям. Волга и Каспий мелеют, степи превращаются в полупустыни, суховеи врываются в лесную зону (Гумилев, 1966. С. 28–30). Ясно, что ни о каких цветущих степях, создавших условия для процветания болгаро-хазарского “кочевничества”, как основе для расчетов в области экономики и демографии болгаро-хазар не может быть и речи.

Много нерешенных проблем имеется и в археологии лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья, которые автор монографии – историк – обязан видеть, если использует археологический материал для исторических построений. А.А. Тортика не проявляет в книге понимания того, что вопрос об этнической принадлежности населения, практиковавшего ту или иную традицию погребального обряда, является дискуссионным. Специалисты смежных дисциплин не перестают удивляться способности некоторых археологов – “хазароведов-болгароведов” – уверенно давать этническую интерпретацию материалу. В 1986 г. мы с академиком В.П. Алексеевым обсуждали рукопись монографии “Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв.”, где я критически разобрал бытующую в салтовской археологии формулу: брахикран + ямное погребение = праболгарский этнос; долихокран + катакомбное погребение = аланский этнос. Удивлению В.П. Алексеева не было предела: неужели действительно археологи и сейчас все еще оперируют такими формулами? Как можно определять этноним или язык по соотношению нескольких параметрических характеристик черепа умершего человека или по форме могильной ямы, распространенной в погребальной практике во все времена и по всему миру? Прошло 20 лет, но до

сих пор “антропологический” этномаркирующий признак праболгар – брахикранность – иногда рассматривается как признак “тюркоязычных пришельцев-кочевников”. В этнологии понятия этнос и популяция четко дифференцированы. С.Г. Ефимова и Т.С. Кондукторова убедительно показали, что популяции салтовского времени, которые мы, археологи, почему-то называем “тюркоязычными”, “праболгарскими”, сохранили все особенности физического типа местного европеоидного степного населения сарматского времени. Они резко отличаются от “хазарских” антропологических серий Левобережного и Правобережного Цимлянских городищ. Следовательно, мы не можем говорить и о генетическом родстве этих псевдоболгар с хазарами.

Совсем надуманным выглядит тезис о смешении аланского и болгарского этносов в лесостепи. Для того, чтобы исследовать этот вопрос, нужно знать маркирующие признаки этнической культуры праболгар и алан. Ни археологические данные на настоящем уровне наших знаний, ни данные арабо-персидской географической литературы не позволяют их выделить. Не вызывает споров принадлежность катакомбных захоронений аланам. Что же касается принадлежности ямных захоронений салтовского времени праболгарам, то эта гипотеза подвергается очень серьезной критике из-за сильно устаревшей аргументации. Напомню, что изначально основным археологическим критерием выделения “праболгарской” зоны на Нижнем Дону и Северном Кавказе являлась сопряженность ямных погребений с территорией распространения котлов с внутренними ручками, которые априори считали принадлежащими праболгарам. Исследования показывают, что наиболее ранние формы этих котлов встречены не в Приазовье, а на аланских поселениях и в аланских катакомбах Предкавказья (еще один очаг их распространения в предболгарское время намечается на Дону). Ясно, что маркировать праболгарский этнос они не могут. Такие котлы известны даже в энеолитических памятниках Верхней Нормандии, но это не значит, что мы должны удревнять праболгарский этнос и выводить его из указанного региона Франции. Данный тип кухонных сосудов был предназначен для использования над открытыми очагами, он должен был обладать конструктивными элементами для подвешивания. Котлы с внутренними ручками имели разные источники происхождения и были распространены так широко (и территориально, и хронологически), что не могут служить археологическим этномаркирующим признаком.

Существует точка зрения, что одним из этномаркирующих признаков праболгар являются горшки, в которых в качестве отощающей примеси использовался песок (в отличие от алан, у которых якобы в качестве отощающей примеси применялись только мелкоколота дресва или шамот). На этом основании находки такой керамики на поселениях степного и лесостепного Дона, Предкавказья, Тамани, Восточного Приазовья, Крыма, Румынии, Болгарии связываются с проникновением болгаро-хазар, а сами памятники автоматически включаются в круг салтово-маяцкой культуры. Очевидно, что это глубокое заблуждение, но сделанные исходя из него выводы некритически принимаются и используются А.А. Тортикой для его построений. Проведенная А.А. Бобринским технико-технологическая экспертиза салтово-маяцкой керамики полностью отрицает подобную постановку вопроса. А практика моих работ на аланских поселениях Предкавказья показывает, что салтоидные горшки с примесью песка бытовали там начиная с V в., когда салтово-маяцкая культура еще не существовала, и вплоть до XII в., когда даже позднеаланская культура заканчивает свое существование. Аналогичная картина наблюдается и в Донецко-

Донской лесостепи. Разведки, проведенные мною по Осколу, Тихой Сосне, Короче, дают очень высокий процент фрагментов псевдопраболгарских горшков с примесью песка на поселениях, сопряженных с аланскими катакомбными могильниками.

Если у нас так много неясного в методиках этнокультурной интерпретации салтовских ингумаций, где сохранился антропологический материал, то что же говорить о салтовских кремациях, где нет антропологического материала? В этом случае в распоряжении исследователей остаются пока только вещеведческий и локализационный методы исследования. Что касается последнего, мне уже приходилось обращать внимание на тот факт, что могильники с салтовскими кремациями в бассейне Северского Донца территориально сопряжены с зоной, где для предшествующего времени фиксируются пеньковские поселения, пеньковские кремации. Последние известны и в аланских катакомбных могильниках, а катакомбы иногда содержат погребения с пеньковским материалом (Приходнюк, 2001. Рис. 118). Я был и остаюсь сторонником пеньковско-славянской версии происхождения салтовских кремаций в бассейне Северского Донца. Но существуют и другие версии, одна из которых – праболгарская – принадлежит В.С. Аксенову, выделявшему недавно этномаркирующий, как он полагает, тип зеркал. Следует обратить внимание на тот факт, что в археологии Северного Кавказа мы встречаемся с многочисленными случаями, когда аналогичные зеркала находят в катакомбах, скальных могильниках, грунтовых ямах, каменных ящиках, полуподземных и подземных склепах и т.д., то есть в могилах, где захоронены представители самых разнообразных этносов этого региона. Следовательно, этномаркирующие способности таких зеркал минимальны. Другое дело – культурная близость. И в этом аспекте исследования В.С. Аксенова очень интересны, так как они, намечая связи и с новинковскими погребениями Самарской Луки (где также имеются кремации и предшествующая им именьковско-славянская культура), и с подкурганными погребениями Нижнего Дона, очерчивают родственное культурное пространство в хазарское время. Тематически исследования В.С. Аксенова дополняют работы А.В. Пьянкова и В.А. Тарабанова, проделавших сравнительный анализ погребального обряда и специфических черт материальной культуры населения, оставившего трупосожжения в бассейне Северского Донца и на Северо-Западном Кавказе. Надо признать, что сходство в погребальной традиции и погребальном инвентаре очевидное. Но вот что за ним кроется: общность взглядов на погребальный обряд и общность ряда специфических элементов материальной культуры в одну историческую эпоху или все же этногенетическое родство? Это очень трудноразрешимый вопрос, сложность и дискуссионность которого А.А. Тортика не видит в своей книге. Можно спорить о принадлежности таких погребений уграм, тюркам, адыго-абхазам или славянам, но пока все это будут лишь догадки. А истина, вероятно, откроется тогда, когда в распоряжении исследователей будут результаты современных антропологических анализов по новейшим методикам (в идеальном случае дополненные анализами ДНК, диеты и т.д.) и последующего сравнительного изучения материалов из биритуальных могильников типа Абрау-Дюрсо и некрополя апсолов из Цебельды на Северо-Западном и Западном Кавказе, типа Красногорского или Пятницкого в бассейне Северского Донца, именьковского и новинковского типов в лесостепном Поволжье. Только разобравшись до конца в генетическом родстве населения внутри каждого из биритуальных могильников и внутри микрорегионов, мы сможем перейти

на следующий уровень исследования, изучать генетическое родство популяций, оставивших разные могильники на разных территориях интересующего нас региона. А уж затем, после такого антропологического исследования, подкрепленного всесторонним культурологическим анализом, можно очень осторожно переходить к постановке вопроса собственно об этнониме, о языке населения в том или ином регионе, и моделировать этнополитическую географию региона на том или ином историческом этапе эпохи раннего средневековья.

Особо хочется обратить внимание коллег на другое бытующее в литературе заблуждение, которое также не видит автор рецензируемой книги. А.А. Тортика хоть и косвенно, но явно некритически использует (в рассуждениях об алано-болгарском культурном и этническом взаимопроникновении) публикации некоторых археологов, предпринимавших попытки рассматривать строительный материал, из которого возводились городища, в качестве признака для этнической дифференциации населения, входившего в состав Хазарского каганата. Это спорный вопрос, который требует особого обсуждения. Мне представляется, что использование строительного материала зависело от конкретных природных условий местности, где возводилась та или иная салтовская крепость, и от экономических возможностей заказчика. В лесостепной зоне мы фиксируем крепости, построенные из меловых блоков, там, где пласты известняка практически выходят на поверхность, – Маяцкое и Верхнеольшанское городища. Если же известняк лежит достаточно глубоко, а перекрывающие его глины – близко к поверхности, мы находим крепости из сырцового или обожженного кирпича – Красное и Алексеевское городища. Если же крепость строилась в зоне, где на поверхность выходят и пласты известняка, и глина, мы встречаем использование обоих строительных материалов – как на Колтуновском городище. Вероятно, аналогичная ситуация была и в Нижнем Подонье. Семикаракорское и Левобережное Цимлянское городища, стены которых построены из кирпича, расположены на левом пологом берегу Дона, где нет выходов известняка. И наоборот, городища Правобережное Цимлянское и Камышинское, разместившиеся на правом высоком берегу Дона, где близко к поверхности расположены пласты известняка, строились из меловых блоков. Понимание сущности и специфики фортификационного зодчества у ранне-средневекового населения Восточной Европы зависит от полноты наших знаний в этой области, которые постоянно расширяются и углубляются в связи с новыми открытиями. Вместе с тем они ставят все новые вопросы: какую конструктивную или технологическую функцию выполняла, к примеру, прослойка меловой крошки и щебня в центре вала; какое назначение имели деревянные конструкции внутри вала; могла ли сырцовая глиняная прослойка (по техническим характеристикам самой глины) выполнять функцию фундамента? А может быть, здесь мы встречаемся с описанной Витрувием заливкой “римским” бетоном на меловой основе, когда деревянные конструкции – конструктивная обвязка или опалубка для бетона или глинобита (землебита), глиняная прослойка – глинобит (землебит) – заполнитель опалубки вала в его нижней части. Все эти строительные приемы были широко распространены в раннем средневековье на евразийском пространстве, а степень их этномаркирующих и этнодифференцирующих возможностей (если она вообще существует) нам еще предстоит глубоко исследовать. Насколько важно всесторонне и исчерпывающе изучать и строительную технику, и строительные материалы, из которых возводились салтовские укрепления, в преддверии последующих этнических и исторических реконструкций, показыва-

ет ситуация, сложившаяся вокруг Левобережного Цимлянского городища (Саркела). Напомню, что уже в первые годы раскопок этого памятника было высказано утверждение, что византийские мастера не играли заметной роли в постройке крепости, поскольку саркельские кирпичи были якобы не византийского стандарта. Данная точка зрения излагается и сейчас в публикациях материалов раскопок Саркела, но ведь она явно ошибочна. Существуют нарративные источники, описывающие технику производства и размеры позднеантичных-ранневизантийских кирпичей. К примеру, по Витрувию, кирпичи формата “педалис” были величиной в римский фут (29.5 см), что соответствует второму саркельскому формату. Саркельский формат кирпича фигурирует в многочисленных византийских сооружениях Константинополя, Абхазии, Италии и Ближнего Востока. Таким образом, утверждение о не византийском характере кирпичей Саркела является исследовательской ошибкой, на базе которой были сделаны далеко идущие исторические выводы о том, что Саркел – объект хазарского крепостного зодчества и был построен хазарами, а не памятник византийской фортификации, построенный византийскими мастерами для хазар.

Важное место в работе А.А. Тортики отводится понятиям “кочевники” и “оседающие кочевники”. Следовательно, для выполнения задачи по исторической интерпретации археологического фона автор монографии должен охарактеризовать признаки археологической культуры, которые маркируют “кочевничество” или “оседающее кочевничество” ее носителей. В книге этого нет. Автор просто приписывает одним племенам кочевание, другим – начало оседания, третьим – завершение оседания и т.д. Но что за этим скрывается в аспекте понимания конкретных археологических признаков, обозначающих указанные процессы, остается неясным. К сожалению, данная проблема актуальна для всей салтовской археологии, а не только для работ А.А. Тортики. В 1960-е годы в салтовскую археологию был введен новый термин “кочевье”. Под ним подразумевалась ситуация, когда на какой-то территории (речные или морские террасы, пойменные возвышенности и т.д.) встречались немногочисленные фрагменты керамики и кости животных при отсутствующем культурном слое. Предполагалось, что эти черепки и остатки пищи принадлежали кочевникам. Данная идея быстро нашла последователей; в дальнейшем они стали маркировать подобными памятниками экономическую территорию, владение которой приписывалось кочевникам: если есть кочевья, значит, были и кочевники. Но давайте зададим себе вопрос: разве при придомном пастушеском скотоводстве не появляются остатки пищи и разбитые сосуды без формирования культурного слоя? Чем же в таком случае “кочевья” отличаются от придомных пастбищ оседлого населения? В те же годы в салтовскую археологию было введено понятие “юрта” применительно к круглым в плане постройкам. Некоторые археологи некритически приняли это понятие и все остатки подобных жилищ стали называть юртами, подразумевая, что это типичная форма жилья для кочевников: если есть юрты, были и кочевники. Но ведь круглая в плане постройка не обязательно должна быть юртой (тем более что юрты никогда не углублялись в землю). Как показывают данные этнографии, нет ни одного континента, где бы у оседлого населения не практиковалось использование круглоплановых жилищ. Таким образом, старые археологические признаки кочевничества уже не работают, в салтовской археологии все актуальнее становится проблема поисков новых археологических критериев для маркировки номадов.

Хочу подчеркнуть, что не имею никакого отношения к приписываемым мне А.А. Тортикой взглядам, согласно ко-

торым донские аланы (ясы, асии, буртасы) не входили в состав Хазарского каганата. Наоборот, занимаясь северокавказской проблематикой, я неоднократно (начиная с 1975 г.) высказывал мысль о переселении при участии Хазарского каганата аланского подразделения аш-тигор из Кисловодской котловины в бассейн Среднего Дона. Причина этого события заключалась не только в демографическом взрыве среди алан и резком увеличении плотности населения в предгорьях Кавказа в условиях аридизации региона. Однако только после того, как в долине Тихой Сосны была открыта целая серия хазарских крепостей византийского облика и впервые была дана историческая оценка этого явления (Афанасьев, 1985б), в науке появились реальные археологические данные, определяющие смысл этого переселения для Хазарского каганата – охрана государственных границ. Со временем отношения донских алан и хазар менялись. В период строительства византийских крепостей (в первой половине IX в.) они были конфедеративными, а во времена правления хазарского царя Вениамина (880–900 гг.) ситуация изменилась. Донские аланы (асии-буртасы) входили в коалицию пяти стран, воевавших с хазарами (Голб, Притсак, 1997. С. 159).

Отдельный опус А.А. Тортика посвящен анализу места Дона в системе историко-географических реалий хазарского времени по данным раннесредневековых авторов. Возникает вопрос: а где же археологический фон, которому автор обязался в предисловии к монографии дать историческую интерпретацию? Как сопряжена информация арабо-персидских географических источников IX–X вв. с современной археологией? Ведь говоря о Хазарии, о ее месте в истории Восточной Европы, нужно четко представлять, где были центральные земли этой самой Хазарии. Автор монографии не заметил, что в последние годы опубликованы несколько сводок подкурганых захоронений Волго-Донского междуречья, которые археологи (А.А. Иванов, В.Е. Флерова) связывают с хазарским этносом. Эти сводки были пополнены новой информацией, которую А.Г. Атавин собрал при моем методическом участии по состоянию на 2000 г. В итоге базу данных о подкурганых захоронениях хазарского времени сейчас составляют около 300 записей. Если разместить их на карте, они покроют Черноморо-Каспийский регион и подтвердят очевидное: хазарский домен располагался где-то в этих местах, что мы знали и раньше. Однако проведенный мною локализационный анализ плотности подкурганых погребений на единицу площади в Волго-Донско-Кубанском междуречье методами гис-технологий показывает, что основной ареал данного обряда – не Нижнее Поволжье и даже не современная Калмыкия. Основной зоной распространения подкурганых погребений хазарского времени является территория, очерченная радиусом в 175 км с центром в окрестностях Большой Орловки Мартыновского района Ростовской области (в этой же географической точке был найден самый богатый вещевой погребальный комплекс на территории исторической Хазарии). Низовья Волги и даже Калмыкия – далекая периферия обряда подкурганых погребений хазарского времени. Как же сопряжены полученные выводы с информацией о размерах хазарского домена в письме царя Иосифа? Принимая за точку отсчета район Большой Орловки, а длину фарсаха за 5–6 км, мы получаем следующие границы этнической территории хазар. На севере (30 фарсахов) – это район впадения р. Большая в р. Калитву, на западе (40 фарсахов) – устье р. Миус, побережье Таганрогского залива, устье р. Дон, на юге (30 фарсахов) – место, где р. Кубань принимает западное, широтное направление течения, на востоке (20 фарсахов) – истоки

р. Сал в месте слияния Кара-Сала и Джурак-Сала. До Гурганского (Каспийского) моря, с которым якобы граничит Хазария, расстояние 75 фарсахов. Налицо противоречие между указанным в письме Иосифа протяжением хазарского домена на восток и упомянутым в том же источнике географическим ориентиром – Каспийским морем. Остальные три направления полностью соответствуют результатам исследования процедурами гис-технологий наиболее полной базы данных о хазарских погребениях. Более того, проведенный мною с помощью тех же гис-технологий анализ полигонов Тиссена показывает, что на площади с высокой плотностью подкурганых погребений хазарского времени на Нижнем Дону выделяются четыре территориальные группы памятников: Усть-донская, Усть-маньчская, Нижне-сальская и Верхне-сальская. В каждой из них захоронения хазарского времени группируются внутри зоны, очерченной радиусом в 25–35 км. И примерно таким же расстоянием соседние группы отделены друг от друга. На территории этих групп известны и подкурганые погребения предсалтовского времени, а в некоторых случаях и более ранние. В центре двух территориальных групп находятся хазарские городища византийского облика. В одной – Семикаракорское городище, в другой – сразу три: Левобережное (Саркел), Правобережное и Камышевское. Нельзя не заметить сопряженности полученных выводов с информацией в письме Иосифа о трех городах (вместе с прилегающими деревнями), расположенных в его царстве. Итак, археологические данные, которыми наука располагает в настоящее время, во-первых, позволяют четко локализовать хазарский домен, а во-вторых, никак не свидетельствуют в пользу того, что он тяготеет к Поволжью. Наоборот, есть все основания говорить о его сопряженности с районом Таганрогского залива близ устья Дона–Волго-Донской перемычки.

Можно отметить еще ряд связанных с археологическим наследием замечаний к этой части монографии А.А. Тортика. Среди них – непонятное замалчивание археологической локализации города ал-Байда по М. Голдельману (Goldelman, 1998–1999. Р. 63–71), который пытается решить эту проблему, базируясь на том, что слово “белый” встречается в названии города ал-Байда – Саркел – Белая Вежа. Суть построений М. Голдельмана состоит в дальнейшем развитии идеи В.Ф. Минорского, согласно которой военная операция Мервана связывается с Доном, поэтому ал-Байда можно отождествить с Саркелом. П. Голден уже отмечал очевидную хронологическую неувязку этого предположения: Саркел построен в 838 г., а кампания Мервана относится к 737 г. М. Голдельман находит выход из этой ситуации, предлагая называть ал-Байда не Левобережное (Саркел), а Правобережное Цимлянское городище. Кто же прав? Вероятно, здесь следовало бы обратиться к археологическим материалам раскопок Правобережного городища, определиться с хронологией культурного слоя, но А.А. Тортика не берет на себя этот труд.

От глаз внимательного читателя не ускользает и замалчивание автором рецензируемой книги предложенного С.Г. Кляшторным решения проблемы ас-сакалиба (Кляшторный, 2005. С. 68–72) в контексте именьковской культуры на Волге. А.А. Тортика глубоким молчанием обходит сам факт существования именьковской культуры, памятники которой, а их известно уже более 600, охватили регион от нижней Камы до Самарской Луки. Сравнительный анализ именьковских и волынцевских материалов привел исследователей (А.П. Смирнов, О.А. Щеглова, Г.И. Матвеева, В.В. Седов и др.) к выводу о том, что данные общности имеют генетическую связь на базе славянского этноса. Истори-

ческая реконструкция этого явления выглядит следующим образом. В конце IV в. значительная часть антов после гуннского погрома переселяется в Среднее Поволжье, где они проживают до рубежа VII–VIII вв. Затем под напором тюркоязычных кочевников носители именьковской культуры переселяются в Днепро-Донское междуречье, где создают вольтинцевскую культуру (Седов, 1999. С. 59–62), славянская принадлежность которой не подлежит сомнению. Славянская атрибуция носителей именьковской культуры находит подтверждение и в материалах лингвистики, проанализированных В.В. Напольских (Седов, 2002. С. 248–253). К этому можно добавить, что не знает А.А. Тортика и о существовании могильников с трупосожжениями боршевского облика на среднем течении Хопра, открытых мною еще в начале 1980-х годов (Афанасьев, 1985а). Ясно, что, отправляясь на поиски ас-сакалиба в Центральное Предкавказье, автор рецензируемой монографии вступает на ошибочный путь, поэтому очень трудно принять его тезис: ас-сакалиба = черкесы.

Чувствуется, что автор книги имеет сюрреалистическое представление о географии и природе окрестностей станицы Суворовской Предгорного района Ставропольского края, верхнего и среднего течения Кумы, которую он пытается отождествить с рекой славянско-персидской географической литературы. Мне приходилось неоднократно бывать там. Могу заверить и автора монографии, и ее читателей, что ничего подобного нарисованной А.А. Тортикой картине ландшафта там нет. Река Кума в районе станицы Суворовской, где в нее впадают мелкие речушки – Дарья, Горькая, Киркиль – имеет глубину от 0.2 м до 0.4 м, которая только в затонах достигает 1.5 м. И это в условиях современного влажного климата. Что же тогда говорить о ее глубине в условиях аридности климата раннего средневековья. Никаких крутых берегов (гор в представлении А.А. Тортики) здесь нет. Общий подъем к югу от уровня реки составляет примерно 80 м на 2 км расстояния, к северу – 80 м на 4 км. Ширина блуждающей реки колеблется от 10 м в районе затонов до 50 м на мелководье. Сейчас здесь нет никаких лесов, как нет и данных о том, что они могли быть в условиях аридного климата раннего средневековья. Археологические памятники рассматриваемой эпохи на интересующей нас территории не обнаружены. Ближайшие раннесредневековые объекты – памятники аланской культуры в Кисловодской котловине, расположенной в 30 км к югу (Афанасьев и др., 2004), и в верховьях Кумы (30 км к юго-западу). Они не имеют ничего общего с адыгами VII–IX вв. Достоверно можно говорить о расселении адыго-абазинских племен в этом регионе (и то не на Куме, а в долине Подкумка) только в XIII–XIV вв. (Нагоев, 2000), когда климат резко меняется в сторону похолодания и увлажнения.

Значительная часть монографии отведена критике гипотезы Г.Е. Афанасьева об отождествлении носителей лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры с буртасами. А.А. Тортика – сторонник их поволжской локализации, хотя, как уже было показано выше, современная археологическая локализация хазарского домена допускает возможность донского варианта размещения буртасов. Автор книги пытается реанимировать старую идею о мордовском происхождении буртасов и делает это путем решения двух задач: локализации их хозяйственно-культурного типа и идентификации реки Буртас. С точки зрения методики это “два шага назад”, отказ от мультидисциплинарного решения проблемы. Автор совершенно прав в том, что хозяйственно-культурный тип буртасов связан с лесостепной зоной. Но почему это мордва? Для обоснования своей идеи А.А. Тортика использует упомянутую у Масуди и Димашки реку Буртас. Очень много места он уделяет доказательству очевидного факта, что ниж-

няя часть Дона называлась Танаис. Далее он декларирует: река Буртас – та часть Волги, которая примыкает к землям мордвы. Но ведь массив археологических памятников мордвы в VI–XV вв. приходится на междуречье Суры, Цны, Оки (Голубева, 1987. Карта 21), где и сейчас сконцентрирован мордовский этнос (Атлас народов мира, 1964. С. 20). Напрасно читатель будет искать какие-нибудь аргументы, доказывающие идею автора – их в книге нет. А.А. Тортика, видимо, чувствует шаткость своих построений. Действительно, даже если назвать предложенную им часть Волги рекой Буртас, то как быть с памятниками волжских болгар Самарского Поволжья: они находятся значительно ближе к меридианальному течению Волги. Получается, что волжские болгары жили к реке Буртас ближе, чем сами буртасы, и ниже их по течению Волги. Такой вывод в корне противоречит Каспийскому Своду, по которому волжские болгары располагались выше по течению реки Итиль (Заходер, 1967). Из этой тупиковой ситуации автор находит выход, но методически он очень странный. Чтобы оставить между мордвой и булгарами хоть какое-то пространство, А.А. Тортика говорит о булгарах Волго-Камья, как бы не замечая массива булгарских памятников Самарской Луки, о существовании которых нельзя не знать (Богачев, 2000). Трудно согласиться с такой процедурой решения буртасской проблемы. В комментариях к переводу Худуд ал-Алам В.Ф. Минорский допускал, что река Буртас – часть Волги. А.А. Тортика не оговаривает, что данное предположение он позаимствовал у В.Ф. Минорского. Но в отличие от автора рецензируемой книги В.Ф. Минорский подходил к этому вопросу более осторожно, допуская идентификацию реки Буртас не только с отдельным отрезком Волги, но и с Доном, и даже с Окой (Minorsky, 1978. P. 462).

Автор монографии утверждает, что ни аланы, ни славяне не знали названия реки Буртас и не пользовались им по отношению к указанным Г.Е. Афанасьевым рекам бассейна Дона. Судя по этому утверждению, А.А. Тортика не смог в процессе написания работы ознакомиться с соответствующими трудами И.Г. Добродомова, О. Притсака, Т. Левицкого и О.Б. Бубенка (хотя в списке использованной литературы они значатся). Напомню, что в настоящее время известно несколько переводов этнонима “буртас-фуртас” на базе иранских языков: “речные асы”, “дети асов”, “отделившиеся асы”, “рыжие асы”. Если принять перевод “фурт” + “ас” со значением речные “асы” или “река асов”, то в бассейне Среднего Дона следует обратить внимание на реку Оскол. Этимология этого названия осуществлена на основе этнического самоназвания аланов (ясов, асиев) “ас” и тюркского названия реки, долины “кол”: “ас” + “кол” имеет значение “река асов”. Оскол был для тюрков Аланской рекой (аланскую принадлежность местного средневекового населения доказывают катакомбные могильники и антропологический материал – Н. Лубянки, Ютановка, Афоньевка), и именно тюркское название было усвоено русскими (Добродомов, 1985. С. 154, 155; 1986. С. 123–127).

Особое внимание автор рецензируемой книги уделяет теме “Северо-Западная Хазария и Доно-Донецкий торговый путь в середине VIII – середине X в.”. И опять возникает все тот же вопрос: а где же археологический фон, которому автор обязался дать историческую интерпретацию? В процессе исследования данной темы А.А. Тортика вскользь упоминает только об амфорной керамике и монетных находках. Этого явно недостаточно. Оставлен без внимания большой информативный материал: бусы (Ближний Восток, Византия, Кавказ, Индия, Иран, Прибалтика), морские раковины (Мальдивы), стеклянные сосуды (Византия, Ближний Восток), зеркала (Китай, Кавказ) и многое другое. В итоге по-

лучены несостоятельные выводы о торговле населения лесостепи. Вызывает удивление то обстоятельство, что А.А. Тортика практически нигде не дает оценку работам Т. Нунана, хотя в списке использованной литературы некоторые из них указаны. Этот недавно ушедший из жизни американский ученый всю свою научную деятельность посвятил исследованию проходящих через Хазарию торговых путей, тщательно собирая труднодоступную для него археологическую информацию о хазарском импорте. Он опубликовал глубокие специальные сочинения (Noonan, 1995–1997. P. 253–318; 1998), в которых исследовал те проблемы, за изучение которых взялся А.А. Тортика.

И, наконец, последний вопрос, на котором мне хотелось бы остановиться, – это судьба донских аланов. Автор монографии справедливо указывает на ряд археологических признаков в культуре мордвы, свидетельствующих об аланском влиянии. На самом деле их значительно больше, а влияние было взаимным. Но почему А.А. Тортика не пишет об исследованиях антропологов? Ведь известно, что они давно отмечали аланский след в некоторых краниологических сериях из раннесредневековых памятников Поволжья. А.А. Тортика не видит и другие яркие факты: аланский след обнаружен в памятниках золотоордынского времени региона, которому и посвящена его собственная книга, – бассейна Среднего Дона. Выводы антропологов показательны: “в данном случае мы имеем достаточно веское основание для заключения о том, что в краниологической серии из Новохарьковского могильника представлены потомки аланского населения Хазарского каганата” (Алексеева, Козловская, 2002. С. 117, 118). Аналогичные наблюдения сделаны и для более восточных территорий. Таким образом, даже через 300 лет после прекращения существования салтово-маяцкой культуры не наблюдается какого-нибудь инородного следа в популяции донских алан. Это еще раз подчеркивает беспочвенность рассуждений о смешении аланского и болгарского этносов в IX–X вв. на территории Северо-Западной Хазарии.

Подводя итог, можно сказать, что книга А.А. Тортики “Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы”, с точки зрения археолога, оставляет неоднозначное впечатление. Несмотря на это, она, безусловно, полезна уже тем, что дает повод напомнить коллегам-историкам, антропологам и представителям других смежных дисциплин, что археологи, занимающиеся исследованием салтово-маяцкой культуры, вовсе не обладают какой-то таинственной способностью точно определять этноним или язык по остаткам материальной культуры. Изложенные в книге логические построения, степень широты и глубины охвата археологического материала, уровень понимания дискуссионности используемого археологического источника в процесс этнических и социально-экономических реконструкций – все это еще раз напоминает нам о необходимости очень осторожного, всесторонне взвешенного обращения с археологическими данными, критического отношения к их интерпретации предшественниками в процессе новых этнических построений. Очевидна необходимость современного комплексного, мультидисциплинарного подхода (историческая география, этнология, археология, палеоантропология, палеозоология, палеоклиматология и т.д.) к этно- и социально-экономическим реконструкциям.

Институт археологии РАН, Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т.И., Козловская М.В. Антропологический облик населения // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002.
- Атлас народов мира. М., 1964.
- Афанасьев Г.Е. О культуре населения Донского левобережья середины VIII – начала X вв. // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 3. Л., 1985а.
- Афанасьев Г.Е. Социальная интерпретация городищ лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. “Достижения советской археологии в XI пятилетке”. М., 1985б.
- Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С. Первые шаги “космической археологии” в России (к дешифровке Маяцкого селища) // РА. 1999. № 2.
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004.
- Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С. Использование ГИС в изучении системы расселения аш-тигоров и выделений зон биопродуктивности в VII–XII вв. на Северном Кавказе // Археология и геоинформатика. Вып. 4. М., 2007.
- Болховская Н.С., Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д. и др. Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.; Магнитогорск, 2002.
- Богачев А.В. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000.
- Голубева Л.А. Мордва // Поволжские финны. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.
- Голб Н., Прутсак О. Хазаро-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.
- Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966.
- Добродомов И.Г. Из аланских следов в топонимии европейской части СССР // Проблемы русской ономастики. Вологда, 1985.
- Добродомов И.Г. Оскол // РР. 1986. № 3.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I, II. М., 1967.
- Кляшторный С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000.
- Приходнюк О.М. Степове населення України та східні слов'яни. Київ; Чернівці, 2001.
- Рашиев Р. Множество этнонимов и однообразие погребального обряда в степях Восточной Европы в VI–VII вв. // Хазары. Второй междунар. коллоквиум. М., 2002.
- Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
- Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.
- Goldelman M. On the Location of the Khazarian City of Al-Bayda // Archivum Eurasiae Medii aevi. № 10. 1998–1999.
- Khokhlova O.S., Golyeva A.A., Khokhlov A.A. Paleopedological and biomorph analyses: potentialities at joint use by the example-study of paleosols buried under kurgans in the Northern Caucasus, Russia // The Phytolitharien. Bulletin of the Society for Phytolith Research. 2004. V. 16. № 3.
- Minorsky V. The Turks, Iran and the Caucasus in the Middle Ages. L., 1978.
- Noonan T.S. The Hhazar Economy // Archivum Eurasiae Medii aevi. 1995–1997. № 9.
- Noonan T.S. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900 // The Numismatic Evidence. Norfolk, 1998.

Г.Е. Афанасьев

Anna Zariņa. SALASPILS LAUKSKOLAS KAPULAUKS 10.–13. GADSIMTS. Rīga, 2006. 463. lpp., il. + pielikums

Среди множества публикуемых в наши дни книг по археологии есть работы, которые заслуживают особого внимания в силу фундаментальности проработки конкретного материала, комплексности подхода к его изучению и важности сделанных выводов. Именно к такому роду трудов относится монография известной латышской исследовательницы Анны Эдуардовны Зарини. Работа, вышедшая в 2006 г., представляет собой подробную публикацию материала крупного погребального комплекса Лаукскола, выполненную на самом высоком научном уровне в лучших традициях прибалтийской археологии, и является прекрасным источником для изучения культуры ливов.

Ливы – одна из групп прибалтийско-финского населения, которая, судя по письменным источникам и археологическим данным, проживала в пяти областях Северной Латвии – Северной Курземе, низовьях Даугавы и Гауи (Турайду), Метсеполе и Идумею. В области придаугавских ливов самая большая концентрация населения зафиксирована в низовьях реки Даугавы между Икшкиле и Саласпилс. Центром данного региона были Даугмальское городище и памятники, расположенные в его округе. Одному из них и посвящена рассматриваемая монография.

Интерес к археологии ливов возник еще в XIX в. Первое специальное исследование по погребениям ливов было издано Я.К. Бэрм в 1850 г. в Дрездене (Bähr, 1850). Из наиболее значимых работ последней четверти XX в. по данной проблематике упомянем книгу Э.Ю. Тыниссона “Ливы в бассейне реки Гауя и их материальная культура” (Tõnisson, 1974) и монографию самой А.Э. Зарини по одежде ливов, в которой, в частности, были широко использованы открытия, сделанные в Лауксколе, давшие большой и яркий материал для реконструкции как отдельных деталей, так и в целом костюмов разных половозрастных групп ливского населения (Zariņa, 1988).

На территории Восточной Европы найдется немного столь крупных погребальных комплексов, раскопанных полностью. По масштабу полевых изысканий и последовавшего затем всестороннего анализа могильник Лаукскола можно сопоставить с могильником Бирка в Средней Швеции и кладбищем Луистари в Западной Финляндии, ставшими эталонными для изучения этнических особенностей и социальной структуры различных обществ, обитавших в Балтийском регионе в конце I – начале II тыс. н.э. Как показывают археологические материалы, группы населения, жившие по берегам Балтийского моря, тесно контактировали между собой. Не случайно в формировании комплекса женского убора у западных финнов и ливов важную роль сыграл костюм скандинавов. В ряде случаев в ливских женских захоронениях на обратной стороне овальных фибул сохранились даже остатки бретелей, что свидетельствует об очевидном сходстве со скандинавским костюмом в покрое одежды.

Рассматриваемая нами монография представляет собой новый этап в изучении самобытной группы финского населения, которое вошло в русские летописи под названием “либь”, а в западноевропейские хроники – как *Livones* или *Livwep*. Археологический комплекс Лаукскола расположен на правом берегу р. Даугавы напротив крупного торгово-ремесленного центра – Даугмальского городища. Он состоит из двух поселений X–XIII вв., между которыми располагалось дохристианское ливское кладбище, занимавшее площадь около 5 га. Впервые раскопки этого памятника в 1936–

1937 гг. предпринял В. Гинтер, им было изучено 24 захоронения. В результате планомерных исследований лаукскольского комплекса в течение девяти полевых сезонов экспедицией Института истории Академии наук Латвии под руководством А.Э. Зарини (1967–1975 гг.) на некрополе была вскрыта значительная площадь и изучены 610 погребений (из них 321 имели хорошую сохранность, 289 были повреждены и 67 – полностью разрушены). По характеру погребального обряда выделяются три основных группы захоронений: 70% (425 погребений) составляют ингумации, 27% (165 погребений) – кремации и 3% (20 погребений) – символические захоронения. Последние представляют собой могилы глубиной 60–110 см и размерами от 50 × 80 см до 50 × 200 см, ориентированные с северо-запада на юго-восток, в которых отсутствовали кости, но был положен погребальный инвентарь, характерный для мужских захоронений по обряду ингумации. А.Э. Зариня полагает, что, как и на латгальских кладбищах, эти погребения могут рассматриваться в качестве кенотафов, сооруженных воинам, погибшим на чужбине.

Кладбище использовалось с середины X в. до середины XIII в. Все погребения распадаются на три хронологические группы: первая – 79 ингумаций и 47 кремаций – относится ко второй половине X – первой половине XI в., вторая – 23 ингумации, 79 кремаций и 14 символических захоронений – ко второй половине XI – первой половине XII в., третья – 100 ингумаций, 23 кремации и 5 символических захоронений – ко второй половине XII – первой половине XIII в.

Кладбище является в своей основе грунтовым могильником. Однако следует заметить, что в Лауксколе существовали и курганы, так как при раскопках были выявлены окружавшие их ровики (рис. 6; 7; 224). А.Э. Зариня это особо отмечает. Курганы располагались на северо-западной и северо-восточной окраинах могильника. В основном в пределах курганных площадок внутри ровиков были зафиксированы труположения второй половины XII – первой половины XIII в., но встречаются и трупосожжения того же времени, причем в одном случае в пределах одного кургана зафиксированы оба типа обряда (погребение № 558 – ингумация и № 559 – кремация). Автор работы рассматривает захоронения в курганах в общем контексте с остальными погребениями, не выделяя их в отдельную группу, хотя, на наш взгляд, уже сам курганный обряд определяет их особенность. В принципе курганные могильники не были чужды ливам. В большем количестве они известны в бассейне р. Гауи, но захоронения под насыпями встречаются и в бассейне р. Даугавы (Tõnisson, 1974. S. 39. Abb. 4).

При широких раскопках единой площадью наряду с могилами и ровиками курганов были выявлены 130 мест, видимо, поминальных кострищ, рядом с которыми располагались ямы. Еще во время работ В. Гинтера в западной части кладбища была зафиксирована круглая каменная выкладка, по всей вероятности, связанная с погребальным обрядом. В то же время места сожжений умерших не были обнаружены; по-видимому, они (одно или несколько) находились вне самого некрополя.

Большинство захоронений в Лауксколе совершены по обряду ингумации (425). Кости находились в глубоких ямах от 60 до 100 см. Умершие помещались в узкие деревянные камеры, которые при разрушении сдавливали кости скелета. В XI в. более широко начинают использоваться дощатые гробы с гвоздями или иногда скрепленные железными за-

клепками. В основном погребенные были ориентированы головой на северо-запад. Эта ориентировка с некоторыми отклонениями в ту или иную сторону обычно на ливских кладбищах. В редких случаях в захоронениях с характерным земгальским инвентарем наблюдалась противоположная ориентировка мужчин и женщин, как у балтов. По традиции умершие были захоронены в праздничном этнографическом уборе и сопровождалась различными предметами, необходимыми, по представлению древнего коллектива, для загробной жизни. Только 23 погребения, что составляет 4% от общего числа исследованных захоронений, не содержали никакого инвентаря.

Автор работы отмечает некоторые необычные детали в погребальном обряде. Так, в нескольких захоронениях и на местах кострищ встречались куски обожженной глины. А.Э. Зариня интерпретирует их как символ дома. Кроме того, помимо сосудов, которые были заполнены едой, в погребениях обнаружены обожженные зерна и яйца. По мнению автора раскопок, подобные подношения ассоциируются с жизнью. Кстати, в двух детских погребениях были найдены расписные яйца в качестве игрушек. Особое место в погребальном ритуале занимали жертвенные животные. В частности, в 15 могилах были найдены собаки, сопровождавшие человека. В значительной части могил (более 250) в их заполнении и на краю зафиксированы камни. Надо сказать, что камни часто выделяли на местности и захоронения по обряду трупосожжения. Кремации в основном датируются X–XI вв. В XII в. количество их уменьшается. Как правило, остатки сожжения помещались либо в круглые ямки диаметром 50–60 и глубиной 30–80 см, либо в прямоугольные ямки 30 × 70 или 70 × 200 см. Интересно, что ориентировка прямоугольных могил повторяла ориентировку захоронений по обряду трупоположения – СЗ–ЮВ, причем в состав инвентаря кремаций могли входить вещи, не побывавшие на погребальном костре, которые раскладывались в могиле точно так же, как и в захоронениях по обряду ингумации. Подобная традиция известна в захоронениях вендов, живших в северной части Курземе.

Материалы Лауксколы показывают, что переход от обряда кремации к обряду ингумации у финнов проходил постепенно, и на определенном отрезке времени, а в данном случае в течение трех столетий, оба обряда сосуществовали. С подобной ситуацией мы встретились при исследовании могильника Залахтове, оставленного на восточном берегу Чудского озера древними эстами – группой финского населения, родственной ливам и территориально примыкавшей к ним с севера. Там выбор обряда в переходный период зависел от пола погребенного. Если женщин продолжали еще какое-то время сжигать, то мужчин и подростков начали хоронить по обряду ингумации в глубоких грунтовых ямах. В Лауксколе также наблюдается этапность перехода от одного обряда к другому, но характер данного процесса здесь несколько иной. Первоначально по обряду ингумации стали хоронить детей, затем женщин и только потом мужчин.

Материалы лаукскольского могильника, как и Залахтове, дают все основания считать, что у финского населения Балтийского региона переход от обряда кремации к обряду ингумации напрямую не связан с влиянием христианства. В этой связи следует отметить, что погребения по обряду трупоположения имеют в Залахтове в большинстве своем восточную ориентировку, а в Лауксколе – северо-западную, что явно не согласуется с западной христианской ориентацией умерших. Кроме того, захоронения продолжают сопровождаться богатым инвентарем включая многочисленные

языческие символы, в частности всевозможные подвески-амулеты.

Обширный раздел работы посвящен подробному анализу различных категорий погребального инвентаря. Чрезвычайно ценно, что описания вещей сопровождаются многочисленными таблицами и рисунками. В тексте монографии таблицы скомпонованы по отдельным типам предметов и украшений, а в конце книги полностью опубликованы комплексы, причем наиболее богатые из них – в цветном варианте. Для археологических публикаций качество подачи иллюстративного материала имеет большое значение, так как в нем заложена порой более важная информация, чем в текстовой части, тем более в данном случае, когда монография опубликована на латышском языке.

В результате анализа погребального инвентаря А.Э. Зариня приходит к выводу, что люди, похороненные в Лауксколе, относились к социально дифференцируемому обществу. Среди мужских погребений она выделяет три группы. Первую, довольно многочисленную группу составляют богатые воины. Основание для ее выделения – наличие в захоронениях следующего погребального инвентаря: мечей, дамаскированных стальных наконечников копий, часто инкрустированных по тулову серебряными вставками, шпор и других элементов всаднического набора, оковок питьевых рогов, кожаных ремней, украшенных бронзовыми элементами поясной гарнитуры, и торгового инвентаря. Отметим, что в состав этой богатой группы входят не только взрослые мужчины, но и мальчики.

Вторую группу составляют захоронения, условно говоря, “процветающих воинов-мужчин”. В состав их погребального инвентаря входит комплект оружия, состоящий из топора и одного или двух копий (два копия обычно встречаются в более ранних погребениях). Эта группа включает большую часть захоронений с поясами, орнаментированными бляшками, особенно в средней части ремня. Последняя, третья социальная группа, состоит из рядовых, менее влиятельных членов данного древнего коллектива. В составе их погребального инвентаря оружие либо вовсе отсутствует, либо представлено одним топором или копьем. Кроме того, их пояса не были украшены металлическими накладками. В эту группу также попали нарушенные захоронения.

Среди женщин, похороненных в Лауксколе, самый высокий социальный статус, по мнению автора рецензируемой монографии, занимали те, в убор которых входил наиболее роскошный набор нагрудных украшений, состоящий из фибул или булавок с прикрепленными к ним цепедержателями и многорядными цепями, на которых в свою очередь крепились различные подвески, амулеты, гребни и даже орудия труда. Наиболее богатые погребения обычно сопровождалась несколькими гривнами и низками бус и другими украшениями. Платья и накидки захороненных в них женщин были украшены бронзовыми бляшками.

Для каждой группы финского населения Балтийского региона, несмотря на определенную схожесть в общем облике и покрое одежды, в начале II тыс. н.э. вырабатывается свой вариант убора, отличный от других, со своими этнографическими элементами. Мы прежде всего имеем в виду женский костюм, так как мужской, несомненно, был более интернационален. В этой связи особый интерес представляет наряд ливов. Возможно, они – единственный финский народ, в костюме которого при всей его самобытности используются элементы различных культур. Основой, на которую крепился комплекс нагрудных украшений, служили как фибулы, так и булавки. Как правило, в костюмах других народов,

живших в Балтийском регионе, использовались либо фибулы (западные финны, карелы), либо булавки (балты, эсты). Причем у населения Лауксколы встречаются как импортные скандинавские фибулы, так и экземпляры местного производства, имитирующие скандинавские образцы. Не было единообразия и в формах булавок, большинство из которых было характерно для земгалов, куршей и курземских ливов. В принципе фибулы и булавки – элементы, несколько различные в утилитарном отношении. А.Э. Зариня в своих реконструкциях одежды ливов в целом придерживается взглядов, высказанных П.-Л. Лехтосало-Хиландер. Финская исследовательница на основании серии раскопанных ею погребений предложила следующую реконструкцию женского платья: два полотнища, из которых изготавливалась женская одежда, в верхней части были перегнуты наружу и соединялись встык на плечах фибулами (Lehtosalo-Hilander et al., 1982. S. 14. kuva 13-c; Lehtosalo-Hilander, 2000. P. 217. Fig. 75; 2001. Fig. 42, 47, 48, 52, 55). На реконструкциях А.Э. Зариня полотнища сарафанообразной юбки также соединяются встык (Zariņa, 1988. 17.–18. lpp., 2, 3, 5. att.). “Скреплявшая юбку на плечах булавка втыкалась либо прямо в ткань, оставляя свободным отогнутый край полотнища шириной до 30 см, как в финских погребениях XI–XII вв., либо в край ткани за швом”, – пишет исследовательница (Zariņa, 1988. 92. lpp.). Подобный вариант застегивания одежды, скорее, возможен при использовании фибул. Трудно представить, как скрепить таким образом одежду булавкой. Булавка все же предполагает скальвание двуслойной ткани, либо при прикреплении накидки к сарафанообразной одежде, либо когда полотнища сарафанообразной юбки в верхней части располагаются внахлест. Раскопав в Залахтове немало женских захоронений с нагрудными булавками, из-за фрагментарности текстильных остатков мы так и не смогли достоверно проследить характер прикреплений булавок к одежде. Однако наблюдения над их расположением в погребениях позволяют говорить, что они находились несколько ниже плеча.

Не умаляя значения работ финских исследовательниц П.-Л. Лехтосало-Хиландер и Л. Томантере по реконструкции одежды финнов, я бы все же с большей осторожностью отнеслась к некоторым их выводам. В свое время мне удалось внимательно ознакомиться с материалами ряда захоронений, на основе которых были сделаны реконструкции (например погребение из могильника Маску), и не могу сказать, что эти реконструкции бесспорны, именно в части крепления фибул.

Вообще, на мой взгляд, раскопки в Лауксколе и других могильниках ливов, в частности в Вампениеши, показали, что покроя финской одежды, возможно, не был столь оригинален, а повторял в некоторых деталях костюм скандинавов. По крайней мере, в ряде случаев на обратной стороне овальных фибул были зафиксированы остатки петель-бретелей, сделанных из полосок льняной ткани. И, как совершенно справедливо отмечает сама А.Э. Зариня, это был наиболее распространенный способ скальвания (Zariņa, 1988. 28, 29. lpp.).

По мнению автора монографии, в район Лауксколы ливское население пришло с территории западной Курземе, где было сильно скандинавское влияние. В дальнейшем пополнение населения могло происходить из региона северо-восточной Курземе. Вместе с ливами в низовья Даугавы проникают и скандинавы. По крайней мере, в ранней хронологической группе женские захоронения № 62, 67, 338 и погребение богатого воина № 359 А.Э. Зариня склонна интерпретировать как скандинавские.

Чрезвычайно важно, что материалы раскопок получили всесторонний анализ, не только в археологическом, но и в

антропологическом отношении. Это позволило сделать интереснейшие палеодемографические наблюдения. К сожалению, на территории Восточной Европы можно назвать лишь отдельные случаи, когда археологические данные рассматриваются в комплексе с антропологическими определениями. Этому обстоятельству имеются вполне определенные объяснения. Во-первых, полноценные результаты могут быть получены только на материалах крупных археологических погребальных комплексов, желательна полностью исследованных и существовавших продолжительное время. Таких памятников немного. Во-вторых, немаловажное значение имеет степень сохранности костных остатков в захоронениях по обряду ингумации. В частности, при исследовании могильника Залахтове мы столкнулись с тем, что практически во всех глубоких ямах кости в силу естественных обстоятельств (песчаный грунт, близость грунтовых вод) полностью истлели. В-третьих, до сих пор проявляется недостаточное понимание исследователями важности комплексного изучения могильников с привлечением антропологического материала. И хотя в настоящее время разработаны методики по определению кальцинированных костей, к сожалению, в 90% случаев они пока не определяются. Редким исключением в этом отношении являются памятники района Белоозера (Макаров и др., 2001. С. 287–290), сопкивидная насыпь близ урочища Плакун (Носов, 1985. С. 151) и могильник Залахтове (Хвошинская, 2004. С. 37).

Рецензируемая монография – удачный пример комплексного подхода к изучению крупного погребального памятника. В работе имеются два приложения. В одном из них Татьяна Берга рассматривает монеты из погребений (С. 435–444), а во втором Гунита Зариня анализирует остеологический материал некрополя (С. 445–463).

Коллекция монет состоит из 116 экземпляров, найденных в 60 захоронениях в основном в качестве подвесок в женских (27) и детских (22) погребениях. Интересно, что в пяти случаях они были найдены вместе с весами и гирьками. Монеты, с одной стороны, свидетельствуют о широких торговых контактах даугавских ливов, а с другой – позволяют датировать отдельные захоронения. Самая ранняя из них – сасанидская драхма Хосрова I (531–579 гг.) из погребения № 458, а самая поздняя – брактеев кведлинбургской аббатисы Агнес II (1203–1224 гг.) из погребения № 279. Без учета этих двух находок состав монет, зафиксированных в погребениях могильника, представлен следующими основными группами: куфические дирхемы – 41, западноевропейские монеты – 61 (из них 46 германских, 12 англо-саксонских, 3 – датских) и 12 грубых местных подражаний западноевропейским денариям. Кроме того, в погребении № 83 был встречен редкий византийский милиарисий Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.). Таким образом, в могильнике обнаружены все категории монет, которые были представлены в денежном обращении конца I – начала II тыс. н.э. Балтийского региона. Сасанидская драхма – уникальная находка на территории Латвии. Основной приток арабского серебра в Латвию приходится на начало и первую половину X в. Большинство из найденных в захоронениях дирхемов были отчеканены в 910–930 гг., что полностью соответствует общей картине для территории Прибалтики.

В другом приложении (автор Гунита Зариня) рассмотрен антропологический материал могильника на фоне археологических наблюдений. Для половозрастного определения кальцинированных костей дополнительно к обычным приемам были применены наиболее современные методы, развиваемые судебномедицинской экспертизой. В результате ав-

тору удалось из 162 проанализированных погребений по обряду кремации определить возраст 72 мужчин, 36 женщин и 2 детей. Это 67% от всех кремаций. А из захоронений по обряду ингумации сделаны определения для 129, что составляет 30% от их общего числа. Таким образом, была получена достаточно представительная выборка для проведения подсчетов методом демографической статистики, согласно формуле Г. Ачади – И. Немешкери. В российской археологии впервые данная формула была привлечена Н.А. Макаровым для расчета численности популяций, оставивших могильники Нефедьево и Шуйгино (1997. С. 131–133). Конкретные таблицы дожития на материалах этих некрополей были составлены Т.И. Алексеевой и В.Н. Федосовой (Алексеева, Федосова, 1992. С. 20, 21). Основным показателем при данном анализе – ожидаемая продолжительность жизни.

Не касаясь детализации проведенных Г. Зариней подсчетов, рассмотрим основные ее выводы. Важным заключением является то, что численность населения поселка Лаукскола изменялась со временем. В первый хронологический период (конец X – первая половина XI в.) кладбище использовалось коллективом, насчитывавшим 40–45 человек. В следующий период (вторая половина XI – первая половина XII в.) произошло резкое увеличение населения до 100–115 человек, а в последний период (вторая половина XII – первая половина XIII в.) количество обитателей поселения снова упало до 40–45 человек. Сопоставив археологические и антропологические материалы, Анна и Гунита Зарины пришли к выводу, что демографический взрыв во второй половине XI – первой половине XII в. нельзя объяснить только естественным приростом населения. Поскольку в районе Даугмальского городища больше средневековых кладбищ не обнаружено, то вполне правдоподобным выглядит предположение, что жителей городища, как и его окрестностей, хоронили именно в Лауксколе. Археологически это подтверждается тем, что на период второй половины XI – первой половины XII в. приходится наибольшее количество богатых захоронений, в составе инвентаря которых часто встречаются импортные вещи. В них скорее можно видеть погребения жителей крупного торгово-ремесленного центра, находящегося на противоположном берегу Даугавы, нежели обитателей сельского поселения в самой Лауксколе. Судя по археологическим находкам, Даугмальское городище в XI–XII вв. становится важным пунктом на пересечении торговых путей, ведущих из стран Балтии в Восточную Европу. И, несомненно, здесь концентрируется наиболее богатая и влиятельная часть местного общества. Кроме того, А.Э. Зариня не исключает, что во второй хронологический период могло произойти и увеличение населения самого поселка в Лауксколе за счет притока курземских вендов. По крайней мере, на это указывают данные археологии (погребальный обряд и инвентарь).

Анализируя структуру общины на момент ее наибольшей численности, Г. Зариня указывает, что только 22% населения были старше 30 лет. Древняя группа имеет следующие возрастные градации: 20 детей до 5 лет, 30 детей и подростков от 5 до 15 лет, 35 человек от 15 до 30 лет, 22 – зрелого возраста за 30 лет и 1 – старше 50 лет. Подобная палеодемографическая ситуация аналогична результатам, полученным антропологами для памятников VII–X вв. на территории Латвии и II–VI вв. на территории Литвы.

Почему затухает развитие Даугмальского городища и, как следствие этого, происходит уменьшение численности

коллектива, хоронившего в Лауксколе, а в дальнейшем и вообще поселок прекращает свое существование? Объяснение этому авторы книги видят в изменившейся политической и экономической ситуации. Конец XII–XIII в. – время активизации немецких крестоносцев.

Действительно, из исторических источников, и прежде всего хроники Генриха Лавийского, мы знаем, что в 70-х годах XII в. немецкие купцы впервые появляются на Рижском взморье и пытаются захватить наиболее выгодные для торговли места, оттеснив при этом голландцев. Одновременно начинается принудительное крещение прибалтийских народов, в котором особенно преуспел епископ Альберт Буксгевден. Весной 1200 г. 23 корабля с крестоносцами появляются в Икшкиле и Саласпилсе, где во время пира вероломно захватывают группу местной знати, включая, видимо, и ту, которая жила на Даугмальском городище. Для освобождения пленники вынуждены были отдать 30 своих сыновей, которые были отправлены на воспитание в духе покорности католической церкви в Германию. Оплотом военно-рыцарского Ордена меченосцев и резиденцией епископа становится город Рига, возникший на месте старого рыночного места. В хронике Генриха Латыша Рига впервые упоминается под 1201 г. Неоднократные восстания, поднимавшиеся в начале XIII в. местными народами на территории Латвии против хорошо организованного немецкого рыцарства, не имели успеха. В 1212 г. крестоносцы, опередив действия повстанцев, сожгли ряд ливских замков, среди которых называется и Саласпилс. В эту историческую канву вполне укладываются заключения, сделанные в рецензируемой книге на основании археологических материалов.

Монография А.Э. Зарины представляет собой исчерпывающую публикацию впервые вводимого в научный оборот крупного погребального комплекса Лаукскола, который, несомненно, станет эталонным памятником по археологии ливов, а сам труд является заметным вкладом в историческую науку Балтийского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т.И., Федосова В.Н.* Ранние этапы славянской колонизации Русского Севера. Ч. I. Антропологический состав. Палеодемография // Вопросы антропологии. 1992. № 86.
- Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
- Носов Е.Н.* Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Хвощинская Н.В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтове). СПб., 2004.
- Bähr J.K.* Die Gräber der Liven. Ein Beitrag zur nordischen Altertumskunde und Geschichte. Dresden, 1850.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari – A History of Weapons and Ornaments. Luistari IV. Helsinki, 2000.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.* Euran puku ja muut muinasvaatteet. Eura, 2001.
- Lehtosalo-Hilander P.-L., Sarkki S., Tomanterä L.* Eura puku jassen edentäjäät. Eura, 1982.
- Tõnissõn E.* Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. – anfang 13. Jh.). Tallinn, 1974.
- Zariņa A.* Libiešu apģērbs 10.–13. gs. Rīga, 1988.

**О.М. Приходнюк. ПАСТИРСЬКЕ ГОРОДИЩЕ. Київ; Чернівці:
Зелена Буковина, 2005. 244 с., 152 ил.**

В археологии любой эпохи существуют памятники, оказавшие основополагающее влияние на формирование научных представлений о событиях и процессах, происходивших на обширных пространствах древней Ойкумены. Таким ключевым памятником, без которого сейчас невозможно представить раннесредневековую археологию Среднего Поднепровья, да и вообще лесостепной зоны Восточной Европы, является Пастырское городище. Богатейшая, не имеющая аналогов коллекция находок (большая часть которой в настоящее время, к сожалению, утрачена) привлекла к нему внимание ученых еще в конце XIX в. Его исследовали В.В. Хвойка, С.В. Коршенко, И.В. Фабрициус, М.Ю. Брайчевский. Значительное место Пастырское городище занимало также в научном творчестве О.М. Приходнюка, которому мы обязаны не только проводившимися здесь в течение ряда сезонов (с 1990-го по 1998-й год) широкомасштабными полевыми работами, но и скрупулезным анализом полученных ранее, в конце XIX – середине XX в., материалов. Однако несмотря на более чем столетний период изучения в наших знаниях об этом памятнике сохраняется достаточно много “белых пятен”. Насущной необходимостью сегодня является полная публикация материалов, систематизация и обобщение накопленных данных, углубленный анализ всех составляющих этнокультурного и исторического феномена, известного под названием “Пастырский археологический комплекс”. На решение этой задачи направлена в том числе и рецензируемая книга.

Монография О.М. Приходнюка “Пастырське городище”, выпущенная на украинском языке издательством “Зелена Буковина” (Київ; Черновці), состоит из предисловия, шести глав-разделов и заключения, представленного не только на украинском, но и на русском и английском языках. Ее сопровождают обширная библиография и список сокращений, а также альбом иллюстраций, состоящий из 97 таблиц рисунков и 55 фототаблиц.

В предисловии, озаглавленном “Состояние исследований и научной интерпретации Пастырского археологического комплекса”, кратко изложена история изучения памятника, отмечены результаты, полученные в ходе его раскопок В.В. Хвойкой и другими исследователями, охарактеризованы основные культурно-исторические концепции, при построении которых были использованы материалы Пастырского городища. Следует, однако, отметить, что историографические проблемы рассматриваются не только в данном разделе монографии. История формирования пастырской вещевой коллекции, ее современное состояние и распределение между различными музейными учреждениями Украины, России и Польши весьма подробно освещены в разделах IV и V.

В смысловом отношении работа О.М. Приходнюка делится на три части. Первый смысловой блок – это описание материалов, полученных во время сравнительно полно документированных послевоенных раскопок М.Ю. Брайчевского и собственных исследований автора 1990–1998 гг. (разделы I – “Оборонительные сооружения, строительный комплекс и планиграфия городища”, II – “Сельскохозяйственный, бытовой и ремесленный инвентарь, воинское снаряжение”, V – “Керамическая посуда”, частично III – “Металлические изделия прикладного ювелирного искусства” и IV – “Клады”). Второй смысловой блок составляет характеристика коллекции находок (в первую очередь ювелирных изделий), которые происходят из дореволюционных и довоенных раскопок

и сборов и принадлежность которых Пастырскому городищу устанавливается на основе инвентарных описей в музеях и по публикациям (большая часть разделов III и IV). Эта принадлежность, к сожалению, не всегда достоверна, так как часто неясно, найдены ли рассматриваемые вещи непосредственно на городище (и когда именно) или происходят из окрестностей села, о чем, впрочем, пишет и сам О.М. Приходнюк (2005. С. 51). В разделе VI (“Генезис, хронология и историческая интерпретация Пастырского археологического комплекса”), представляющем собой третью смысловую часть монографии, изложены исторические заключения автора, сделанные на основе археологического материала с привлечением письменных источников.

В разделе I впервые в полном объеме (с планами и разрезами) приведена информация об оборонительных сооружениях памятника, раскопки которых проводил сам О.М. Приходнюк. Полученные им данные неопровержимо свидетельствуют об использовании более ранних скифских валов в раннеславянский период, когда на них были возведены деревянные стены. От последних сохранились две параллельные линии ям от столбов, пространство между которыми, возможно, было забутовано глинистым грунтом (Приходнюк, 2005. С. 12–14). Весьма подробно описаны остатки трех створенных сооружений, вскрытых на протяжении 49,4; 37 и 27,8 м. В них обнаружены развалы сосудов, заполненных обгоревшим зерном, зерно россыпью, многочисленные металлические предметы, десятки глиняных пряслиц и обугленная шерсть. О.М. Приходнюк считал исследованные длинные дома остатками хранилищ либо посевного фонда части обитателей поселения, либо собранной дани. Эти же постройки могли служить для каких-то обрядовых действий, общинных пиров или коллективного прядения (2005. С. 17–20).

Рассматриваемые сооружения не уникальны. Аналогии им в виде домов с внутренним обитаемым пространством, расположенных по краям площадок городищ или внутри них в стороне от валов, ограничивающих городища с napольной стороны, хорошо известны в лесной зоне Восточной Европы в V–VII вв. (Демидовка, Колочин, Тушемля, Никодимово и др.). Традиционно считается, что они имели оборонительное значение (вроде “жилых стен” средневековых центральноевропейских замков). Запасы зерна могли быть сделаны на случай осады. Пастырские постройки – самые протяженные из всех известных на восточноевропейских городищах раннего средневековья.

Кроме того, в разделе I представлено общее описание жилищ-полуземлянок исследуемого памятника, а планы и разрезы их приведены в альбоме иллюстраций.

Раздел II содержит характеристику предметов вооружения (сабля, кинжал, топоры, наконечники копий и стрел), сельскохозяйственного инвентаря, кузнечных инструментов, предметов быта. В разделе V впервые дана полная характеристика пастырской керамики (как лепной, так и гончарной). Показательно наличие на Пастырском городище наряду со специфическими сильнопрофилированными округлобочными сосудами биконических горшков, по форме типичных для пеньковской культуры. Этот факт подтверждает синхронность (по крайней мере, частичную) памятника с пеньковской археологической общностью и сделанный О.М. Приходнюком в более ранних работах вывод о возникновении Пастырского городища на финальных этапах существования пеньковской культуры. Основанием для такого заключе-

ния послужили наблюдения над характером распространения пастырской гончарной посуды на раннеславянских поселениях Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья.

Следует согласиться с мнением О.М. Приходнюка о балкано-дунайских прототипах пастырской гончарной керамики. Из всех версий ее генезиса, которые высказаны к настоящему времени, эта представляется наиболее обоснованной.

Все разделы первой смысловой части работы написаны в форме каталога: указано количество вещей, принадлежащих тому или иному типу, включая сосуды, приводится их подробное описание по таксонам, но (за исключением кладов) отсутствуют сведения о составе комплексов. А ведь для раннеславянского периода вопрос о соотношении лепной и гончарной керамики с вещами, которые датируют наборы, является принципиально важным. Информации о хозяйственной жизни обитателей городища и о причинах его гибели без сведений о сочетании друг с другом орудий труда и предметов вооружения и об их планиграфическом расположении недостаточно. Отсутствие приложения, где были бы приведены полные планы исследованных площадей и объектов, хотя бы из раскопок О.М. Приходнюка, а также их описания, снижает качество публикации материалов.

Большую часть относящегося ко второй смысловой части монографии раздела III занимает разработанная О.М. Приходнюком классификация происходящих с Пастырского городища украшений и деталей убора. Находки объединены в группы и подгруппы, для каждой из которых представлено подробное описание; большинство предметов изображено на иллюстрациях. Приведены перечни аналогий пастырским вещам, происходящих как с территории Среднего Поднепровья, так и из других регионов Восточной Европы.

Несомненным достоинством данной классификации является возможность получить детальное представление о коллекции Пастырского городища. В то же время работа с ней, в частности, с теми ее разделами, которые касаются пальчатых фибул, сопряжена с некоторыми неудобствами. Они возникают, на наш взгляд, прежде всего из-за отсутствия единообразных последовательно реализованных принципов членения материала. Иерархия признаков, по которым проводилось это членение, О.М. Приходнюком четко не оговорена. Рассмотрев созданную им систему, можно сделать вывод, что группы и подгруппы фибул выделялись по происхождению, общим размерам украшений, форме щитков, количеству выступов и т.д., причем в большинстве своем использованные признаки, по-видимому, воспринимались как равнозначные. Например, так называемые днепровские пальчатые фибулы, к которым совершенно справедливо отнесены и застезки с каймой из птичьих голов, образуют одну группу изделий (Приходнюк, 2005. С. 37). “Дунайские” же, по определению автора монографии, экземпляры составляют три группы (2005. С. 35, 36). Из них группа I включает “пятипалые”, а группа III – “семипалые” образцы небольших размеров¹. Группа II представлена также “дунайскими” фибулами с пятью пальцами на головке, но отличающимися от украшений первой группы более крупными размерами.

¹ Согласно типологической схеме И. Вернера, развитой И.О. Гавритухиным, украшения выделенных О.М. Приходнюком групп I и III принадлежат типам “Пергамон–Тайзее”, “Нови Бановци–Келяры”, “Пленица–Тумяны”, “Сармизгетуса–Кишкёрёш”, “Марош–Гымбаш–Пергамон” “пост-восточногерманских” или “славянских пальчатых фибул VII в.”; в соответствии с классификацией Х. Кюна они относятся к типам “Банат”, “Киев”, “Румыния”, “Пастырское” “мазуро-германских” фибул (Werner, 1950; Гавритухин, 1991; Kühn, 1956).

Собственно, группу II образуют всего две вещи: одна из разновидностей фибул типа “Аквилея” или “Удине Планис” (Приходнюк, 2005. Рис. 35, 2) и застезка с нижним щитком, напоминающим ножки двупластинчатых фибул (Приходнюк, 2005. Рис. 34, 3), серии “Мощёнка” по И.О. Гавритухину (Гавритухин, 2004. С. 214. Рис. 2, 11–15). Как отметил О.М. Приходнюк, поздние реплики изделий типа “Аквилея” (“Удине Планис”) присутствуют в Трубчевском кладе VII в. (2005. С. 36; Приходнюк и др., 1996. Рис. 2, 1; 3, 1; 5; 6), однако, судя по форме выступов, характеру орнамента и тщательности его исполнения, пастырский образец является в типологическом и, вероятно, хронологическом отношении более ранним, чем экземпляры из Трубчевска. Наиболее близок ему обломок удлиненного щитка застезки из Хмельны (Корзухина, 1996. Табл. 80, 11). По нашему мнению, эти вещи вписываются в круг северопричерноморских фибул, известных в Среднем Поднепровье, и их местных дериватов (например: Корзухина, 1996. Табл. 79, 1, 2, 4; 80, 1–6). Узкая датировка таких украшений дискуссионна (Айбабин, 1990. С. 20–22; Амброз, 1994. С. 45, 46; Засецкая, 1998. С. 409; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 143; и др.), но в целом большинство исследователей относят их появление ко времени, предшествовавшему формированию в Поднепровье комплекса древностей типа представленных в Трубчевском, Мартыновском и прочих подобных кладах. Фибулы серии “Мощёнка”, как считает И.О. Гавритухин, были распространены во второй половине V в. (2004. С. 214). На Пастырском городище, однако, нет достоверно зафиксированных ранне-средневековых слоев, относящихся ко времени ранее VII в. В связи с этим две рассмотренные находки, возможно, следует причислять к выделенной О.М. Приходнюком (2005. С. 31) серии вещей, напрямую не связанных с интересующим нас памятником и попавших в пастырскую коллекцию случайно.

Некоторые сомнения вызывают предложенные в монографии классификационные определения ряда конкретных изделий. В частности, в подгруппу IV-A наряду с двумя пальчатыми застезками довольно грубой формы, орнаментированными бессистемно нанесенными точками (Приходнюк, 2005. Рис. 31, 1; 37, 2), включена ножка фибулы, украшенной качественно выполненными S-образными спиралями (Приходнюк, 2005. С. 37. Рис. 31, 6). Четкие контуры щитка, реалистичная манера оформления оканчивающего его зооморфного выступа, тщательная проработка декора позволяют ставить эту находку в начало типологического ряда днепровских пальчатых фибул. Не исключено, что она имеет дунайское происхождение или была изготовлена по дунайским образцам. На наш взгляд, было бы целесообразно отделить ее от двух вышеупомянутых типологически гораздо более поздних, демонстрирующих явные признаки деградации, изделий. К подгруппе IV-B – днепровские фибулы с каймой из птичьих голов – О.М. Приходнюк отнес экземпляр, от которого сохранилась ножка пятиугольной формы с циркульным орнаментом и зооморфным выступом на конце (2005. С. 37. Рис. 31, 8). Но ножки такой формы и с таким орнаментом характерны и для застезек, верхние щитки которых украшены не птичьими головками, а выступами-пальцами по краю. В связи с этим рассматриваемый фрагмент следовало бы, вероятно, определять лишь на уровне принадлежности к группе IV (днепровские пальчатые фибулы) без дальнейшей детализации. Обломок нижнего щитка, оканчивающийся реалистично выполненной человеческой головой, и полукруглая головная пластина с семью пальцами и орнаментом из шести спиральных завитков, по мнению О.М. Приходнюка, являются частями одного изделия, аналогичного образцам из Марош-Гымбаша, Корнешти, Круи и

т.д. (2005. С. 36. Рис. 37, 1). Однако головки, кажется, всех известных к настоящему моменту застежек данной разновидности украшены лишь двумя спиральными завитками, как у еще одной из пастырских находок (Приходнюк, 2005. Рис. 31, 8). Указанный же щиток с орнаментом из шести спиралей мог скорее принадлежать фибуле типа найденных в Вецель или Линкунен (Werner, 1950. Taf. 27, 7, 8), хотя утверждать это наверняка мы не можем. Наконец, за рамками рассматриваемой схемы оказались своеобразная маленькая пальчатая фибула с подтреугольной ножкой (ранее она была выделена О.М. Приходнюком в подгруппу I-E “пятипалых” дунайских фибул Пастырского городища (2000. С. 52. Рис. 1, 7)) и фрагмент нижнего щитка застежки типа Марош-Гымбаш-Пергамон по И. Вернеру (Приходнюк, 2005. Рис. 31, 10; 34, 4).

Удачным кажется предпринятое исследователем членение обширного массива сложных антропологических и двупластинчатых фибул (согласно его классификации, первые входят в группу многоглавых ажурных, вторые составляют две группы антропоморфных застежек). В рамках большинства выделенных подгрупп действительно объединены очень близкие по внешнему облику вещи. Одним из авторов настоящей рецензии было высказано предположение, что такие серии не имеют локальной или хронологической специфики. Скорее, они могут свидетельствовать об изготовлении украшений в нескольких мастерских ювелирами, принадлежавшими к разным “художественным школам” (Родинкова, 2006. С. 50). В контексте изучения этих вещей отметим, что в качестве аналогии своеобразным пастырским застежкам с подтреугольными нижними щитками и парой округлых отверстий на головках (Приходнюк, 2005. Рис. 37, 3, 4, 6; 38, 3, 4; и др.) в монографии приведена “псевдофибула” из Врбаса (Приходнюк, 2005. С. 38). Она, однако, выделяется даже на общем пестром фоне антропологических брошей и является, по-видимому, результатом взаимодействия дунайских и днепровских ремесленных традиций (Родинкова, 2006. С. 52. Рис. 3, 34); в типологическом отношении она далеко отстоит от упомянутых пастырских образцов. Кроме того, в подгруппу IX-Д выделены литые двупластинчатые фибулы “с хорошо выраженными антропоморфными чертами”, один из щитков которых “имеет два направленных в разные стороны выступа, которые имитируют ноги” (Приходнюк, 2005. С. 39. Рис. 41, 2; 44, 8, 11–13; 45, 4, 5; и др.). Вместе с тем экземпляры с таким же раздвоенным выступом на одном из щитков присутствуют и в составе подгрупп IX-A, IX-B (Приходнюк, 2005. С. 39. Рис. 44, 1; 45, 3).

Группы и подгруппы других массовых категорий известных на Пастырском городище украшений – серег, подвесок, браслетов – образованы с учетом техники изготовления и форм изделий. Выделенные О.М. Приходнюком серии выглядят отражающими реальные особенности классифицируемого материала. Ошибочна, с нашей точки зрения, лишь интерпретация проволочного кольца с заходящими друг за друга и обмотанными вокруг обода концами как дужки от серьги с полый шарообразной подвеской (Приходнюк, 2005. С. 43. Рис. 55, 10). Такого типа изделия в течение длительного времени были широко распространены в Европе как самостоятельные украшения.

Пряжки, являющиеся элементами поясных наборов, и предметы, интерпретируемые как детали конского снаряжения, объединены автором монографии в группу VII; она следует за группой VI, которую составляют браслеты (2005. С. 47–49). На наш взгляд, такой подход не совсем оправдан в методическом отношении. Для удобства восприятия материала принадлежности человеческих ремесленных гарнитур, в частно-

сти пряжки, целесообразнее было бы выделить в особую группу находок.

Помимо подробной характеристики найденных на Пастырском городище украшений и аксессуаров костюма раздел III содержит также описание некоторых инструментов и приспособлений, использовавшихся в ювелирном производстве. Наибольший интерес среди них представляет уникальный шаблон для изготовления браслетов с расширенными полыми шестигранными в сечении концами. В коллекции Государственного Исторического музея (Москва) О.М. Приходнюку удалось выявить и полуфабрикат такого браслета, который имеет вид серебряной кованой проволоки с расплюснутым концом (2005. С. 45–47. Рис. 52, 13; 62, 3).

Процесс изготовления литых украшений со сложной поверхностью, в первую очередь фибул, О.М. Приходнюк, присоединившись к мнению Б.А. Рыбакова, реконструировал как литые по выплавляемой восковой модели (Рыбаков, 1948. С. 77–85; Приходнюк, 2005. С. 40). В последние годы к изучению этой проблемы обратилась Е.А. Шаблава. Проведя трасологический анализ серии вещей и экспериментальную проверку полученных результатов, она доказала, что большие пальчатые фибулы днепровских типов отливались в глиняных разъемных двусторчатых формах (Шаблава, 2001; 2004). Можно думать, что таким способом изготовлены и литые изделия с Пастырского городища, хотя не исключено, что при создании шаблонов, используемых в дальнейшем для тиражирования глиняных форм, применялась техника литья по выплавляемой восковой модели.

Пока сложно объяснить неоднократно отмеченный О.М. Приходнюком факт отсутствия на Пастырском городище следов массового литейного производства (1998. С. 19; 2005. С. 40). Исследователь высказывал надежду, что ювелирно-ремесленные мастерские, специализировавшиеся на художественном литье, будут открыты на тех участках памятника, которые пока не подвергались раскопкам.

Раздел IV (“Клады”) посвящен характеристике найденных на Пастырском городище кладов украшений и предметов убора; их количество (не менее шести) и богатство их состава свидетельствуют о неординарности памятника и особом статусе его населения. Важным в источниковедческом отношении представляется сделанный О.М. Приходнюком вывод о невозможности выделить среди пастырских материалов вещи из комплексов, обнаруженных в конце XIX в. (2005. С. 51). Судя по упоминаниям в литературе, таких комплексов было не менее трех.

Помимо кладов, происходящих собственно с Пастырского, изучению подверглись и находки того же круга из других мест Поднепровья. Особое внимание автор монографии уделил наиболее представительному комплексу из Харивки. Чрезвычайно интересна попытка выявить источники формирования Харивского клада, а с ним и всей совокупности украшений “пастырских” типов. Составляющие эту совокупность изделия II группы “древностей антов” по О.А. Щегловой (1990) – кованые двупластинчатые фибулы, браслеты с полыми расширенными концами, серьги со звездообразными и полыми шарообразными подвесками и др. – до недавнего времени традиционно рассматривались в контексте развития дунайских и днепровских художественно-ремесленных традиций. Выделение О.М. Приходнюком предметов, отражающих прибалтийское и урало-сибирское направления влияний, является весьма перспективным и требует серьезного внимания и дальнейшей разработки.

К вещам прибалтийского происхождения кроме ряда украшений из Харивки О.М. Приходнюк причислял и некоторые (“мазуро-германские”) типы малых пальчатых фибул.

Такие изделия зафиксированы, например, в кладе ювелирного лома, обнаруженном на Пастырском городище в 2004 г. (Приходнюк, 2005. С. 53. Рис. 65, 5). Исследователь отмечал, что они не получили признания в славянской культурной среде Поднепровья. В целом это справедливый тезис, однако чрезмерное увлечение им привело к неверной интерпретации пары застежек из Великобудковского комплекса. Они представляют собой не предназначенный в переплавку металлический лом, как считал О.М. Приходнюк (2005. С. 53, 54), а входят в группу готовых изделий из свинцово-оловянного сплава, отлитых ювелиром, сокрывшим клад (Горюнова, 1992. С. 129).

Излишне скептическим кажется отношение автора рецензируемой книги к находкам сложной антропоморфной фибулы, браслетов с полыми расширенными концами, звездчатой подвески и др. в Киеве (Приходнюк, 2005. С. 58. Рис. 74, 1–3). Несомненно, перечисленные предметы принадлежат к украшениям пастырского круга. Возможно, они были изготовлены на Пастырском городище. В то же время ничего удивительного в том, что они найдены в Киеве, на наш взгляд, нет. Как показывают многочисленные исследования, вещи в древности могли перемещаться на весьма значительные расстояния вследствие торгово-обменных, матримониальных и других связей. Оснований полагать, что продукция пастырского очага ювелирно-ремесленного производства не подвергалась такого рода перемещениям, мы не имеем.

В работах, опубликованных ранее книги о Пастырском городище, О.М. Приходнюк склонялся к мысли, что различия между днепровскимикладами мартыновского и пастырского типов, а соответственно и наборами “древностей антов” I и II групп по О.А. Щегловой, отражают различия в социальном положении их владельцев (Приходнюк, 1998. С. 17, 18; 2000. С. 67–69; и др.). В рецензируемой же монографии он присоединился к мнению о хронологической подоплеке указанных различий, хотя и с оговоркой, что бронзовые пальчатые фибулы “были расцитаы на сбыт рядовым обшчинникам”, а “дорогие серебряные изделия (II группы “древностей антов”. – В.Р., А.О.) изготовлялись по индивидуальным заказам социальной верхушки общества” (Приходнюк, 2005. С. 54).

Следует согласиться с утверждением, что рассматриваемые вещевые комплексы – самостоятельные явления в материальной культуре Поднепровья, и украшения пастырских типов не продолжают непосредственно художественные и технологические традиции, отраженные образцами мартыновского круга (Приходнюк, 2005. С. 54, 59). Возражения, однако, вызывает предложенная О.М. Приходнюком реконструкция путей и механизмов формирования этих наборов (2005. С. 54). Представляется, что высказывания о военных действиях и грабежах, в результате которых были накоплены клады мартыновской группы, сегодня – не более чем дань устаревшей традиции. Маловероятно также, что в качестве платы за службу дружинники в массовом порядке получали широко представленные в упомянутых комплексах женские украшения, причем целыми комплектами стилистически близких предметов. Весьма сомнительна для лесостепной зоны Поднепровья в раннесредневековое время и дешевизна бронзовых и латунных изделий. Если бы она действительно имела место, большая часть находок “древностей антов” I группы должна была бы происходить не из кладов круга Мартыновского (содержащих в основном латунные и лишь изредка – серебряные вещи), а с рядовых поселений колочинской и пеньковской культур.

По нашему мнению, “древности антов” как I, так и II групп характеризуют культуру высших слоев населения Среднего Поднепровья. И в первом, и во втором случаях это

местные явления, но сформировавшиеся под влиянием различных факторов и традиций. В данном контексте следует поставить вопрос о происхождении и путях поступления в днепровский регион значительного количества серебра, из которого изготовлены украшения пастырских типов. О серьезных изменениях, произошедших в днепровской лесостепи после выпадения кладов I группы, свидетельствуют не только кардинальная смена типов женских украшений, но и исчезновение из комплексов и, видимо, из обихода населения предметов, отражающих мужскую воинскую субкультуру.

В разделе VI (“Генезис, хронология и историческая интерпретация Пастырского археологического комплекса”) изложены взгляды О.М. Приходнюка на происхождение и типологическое развитие основных представленных на рассматриваемом памятнике разновидностей украшений, приведены мнения различных специалистов по поводу их датировок. Создавая типологические ряды, автор монографии опирался, во-первых, на разработки других исследователей, а во-вторых, на собственные наблюдения над материалами Пастырского городища, многие из которых представляют значительный интерес. В то же время некоторые положения данного раздела, на наш взгляд, нуждаются в дополнениях и корректировках.

Так, происхождение дунайских и днепровских пальчатых фибул О.М. Приходнюк в соответствии со сложившейся в литературе традицией связывал с более ранними дунайскими изделиями. При этом прототипами маленьких “пятипалых” экземпляров он считал образцы с тремя пальцами на головном щитке и удлинненной ромбической ножкой, но одновременно отмечал, что “разнообразнейшие дунайские пальчатые фибулы” были созданы «на основе застежек типа “Аквилея»» (Приходнюк, 2005. С. 70). Обоснование подобной двойственности в работе, к сожалению, отсутствует. Далее, большие богато украшенные фибулы типа Спарта–Линкунен–Кошовень (тип IV по И. Вернеру), с точки зрения О.М. Приходнюка, произошли от маленьких “семипалых” изделий типа Марош–Гымбаш–Пергамон (тип IC по И. Вернеру) (Приходнюк, 2005. С. 71). Эта схема кажется маловероятной. Такие объекты материальной культуры, как украшения, развиваются, как правило, в направлении деградации первоначальных форм и орнаментов, утраты представлений о семантике вещи. Трудно предположить, что застежки типа IC с их упрощенными контурами, небрежной орнаментацией, схематизированными, зачастую утратившими антропоморфные черты выступами на ножках вдохновили мастеров Подунавья на создание изысканных образцов, встреченных в Кошовень-де-Жос, Вецель и т.д. Скорее, мог иметь место обратный процесс, хотя не исключено, что находки типов IV и IC по И. Вернеру демонстрируют параллельные линии эволюции пальчатых фибул.

Истоки антропоморфных застежек О.М. Приходнюк, соглашаясь с А.К. Амброзом, видел в византийском прикладном искусстве, но в начало типологического ряда этих украшений он поставил своеобразный экземпляр с Пастырского городища (2005. С. 71, 72. Рис. 97, 21)². На наш взгляд, более логична схема А.К. Амброза, возводившего все многообразие рассматриваемых изделий к образцу из Марты-

² Судя по графической схеме, одной из “родоначальниц” антропоморфных фибул О.М. Приходнюк считал также застежку с тремя выступами-пальцами на головном щитке, отнесенную им к группе VII-A (2005. С. 39. Рис. 97, 20). По нашему мнению, ее следует рассматривать не в контексте антропоморфных, а в контексте пальчатых фибул типа Пергамон–Тай-зее, как предлагал И.О. Гавритухин (1991. С. 130. Табл. I, 10).

новского клада (1993. С. 179–181. Рис. 1; 3, 17). Возможность трансформации схематизированных, слившихся с краями щитков зооморфных выступов пастырской находки вначале в реалистичные изображения птиц, как на застежках типа мартыновской, а затем – снова в стилизованные выступы и перемычки, соединяющиеся друг с другом и с краями пластин, как у фибул пастырского круга, представляется маловероятной.

Весьма интересно предположение о дунайском происхождении двупластинчатых или антропоморфных, по терминологии автора монографии, фибул (Приходнюк, 2005. С. 72, 73), являющихся одним из характерных элементов пастырского вещевого комплекса. Однако гипотеза о том, что они были созданы на базе дунайских пальчатых застежек, у которых “вследствие метаморфозы, что произошла в процессе конструирования антропоморфных фибул... исчезают пальцевые отростки” (Приходнюк, 2005. С. 72), требует дополнительной аргументации.

Изложенные в книге взгляды на генезис и важнейшие этапы развития литых и паяных серег и подвесок – звездообразных, с полыми привесками и др. – в основном совпадают с точкой зрения А.И. Айбабина. Заслугой О.М. Приходнюка является выделение специфических пастырских серий украшений, а также построение типологических рядов паяных изделий по материалам Пастырского городища (2005. С. 74, 75).

Одной из важнейших проблем изучения рассматриваемого памятника является его датировка. О.М. Приходнюк неоднократно подчеркивал, что на городище отсутствуют случаи перекрытия строительных объектов, следовательно, жизнь на нем в раннесредневековый период продолжалась в течение сравнительного короткого промежутка времени. Рассмотрев хронологию основных разновидностей украшений, исследователь пришел к выводу, что Пастырский археологический комплекс следует датировать серединой или последней четвертью VII – серединой VIII в. (2005. С. 70–79). И сам автор рецензируемой монографии, и другие специалисты указывали, что существование данного комплекса частично совпадает с поздними этапами развития в лесостепном Поднепровье пеньковской культуры. Вместе с тем связывать, как предлагал О.М. Приходнюк (2005. С. 76), с деятельностью пастырских ремесленников распространение среди пеньковского населения литых пальчатых и антропоморфных фибул, принадлежащих “древностям антов” I (мартыновской) группы, не следует. Как было отмечено, на городище пока не выявлены следы массового литейного производства. Кроме того, среди сотен предметов пастырской коллекции известно всего несколько вещей мартыновского круга, все достаточно развитые в типологическом отношении (Приходнюк, 2005. Рис. 31, 1, 3, 6–8; 34, 7; 35, 1; 36, 1; 37, 2, 7; 38, 1, 2). Подавляющее же большинство происходящих с рассматриваемого памятника изделий входит в состав “древностей антов” II, более поздней группы. Вероятно, функционирование пастырского ремесленного центра началось, когда в Поднепровье уже был сформирован отразившийся в Мартыновском и прочих подобных кладах комплекс убора, и пастырские ювелиры включились в изготовление используемых местным населением разновидностей украшений. Изделия же собственно “пастырского” набора характеризуют постпеньковский этап в истории лесостепного Поднепровья.

В данном контексте нужно рассматривать и проблему выявления украшений днепровских типов в Крыму. Мы согласны с О.М. Приходнюком в том, что этот факт свидетельствует о переселении на полуостров каких-то групп пеньковского населения (Приходнюк, 2005. С. 77 и сл.), но связывать

пальчатые фибулы и другие днепровские вещи из Крыма с Пастырским городищем, на наш взгляд, нет оснований.

Возникновение пастырского ремесленного центра О.М. Приходнюк считал результатом миграции в Среднее Поднепровье выходцев из Подунавья. Подтверждение этой гипотезы он видел в облике и технике изготовления многих украшений, формах пастырской гончарной керамики, а также в своеобразном составе стада и наборе посевных культур, нехарактерном для племен лесостепной зоны (Приходнюк, 2005. С. 75, 76, 78 и др.). Для дальнейшего изучения процессов, происходивших в Днепровском регионе в раннесредневековое время, чрезвычайно важен вывод о том, что пришлое население не смогло утвердиться в местной славянской среде и вынуждено было занять свободную, хотя и опасную с точки зрения соседства со степью территорию. При этом показателем отмеченный О.М. Приходнюком факт отсутствия среди пастырских находок вещей, характеризующих сугубо кочевнические культурные традиции (2005. С. 76).

Весьма живо и образно нарисована в книге картина последнего боя защитников Пастырского городища и его гибели. Разгром памятника О.М. Приходнюк связывал с набегом кочевников-хазар, деятельность которых в лесостепной зоне активизировалась после ухода из Закавказья основных сил арабов (2005. С. 79). Исследователь рассмотрел также данные письменных источников (в частности имеющие отношение к так называемой дунайской теории происхождения славян), предприняв попытку сопоставить их с археологическими свидетельствами и использовать для реконструкции событий, происходивших на Пастырском городище и вообще в днепровской лесостепи в начале эпохи раннего средневековья.

В заключении (раздел “Выводы”) кратко изложены основные положения работы.

Говоря о последней монографии О.М. Приходнюка, необходимо подчеркнуть, что ее издание является событием в раннеславянской археологии. Несомненно, большая заслуга исследователя заключается в практически полной публикации обширной вещевой коллекции Пастырского городища, включающей как дореволюционные находки, так и предметы, ставшие известными в последние годы. При этом значительное место в книге отведено историографическому и источниковедческому анализу материалов. Кропотливая работа по систематизации, изучению и сопоставлению информации из различных источников позволила О.М. Приходнюку подробно охарактеризовать историю формирования вещевой коллекции памятника, детально осветить обстоятельства нахождения как комплексов, так и отдельных предметов из ее состава, идентифицировать предметы, связанные с Пастырским городищем, в собраниях различных музеев Украины, России, Польши. В монографии содержится также перечень и анализ работ, в которых имеются сведения о материалах с Пастырского городища.

Сводная публикация коллекции находок Пастырского городища и их интерпретация является не завершением, а началом работы над этими уникальными материалами. К сожалению, ее не сможет продолжить безвременно ушедший от нас Олег Михайлович, но мы надеемся, что его ученики и последователи вернутся к изучению пастырских материалов и дополнят монографию О.М. Приходнюка изданием комплексов и полевой документации.

В целом рецензируемая книга, несомненно, представляет собой существенный вклад в изучение раннесредневекового периода истории Восточной Европы и будет востребована специалистами-археологами, историками, искусствоведами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990.
- Амброз А.К.* К происхождению днепровских антропоморфных фибул // РА. 1993. № 2.
- Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994.
- Гавритухин И.О.* Пальчатые фибулы пражских памятников Поднепровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
- Гавритухин И.О.* Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Горюнова В.М.* Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. Вып. I. СПб., 1992.
- Засецкая И.П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье (каталог памятников) // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.
- Приходнюк О.М.* Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. 1998. № 3.
- Приходнюк О.М.* Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000.
- Приходнюк О.М.* Пастирське городище. Київ; Чернівці, 2005.
- Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г.* Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.
- Родинкова В.Е.* К вопросу о типологическом развитии антропоморфных фибул (сложные и двупластинчатые формы) // РА. 2006. № 4.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Шаблавина Е.А.* Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепровского Левобережья VII в. н.э.) // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.
- Шаблавина Е.А.* Пальчатая фибула из коллекции Е.А. Горюнова // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004.
- Щеглова О.А.* О двух группах “древностей антов” в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
- Kühn H.* Das Problem der Masurgermanischen Fibeln in Ostpreußen // Documenta Archaeologica. Bonn, 1956.
- Werner J.* Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz, 1950.

Институт археологии РАН, Москва

В.Е. Родинкова, А.М. Обломский

К 80-ЛЕТИЮ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ: ВКЛАД Р.М. МУНЧАЕВА В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЧЕЧНИ

© 2008 г. М. Х. Багаев

Чеченский государственный университет, Грозный

Мне посчастливилось познакомиться с Рауфом Магомедовичем в свои студенческие годы, а в 1966–1967 гг. участвовать в составе его археологического отряда при раскопках Бамутских курганов.

В 1957 г. по инициативе Е.И. Крупнова была сформирована Объединенная Северо-Кавказская археологическая экспедиция ИА АН СССР, Научно-исследовательского института истории, языка и литературы при Совмине ЧИАССР и Чечено-Ингушского Республиканского краеведческого музея (СКАЭ). Заместителем начальника СКАЭ Е.И. Крупнова был назначен Рауф Магомедович Мунчаев. Давая оценку работе этой экспедиции в 1957–1968 гг., Р.М. Мунчаев особо подчеркивает, что благодаря беспрецедентным по масштабам и целенаправленным стационарным и разведочным работам, был осуществлен резкий перелом в историко-археологическом изучении Чечни, что позволило исследовать важнейшие этапы историко-культурного развития чеченского народа с древнейших времен до позднейшего средневековья. Так, изучение подъемных материалов, добытых экспедицией, позволило прийти к заключению, что территории Чечни и Ингушетии, так же как и Дагестана и Северной Осетии, были заселены человеком уже с эпохи мустье.

В Чечне нет района, где бы за десять полевых сезонов Рауф Магомедович ни вел археологических исследований. При этом самые важные и поразительные результаты были достигнуты у с. Бамут Ачхой-Мартановского р-на. Здесь им были раскопаны курганы разных эпох, начиная от III тыс. до н.э., кончая XIV–XVI вв., а также поселения позднебронзового века (начало I тыс. до н.э.) недалеко от х. Новые Аршти на левом высоком берегу Фортанги. Результаты всех этих работ легли в основу докторской диссертации “Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы”, защищенной Р.М. Мунчаевым в 1971 г. Позже она была издана (1975 г.) в виде фундаментального труда под названием “Кавказ на заре бронзового века”.

В ней изложены все известные на тот момент в археологии данные по энеолиту Кавказа, а также обобщены сведения по раннебронзовому веку Закавказья и Северного Кавказа, и относящиеся к куро-араксской и майкопской культурам. Такой комплексный подход позволил ученому достаточно широко и глубоко охарактеризовать древнейший очаг земледелия и скотоводства на Кавказе и составить сводную работу, посвященную изучению эпохи ранней бронзы всего Кавказа, выявлению взаимосвязей отдельных его областей на заре бронзового века, а также выяснению закономерностей их культурно-исторического развития. Сказанное вскоре подтвердили и новые научные разработки кавказоведов М.Г. Гаджиева, С.Н. Кореньевского и других археологов.

Монография была расценена специалистами как этапное событие в первобытной археологии Кавказа. Автор подверг тщательному анализу две известные на Кавказе археологи-

ческие культуры: куро-араксскую и майкопскую (III–II тыс. до н.э.), памятники которых изучены в достаточной мере. Он считает, что носители куро-араксской культуры в какой-то части, вероятно, являются отдаленными предками многих коренных народов Кавказа, а майкопские племена в целом сыграли определенную роль в дальнейшем этногенетическом развитии населения Кавказа. Достаточно указать лишь два крупных раздела названного труда: “Древнейшие бытовые памятники Чечено-Ингушетии и проблема взаимосвязей культур раннебронзового века Кавказа” и “Вопросы развития земледелия, скотоводства, гончарного производства и металлургии на Кавказе в эпоху ранней бронзы”, чтобы понять значимость памятников Чечни в разработке обширной проблемы, которой посвящена эта монография.

Древности Северного Кавказа IV–II тыс. до н.э. Р.М. Мунчаев всегда изучал вкуче с памятниками Закавказья и Ближнего Востока, что помогало ученому выявлять культурно-экономические и даже этнические связи на всем пространстве столь обширного региона. Этот проверенный метод вскоре очень пригодился кавказоведу. Когда в 1969 г. была организована Месопотамская археологическая экспедиция ИА АН СССР, ее руководителем был назначен Рауф Магомедович. При этом назначении, безусловно, учитывались высокая квалификация Р.М. Мунчаева как археолога, а также его способность достойно представить советскую археологию в кругах международного археологического сообщества, ибо Месопотамия – это регион, где уже более 100 лет ведут исследования высококвалифицированные археологи разных стран. Р.М. Мунчаев легко вписался в круг зарубежных археологов-востоковедов. Работы Месопотамской экспедиции продолжались 14 лет, но в начале 1980-х гг. были прерваны (в связи с Ирано-Иракской войной).

В 1988 г. по инициативе Рауфа Магомедовича при Институте археологии АН СССР организуется Сирийская археологическая экспедиция. Руководимая с тех пор бесценно Р.М. Мунчаевым, эта экспедиция продолжает свои исследования до настоящего времени в Северной Месопотамии.

Где бы ни работал Р.М. Мунчаев – в горах ли, предгорьях или плоскостной зоне Чечни, он всегда умел находить общий язык с представителями местной власти и доброжелательными сельчанами, станичниками. Так было и в с. Бамут, где археолог дружил с семьей Дарчиевых. Навсегда запомнились, по словам ученого, беседы с директором Республиканского музея краеведения Ж. Зязиковой, писателем и прекрасным краеведом Х.Д. Ошаевым, дружба с постоянным участником СКАЭ И.Ф. Мутовиним. Да и в самой Чечне многие знают Мунчаева и очень тепло отзываются о нем, постоянно передавая ему привет через автора этих строк. Среди них есть учителя, врачи, механизаторы, общественные деятели, ученые, в том числе непосредственные участники экспедиции Р.М. Мунчаева – Алик Ганжуев, Наиб Махаури,

Нохчо Дарчиев, С.-М.А. Хасиев, доктора филологических наук, профессора Ваха Тамиев и Хасан Туркаев и многие другие жители Чечни.

Жан-Жак Руссо как-то сказал: “Каждый возраст имеет свои особенные склонности, но человек всегда остается один и тот же”. Рауф Магомедович остался прежним – добрым,

чистосердечным, порядочным, тактичным, внимательным. Он бодр, подтянут как истинный горец-кавказец, красив и полон энергии.

Пользуясь случаем, я поздравляю своего учителя и друга Рауфа Магомедовича с 80-летием, желаю крепкого здоровья ему и его семье и исполнения всех задумок на будущее.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС SCYTHIANS, SARMATIANS, ALANS: IRANIAN-SPEAKING NOMADS IN EURASIAN STEPPES (БАРСЕЛОНА, 2007)

Судьба ираноязычных кочевников, господствовавших в степях Евразии на протяжении практически всего I тыс. до н.э. и оказывавших серьезное влияние на историю Европы в I – начале II тыс. н.э., давно перестала быть предметом рассмотрения исключительно советских (впоследствии российских, украинских и др.) ученых. Интерес к иранистике в европейской науке неуклонно растет, временами усиливаясь благодаря выходу серьезных научных трудов, поэтому не случайно, что Международный конгресс Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads in Eurasian Steppes имел место в Автономном университете Барселоны (Испания). Именно здесь работает один из главных организаторов конгресса – Аугусти Алемань, выпустивший недавно монографию, ставшую своеобразным компендиумом письменных источников об аланах (Алемань, 2003). Организация конгресса осуществлялась им совместно с И.А. Аржанцевой (Институт этнологии и антропологии РАН).

Работа конгресса проходила с 7 по 10 мая 2007 г. Следует отметить весьма внушительный состав его участников: около 70 специалистов из 14 стран, большинство которых выступали с докладами и сообщениями. Среди выступавших 29 ученых прибыли из Российской Федерации (Владикавказ, Москва, Санкт-Петербург), 22 представляли научные учреждения Австралии, Австрии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Ирана, Испании, Италии, Казахстана, Польши, США, Украины, Франции и Южной Осетии. Освещались различные области иранистики. Большинство докладов касалось вопросов археологии или истории скифов, сарматов и алан. В меньшей степени рассматривались данные литературы, эпиграфики и лингвистики.

Всего за время работы конгресса в рамках одного общего заседания было сделано 48 докладов, разделенных на 14 секций. После торжественного открытия 7 мая 2007 г. в “Аудиториуме” Автономного университета Барселоны с пленарным докладом “Ранние иранские миграции в Евразии” выступила В.Б. Ковалевская, которая коснулась вопросов реконструкции путей перемещения иранских племен в I тыс. до н.э. по данным археологии и лингвистики. Затем начала работу секция 1 “Происхождение скифов: звериный стиль и ранний скифский период” (председатель И.А. Аржанцева), в рамках которой прозвучали доклады М.Н. Погребовой (подготовлен совместно с Д.С. Раевским), А.Р. Канторовича, В.Р. Эрлиха и Я. Петрусиньской. М.Н. Погребова освещала проблемы происхождения скифского звериного стиля как материального воплощения мифологических представлений скифских племен. В докладе А.Р. Канторовича рассматривались разные версии взаимосвязи скифо-сибирского звериного стиля и нескольких общностей скифского населения на примерах использования образов грифонов, птиц,

олений и др. В.Р. Эрлих анализировал различные гипотезы о происхождении царских курганов на Кубани, соотносимых со скифами, киммерийцами или меотами. Автор склоняется к протомеотской версии происхождения этих древностей. Я. Петрусиньска познакомила аудиторию с некоторыми результатами генеогеографических и микробиологических исследований, проводившихся в 1998–2000 гг. в Средней Азии. Эти исследования показали несовпадение генетических и языковых групп современного ираноязычного населения. Вывод автора о несоответствии современных иранских народов древним иранцам вызвал оживленную дискуссию.

После перерыва работала секция 2 “Происхождение скифов: ранний скифский период и Геродот” (председатель Т. Камболов). Она открылась докладом Ю. Дзицойты, разбиравшего версии происхождения скифского языка и его отношения с сарматским. Автор склоняется к мнению о принадлежности скифского языка, как и сарматского, к северной ветви восточных иранских языков, что вызывает возражения у других специалистов (прежде всего С.В. Куланды). Доклад Э. Пирар касался упоминаний скифов Геродотом. Тщательный разбор источников привел исследовательницу к мысли о том, что описание скифских племен велось скорее в рамках древней литературной или мифологической традиции, нежели современных автору представлений об этих народах. Тему персональных скифских имен, встречающихся у Геродота, поднял Т. Салбиев. Оживленную дискуссию вызвали его интерпретации некоторых личных имен с элементом “хар-”, трактуемым как “осёл”. Завершил работу секции доклад о социальной организации скифов, с которым выступил Р. Бзаров. Автор реконструировал трехсословное деление социума на основании сообщений Геродота, Нартского эпоса и данных о позднеаланском обществе эпохи средневековья.

Работа конгресса 8 мая открылась заседанием секции 3 “Средний и поздний скифские периоды” под председательством А.Р. Канторовича. На ней прозвучали доклады А.П. Мошинского, Ю.П. Зайцева и Ф. Таказова. А.П. Мошинский охарактеризовал результаты своих раскопок на могильнике Гастон Уота в Дигорском ущелье Осетии, подробно остановившись на элементах скифской материальной культуры VI–V вв. до н.э. Ю.П. Зайцев рассматривал проблемы выделения позднескифской культуры в Крыму и ее связи с сарматами. Автор подчеркнул неоднозначность процессов так называемой “сарматизации” местного крымского населения, считая позднескифскую культуру многокомпонентным явлением, специфическим для региона транзитной торговли. Ф. Таказов провел сравнение погребального обряда скифов, описанного Геродотом, со сведениями Нартского эпоса и данными осетинской этнографии.

Затем были заслушаны доклады Л.Т. Яблонского, С.А. Яценко, В.И. Мордвинцевой, Э. Иштванович и В. Кульчар, а также М. Кусаиновой, которые объединялись в секцию 4 “Сарматский период”. В докладе Л.Т. Яблонского были продемонстрированы уникальные находки второй половины V–IV вв. до н.э. из недавно раскопанного царского кургана у с. Филипповка на Южном Урале. Тамги и знаки сарматских кочевнических кланов были подробно охарактеризованы в докладе С.А. Яценко, вызвавшем большой интерес у аудитории. В.И. Мордвинцева рассмотрела возможности этнических реконструкций на основе изучения предметов сарматского звериного стиля, отметив разницу в ареалах расселения носителей разных традиций, использовавших ювелирные изделия со звериным стилем и без него. Совместный доклад Э. Иштванович и В. Кульчар содержал тщательный анализ данных археологии и письменных источников о проникновении языгов на территорию Великой Венгерской равнины в I в. н.э. Новые данные о раскопках сарматских захоронений на территории Казахстана были представлены в докладе М. Кусаиновой.

Вечернее заседание открылось работой секции 5 “Сарматы и регион Северного Причерноморья” под председательством П. Лурье. В докладе А.И. Иванчика разбирались новые эпиграфические данные из Танаиса, содержащие информацию о взаимоотношениях греков и сарматов во II–I вв. до н.э. – I–II вв. н.э. Согласно мнению автора, некоторые эпиграфические памятники свидетельствуют о том, что представители иранских племен были полноправными гражданами полиса, поскольку являлись членами религиозно-политических объединений (фиасов). А.В. Подосинов анализировал надписи из Ольвии I–II вв. н.э., в которых упоминаются иранские имена. Он считает, что эпиграфические материалы дают возможность в большей степени говорить о процессе эллинизации варваров, чем варваризации греков. Завершил работу секции доклад О.В. Шарова, в котором подробно рассматривались захоронения сарматской знати римского времени на Боспоре. Докладчик особо остановился на реконструкции конского убора из керченских склепов и проблеме происхождения полихромного стиля III–IV вв. н.э.

В рамках секции 6 “Иранские степные кочевники и Ближний Восток” прозвучали доклады С.В. Кулланды, Х. Боржиана и М. Ольбрихта. Доклад С.В. Кулланды был посвящен лингвистическому анализу скифских слов, встречающихся на клинописных табличках, особенно разбору трансформаций отдельных изоглосс. В последовавшей дискуссии активно участвовали А.И. Иванчик и П. Лурье. Исследователем из Ирана Х. Боржианом была дана характеристика взаимоотношений Ирана и Турана на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., имевших сложный, порой конфронтационный характер. М. Ольбрихт продолжил эту тему на примере военного искусства иранских кочевников, заимствованного аршакидскими правителями Парфии в III в. до н.э. – II в. н.э.

9 мая заседание конгресса началось с заслушивания докладов Л. Рамиреса, К. Лаймера и М. Канепа, которые были объединены в секцию 7 “Иранские степные кочевники и Средняя Азия: юэджи, саки и индо-скифы” (председатель А. Алемань). Доклад Л. Рамиреса был посвящен разбору иранских этнонимов, которые упоминаются в китайских письменных источниках. К. Лаймер охарактеризовал раннесакский звериный стиль в Казахстане и связал его с найденными там петроглифами, что вызвало оживленную дискуссию среди других специалистов по изучению звериного стиля (В.И. Мордвинцева, А.Р. Канторович). М. Канепа посвятил свой доклад выделению индо-скифского искусства и сравне-

нию разных тенденций в развитии искусства эллинистических государств Азии, прежде всего Бактрии и Египта. С выводами автора не согласились М. Ольбрихт и А.Р. Канторович.

Секция 8 “Иранские степные кочевники Средней Азии: Согдиана, Хорезм” работала под председательством Л.Т. Яблонского. С докладом об иранских лексемах, сохранившихся в согдианских текстах, выступил П. Лурье. Ф. Кидд представила результаты раскопок монументального здания с настенной живописью I в. до н.э. – I в. н.э., открытого в Хорезме в ходе совместных исследований археологов Австралии и Каракалпакии. Сюжеты настенных росписей вызвали живой интерес у аудитории, в дискуссии принимали участие С.А. Яценко, А.Р. Канторович, И.А. Аржанцева и Ю. Дзицойты. Далее был заслушан доклад А. Карасуласа, посвященный поиску путей заимствования технологий в древних обществах на примере конской упряжи и вооружения скифского периода. Мнение автора о существовании стремия у скифских всадников вызвало резкую критику со стороны И.А. Аржанцевой, А.Р. Канторовича и В.Б. Ковалевской. Ф. Кидд завершила работу секции, представив доклад К.М. Неуса о влиянии кочевых традиций на архитектуру оседлого населения Средней Азии на примере фортификации Хорезма.

“Методологическое введение в аланский период” (секция 9 под председательством А.И. Иванчика) являлось своеобразной прелюдией к докладам, посвященным эпохе Великого переселения народов и раннего Средневековья, и состояло из сообщений С.М. Перевалова и С.Н. Савенко. С.М. Перевалов осветил преимущества мультидисциплинарного подхода к изучению алан, в котором объединялись бы усилия историков, археологов, лингвистов, антропологов, этнологов, фольклористов и т.д. При этом автор ратовал за взаимодействие разных специалистов, осознающих ограниченность своей источниковой базы. С.Н. Савенко поднял в докладе проблемы соотношения письменных и археологических источников об аланских всадниках, приведя очень интересные примеры находок предметов роскоши, проливающих свет на взаимоотношения Византии и средневековой Алании.

В рамках секции 10 “Ранний аланский период” (председатель А.И. Иванчик) прозвучали доклады Р. Гаглоева, А.С. Балахванцева и Ф. Лопес-Санчеса. Вопросы проникновения сармато-аланских племен на южную сторону большого Кавказа поднимались Р. Гаглоевым. По его мнению, в результате взаимодействия местного и пришлого ираноязычного населения сформировалась оригинальная культура, отражение которой автор доклада изучает на материалах погребений. А.С. Балахванцев разбирал ранние упоминания об аланах в римских письменных источниках, на основании которых реконструируются маршруты аланских походов I в. н.э. в Закавказье. По мнению автора, аланы проникают в этот регион из Средней Азии, а не с Северного Кавказа. Обстоятельный доклад Ф. Лопес-Санчеса был посвящен упоминанию о победах над сарматами в римской нумизматике и сопоставлению этой информации с историческими событиями I–III вв. н.э.

10 мая в рамках работы конгресса прошли заседания четырех секций, посвященных аланской истории, археологии и лингвистике средневекового периода. Секция 11 “Аланы и эпоха Великого переселения народов” (председатель В.Р. Эрлих) включала два выступления. В совместном докладе М.М. Казанского и А.В. Мастыковой анализировались престижные предметы из так называемых “княжеских” захоронений Центральной и Восточной Европы второй половины IV – первой половины V в. н.э. Выделяя основные традиции

мужского и женского костюма этого периода – римские, германские и алано-сарматские – авторы склонны относить последнюю к понтийской моде, не связывая ее напрямую с иранскими народами. Дискуссионность этой точки зрения была подчеркнута в выступлениях З.Х. Царикаевой-Албеговой и С.А. Яценко. Ж. Пинар рассмотрел несколько престижных предметов из средиземноморских погребений V в. н.э. и привел их аналогии, однако весьма осторожно отнесся к этнической интерпретации данных находок.

Работа секции 12 “Средневековая Алания: от эпохи Великого переселения до Аланского царства” (председатель В.Р. Эрлих) открылась докладом Ф.Х. Гутнова и продолжилась выступлениями Х. Лопес-Кироги и Р. Каталана, А. Алеманя и И.А. Аржанцевой, Т.А. Габуева, а также Д.С. Коробова. Ф.Х. Гутнов изложил свою точку зрения на генезис феодализма на Северном Кавказе, подчеркнув географическую неравномерность исторических процессов развития “горского феодализма”, прервавшихся татаро-монгольским завоеванием. Поистине сенсационные материалы были представлены в докладе Х. Лопес-Кироги и Р. Каталана. Авторы продемонстрировали несколько подбойных захоронений, выявленных недавно на территории Испании, которые являются первым археологическим свидетельством присутствия аланского населения на Пиренейском полуострове в V в. н.э. В совместном докладе А. Алеманя и И.А. Аржанцевой был проведен разбор письменных и археологических источников, на основании которых реконструируется деление Алании эпохи раннего Средневековья на западную и восточную. Авторы скептически относятся к аргументам в пользу существования этого деления, имеющимся в нашем распоряжении в настоящее время. Особый интерес вызвали комментарии А. Алеманя к пассажам об аланах, приводимым в “Армянской географии” VII в., которые обсуждались в выступлениях М. Баиса. Далее Т.А. Габуев освещал результаты раскопок элитных захоронений V в. из могильника Брут в Северной Осетии. Докладчик интерпретирует погребение в кургане 2, являющееся одним из богатейших захоронений этого времени на Северном Кавказе, как “княжеское”, что позволяет выделять особый центр власти в предгорьях Северной Осетии в эпоху Великого переселения народов. В докладе Д.С. Коробова была представлена попытка выделить несколько локальных вариантов катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе и соотнести их с названиями аланских племен, реконструируемыми К. Цукерманом при анализе “Армянской Географии”. С выводами докладчика не согласились А. Алемань и И.А. Аржанцева, выступившие в дискуссии.

Далее были заслушаны доклады З.Х. Царикаевой-Албеговой, В.Я. Петрухина, М. Баиса и Т. Джаксон, которые объединялись в рамках секции 13 “Средневековая Алания (I): международный подход” под председательством Т. Салбиева. З.Х. Царикаева-Албегова представила подробный

анализ металлических амулетов V–IX вв., обнаруженных на территории Северного Кавказа и Среднего Дона и соотносимых с аланским этносом. Результаты их картографирования по нескольким хронологическим периодам позволяют изучать вопросы культурных контактов и миграций средневекового населения. В.Я. Петрухин уделил внимание упоминаниям алан в древнерусских летописных источниках и в русской исторической традиции. Особый интерес у аудитории вызвали авторские интерпретации иранских имен некоторых славянских божеств и изображений крылатых собак (“семурглов”). В обсуждении выступили С.В. Кулланда, Х. Боржиян, М. Баис, Р. Гаглойти, М. Ольбрихт. М. Баис выступил с докладом об упоминаниях алан в армянских источниках эпохи Средневековья. Автор обнаружил более 40 упоминаний народа “аланк” в текстах VI–XVII вв., которые были кратко прокомментированы. Завершила работу секции Т. Джаксон, в докладе которой анализировались упоминания страны Скифии в старонорвежских источниках XII–XIV вв. Эти упоминания объясняются, по мнению исследовательницы, скорее знакомством авторов текстов с предшествующей письменной традицией, чем отражают реально существовавшие контакты скандинавов с иранскими народами эпохи Средневековья.

Работа конгресса завершилась секцией 14 “Средневековая Алания (II): международный подход” (председатель Т. Салбиев), объединившей доклады Т. Камболова и Р. Фидарова. Т. Камболов посвятил свое выступление анализу Зеленчукской надписи и древнеосетинского текста “Цецис”, уделив особое внимание поиску эквивалентов некоторых встречающихся в них слов в современном осетинском языке. В докладе Р. Фидарова рассматривались конские захоронения из Змейского могильника в Осетии и проводилось сопоставление наблюдаемых погребальных обрядов с этнографическими данными осетин о посвящении коня покойным. С комментариями и вопросами выступили Я. Пеструсиньска, Ф. Лопес-Санчес, Х. Боржиян и др.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы Международного конгресса и вынесена благодарность ее организаторам А. Алеманю и И.А. Аржанцевой, а также их помощникам, преподавателям и студентам Автономного университета Барселоны. Было зачитано приветственное письмо участникам конгресса от президента Республики Северная Осетия-Алания Т. Мансурова. Доклады, прозвучавшие на конгрессе, будут опубликованы в виде отдельного приложения к журналу Faventia, выпускаемому на факультете древней и средневековой истории Автономного университета Барселоны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ГОРОД И СТЕПЬ В КОНТАКТНОЙ ЕВРО-АЗИАТСКОЙ ЗОНЕ”, ПОСВЯЩЕННАЯ 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА Г.А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

Международная научная конференция “Город и степь в контактной евро-азиатской зоне”, посвященная 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова, являлась продолжением серии научных чтений памяти выдающегося ученого, историка, археолога и нумизмата Германа Алексеевича Федорова-Давыдова. Первая конференция проходила в Нижнем Новгороде в октябре 2001 г.; вторая – в Казани и Яльчике в сентябре 2003 г., третья – в Москве 21–25 ноября 2006 г. Конференция была организована силами Государственного Исторического музея по инициативе заместителя его директора доктора исторических наук В.Л. Егорова и при участии Института археологии РАН и Московского государственного университета. Финансовая поддержка, была оказана РГНФ (проект № 06-01-14007г).

Сфера научных интересов Г.А. Федорова-Давыдова охватывала большой круг вопросов истории и археологии Евразии. В соответствии с его научными интересами на конференции работало шесть секций: “Золотая Орда и окружающий мир”, “Золотая Орда и Русь: нумизматический аспект”, “Волжская Болгария и кочевой мир Евразии накануне монгольского нашествия”, “Ключевые проблемы этнической истории населения Поволжья в гуннскую и постгуннскую эпохи”, “Поволжье и Приуралье в скифо-сарматскую эпоху”, “Естественно-научные методы в археологических исследованиях”.

В преддверии конференции были изданы тезисы 139 научных докладов, авторы многих из которых, к сожалению, не смогли лично присутствовать на заседаниях. В работе конференции приняли участие более 120 человек из научных учреждений многих регионов и городов России, а также Украины и Венгрии. Были прочитаны или представлены в стендовой форме 74 доклада.

Во время пленарного заседания к участникам и гостям конференции обратились с приветственным словом заместитель директора ГИМ д. и. н. В.Л. Егоров, заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова акад. В.Л. Янин, директор Института археологии РАН чл.-корр. РАН Н.А. Макаров и профессор МГУ Л.Р. Кызласов.

С докладами о творческой деятельности профессора Г.А. Федорова-Давыдова выступили: Л.Т. Яблонский (“Вклад Г.А. Федорова-Давыдова в практику и теорию археологического кочевниковедения”), В.Л. Егоров (“Творческое наследие Г.А. Федорова-Давыдова”), Р.Г. Фахрутдинов (“Г.А. Федоров-Давыдов и исследования археологии и истории средневекового тюркского мира”). Пленарное заседание завершилось сообщением Х.Ю. Миннегулова “О литературе Золотой Орды”.

Секции работали 22 и 23 ноября в подмосковном пансионате “Клязьма”. В конце каждого заседания проводились обсуждение докладов и дискуссия.

В рамках секции “Золотая Орда и окружающий мир” были прочитаны 33 доклада, охватившие широкий спектр вопросов археологии Золотой Орды. Три доклада были посвящены проблемам половецкой археологии и являлись своего рода переходным, связующим звеном в хронологическом отношении между предмонгольским периодом и эпохой Золотой Орды. Рассматривались археологические памятники по-

ловцев в Северо-Восточном Причерноморье (Е.А. Армарчук, О.В. Федоров, Москва); погребения половец и ясов на территории Венгрии (И. Фодор, Будапешт–Сегед). Доклад Ю.В. Зеленского (Краснодар) показал, что многие типы вещей из половецких погребений степного Прикубанья, ранее датировавшиеся домонгольским временем, продолжали бытовать и в золотоордынский период. Этот вывод еще раз подтверждает тот факт, что в западной части Улуса Джучи произошла главным образом смена власти и этнонима, а не населения.

Были заслушаны доклады и на другие темы: об историографии Золотой Орды в Германии в годы нацизма (М.С. Гатин, Казань); об изучении археологических памятников эпохи Золотой Орды и Казанского ханства в Татарстане (А.А. Бурханов, Казань); о русско-ордынском пограничье в Подонье (М.В. Цыбин, Воронеж); о джучидских памятниках в Ставрополье (В.А. Бабенко, Ставрополь); о ногайской дороге из Орды в Москву в конце XV в. (В.А. Гуркин, Москва), А.В. Вискалин, Ульяновск); о Сибирском улусе Шибанидов в составе Золотой Орды по материалам письменных источников (Д.Н. Маслюженко, Курган). Доклад Э.Д. Зиливинской (Москва) “О минаретах Золотой Орды” показал их сходство с малоазийскими и азербайджанскими минаретами и “сельджукский” принцип планировки золотоордынских мечетей. Также был заслушан доклад К.Ю. Моржерина (Саратов) об итогах раскопок золотоордынского мавзолея у с. Царевщины Саратовской области.

Блок выступлений был посвящен различным проблемам городской археологии Улуса Джучи. Иг.В. Волков (Москва) в докладе “Проблема выделения золотоордынских поселений XIII в. на Нижней Волге” предлагал определять раннеордынские культурные слои по некоторым видам керамики. Другие сообщения касались следующих тем: взаимовлияния городского и степного населения золотоордынского Поволжья (Ю.А. Зеленева, Йошкар-Ола); кочевнических памятников в золотоордынском Азаке (А.Н. Масловский, Азов); взаимодействия города и деревни в золотоордынском Крыму (М.Г. Крамаровский, В.Д. Гукин, Санкт-Петербург); истории и топографии геноузской Каффы в первой половине XIV в. (С.Г. Бочаров, Симферополь); хронологии золотоордынского города и его округа (Л.Ф. Недашковский, Казань); роли города Сарая в системе международной торговли (В.Г. Рудаков, Москва).

В докладе Иг.В. Волкова “Источники о двух столицах Золотой Орды” исследовалась проблема существования двух Сараев в Золотой Орде. Эта тема с рубежа XX–XXI вв. вновь широко дискутируется в исторической науке. На одном из заседаний секции она также стала предметом обсуждения. Довольно острыми были дискуссии о соотношении кочевнических и городских погребений в Поволжье и вообще в евразийской степи, об этнической принадлежности кочевнических захоронений Поволжья и других регионов в золотоордынское время. Участники заседания коснулись и нумизматических вопросов, в частности датировки монет с надписью “Кутлуг булсун” (“В добрый путь”) в связи со стратиграфией джучидских городищ.

Другой блок выступлений был посвящен отдельным категориям древностей. *В.Ю. Коваль* (Москва) в своем докладе «О керамике “минаи”» попытался дать определение этому термину. Обзор типов зооморфного орнамента на золотоордынской бытовой поливной керамике представила *Н.Ф. Лисова* (Ульяновск). О металлических зеркалах монгольского времени на Алтае сообщил *А.А. Тишкин* (Барнаул). *М.Б. Шиганов* (Казань) выступил с докладом “Комплекс материалов золотоордынского времени у с. Рождествено в низовьях Камы (к этнокультурной истории татарского народа)”. О кладе из с. Василицы Черкасской области, куда входили золотоордынские монеты и женские серебряные украшения, рассказала *Л.В. Строчкова* (Киев). Совместный доклад *А.В. Пьянкова* и *Е.А. Хачатуровой* (Краснодар) был посвящен атрибуции серебряного ковша Дмитрия Круждовича. Восточных традиций украшений и бытовых предметов на Руси касалось сообщение *А.В. Козловой* (Москва).

После этих докладов развернулась продолжительная дискуссия о том, какую керамику следует относить к “минаи”. *В.Ю. Коваль* полагает, что “минаи” надо выделять по технологии: это полихромная роспись по белой непрозрачной поливе. *М.Г. Крамаровский* считает, что необходимо учитывать особый стиль декора, характерный для домонгольского Ирана.

Следующая серия докладов была посвящена изучению женского костюма у народов евразийских степей в средневековье. *М.В. Горелик* (Москва) выступил с сообщением о монгольском женском костюме X–XIV вв. О головном уборе “бокке” рассказала *З.В. Додде* (Ставрополь). Некоторым деталям женского костюма из золотоордынского погребения “Маячный бугор-Г” в Астраханской области был посвящен совместный доклад *О.В. Орфинской*, *В.П. Голикова*, *О.Б. Лантратовой* и *В.Г. Рудакова* (Москва).

Сообщения *Л.В. Яворской* (Волгоград), а также *Г.Ш. Асылгараевой* и *А.Г. Петренко* (Казань) основывались на археологических материалах со средневековых городищ Поволжья. Эти все чаще привлекаемые материалы дают большую информацию об этническом, конфессиональном и социальном составе населения золотоордынских городов.

Завершилась работа секции докладом *Л.М. Носковой* (Москва) о погребальном обряде адыгов в XVI–XVIII вв. – населения, некогда инкорпорированного в состав Золотой Орды и продолжавшего жить на прежней территории уже после распада державы потомков Джучи.

В секции “Золотая Орда и Русь: нумизматический аспект” были представлены 9 докладов.

В последние годы стал особо заметен возросший интерес к ордынской нумизматике. Это связано с осознанием большого влияния денежного дела Золотой Орды на русскую монетную систему в период возобновления собственного чекана в русских княжествах. Целая серия докладов была посвящена данной проблеме. *Ив.В. Волков* (Москва) рассматривал “ту область денежного дела княжеств северо-восточной Руси конца XIV – первой половины XV в., в которой ордынское влияние проявилось наиболее наглядно, – внешнее оформление серебряных монет”. *Е.Ю. Гончаров* (Москва) привел доказательства влияния ильханской нумизматики на джучидскую и, опосредованно, на русскую. Рассматривая первые русские деньги, *П.Г. Гайдуков* (Москва) атрибутировал монету из собрания Государственного Эрмитажа и удревнил дату начала выпуска именных денег более чем на 20 лет.

Атрибуция и датировка кладов из Московского Кремля была посвящена работа *С.В. Зверева* (Москва). Денежно-весовые системы Поволжья VI–XV вв. рассмотрел в своем до-

кладе *А.Г. Мухамадиев* (Казань); он попытался “на основании метрологического анализа найти систему в использовании весовых стандартов чеканки монет в Поволжье и Приуралье”. Политической и экономической истории Среднего Поволжья во второй половине XIV в. по материалам нумизматики было уделено внимание в докладе *Д.Г. Мухаметшина* (Болгар). *А.В. Евглевский* (Донецк) представил обзор коллекции монет с городища Маяки на Северском Донце. Доклад *Н.М. Фомичева* (Азов) был посвящен проблеме атрибуции анонимных и не имеющих даты и места чекана пулов из коллекции Азовского городища. *Е.В. Глазунова* (Москва) рассмотрела территорию распространения и хронологию круглых слитков серебра (“лепешек камского серебра”). Она пришла к выводу об их восточном происхождении.

На заседаниях секции “Волжская Болгария и кочевый мир Евразии накануне монгольского завоевания” были заслушаны 7 докладов.

История образования этнокультурных общностей в широком хронологическом контексте (I–II тыс. н.э.) рассматривалась в докладе *В.И. Вихляева* (Саранск); на основе статистико-математических методов автор выделил пять центров формирования средневековой мордвы. Более частных вопросов истории средне-цинской мордвы касался доклад *Р.Ф. Ворониной* (Москва).

Е.А. Беговатов (Казань) представил обзор культуры Волжской Болгарии на рубеже X–XI вв. на основе материалов II Билярского селища. Анализ изменения ряда ремесленных традиций Волжской Болгарии после монгольского завоевания содержал доклад *К.А. Руденко* (Казань).

Серия докладов была посвящена отдельным категориям находок. *Н.В. Ениосова* и *Т.Г. Сарачева* (Москва) ввели в научный оборот группу ювелирных инструментов (матрицы для тиснения), которые являются случайными находками из разных областей Восточной Европы. Авторы вписывают их в круг поволжских древностей (волжско-болгарских и золотоордынских). Стекланные изделия из Суvara были подробно проанализированы в докладе *С.И. Валиулиной* (Казань). Художественным особенностям образа коня в искусстве волжских болгар домонгольского и золотоордынского периодов было посвящено выступление *Д.К. Валеевой* (Казань).

В ходе работы секции “Ключевые проблемы этнической истории населения Поволжья в гуннскую и постгуннскую эпохи” были прочитаны 7 докладов.

Блок выступлений отражал новые взгляды на формирование этнокультурной ситуации в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы в первой половине – третьей четверти I тыс. н.э. Обзору двух больших этнических массивов первых веков нашей эры, “позднесарматского” и “позднекифского”, располагавшихся между Средним Поднепровьем и Средним Поволжьем, был посвящен доклад *А.М. Обломского* (Москва). Его сообщение вызвало оживленное обсуждение.

Этнокультурной ситуации в Поволжье и Приуралье в третьей четверти I тыс. н.э. касался доклад *Е.П. Казакова* (Казань). Дискуссию вызвал, в частности, тезис автора о преобладании позднесарматского компонента в турбаслинско-именьковской общности.

Целая серия докладов была посвящена отдельным категориям древностей этого периода. *И.П. Ахмедов* (Москва) предложил обзор коротких двулезвийных мечей из Центральной России, которые характерны для позднеримского времени. Проблемы идентификации различных культурных традиций в производстве железных орудий и оружия на тер-

ритории Волго-Камья затрагивались в коллективном докладе *Л.С. Розановой, Н.Н. Тереховой и В.И. Завьялова* (Москва). *Г.А. Камелина* (Москва) рассмотрела две находки стеклянных шлифованных кубков из могильника у с. Чми в Северной Осетии. Было установлено их иранское происхождение.

Доклад *Е.В. Круглова* (Волгоград) затрагивал проблемы, связанные с соотношением различных типов погребальных сооружений с отдельными группами населения Хазарского каганата. Был сделан вывод о надэтничном характере курганов с квадратными ровиками.

Украшением заседания стал доклад *И.А. Аржанцевой и О.Н. Иневаткиной* (Москва), посвященный изображениям тюрок в монументальной живописи раннесредневекового Афрасиаба. Проведенные авторами исследования позволили не только выделить группы изображений этнических тюрок, но и установить их важную роль в системе политических отношений в Согде второй половины VII в.

На заседаниях секции “Поволжье, Приуралье и сопредельные территории в скифо-сарматскую эпоху” были заслушаны 7 докладов, посвященных различным проблемам археологии раннего железного века.

В докладе *А.Ю. Скакова* (Москва) “Еще раз о кобано-колхидском единстве” было предложено определять кобано-колхидскую общность как совокупность целого ряда самостоятельных культур.

Исследованию вопросов происхождения и развития образов фантастических животных в скифском искусстве был посвящен доклад *А.Р. Канторовича* (Москва) “Истоки и судьбы образов бараноптицы и грифона в раннескифском зверином стиле: общее и особенное”.

Е.В. Переводчикова (Москва) в докладе “О цвете золота на оковках сосудов из I Филипповского кургана” привела ряд наблюдений технологического и стилистического характера, позволяющих выделять среди изделий из золота несколько групп и предполагать существование нескольких производственных мастерских, а также говорить об использовании металла из разных источников.

В докладе “Динамика взаимодействия оседлого и кочевого населения Приуралья в скифо-сарматскую эпоху” *В.В. Овсянниковым* (Уфа) выделено четыре хронологических этапа таких взаимоотношений. С VI–IV вв. до н.э. по IV в. н.э. происходило взаимовлияние кочевого и оседлого населения этого региона, в результате которого в начале нашей эры часть кочевников восприняла образ жизни земледельцев, но сохранила специфические черты своей культуры.

В докладе *В.И. Мамонтова* (Волгоград) о сарматских погребениях в курганах на правом берегу р. Донская Царица были показаны различные этапы существования сарматской культуры на левобережье Дона, в Волго-Донском междуречье. Автором высказано предположение о четком разделении степных угодий между различными кочевыми группами, границами которых могли быть небольшие реки.

И.В. Сергацков (Волгоград) в докладе “Два серебряных сосуда из Волго-Донских степей и некоторые вопросы исто-

рии сарматов I в. н.э.” подробно рассмотрел уникальные сосуды с изображениями сцен охоты из погребений у с. Косика на Нижней Волге и у х. Вербовский на Дону. Автор считает, что оба кувшина относятся к одному кругу произведений торевтики из ближневосточных производственных центров.

Исследованию колчанных наборов, происходящих из кочевнических погребений IV–I вв. до н.э. с территории Волго-Донского междуречья, был посвящен доклад *О.А. Шинкарь* (Волгоград). В исследовании прослежены территориальные и хронологические различия и особенности колчанных наборов, а также эволюционное развитие различных типов наколочников стрел.

В секции “Естественно-научные методы в археологических исследованиях” были зачитаны 7 докладов.

Доклад группы ученых (*А.О. Алексеев, В.А. Алексеева, В.А. Демкин, Т.В. Алексеева*, Пушино) “Использование методов магнетизма для изучения археологических памятников и эволюции природной среды степей Восточной Европы” был представлен в качестве стендового.

Большую часть выступлений подготовили палеопочвоведы “пушинской школы”, возглавляемой *В.А. Демкиным*. Прозвучали доклады *Я.Г. Рыскова, С.А. Олейник, В.А. Демкина, В.И. Николаева и Якумин Паолы* (Пушино) “Использование данных изотопного анализа костей из курганных захоронений для реконструкции антропогенной аридизации климата”, *Т.С. Демкиной, Т.Э. Хомутова, А.В. Борисова и В.А. Демкина* (Пушино) “Микробиологические исследования подкурганных палеопочв степной зоны”, *Л.Н. Плехановой* (Пушино) “Палеопочвы и климат степного Зауралья на рубеже позднесарматского-гуннского времени (IV в. н.э.)”, *В.А. Демкина, А.О. Алексеева, А.С. Якимова, Т.С. Демкиной* (Пушино) “Палеоэкологические условия нижневолжских степей в XIII–XIV вв.”, *Л.С. Песочинной* (Пушино) “Динамика природных условий приазовских степей в скифо-сарматскую эпоху”, *Р.А. Сингатулина* (Саратов) “Комплексный подход применения новых информационных технологий в условиях города (на примере Увекского городища)”, *Л.П. Загайновой* (Москва) “Применение формализованно-статистических методов к материалу грунтовых мусульманских могильников”.

В докладах были продемонстрированы возможности реконструкции палеоэкологической ситуации на основе изучения микробных сообществ из погребенных почв и изотопного анализа костей из курганных захоронений.

Острый характер приобрела дискуссия о причине гибели скифской культуры в связи с тем, что *Т.Э. Хомутова* выдвинула предположение о гибели данной культуры по причине резкой аридизации климата в скифскую эпоху, которую она назвала экологической катастрофой.

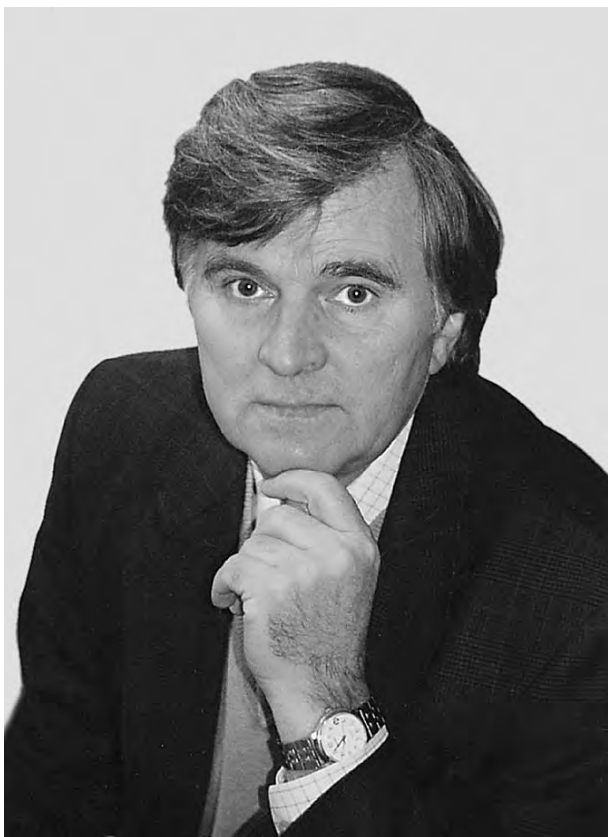
Представляется, что работа конференции была чрезвычайно плодотворной. Был обсужден широкий спектр проблем, связанных с обширным кругом научных интересов *Г.А. Федорова-Давыдова*.

Следующую конференцию, посвященную памяти ученого, решено провести в 2008 г. в Азове.

Государственный Исторический музей, Москва

С.А. Авдусина, И.Р. Ахмедов, Е.В. Глазунова, Ю.В. Демиденко, В.В. Мурашева, В.Г. Рудаков, К.Б. Фирсов

ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ ТОЛОЧКО – 70 ЛЕТ

21 февраля 2008 г. исполнилось 70 лет известному историку и археологу, академику Национальной Академии наук Украины, почетному доктору Российской академии наук Петру Петровичу Толочко.

П.П. Толочко известен в первую очередь как исследователь киевских древностей, которые он изучает уже более 45 лет. В результате работ руководимой им экспедиции удалось радикально изменить существовавшие представления о древнейшем Киеве и о других периодах истории города. А ведь в первые годы работ здесь Петра Петровича многим казалось, что после исследований М.К. Каргера изучение “матери городов русских” малоперспективно! Список печатных трудов юбиляра насчитывает более 400 названий, в том числе 26 монографий и научно-публицистических изданий.

Более 20 лет П.П. Толочко возглавляет Институт археологии НАНУ. За эти годы украинскими археологами были сделаны крупнейшие открытия, изданы многочисленные фундаментальные исследования. Важные результаты были достигнуты не только в области изучения славяно-русской проблематики, которой посвятил всю свою жизнь Петр Петрович, но и археологии первобытной, античной и скифо-сарматской. За годы, протекшие со времени обретения Украиной независимости, когда российско-украинские отношения неоднократно менялись то в ту, то в другую сторону, П.П. Толочко неуклонно выступал сторонником теснейшего научного сотрудничества между археологами двух стран. В том, что это сотрудничество поддерживается на самом высоком уровне, очень велика личная заслуга Петра Петровича. В 1993–1998 гг. П.П. Толочко возглавлял гуманитарную науку Украины на посту вице-президента НАНУ.

Кандидатская диссертация была защищена Петром Петровичем в 1966 г., докторская – в 1981 г. С 1988 г. он – член-корреспондент НАН Украины, с 1990 г. – академик. В 1981 г. П.П. Толочко был награжден орденом “Знак почета”, в 1998 и 2002 гг. – орденами “Ярослав Мудрый” 5 и 4 степени; он является лауреатом двух Государственных премий Украины в области науки и техники (1983 и 2002 гг.) и премии им. М.С. Грушевского Президиума НАН Украины (1992 г.). В 1997 г. Петр Петрович был избран председателем Украинского национального комитета Международной унии славянской археологии; он является членом Академии Европы (Лондон) и членом-корреспондентом Центрального Германского института археологии (Берлин).

С 1989 г. П.П. Толочко возглавляет Украинское общество охраны памятников истории и культуры. Он выступил инициатором создания Украинского национального комитета Международного союза византистов и возглавил этот комитет. Петр Петрович является главным редактором хорошо известного каждому российскому археологу авторитетного научного журнала “Археология”, а также возрожденного им периодического издания “Київська старовина”.

Наряду со всеми этими достаточно обыкновенными для руководителя археологической науки направлениями деятельности П.П. Толочко выступает и как политик, член Государственной Рады двух созывов (до 2006 г.). Его деятельность в качестве парламентария отмечена теми же чертами независимости и достоинства, которые присущи ему как исследователю и администратору. П.П. Толочко никогда не стремился ни к безоглядной поддержке “партии власти”, ни к тому, чтобы поскорее влиться в ряды крайней оппозиции. Подобная позиция, вообще говоря, невыигрышная в плане политической карьеры, не помешала Петру Петровичу принести пользу и на этой ниве. Одним из значимых результатов его деятельности в Раде стало принятие важного закона “Об охране археологического наследия”.

Петро Петрович Толочко родился 21 февраля 1938 г. в с. Пристромы Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. После окончания исторического факультета Киевского университета он начинал свою трудовую деятельность в Государственном музее украинского декоративного искусства. С 1961 г. П.П. Толочко – сотрудник киевского Института археологии, с которым оказалась связана вся его последующая жизнь. Интерес к археологии проявился у будущего крупного ученого еще в студенческие годы. В качестве его первых учителей следует отметить С.Н. Бибикова, В.И. Довженка и Б.А. Рыбакова. В 1958 г. в летописном Любече, где Петр Петрович работал под руководством Б.А. Рыбакова, с ним плечом к плечу трудились молодые московские археологи – И.П. Русанова, Т.И. Макарова, Р.Л. Розенфельдт, Г.А. Вознесенская, А.А. Медынцева.

Особое место в исследованиях П.П. Толочко занимает древний Киев, исследованиям которого ученый отдал более 45 лет. В 1970 г. он организовал постоянно действующую Киевскую экспедицию, которая осуществила масштабные раскопки исторической части города. Открытие на киевском Подоле срубных конструкций (исследовано около 100 жилых и хозяйственных построек) полностью развеяло миф о полуземлянках как господствующей форме жилищ городов Южной Руси. Результаты работ в Киеве обобщены в ряде монографий, а также в фундаментальном коллективном издании “Новое в археологии Киева”, где Петр Петрович выступил в роли ответственного редактора и одного из

ведущих авторов. В этом издании ему принадлежат важнейшие разделы о происхождении и ранней истории города, ремесле и торговле. Большой интерес представляют предложенные исследователем расчеты численности населения древнего Киева. Среди трудов по археологии Киева, опубликованных под редакцией П.П. Толочко, отметим семь сборников, посвященных публикации и интерпретации новых материалов. В 1983 г. работы Петра Петровича и его коллег были удостоены Государственной премии.

Интересы П.П. Толочко не ограничиваются древним Киевом. В 1982–1984 гг. он руководил Днепровской древнерусской экспедицией, исследовавшей городища Иван и Ходоров на Среднем Днепре. В 1962–1963 гг. Петр Петрович изучал сельские поселения на р. Тетерев, в 1973 г. – городища на Киевщине и Черкашине, в 1979 г. – древнерусский город Вышгород.

Синтетическое обобщение материалов столицы древней Руси, других городов и поселений, сопровождавшееся широким привлечением материалов письменных источников, легло в основу монографии П.П. Толочко «Древняя Русь (очерки социально-политической истории)» (1987). За эту монографию Петр Петрович был удостоен премии им. М.С. Грушевского, став ее первым лауреатом. Уместно еще раз упомянуть участие П.П. Толочко в многочисленных коллективных многотомных изданиях, таких как «Історія Української РСР» (т. I, 1982), «История Киева» (т. I, 1982), «Археология Украинской ССР» (т. 3, 1986), трехтомник «Давня історія України» (1994–1995; 2000). Петр Петрович не пренебрегает просветительской стороной своей научной миссии; его перу принадлежит ряд научно-популярных книг, представляющих большой интерес для рядового читателя и учащейся молодежи. Работы ученого опубликованы в Германии, Франции, США, Канаде, Польше, Болгарии и других странах.

Среди многочисленных публикаций академика П.П. Толочко следует отметить труды, посвященные общим проблемам истории средневековой Руси (1987; 1989; 1996; 2005 и др.). При создании подобных работ авторы идут на определенный риск вызвать критическую реакцию со стороны многочисленных оппонентов. Жанр обзорной публикации неизбежно заставляет исследователя выйти за рамки собственных источниковедческих разработок, широко исполь-

зовать труды предшественников и современников. Перед ученым встает задача отстаивать свои авторские подходы и суждения и вместе с тем избежать издержек, связанных с погоней за новизной и оригинальностью. Эти трудности и опасности отращают многих квалифицированных исследователей от обращения к жанру обобщающих работ.

Речь в данном случае идет не о том, чтобы, как это было принято в советские времена, бороться с «мелкотемьем», поскольку очевидно, что большая наука «прирастает» в основном за счет специальных источниковедческих разработок.

Вместе с тем взгляд на прошлое «снизу вверх», естественный для источниковеда, благоговейного перед авторитетом источников, непременно требует корректировки с позиции «сверху вниз» – с высоты академического подхода, взгляда потомков, вооруженных историческим опытом и новыми методиками. Такая корректировка в свое время осуществлялась автоматически благодаря тесной связи исследовательской и преподавательской деятельности. В советское время эта связь была в значительной мере разрушена ведомственными барьерами между академической и университетской наукой. Естественно, она не могла быть уничтожена полностью, но в послевоенное время слабела с каждым десятилетием, последствия чего ощутимы до сих пор и в России, и в Украине.

На постсоветском пространстве в области исторических наук до сих пор чувствуется отсутствие общеисторических и методологических ориентиров, ранее носивших характер директив, формулировавшихся партийно-государственными структурами. Весьма ограниченная либерализация в этой области, связанная с хрущевской «оттепелью», оказалась исключительно плодотворной в плане развития гуманитарных наук. Перестройка и последующие трансформации, открывшие перед гуманитариями на первый взгляд более масштабные перспективы, ознаменовались пока гораздо менее значимыми результатами. К сожалению, бросаются в глаза главным образом малоутешительные явления – пропаганда фальшивок типа «Велесовой книги»; шарлатанские «новые хронологии» с явной претензией на тотальный пересмотр общей картины всемирной истории; привнесение в научные работы национальных пристрастий; плохо проработанные попытки приспособить модные западные концепции и подходы к материалам отечественной истории.

Позиция П.П. Толочко как автора обобщающих работ, свободного от перечисленных выше недочетов и ошибок, является выигрышной: его опыт в научной и научно-организационной деятельности обеспечивает ему необходимый в данном случае широкий кругозор. П.П. Толочко прекрасно осведомлен о том, насколько та или иная гипотеза или теория обеспечены фактическими данными, он живо откликается на все новое. Вместе с тем его работам свойственен разумный консерватизм, уважение к лучшему из написанного предшественниками. Характерно появление его новой книги, посвященной реабилитации исторического марксизма (Толочко, 2007). Позиция автора, на первый взгляд, может показаться за пределами консервативной, особенно если учесть современную культурную и общественно-политическую ситуацию на постсоветском пространстве вообще и в Украине в частности.

Следует вспомнить, однако, сколько важных открытий и научных построений, выдержавших испытание временем, было создано крупными отечественными учеными, декларировавшими (часто вполне искренне) свои марксистские убеждения. Среди исследователей, пытавшихся сформулировать оригинальные модели марксистской археологии, находим такие имена, как В.А. Городцов и Л.С. Клейн. Вспом-

ним и то, сколько видных западных археологов XX в. сближались в своих концепциях с марксизмом или даже прямо признавали себя последователями этого учения. Представляется, что П.П. Толочко во многом прав; во всяком случае, на российском и украинском научном пространстве исторический материализм и учение о социально-экономических формациях сбрасывать со счетов рано. Смелая и принципиальная позиция Петра Петровича в этом вопросе, безусловно, заслуживает уважения.

Поздравляя Петра Петровича с юбилеем, хочется прежде всего пожелать ему крепкого здоровья и хорошего настроения, а также новых и новых книг и открытий.

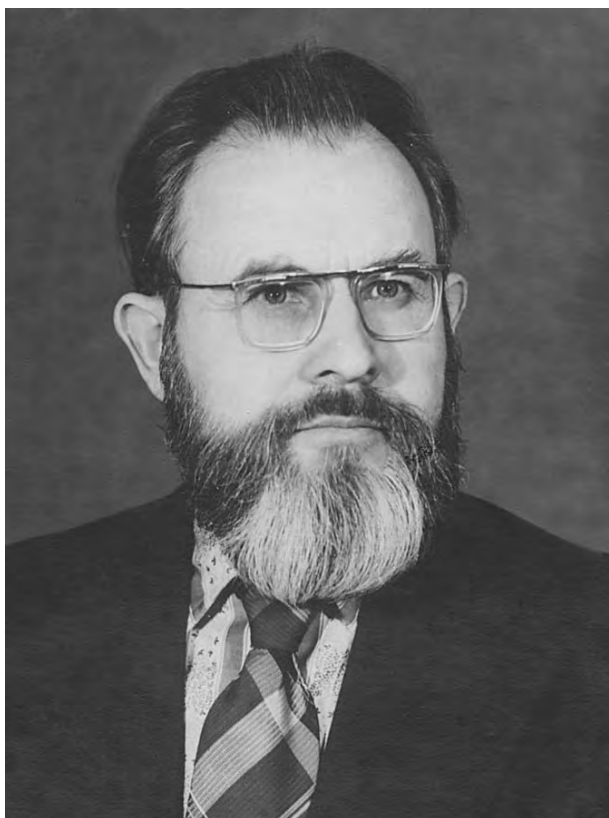
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
- Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.
- Толочко П.П.* Київська Русь. Киев, 1996.
- Толочко П.П.* Древнерусская народность. Воображаемая или реальная. СПб., 2005.
- Толочко П.П.* Археология и древняя история (в защиту исторического марксизма). Киев, 2007.

Институт археологии РАН, Москва

А.В. Чернецов

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА МАРКОВИНА (1922–2008)

23 февраля 2008 г. на 86 году жизни скончался ведущий кавказовед, археолог, доктор исторических наук, сотрудник отдела археологии бронзового века Института археологии

РАН, заслуженный деятель науки Владимир Иванович Марковин.

Владимир Иванович Марковин родился 29 декабря 1922 г. в Махачкале (Дагестан). Уже в детстве у него пробудилась тяга к рисованию, но постижению искусства живописи помешала война. Владимир Иванович ушел в действующую армию в 1943 г. Военная судьба бросала его на Центральный фронт, в Сталинград, затем в Калугу и Москву, до тех пор пока он не был демобилизован в 1944 г. по причине тяжелого ранения. В 1946–1947 гг. Владимир Иванович учился в Харьковском художественном институте. В 1951 г. он закончил Дагестанский государственный педагогический институт по специальности филология.

Серьезное стремление стать археологом у художника В.И. Марковина появилось под влиянием К.Ф. Смирнова, в экспедициях которого он начал принимать участие с 1948 г. В первой половине 1950-х годов В.И. Марковин много ездит по Дагестану, зарисовывает наскальные изображения. В 1957 г. он поступает в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР. Его научным руководителем становится Е.И. Крупнов. С этого момента В.И. Марковин – сотрудник сектора археологии каменного и бронзового веков, а затем – отдела археологии бронзового века.

В 1960 г. Владимир Иванович защитил кандидатскую диссертацию на тему “Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.)”. Но по охвату материала его работа заметно превосходила требования нормы для квалификационных трудов такого жанра. Это стало ясно после ее публикации как книги с одноименным названием как тома серии МИА (№ 93) в 1960 г. Издание этой монографии выдвинуло В.И. Марковина в число ведущих специалистов в области среднего периода бронзового века Северного Кавказа.

Сейчас происходит верификация положений его работы под влиянием огромного фонда накопившихся новых источников. Она привела многих ученых к выводу о необходимости сохранения самого понятия “северокавказская археологическая культура (или общность) среднего периода бронзового века” несмотря на существенные дополнения и уточнения.

В.И. Марковин являлся активным сотрудником Северокавказской экспедиции ИА АН СССР, в течение многих лет проводившей работы в Чечне и Ингушетии. Как руководитель одного из ее отрядов он исследовал могильники у с. Гатын-Кале и Харсеной в Чечне. В публикации результатов раскопок могильника Гатын-Кале уже в полном объеме проявился высокий профессиональный уровень ученого. Он показал, как необходимо описывать материалы погребальных комплексов и исследовать сложные многоярусные захоронения в склепах.

После работ в Чечне и Ингушетии В.И. Марковин продолжал руководить археологическими работами на Кавминводах и раскопал там два кургана со сложной кольцевой системой захоронений (1971). Помимо этого он провел разведки на востоке Ставропольского края и в прикаспийской части Дагестана.

Характерной чертой научного творчества В.И. Марковина являлась его активная публикационная деятельность. Он всегда старался издать все материалы своих поисков, раскопок и прочих научных изысканий, переосмысливающих выводы предшественников. Достаточно отметить, например, его монографию о каякентско-харачоевской культуре Дагестана и Чечни в эпоху финала бронзового и начала раннего железного века.

Начиная с 1967 г. первостепенным направлением деятельности В.И. Марковина становится “дольменная тематика”. Он много времени проводит в поле, нанося на карту и исследуя сотни дольменов северо-западного Кавказа; разрабатывает их типологию и вносит подлинно научный подход в их описания и замеры. Итог этих исследований – подготовка и защита докторской диссертации в 1977 г. и новая монография “Дольмены Западного Кавказа” (1978 г.).

В 1994 г. В.И. Марковин публикует большой раздел в многотомном труде “Археология”, посвященный исследованию памятников среднего периода бронзового века Северного Кавказа. В 1997 г. выходит в свет его новая итоговая монография – “Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья”.

Владимир Иванович отличался широтой научных интересов. Помимо эпохи бронзового века Северного Кавказа его привлекало изучение эпохи раннего железа, средневековая история и христианские древности. Еще в 1970-е годы он исследовал гробницу на р. Кяфар и Сентинский храм на р. Теберда, средневековые памятники у с. Кораурдон в Дигории, христианский храм Датуна в Дагестане, скифские курганы у с. Гойты в Чечне.

Он является автором главы об археологии Чечни в издании “Очерки истории ЧИАССР”. Им написаны обобщающие разделы в различных трудах по истории народов Северного Кавказа, в том числе в многотомной “Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до XVII века” и других.

А в 2002 г. В.И. Марковин издает очередную важную публикацию “Зандакский могильник эпохи раннего железа на р. Ямал-Су”.

В 1988 г. он вместе с Р.М. Мунчаевым опубликовал книгу на немецком языке о древней и средневековой истории и искусстве народов Северного Кавказа. В 2003 г. она выходит в

расширенном варианте на русском языке. В 2006 г. Владимир Иванович сознательно завершает свою научную деятельность монографией о наскальных рисунках Дагестана.

Как ученый В.И. Марковин отличался бойцовским характером и живо реагировал на различные, на его взгляд, негативные явления. Так, в 1990-м году им была организована дискуссия об этнической принадлежности носителей майкопской культуры. Конечно, по объективным причинам – из-за глубокой древности исследуемого явления – его природу эта дискуссия не выявила, но показала, насколько сложна методически данная тема.

Особым направлением в творчестве В.И. Марковина всегда оставалась тема популяризации научных исследований. Его перу принадлежат такие научно-популярные работы, как “В ущельях Аргуна и Фортанги”, “В стране вайнахов”, “Дорогами и тропами Дагестана”, “Каменная летопись страны Вайнахов”, “Испун – дома карликов”.

В целом научное наследие В.И. Марковина составило более 250 статей и 10 монографий. Его вклад в изучение археологии древней и средневековой истории Северного Кавказа поражает своей масштабностью.

Следует особо сказать о В.И. Марковине как о художнике. Его коллеги-археологи значительно меньше знали о его деятельности в области живописи. Дело в том, что В.И. Марковин о своих живописных работах рассказывать не любил. Он не устраивал персональных выставок. Рисовал для себя, но мольберт был его непрестанным спутником в странствиях по горам и предгорьям. Кисти В.И. Марковина принадлежат более 1000 полотен. Сейчас они находятся в запасниках музеев Волгограда, Махачкалы, в музее Востока в Москве, часть была просто подарена друзьям. Более 190 полотен погибло в музее г. Грозного. Даже в овеянном славой высокогорном дагестанском ауле Гуниб, в музее горцев, рядом с оружием времен Шамиля можно увидеть картину В.И. Марковина. Его творчество любят и ценят в Дагестане и Чечне, уважают и признают все, кто не безразличен к величественным красотам природы Северного Кавказа.

Ученик Д.А. Капоницина, В.И. Марковин принадлежал к школе, хранящей традиции мастерства великого пейзажиста А.И. Куинджи. По складу своего таланта он был реалистом, тонко чувствующим цвет и атмосферу горных пейзажей. Техника его письма была очень высока. Наряду с реалистическим изображением природы В.И. Марковина увлекал такой жанр живописи, как классический сюрреализм. Он изобразил свое видение героев романа М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”, отреагировал на кровавые события в Грозном. В.И. Марковин мастерски владел умением рисовать натюрморты. Их персонажами становились то сочные кавказские фрукты, то старинные, будто возникшие из сказок Али-Бабы, медные кувшины, творенья кубачинских мастеров.

Многогранное художественное наследие В.И. Марковина требует специального и глубокого изучения искусствоведами. Наша же задача – в полной мере оценить и исследовать тот поистине огромный вклад, который внес В.И. Марковин своим замечательным трудом в развитие отечественного кавказоведения и российской археологии.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В.И. МАРКОВИНА

Марковин В.И. Наскальные изображения в Дагестане // ИВГО. Т. 85. 1953.

Марковин В.И. Археологические памятники в районе селения Капчугай Дагестанской АССР // СА. Т. XX. 1954.

Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. 1960. № 93.

- Марковин В.И.* Первые местонахождения орудий каменного века в Чечено-Ингушетии // КСИА. 1962. Вып. 92 (в соавт. с Н.О. Бадером и В.П. Любиным).
- Марковин В.И.* Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия) // СА. 1965а. № 2.
- Марковин В.И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965б. Очерки истории ЧИ АССР. Т. 1. Грозный, 1967.
- Марковин В.И.* В стране вайнахов. М., 1969а.
- Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности (каякентско-харачоевская культура) // МИА. 1969б. № 122.
- Марковин В.И.* Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска // КСИА. 1971. Вып. 127.
- Марковин В.И.* Дорогами и тропами Дагестана. М., 1971.
- Марковин В.И.* Новые местонахождения эпохи камня в горной Чечне // АЭС. 1976. Т. IV (в соавт. с Л.В. Кольцовым).
- Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Марковин В.И.* Архитектурные памятники чеченского исторического общества Чеберлой // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
- Марковин В.И.* Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
- Марковин В.И.* К истории христианизации калмыков // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста, 1981.
- Марковин В.И.* Заметки об ингушской архитектуре // КСИА. 1982. Вып. 172.
- Марковин В.И.* Византийская ткань с золотым шитьем из Сентинского храма // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1983.
- Марковин В.И.* Испун – дома карликов. Краснодар, 1985. 112 с.
- Марковин В.И.* О христианизации Северо-Восточного Кавказа и храме Датун в Дагестане // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987.
- Марковин В.И.* Сентинский храм и его изучение // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988.
- Марковин В.И.* Дорогами и тропами Дагестана. 2-е изд. Махачкала, 1998.
- Markovin V.I., Muntschaew R.M.* Kunst und Kultur im Nordkaukasus. Leipzig, 1988.
- Марковин В.И.* Дагестан и Юго-Восточная Чечня в скифо-сарматское время // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Марковин В.И.* Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа // СА. 1990а. № 4.
- Марковин В.И.* Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре // СА. 1990б. № 4.
- Марковин В.И.* Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994а.
- Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994б.
- Марковин В.И.* Каякентско-харачоевская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994в.
- Марковин В.И.* Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // РА. 1994д. № 1.
- Марковин В.И.* О некоторых новых тенденциях в археологическом изучении древностей Северного Кавказа // РА. 1994е. № 4.
- Марковин В.И.* Каменная летопись страны вайнахов. М., 1994ж.
- Марковин В.И.* Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. Армавир, 1995.
- Марковин В.И.* Сентинский храм X в. на р. Теберде // Архитектурное наследие. № 40. М., 1996а.
- Марковин В.И.* Христианский храм Датун в Дагестане // Архитектурное наследие. № 41. М., 1996б.
- Марковин В.И.* Археология Северного Кавказа и современность // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения. Тез. докл. М., 1996г.
- Марковин В.И.* Северный Кавказ: историко-археологическое изучение и современность // РА. 1996д. № 3.
- Марковин В.И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.
- Марковин В.И.* Моя жизнь (Автобиография Марковина Владимира Ивановича) // Древности Северного Кавказа. Сб. в честь В.И. Марковина. Махачкала, 1998.
- Марковин В.И.* Зандакский могильник эпохи раннего железа на р. Яман-су (Северо-Восточный Кавказ). М., 2002.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003.
- Марковин В.И.* Наскальные изображения предгорий Дагестана. М., 2006.

Институт археологии РАН, Москва

Р.М. Мунчаев, С.Н. Кореневский